Александр Пушкин

А. С. ПУШКИН

Рисунок художника Ж. Вивьена. 1826 г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

А. С. ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДЕСЯТИ ТОМАХ

* * *

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД 1978

А. С. ПУШКИН

ТОМ ВОСЬМОЙ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ
и
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА

ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВА

ЗАПИСКИ МОРО де БРАЗЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД 1978

Печатается на основе
Полного собрания сочинений
А. С. Пушкина,
изданного Академией наук СССР

$П\frac{70301-582}{042(02)-78}$ **Подписное**

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА

ДНЕВНИКИ

1815

...большой грузинский нос, а партизан почти и вовсе был без носу. Давыдов является к Бенигсену: «Князь Багратион,— говорит,— прислал меня доложить вашему высокопревосходительству, что неприятель у нас на носу...»

— На каком носу, Денис Васильевич?— отвечает генерал.— Ежели на Вашем, так он уже близко, если же на носу князя Багратиона, то мы успеем еще отобедать...

Жуковский дарит мне свои стихотворенья.

---

28 ноября.

Шишков и г-жа Бунина увенчали недавно князя Шаховского лавровым венком; на этот случай сочинили очень остроумную пиесу под названием «Венчанье Шутовского». *(Гимн на голос:* de Béchamel).

Вчера в торжественном венчанье
Творца *затей*
Мы зрели полное собранье
Беседы всей;
И все в один кричали строй:
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, герой!
Хвала, герой!

Он злой Карамзина гонитель,
Гроза баллад;
В беседе добрый усыпитель,

Хлыстову брат.
И враг талантов записной!
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, герой!
Хвала, герой!

Всей братьи дал свои он *шубы*,
И все дрожат!
Его величие не трубы —
Свистки гласят.
Он мил и телом и душой!
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, герой!
Хвала, герой!

И вот под сенью обветшалой
Старик седой!
Пред ним вязанки прозы вялой,
Псалтырь в десной.
Кругом поэтов бледный строй:
Хвала, хвала тебе, старик седой!
О дед седой! (bis)

И вдруг раздался за дверями
И скрып и вой —
Идут сотрудники с гудками
И сам герой!
Поет он гимн венчальный свой,
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, герой!
Хвала, герой!

«Я князь, поэт, директор, воин —
Везде велик,
Венца лаврового достоин
Мой тучный лик.
Венчая, пойте всей толпой:
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, герой!
Хвала, герой!

Писал я на друзей пасквили
И на отца;
Поэмы, тощи водевили —
Им нет конца.
И *воды* я пишу водой.
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Тебе, герой,
Тебе, герой!

Еврей мой написал „Дебору“,
А я списал.
В моих твореньях много сору —
Кто ж их читал?
Доволен, право, я собой.
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, герой!
Хвала, герой!»

Потом к Макару и Ежовой
Герой бежит.
«Вот орден мой — венок лавровый,
Пусть буду бит,
Зато увенчан красотой!»
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, герой!
Хвала, герой!

---

29 ноября.

Итак я счастлив был, итак я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгом упивался...
И где веселья быстрый день?
Промчался лётом сновиденья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вкруг меня угрюмой скуки тень!..

Я счастлив был!.. нет, я вчера не был счастлив; поутру я мучился ожиданьем, с неописанным волненьем стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу — ее не видно было! Наконец я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с нею на лестнице,— сладкая минута!..

Он пел любовь, но был печален глас,
Увы! он знал любви одну лишь муку!

Жуковский.

Как она мила была! как черное платье пристало к милой Бакуниной!

Но я не видел ее 18 часов — ах! какое положенье, какая мука! — — —

Но я был счастлив 5 минут — —

10 декабря.

Вчера написал я третью главу «Фатама, или Разума человеческого: Право естественное». Читал ее С. С. и вечером с товарищами тушил свечки и лампы в зале. Прекрасное занятие для философа! — Поутру читал «Жизнь Вольтера».

Начал я комедию — не знаю, кончу ли ее. Третьего дни хотел я начать ироическую поэму «Игорь и Ольга», а написал эпиграмму на Шаховского, Шихматова и Шишкова, — вот она:

Угрюмых тройка есть певцов:
Шихматов, Шаховской, Шишков.
Уму есть тройка супостатов:
Шишков наш, Шаховской, Шихматов.
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!

Летом напишу я «Картину Царского Села».

1. Картина сада.
2. Дворец. *День в Царском Селе.*
3. Утреннее гулянье.
4. Полуденное гулянье.
5. Вечернее гулянье.
6. *Жители Царского Села.*

Вот главные предметы вседневных моих записок. Но это еще *будущее.*

Вчера не тушили свечек; зато пели куплеты на голос: «Бери себе повесу». Запишу, сколько могу упомнить:

На Георгиевского

Предположив — и дальше
На грацию намек.
Ну-с — Августин бого́слов.
Профессор Бутервек.

или:

Над печкою бого́слов,
А в печке Бутервек.

Потом Ниобы группа,
Кореджиев тьмо-свет,
Прелестна грациозность
И счастлив он, поэт.

На Кайданова

Потише, животины!
Да долго ль, говорю?
Потише — Бонгольм, Борнгольм
Еще раз повторю.

На Карцева

Какие ж вы ленивцы!
Ну, на кого напасть?
Да нуте-ка, Вольховский,
Вы ересь понесли.

А что читает Пушкин?
Подайте-ка сюды!
Ступай из класса с богом,
Назад не приходи.

А слышали ль вы новость?
Наш доктор стал ленив.

Драгуна посылает,

или: ревнив
И граф послал драгуна,

Чтоб отпереть жену.

А Камараж взбесился.
Роспини обокрал;
А Фридебург свалился,
А граф захохотал.

Наш доктор хромоглазый
В банк выиграл вчера,
А следственно, гоняет
Он лошадей с утра.

На Шумахера

Скашите мне шастицы,
Как напрымер: wenn so,
Je weniger und desto,
Die Sonne scheint also.

На Гакена

Мольшать! я сам фидала,
Мольшать! я гуфернер!
Мольшать! — ты сам софрала —
Пошалуюсь теперь.

На Владиславлева

Матвеюшка! дай соли,
Нет моченьки, мой свет,
Служил я государю
Одиннадцать уж лет.

На Левашова

Bonjour, Messieurs, — потише!
Поводьем не играй!

Уж я тебя потешу
A quand l'équitation.

На Вильгельма

Лишь для безумцев, Зульма,
Вино запрещено.
А Вильмушке, поэту, } *или:* А не даны поэту
Стихи писать грешно. } Ни гений, ни вино.

На Зябловского и Петрова

Какой столичный город,
Желательно бы знать?
— А что такое ворот,
Извольте мне сказать?

На Иконникова

Скажите: раз, два, три,
Тут скажут все скоты:
Да где ж ее взрасти?
Да на святой Руси!

На Куницына

Известен третий способ:
Через откупщиков;
В сем случае помещик
Владелец лишь земли.

---

17 декабря.

Вчера провел я вечер с Иконниковым.

Хотите ли видеть странного человека, чудака,— посмотрите на Иконникова. Поступки его — поступки сума-

спедшего; вы входите в его комнату, видите высокого, худого человека, в черном сертуке, с шеей, окутанной черным изорванным платком. Лицо бледное, волосы не острижены, не расчесаны; он стоит задумавшись, кулаком нюхает табак из коробочки, он дико смотрит на вас — вы ему близкий знакомый, вы ему родственник или друг — он вас не узнает, вы подходите, зовете его по имени, говорите свое имя — он вскрикивает, кидается на шею, целует, жмет руку, хохочет задушевным голосом, кланяется, садится, начинает речь, не доканчивает, трет себе лоб, ерошит голову, вздыхает. Перед ним карафин воды; он наливает стакан и пьет, наливает другой, третий, четвертый, спрашивает еще воды и еще пьет, говорит о своем бедном положении. Он не имеет ни денег, ни места, ни покровительства, ходит пешком из Петербурга в Царское Село, чтобы осведомиться о каком-то месте, которое обещал ему какой-то шарлатан. Он беден, горд и дерзок, рассыпается в благодареньях за ничтожную услугу или простую учтивость, неблагодарен и даже сердится за благодеянье, ему оказанное, легкомыслен до чрезвычайности, мнителен, чувствителен и честолюбив. Иконников имеет дарованья, пишет изрядно стихи и любит поэзию; вы читаете ему свою пиесу — наотрез говорит он: такое-то место глупо, без смысла, низко: зато за самые посредственные стихи кидается вам на шею и называет вас гением. Иногда он учтив до бесконечности, в другое время груб нестерпимо. Его любят — иногда, смешит он часто, а жалок почти всегда.

Мои мысли о Шаховском

Шаховской никогда не хотел учиться своему искусству и стал посредственный стихотворец. Шаховской не имеет большого вкуса, он худой писатель — что ж он такой? — Неглупый человек, который, замечая всё смешное или замысловатое в обществах, пришед домой, всё записывает и потом как ни попало вклеивает в свои комедии.

Он написал «Нового Стерна»: холодный пасквиль на Карамзина.

Он написал водевиль «Ломоносов»: представил отца русской поэзии в кабаке, и заставил его немцам говорить

русские свои стихи, и растянул на три действия две или три занимательные сцены.

Он написал «Казак-стихотворец»; в нем есть счастливые *слова,* песни замысловатые, но нет даже и тени ни завязки, ни развязки.— *Маруся* занимает, но все прочие холодны и скучны.

Не говорю о «Встрече незваных» — пустом представлении, без малейшего искусства или занимательности.

Он написал поэму «Шубы» — *и все дрожат.* Наконец он написал «Кокетку». И наконец написал он комедию, хотя исполненную ошибок во всех родах, в продолжение трех первых действий холодную и скучную и без завязки, но всё комедию.

Первые ее явления скучны. Князь Холмский, лицо не действующее, усыпительный проповедник, надутый педант — и в Липецк приезжает только для того, чтобы пошептать на ухо своей тетке в конце пятого действия.

1821

2 апреля. Вечер провел у H. G.— прелестная гречанка. Говорили об А. Ипсиланти; между пятью греками я один говорил как грек: все отчаивались в успехе предприятия *этерии.* Я твердо уверен, что Греция восторжествует, а 25 000 000 турков оставят цветущую страну Эллады законным наследникам Гомера и Фемистокла. С крайним сожалением узнал я, что Владимиреско не имеет другого достоинства, кроме храбрости необыкновенной. Храбрости достанет и у Ипсиланти.

3. Третьего дни хоронили мы здешнего митрополита: во всей церемонии более всего понравились мне жиды: они наполняли тесные улицы, взбирались на кровли и составляли там живописные группы. Равнодушие изображалось на их лицах; со всем тем ни одной улыбки, ни одного нескромного движенья! Они боятся христиан и потому во сто крат благочестивее их.

Читал сегодня послание князя Вяземского к Жуковскому. Смелость, сила, ум и резкость; но что за звуки! *Кому был Феб из русских ласков.* Неожиданная рифма *Херасков* не примиряет меня с такой какофонией. Баратынский — прелесть.

9 апреля. Утро провел с Пестелем; умный человек во всем смысле этого слова. «Mon cœur est matérialiste,— говорит он,— mais ma raison s'y refuse». Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...

Получил письмо от Чаадаева.— Друг мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мне заменила счастье, одного тебя может любить холодная душа моя.— Жалею, что не получил он моих писем: они его бы обрадовали. Мне надобно его видеть.

В «Сыне отечества» напечатали одно письмо мое к Василию Львовичу. Это меня взбесило; тотчас написал Гречу официальное письмо.

Вчера князь Дм. Ипсиланти сказал мне, что греки перешли через Дунай и разбили корпус неприятельский.

4 мая был я принят в масоны.

9 мая. Вот уже ровно год, как я оставил Петербург. Третьего дня писал я к князю Ипсиланти, с молодым французом, который отправляется в греческое войско.— Вчера был у кн. Суццо.

Баранов умер. Жаль честного гражданина, умного человека.

26 мая. Поутру был у меня Алексеев. Обедал у Инзова. После обеда приехали ко мне Пущин, Алексеев и Пестель; потом был я в здешнем остроге. N3. Тарас Кирилов. Вечер у Крупенских.

6 июня написал следующую записку:

Avis à M-r Deguilly ex-officier français.

Il ne suffit pas d'être un Jean Foutre, il faut encore l'être franchement.

A la veille d'un foutu duel au sabre on n'écrit pas sous les yeux de sa femme des jérémiades et son testament etc. etc.

Оставим этого несчастного.

---

18 juillet. 1821. Nouvelle de la mort de Napoléon. Bal chez l'archevêque Armenien. 1821.

1822

После обеда во сне видел Кюхельбекера.
1 июля день счастливый. Пушкин.

1824

8 février la nuit 1824. Joué avec Schachovskoy et Siniavin; perdu; soupé chez Comtesse Elise Woronzoff.

1824. 19/7 avril mort de Byron.

Mai 26. Voyage, vin de Hongrie.
Juillet 30 — Turco in Italia.
31 — départ.
Août 9 — arrivé à Michailovsky.

---

5 сентября 1824. Une lettre de Elise Woronzoff.

1824. Ноября 19. Михайловское.

Вышед из Лицея, я почти тотчас уехал в Псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч., но всё это нравилось мне недолго. Я любил и доныне люблю шум и толпу и согласен с Вольтером в том, что деревня est le premier...

...попросил водки. Подали водку. Налив рюмку себе, велел он и мне поднести; я не поморщился — и тем, казалось, чрезвычайно одолжил старого арапа. Через четверть часа он опять попросил водки и повторил это раз 5 или 6 до обеда. Принесли... кушанья поставили...

1826

Июль

Услышал о смерти Ризнич. 25.
Услышал о смерти Р., П., М., К., Б., 24.

---

1 сентября 1826 известие о коронации.

1827

15 октября 1827. Вчерашний день был для меня замечателен. Приехав в Боровичи в 12 часов утра, застал я проезжающего в постеле. Он метал банк гусарскому офицеру. Между тем я обедал. При расплате недостало мне 5 рублей, я поставил их на карту и, карта за картой, проиграл 1600. Я расплатился довольно сердито, взял взаймы 200 руб. и уехал, очень недоволен сам собою. На следующей станции нашел я Шиллерова «Духовидца», но едва успел прочитать я первые страницы, как вдруг подъехали четыре тройки с фельдъегерем. «Вероятно, поляки?» — сказал я хозяйке. «Да,— отвечала она,— их нынче отвозят назад». Я вышел взглянуть на них.

Один из арестантов стоял, опершись у колонны. К нему подошел высокий, бледный и худой молодой человек с черною бородою, в фризовой шинели, и с виду настоящий жид — я и принял его за жида, и неразлучные понятия жида и шпиона произвели во мне обыкновенное действие; я поворотился им спиною, подумав, что он был потребован в Петербург для доносов или объяснений. Увидев меня, он с живостию на меня взглянул. Я невольно обратился к нему. Мы пристально смотрим друг на друга — и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили. Фельдъегерь взял меня за руку с угрозами и ругательством — я его не слышал. Кюхельбекеру сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и ускакали. Я поехал в свою сторону. На следующей станции узнал я, что их везут из Шлиссельбурга,— но куда же?

Луга.

1828

25 июля. Фанни. Няня + *Elisa с Claudio.* Няня.

---

2 октября. Письмо к царю. Le cadavre—Dorliska—Вечер у кн. Dolgorouky.

---

16 октября 1828. С. П. Б. Ямская 33. Граф Толстой от государя.

1829

Владикавказ 22 мая 1829.

---

25 мая. Коби.

Душет. 27 мая.

Арзрумская баня 14 июля — чума.

---

18 июля. Арзрум — карантин. Обед у графа Паскевича — харем — сабля.

1830

9 сентября. Болдино 1830. Письмо от Natalie.

---

25 сентября. Письмо от Natalie. Кистеневские крестьяне.

19 октября. Сожжена X песнь.

1831

26-го июля. Вчера государь император отправился в военные поселения (в Новгородской губернии) для усмирения возникших там беспокойств. Несколько офицеров и лекарей убито бунтовщиками. Их депутаты пришли в Ижору с повинной головою и с распискою одного из офицеров, которого пред смертию принудили бунтовщики письменно показать, будто бы он и лекаря отравливали людей. Государь говорил с депутатами мятежников, послал их назад, приказал во всем слушаться графа Орлова, посланного в поселения при первом известии о бунте, и обещал сам к ним приехать. «Тогда я вас прощу»,— сказал он им. Кажется, всё усмирено, а если нет еще, то всё усмирится присутствием государя.

Однако же сие решительное средство, как последнее, не должно быть всуе употребляемо. Народ не должен привыкать к царскому лицу, как обыкновенному явлению. Расправа полицейская должна одна вмешиваться в волнения площади,— и царский голос не должен угрожать ни картечью, ни кнутом. Царю не должно сближаться лично с народом. Чернь перестает скоро бояться таинственной власти и начинает тщеславиться своими сношениями с государем. Скоро в своих мятежах она будет требовать появления его, как необходимого обряда. Доныне государь, обладающий даром слова, говорил один; но может найтиться в толпе голос для возражения. Таковые разговоры неприличны, а прения площадные превращаются тотчас в рев и вой голодного зверя. Россия имеет 12 000 верст в ширину; государь не может явиться везде, где может вспыхнуть мятеж.

Покамест полагали, что холера прилипчива, как чума, до тех пор карантины были зло необходимое. Но коль скоро начали замечать, что холера находится в воздухе, то карантины должны были тотчас быть уничтожены. 16 губерний вдруг не могут быть оцеплены, а карантины, не подкрепленные достаточно цепию, военною силою,— суть только средства к притеснению и причины к общему неудовольствию. Вспомним, что турки предпочитают чуму карантинам. В прошлом году карантины остановили всю промышленность, заградили путь обозам, привели в нищету подрядчиков и извозчиков, прекратили доходы крестьян и помещиков и чуть не взбунтовали 16 губерний. Злоупотребления неразлучны с карантинными постановлениями, которых не понимают ни употребляемые на то люди, ни народ. Уничтожьте карантины, народ не будет отрицать существования заразы, станет принимать предохранительные меры и прибегнет к лекарям и правительству; но покамест карантины тут, меньшее зло будет предпочтено бо́льшему и народ будет более беспокоиться о своем продовольствии, о угрожающей нищете и голоде, нежели о болезни неведомой и коей признаки так близки к отраве.

29-го. Третьего дня государыня родила великого князя Николая. Накануне она позволила фрейлине Россети выйти за Смирнова.

Государь приехал перед самыми родами императрицы. Бунт в Новгородских колониях усмирен его присутствием. Несколько генералов, полковников и почти все офицеры полков Аракчеевского и короля Прусского перерезаны. Мятежники имели списки мнимых отравителей, т. е. начальников и лекарей. Генерала они засекли на плаце; над некоторыми жертвами убийцы ругались. Посадив на стул одного майора, они подходили к нему с шутками: «Ваше высокоблагородие, что это вы так побледнели? Вы сами не свои, вы так смирны»,— и с этим словом били его по лицу. Лекарей убито 15 человек; один из них спасен больными, лежащими в лазарете. Этот лекарь находился 12 лет в колонии, был отменно любим солдатами за его усердие и добродушие. Мятежники отдавали ему справедливость, но хотели, однако ж, его зарезать, ибо и он стоял в списке жертв. Больные вытребовали его из-под караула. Мятежники хотели было ехать к Аракчееву в Грузино, чтоб убить его, а дом разграбить. 30 троек были уже готовы. Жандармский офицер, взявший над ними власть, успел уговорить их оставить это намерение. Он было спас и офицеров полка Прусского короля, уговорив мятежников содержать несчастных под арестом; но после его отъезда убийства совершились. Государь обедал в Аракчеевском полку. Солдаты встретили его с хлебом и медом. Арнт, находившийся при нем, сказал им с негодованием: «Вам бы должно вынести кутью». Государь собрал полк в манеже, приказал попу читать молитвы, приложился ко кресту и обратился к мятежникам. Он разругал их, объявил, что не может их простить, и требовал, чтоб они выдали ему зачинщиков. Полк обещался. Свидетели с восторгом и с изумлением говорят о мужестве и силе духа императора.

Восемь полков, возмутившихся в Старой Руссе, получили повеление идти в Гатчино.

Сентября 4. Суворов привез сегодня известие о взятии Варшавы. Паскевич ранен в бок. Мартынов и Ефимович убиты; Гейсмар ранен.— Наших пало 6000. Поляки защищались отчаянно. Приступ начался 24 августа. Варшава

сдалась безусловно 27. Раненый Паскевич сказал: Du moins j'ai fait mon devoir. Гвардия всё время стояла под ядрами. Суворов был два раза на переговорах и в опасности быть повешенным. Государь пожаловал его полковником в Суворовском полку. Паскевич сделан князем и светлейшим. Скржнецкий скрывается; Лелевель при Раморино; Суворов видел в Варшаве Montebello (Lannes), Высоцкого, начинщика революции, гр. А. Потоцкого и других. Взятие под стражу еще не началось. Государь тому удивился; мы также.

На днях скончался в Петербурге Фон-Фок, начальник 3-го отделения государевой канцелярии (тайной полиции), человек добрый, честный и твердый. Смерть его есть бедствие общественное. Государь сказал: J'ai perdu Fock; je ne puis que le pleures et me plaindre de n'avoir pas pu l'aimer. Вопрос: кто будет на его месте? важнее другого вопроса: что сделаем с Польшей?

Мнение Жомини о польской кампании: Главная ошибка Дибича состояла в том, что он, предвидя скорую оттепель, поспешил начать свои действия наперекор здравому смыслу, 15 дней разницы не сделали бы. Счастие во многом помогло Паскевичу: 1) Он не мог перейти со всеми силами Вислу; но на Палена Скржнецкий не напал. 2) Он должен был пойти на приступ, а из Варшавы выступило 20 000 и ушли слишком далеко. Ошибка Скржнецкого состояла в том, что он пожертвовал 8000 избранного войска понапрасну под Остроленкой. Позиция его была чрезвычайно сильная, и Паскевич опасался ее. Но Скржнецкого сменили недовольные его действиями или бездействием начальники мятежа, и Польша погибла.

«Сколько в суворовском полку осталось?» — спросил государь у Суворова.— «300 человек, ваше величество».— «Нет, 301: ты в нем полковник».

1832

10 mars 1832. Bibliothèque de Voltaire.

1833

Смоленская гора. Церковь Смоленская и дом Карамзина. *15 сентября. Волга.*

ДНЕВНИК 1833—1835 гг.

1833

24 ноября. Обедал у К. А. Карамзиной, видел Жуковского. Он здоров и помолодел. Вечером rout у Фикельмонт. Странная встреча: ко мне подошел мужчина лет 45, в усах и с проседью. Я узнал по лицу грека и принял его за одного из моих старых кишиневских приятелей. Это был Суццо, бывший молдавский господарь. Он теперь посланником в Париже; не знаю еще, зачем здесь. Он напомнил мне, что в 1821 году был я у него в Кишиневе вместе с Пестелем. Я рассказал ему, каким образом Пестель обманул его и предал этерию, представя ее императору Александру отраслию карбонаризма. Суццо не мог скрыть ни своего удивления, ни досады. Тонкость фанариота была побеждена хитростию русского офицера! Это оскорбляло его самолюбие.

Государь уехал нечаянно в Москву накануне в ночь.

27. Обед у Энгельгардта, говорили о Сухозанете, назначенном в начальники всем корпусам.— C'est apparemment pour donner une autre tournure à ces établissements,— сказал Энгельгардт.

Осуждают очень дамские мундиры — бархатные, шитые золотом, особенно в настоящее время, бедное и бедственное.

Вечер у Вяземских.

28. Раут у С. В. Салтыкова. Гр. Орлов говорит о турецком посланнике: — C'est un animal. — Il a donc un secrétaire? — Oui, un Phanariote, et c'est tout dire.

29. Три вещи осуждаются вообще — и по справедливости: 1) Выбор Сухозанета, человека запятнанного, вошедшего в люди через Яшвиля-педераста и отъявленного игрока, товарища Мартынова и Никитина. Государь видел в нем только изувеченного воина и назначил ему важнейший пост в государстве, как спокойное местечко в доме инвалидов. 2) Дамские мундиры. 3) Выдача

гвардейского офицера фон Бринкена курляндскому дворянству. Бринкен пойман в воровстве; государь не приказал его судить по законам, а отдал его на суд курляндскому дворянству. Это зачем? К чему такое своенравное различие между дворянином псковским и курляндским; между гвардейским офицером и другим чиновником? Прилично ли государю вмешиваться в обыкновенный ход судопроизводства? Или нет у нас законов на воровство? Что, если курляндцы выключат его из среды своего дворянства и отошлют его, уже как дворянина русского, к суду обыкновенному? Вот вопросы, которые повторяются везде. Конечно, со стороны государя есть что-то рыцарское, но государь не рыцарь... Или хочет он сделать опять из гвардии то, что была она прежде? Поздно!

Молодая графиня Штакельберг (урожд. Тизенгаузен) умерла в родах. Траур у Хитровой и у Фикельмонт.

Вчера играли здесь «Les enfants d'Edouard», и с большим успехом. Трагедия, говорят, будет запрещена. Экерн удивляется смелости применений... Блай их не заметил. Блай, кажется, прав.

30 ноября. Вчера бал у Бутурлина (Жомини). Любопытный разговор с Блайем: зачем у вас флот в Балтийском море? для безопасности Петербурга? но он защищен Кронштадтом. Игрушка!

— Долго ли вам распространяться? (Мы смотрели карту постепенного распространения России, составленную Бутурлиным.) Ваше место Азия; там совершите вы достойный подвиг сивилизации... etc.

Несколько офицеров под судом за неисправность в дежурстве. Великий князь их застал за ужином, кого в шлафорке, кого без шарфа... Он поражен мыслию об упадке гвардии. Но какими средствами думает он возвысить ее дух? При Екатерине караульный офицер ехал за своим взводом в возке и в лисьей шубе. В начале царствования Александра офицеры были своевольны, заносчивы, неисправны — а гвардия была в своем цветущем состоянии.

...При открытии Александровской колонны, говорят, будет 100 000 гвардии под ружьем.

Декабрь 1833.

3. Вчера государь возвратился из Москвы, он приехал в 38 часов. В Москве его не ожидали. Во дворце не было ни одной топленой комнаты. Он не мог добиться чашки чаю.

Вчера Гоголь читал мне сказку: «Как Иван Иванович поссорился с Иваном Тимофеевичем»,— очень оригинально и очень смешно.

4 вечером у Загряжской (Нат. Кир.). Разговор о Екатерине: Наталья Кирилловна была на галере вместе с Петром III во время революции. Только два раза видела она Екатерину сердитою, и оба раза на княгиню Дашкову. Екатерина звала ее в Эрмитаж. Кн. Дашкова спросила у придворных, как ходят они туда. Ей отвечали: через алтарь. Дашкова на другой день с десятилетним сыном прямо забралась в алтарь. Остановилась на минуту — поговорила с сыном о святости того места — и прошла с ним в Эрмитаж. На другой день все ожидали государыню, в том числе и Дашкова. Вдруг дверь отворилась, и государыня влетела, и прямо к Дашковой. Все заметили по краске ее лица и по живости речи, что она была сердита. Фрейлины перепугались. Дашкова извинялась во вчерашнем проступке, говоря, что она не знала, чтобы женщине был запрещен вход в алтарь.

— Как вам не стыдно,— отвечала Екатерина.— Вы русская — и не знаете своего закона; священник принужден на вас мне жаловаться... Наталья Кирилловна рассказала анекдот с большой живостию. Княгиня Кочубей заметила, что Дашкова вошла, вероятно, в алтарь в качестве президента Русской академии. Второго анекдота я не выслушал.

Шум о дамских мундирах продолжается,— к 6-му мало будет готовых. Позволено явиться в прежних русских платьях.

Храповицкий (автор записок) был некогда адъютантом у графа Кирилла Разумовского. У Елисаветы Петровны была одна побочная дочь, *Будакова*. Это знала Наталья Кирилловна от *прежних* елисаветинских фрейлин.

Государыня пишет свои записки... Дойдут ли они до потомства? Елисавета Алексеевна писала свои, они были сожжены ее фрейлиною; Мария Федоровна также,— государь сжег их по ее приказанию. Какая потеря! Елисавета хотела завещать свои записки Карамзину (слышал от Катерины Андреевны).

6 декабря. Именины государя. Мартынов комендант. 4 полных генералов. Перовский — генерал-лейтенант. Меншиков — адмирал. Дамы представлялись в русском

платье. На это некоторые смотрят как на торжество. Скобелев безрукий сказал кн. В-ой: я отдал бы последние три пальца для такого торжества! В. сначала не могла его понять.

Обедал у гр. А. Бобринского... Мятлев читал уморительные стихи. Молодые офицеры, которых великий князь застал ночью в неисправности и которые содержались под арестом, прощены.

14 декабря. Обед у Блая, вечер у Смирновых.

11-го получено мною приглашение от Бенкендорфа явиться к нему на другой день утром. Я приехал. Мне возвращен «Медный всадник» с замечаниями государя. Слово *кумир* не пропущено высочайшею ценсурою; стихи

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфироносная вдова —

вымараны. На многих местах поставлен (?), — всё это делает мне большую разницу. Я принужден был переменить условия со Смирдиным.

Кочубей и Нессельроде получили по 200 000 на прокормление своих голодных крестьян. Эти четыреста тысяч останутся в их карманах. В голодный год должно стараться о снискании работ и о уменьшении цен на хлеб; если же крестьяне узнают, что правительство или помещики намерены их кормить, то они не станут работать, и никто не в состоянии будет отвратить от них голода. Всё это очень соблазнительно. В обществе ропщут,— а у Нессельроде и Кочубей будут балы (что также есть способ льстить двору).

15. Вчера не было обыкновенного бала при дворе; императрица была нездорова. Поутру обедня и молебен.

16. Бал у Кочубея. Императрица должна была быть, но не приехала. Она простудилась. Бал был очень блистателен. Гр. Шувалова удивительно была хороша.

17. Вечер у Жуковского. Немецкий amateur ученик Тиков, читал «Фауста» — неудачно, по моему мнению.

В городе говорят о странном происшествии. В одном из домов, принадлежащих ведомству придворной конюшни, мебели вздумали двигаться и прыгать; дело пошло по начальству. Кн. В. Долгорукий нарядил следствие. Один из чиновников призвал попа, но во время молебна

стулья и столы не хотели стоять смирно. Об этом идут разные толки. N сказал, что мебель придворная и просится в Аничков.

Улицы не безопасны. Сухтельн был атакован на Дворцовой площади и ограблен. Полиция, видимо, занимается политикой, а не ворами и мостовою. Блудова обокрали прошедшею ночью.

1834

1 января. Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове. Так я же сделаюсь русским Dangeau.

Скоро по городу разнесутся толки о семейных ссорах Безобразова с молодою своей женою. Он ревнив до безумия. Дело доходило не раз до драки и даже до ножа. Он прогнал всех своих людей, не доверяя никому. Третьего дня она решилась броситься к ногам государыни, прося развода или чего-то подобного. Государь очень сердит. Безобразов под арестом. Он, кажется, сошел с ума.

Меня спрашивали, доволен ли я моим камер-юнкерством. Доволен, потому что государь имел намерение отличить меня, а не сделать смешным,— а по мне хоть в камер-пажи, только б не заставили меня учиться французским вокабулам и арифметике.

Встретил Новый год у Натальи Кирилловны Загряжской. Разговор со Сперанским о Пугачеве, о Собрании законов, о первом времени царствования Александра, о Ермолове etc.

7-го. Вигель получил звезду и очень ею доволен. Вчера был он у меня. Я люблю его разговор — он занимателен и делен, но всегда кончается толками о мужеложстве. Вигель рассказал мне любопытный анекдот. Некто Норман или Мэрман, сын кормилицы Екатерины II, умершей 96 лет, некогда рассказал Вигелю следующее.— Мать его жила в белорусской деревне, пожалованной ей государыней. Однажды сказала она своему сыну: «Запиши сегодняшнее число: я видела странный сон. Мне снилось, будто я держу на коленях маленькую мою Екатерину в белом платьице — как помню ее 60 лет тому назад». Сын исполнил ее приказание. Несколько времени спустя дошло до него известие о смерти Екатерины. Он бросился к своей записи,— на ней стояло 6-ое ноября 1796. Старая

мать его, узнав о кончине государыни, не оказала никакого знака горести, но замолчала — и уже не сказала ни слова до самой своей смерти, случившейся пять лет после.

В свете очень шумят о Безобразовых. Он еще под арестом. Жена его вчера ночью уехала к своему брату, к дивизионному генералу. Думают, что Безобразов не останется флигель-адъютантом.

Государь сказал княгине Вяземской: «J'espère que Pouchkine a pris en bonne part sa nomination. Jusqu'à présent in m'a tenu parole, et j'ai été content de lui» etc. etc. Великий князь намедни поздравил меня в театре: — Покорнейше благодарю, ваше высочество; до сих пор все надо мною смеялись, вы первый меня поздравили.

17. Бал у гр. Бобринского, один из самых блистательных. Государь мне о моем камер-юнкерстве не говорил, а я не благодарил его. Говоря о моем «Пугачеве», он сказал мне: «Жаль, что я не знал, что ты о нем пишешь; я бы тебя познакомил с его сестрицей, которая тому три недели умерла в крепости Эрлингфоской» (с 1774-го году!). Правда, она жила на свободе в предместии, но далеко от своей донской станицы, на чужой, холодной стороне. Государыня спросила у меня, куда ездил я летом. Узнав, что в Оренбург, осведомилась о Перовском с большим добродушием.

26-го января. В прошедший вторник зван я был в Аничков. Приехал в мундире. Мне сказали, что гости во фраках. Я уехал, оставя Наталью Николаевну, и, переодевшись, отправился на вечер к С. В. Салтыкову. Государь был недоволен и несколько раз принимался говорить обо мне: Il aurait pu se donner la peine d'aller mettre un frac et de revenir. Faites-lui des reproches.

В четверг бал у кн. Трубецкого, траур по каком-то князе (т. е. принце). Дамы в черном. Государь приехал неожиданно. Был на полчаса. Сказал жене: Est-ce à propos de bottes ou de boutons que votre mari n'est pas venu dernièrement? (Мундирные пуговицы. Старуха гр. Бобринская извиняла меня тем, что у меня не были они нашиты.)

Барон д'Антес и маркиз де Пина, два шуана, будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет.

Безобразов отправлен на Кавказ, жена его уже в Москве.

28 февраля. Протекший месяц был довольно шумен,— множество балов, раутов etc. Масленица. Государыня была больна и около двух недель не выезжала. Я представлялся. Государь позволил мне печатать «Пугачева»; мне возвращена моя рукопись с его замечаниями (очень дельными). В воскресение на бале, в концертной, государь долго со мною разговаривал; он говорит очень хорошо, не смешивая обоих языков, не делая обыкновенных ошибок и употребляя настоящие выражения.

Вчера обед у гр. Бобринского. Третьего дня бал у гр. Шувалова. На бале явился цареубийца Скарятин. Великий князь говорил множество каламбуров: полиции много дела (такой *распутной* масленицы я не видывал). Сегодня бал у австрийского посланника.

6 марта. Слава богу! Масленица кончилась, а с нею и балы.

Описание последнего дня масленицы *(4-го марта)* даст понятие и о прочих. Избранные званы были во дворец на бал утренний, к половине первого. Другие на вечерний, к половине девятого. Я приехал в 9. Танцевали мазурку, коей оканчивался утренний бал. Дамы съезжались, а те, которые были с утра во дворце, переменяли свой наряд. Было пропасть недовольных: те, которые званы были на вечер, завидовали утренним счастливцам. Приглашения были разосланы кое-как и по списку балов князя Кочубея; таким образом ни Кочубей, ни его семейство, ни его приближенные не были приглашены, потому что их имена в списке не стояли. Всё это кончилось тем, что жена моя выкинула. Вот до чего доплясались.

Царь дал мне взаймы 20 000 на напечатание «Пугачева». Спасибо.

В городе много говорят о связи молодой княгини Суворовой с графом Витгенштейном. Заметили на ней новые бриллианты,— рассказывали, что она приняла их в подарок от Витгенштейна (будто бы по завещанию покойной его жены), что Суворов имел за то жестокое объяснение с женою etc. etc. Всё это пустые сплетни: бриллианты принадлежали К-вой, золовке Суворовой, и были присланы из Одессы для продажи. Однако неосторожное поведение Суворовой привлекает общее внимание. Царица ее призывала к себе и побранила ее, царь еще пуще. Суворова расплакалась. Votre Majesté, je suis jeune, je suis heureuse, j'ai des succès, voilà pourquoi l'on m'envie etc.

Суворова очень глупа и очень смелая кокетка, если не хуже.

Соболевский говорит о графе Вельгорском: Il est du juste milieu, car il est toujours entre deux vins.

3 марта был я вечером у кн. Одоевского, Соболевский, любезничая с Ланской (бывшей Полетика), сказал ей велегласно: Le ciel n'est pas plus pur que le fond de mon — cul. Он ужасно смутился, свидетели (в том числе Ланская) не могли воздержаться от смеха. Княгиня Одоевская обратилась к нему, позеленев от злости. Соболевский убежал.

13 июля 1826 года в полдень государь находился в Царском Селе. Он стоял над прудом, что за Кагульским памятником, и бросал платок в воду, заставляя собаку свою выносить его на берег. В эту минуту слуга прибежал сказать ему что-то на ухо. Царь бросил и собаку и платок и побежал во дворец. Собака, выплыв на берег и не нашед его, оставила платок и побежала за ним. Фр... подняла платок в память исторического дня.

8 марта. Вчера был у Смирновой, ц. н. — анекдоты: Жуковский поймал недавно на бале у Фикельмон (куда я не явился, потому что все были в мундирах) цареубийцу Скарятина и заставил его рассказывать 11-ое марта. Они сели. В эту минуту входит государь с гр. Бенкендорфом и застает наставника своего сына, дружелюбно беседующего с убийцею его отца! Скарятин снял с себя шарф, прекративший жизнь Павла 1-го. Княжна Туркистанова, фрейлина, была в тайной связи с покойным государем и с кн. Владимиром Голицыным, который ее обрюхатил. Княжна призналась государю. Приняты были нужные меры, и она родила во дворце, так что никто и не подозревал. Императрица Мария Федоровна приходила к ней и читала ей Евангелие, в то время как она без памяти лежала в постеле. Ее перевели в другие комнаты — и она умерла. Государыня сердилась, узнав обо всем; Вл. Голицын разболтал всё по городу.

На похоронах Уварова покойный государь следовал за гробом. Аракчеев сказал громко (кажется, А. Орлову): «Один царь здесь его провожает, каково-то другой там его встретит?» (Уваров один из цареубийц 11-го марта).

Государь не любит Аракчеева. «Это изверг», говорил он в 1825 году (*après avoir travaillé avec lui et en rent-*

rant chez l'impératrice dans le plus grand désordre de toilette).

17 марта. Вчера было совещание литературное у Греча об издании русского Conversation's Lexikon. Нас было человек со сто, большею частию неизвестных мне русских великих людей. Греч сказал мне предварительно: «Плюшар в этом деле есть шарлатан, а я пальяс: пью его лекарство и хвалю его». Так и вышло. Я подсмотрел много шарлатанства и очень мало толку. Предприятие в миллион, а выгоды не вижу. Не говорю уже о чести. Охота лезть в омут, где полощутся Булгарин, Полевой и Свиньин. Гаевский подписался, но с условием. Князь Одоевский и я последовали его примеру. Вяземский не был приглашен на сие литературное сборище. Тут я встретил доброго Галича и очень ему обрадовался. Он был некогда моим профессором и ободрял меня на поприще, мною избранном. Он заставил меня написать для экзамена 1814 года мои «Воспоминания в Царском Селе». Устрялов сказывал мне, что издает процесс Никонов. Важная вещь!

Третьего дня обед у австрийского посланника. Я сделал несколько промахов: 1) приехал в 5 часов, вместо $5^{1}/_{2}$, и ждал несколько времени хозяйку; 2) приехал в сапогах, что сердило меня во всё время. Сидя втроем с посланником и его женою, разговорился я об 11-м марте. Недавно на бале у него был цареубийца Скарятин; Фикельмон не знал за ним этого греха. Он удивляется странностям нашего общества. Но покойный государь окружен был убийцами его отца. Вот причина, почему при жизни его никогда не было бы суда над молодыми заговорщиками, погибшими 14-го декабря. Он услышал бы слишком жестокие истины. NB. Государь, ныне царствующий, первый у нас имел право и возможность казнить цареубийц или помышления о цареубийстве; его предшественники принуждены были терпеть и прощать.

Много говорят о бале, который должно дать дворянство по случаю совершеннолетия государя наследника. Князь Долгорукий (обер-шталмейстер и петербургский предводитель) и граф Шувалов распоряжают этим. Долгорукий послал Нарышкину письмо, писанное по-французски, в котором просил он его участвовать в подписке. Нарышкин отвечал: «Милостивый государь, из перевода с письма вашего сиятельства усмотрел я etc.». Вероятно,

купечество даст также свой бал. Праздников будет на полмиллиона. Что скажет народ, умирающий с голода?

Из Москвы пишут, что Безобразова выкинула.

Из Италии пишут, что графиня Полье идет замуж за какого-то принца, вдовца и богача. Похоже на шутку; но здесь об этом смеются и рады верить.

20. Третьего дня был у кн. Мещерского. Из кареты моей украли подушки, но оставили медвежий ковер, вероятно за недосугом.

Некто Карцов, женатый на парижской девке в 1814 году, развелся с нею и жил розно. На днях он к ней пришел ночью и выстрелил ей в лицо из пистолета, заряженного ртутью. Он под судом, она еще жива.

2 апреля. На днях (в прошлый четверг) обедал у кн. Ник. Трубецкого с Вяземским, Норовым и с Кукольником, которого видел в первый раз. Он, кажется, очень порядочный молодой человек. Не знаю, имеет ли он талант. Я не дочел его «Тасса» и не видал его «Руки» etc. Он хороший музыкант. Вяземский сказал об его игре на фортепьяно: Il brédouille en musique comme en vers. Кукольник пишет «Ляпунова». Хомяков тоже. Ни тот, ни другой не напишут хорошей трагедии. Барон Розен имеет более таланта.

Третьего дня в Английском клобе избирали новых членов. Смирнов (камер-юнкер) был забаллотирован; иные говорят потому, что его записал Икскуль; другие — потому, что его смешали с его однофамильцем игроком. Неправда: его не хотели выбрать некоторые гвардейские офицеры, которые, подпив, тут буянили. Однако большая часть членов вступилась за Смирнова. Говорили, что после такого примера ни один порядочный человек не возьмется предложить нового члена, что шутить общим мнением не годится и что надлежит снова баллотировать. Закон говорит именно, что раз забаллотированный человек не имеет уже никогда права быть избираемым. Но были исключения: гр. Чернышев (воен. министр) и Гладков (обер-полицмейстер). Их избрали по желанию правительства, хотя по первому разу они и были отвергнуты. Смирнова баллотировали снова, и он был выбран. Это, впрочем, делает ему честь. Он не министр и не обер-полицмейстер. И знак уважения к человеку частному должен быть ему приятен.

Кн. Одоевский, доктор Гаевский, Зайцевский и я выключены из числа издателей Conversation's Lexikon. Прочие были обижены нашей оговоркою; но честный человек, говорит Одоевский, может быть однажды обманут; но в другой раз обманут только дурак. Этот лексикон будет не что иное, как «Северная пчела» и «Библиотека для чтения» в новом порядке и объеме.

В прошлое воскресение обедал я у Сперанского. Он рассказывал мне о своем изгнании в 1812 году. Он выслан был из Петербурга по Тихвинской глухой дороге. Ему дан был в провожатые полицейский чиновник, человек добрый и глупый. На одной станции не давали ему лошадей; чиновник пришел просить покровительства у своего арестанта: «Ваше превосходительство! помилуйте! заступитесь великодушно. Эти канальи лошадей нам не дают».

Сперанский у себя очень любезен. Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра: *Вы и Аракчев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как гении Зла и Блага.* Он отвечал комплиментами и советовал мне писать историю моего времени.

7 апреля. «Телеграф» запрещен. Уваров представил государю выписки, веденные несколько месяцев и обнаруживающие неблагонамеренное направление, данное Полевым его журналу. (Выписки ведены Брюновым, по совету Блудова.) Жуковский говорит: — *Я рад, что «Телеграф» запрещен, хотя жалею, что запретили.* «Телеграф» достоин был участи своей; мудрено с большей наглостию проповедовать якобинизм перед носом правительства, но Полевой был баловень полиции. Он умел уверить ее, что его либерализм пустая только маска.

Вчера rout у гр. Фикельмон. S. не была. Впрочем весь город.

Моя «Пиковая дама» в большой моде. Игроки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли сходство между старой графиней и кн. Натальей Петровной и, кажется, не сердятся...

Гоголь по моему совету начал Историю русской критики.

8 апреля. Вчера rout у кн. Одоевского. Изъяснение с S. K. Вся семья гр. Л**, гр. Кас..., идеализированная ее мать. Сейчас еду во дворец представиться царице.

2 часа. Представлялся. Ждали царицу часа три. Нас было человек 20. Брат Паскевича, Шереметев, Болхов-

ской, два Корфа, Вольховский и другие. Я по списку был последний. Царица подошла ко мне смеясь: — Non, c'est unique!.. Je me creusais la tête pour savoir quel Pouchkine me sera présenté. Il se trouve que c'est vous!.. Comment va votre femme? Sa tante est bien impatiente de la voir en bonne santé, la fille de son cœur, sa fille d'adoption... и перевернулась. Я ужасно люблю царицу, несмотря на то, что ей уже 35 лет и даже 36.

Я простился с Вольховским, который на днях едет в Грузию. Болховской сказывал мне, что Воронцову вымыли голову по письму Котляревского (героя). Он (т. е. Болховской) очень зло отзывается об одесской жизни, о гр. Воронцове, о его соблазнительной связи с О. Нарышкиной etc. etc.— Хвалит очень графиню Воронцову.

Бринкена, сказывают, финляндское дворянство повесило или повесит.

10 апреля. Вчера вечер у Уварова — живые картины. Долго сидели в темноте. S. не было — скука смертная. После картин вальс и кадриль, ужин плохой. Говоря о Свиньине, предлагающем Российской Академии свои манускрипты XVI-го века, Уваров сказал: «Надобно будет удостовериться, нет ли тут подлога. Пожалуй, Свиньин продаст за старинные рукописи тетрадки своих мальчиков».

Говорят, будто бы Полевой в крепости: какой вздор!

11-е апреля. Сейчас получаю от графа Строгонова листок «Франкфуртского журнала», где напечатана следующая статья:

S.-Pétersbourg. 27 février.

Depuis la catastrophe de la révolte de Varsovie les Coryphées de l'émigration polonaise nous ont démontré trop souvent par leurs paroles et leurs écrits que pour avancer leurs desseins et disculper leur conduite antérieure, ils ne craignent pas le mensonge et la calomnie: aussi personne ne s'étonnera des nouvelles preuves de leur impudence obstinée... (Дело идет о празднике, данном в Брисселе польскими эмигрантами, и о речах, произнесенных Лелевелем, Пулавским, Ворцелем и другими. Праздник был дан в годовщину 14-го декабря.)

après avoir faussé de la sorte l'histoire des siècles pas-

sés pour la faire parler en faveur de sa cause, M-r Lelevel maltraite de même l'histoire moderne. En ce point il est conséquent.

Il nous retrace à sa manière le développement progressif du principe révolutionnaire en Russie, il nous cite l'un des meilleurs poètes russes de nos jours afin de révéler par son exemple la tendance politique de la jeunesse russe. Nous ignorons si A. Pouchkine à une époque, où son talent éminent en fermentation ne s'était pas débarrassé encore de son écume, a composé les strophes citées par Lelevel; mais nous pouvons assurer avec conviction qu'il se repentira d'autant plus des premiers essais de sa Muse, qu'ils ont fourni à un ennemi de sa patrie l'occasion de lui supposer une conformité quelconque d'idées ou d'intentions. Quant au jugement porté par Pouchkine relativement à la rébellion polonaise il se trouve énoncé dans son poème *Aux detracteurs de la Russie* qu'il a fait paraître dans le temps.

Puisque cependant le s. Lelevel semble éprouver de l'intérêt sur le sort de ce poète *rélegué aux confins réculés de l'empire* notre humanité naturelle nous porte à l'informer de la présence de Pouchkine à Pétersbourg, en remarquant qu'on le voit souvent à la cour et qu'il y est traité par son souverain avec bonté et bienveillance...

14 апреля. Вчера концерт для бедных. Двор в концерте — 800 мест и 2000 билетов!

Ропщут на двух дам, выбранных для будущего бала в представительницы петербургского дворянства: княгиню К. Ф. Долгорукую и графиню Шувалову. Первая — наложница кн. Потемкина и любовница всех итальянских кастратов, а вторая — кокетка польская, т. е. очень неблагопристойная; надобно признаться, что мы в благопристойности общественной не очень тверды.

Слух о том, что Полевой был взят и привезен в Петербург, подтверждается. Говорят, кто-то его встретил в большом смущении здесь на улице тому с неделю.

16-го. Вчера проводил Наталью Николаевну до Ижоры. Возвратясь, нашел у себя на столе приглашение на дворянский бал и приказ явиться к графу Литте. Я догадался, что дело идет о том, что я не явился в придворную церковь ни к вечерне в субботу, ни к обедне в вербное воскресение. Так и вышло: Жуковский сказал мне, что государь был недоволен отсутствием многих камергеров и камер-юнкеров, и сказал: «Если им тяжело выпол-

нять свои обязанности, то я найду средство их избавить».

Литта, толкуя о том же с К. А. Нарышкиным, сказал с жаром: — Mais enfin il y a des règles fixés pour les chambellans et les gentilshommes de la chambre. На что Нарышкин возразил: — Pardonnez moi, ce n'est que pour les demoiselles d'honneur.

Однако ж я не поехал на головомытье, а написал изъяснение.

Говорят, будто бы на днях выйдет указ о том, что уничтожается право русским подданным пребывать в чужих краях. Жаль во всех отношениях, если слух сей оправдается.

Суворова брюхата и, кажется, не вовремя. Любопытные справляются в «Инвалиде» о времени приезда ее мужа в Петербург. Она уехала в Москву.

Середа на святой неделе. Праздник совершеннолетия совершился. Я не был свидетелем. Это было вместе торжество государственное и семейственное. Великий князь был чрезвычайно тронут. Присягу произнес он твердым и веселым голосом, но, начав молитву, принужден был остановиться и залился слезами. Государь и государыня плакали также. Наследник, прочитав молитву, кинулся обнимать отца, который расцеловал его в лоб и в очи и в щеки и потом подвел сына к императрице. Все трое обнялися в слезах. Присяга в Георгиевской зале под знаменами была повторением первой — и охолодила действие. Все были в восхищении от необыкновенного зрелища. Многие плакали, а кто не плакал, тот отирал сухие глаза, силясь выжать несколько слез. Дворец был полон народу; мне надобно было свидеться с Катериной Ивановной Загряжской — я к ней пошел по задней лестнице, надеясь никого не встретить, но и тут была давка. Придворные ропщут: их не пустили в церковь, куда говорят, всех пускали. Всегда много смешного подвернется в случаи самые торжественные. Филарет сочинял службу на случай присяги. Он выбрал для паремии главу из Книги царств, где между прочим сказано, что *царь собрал и тысящников, и сотников, и евнухов своих*. К. А. Нарышкин сказал, что это искусное применение к камергерам. А в городе стали говорить, что во время службы будут молиться за евнухов. Принуждены были слово евнух заменить другим.

Милостей множество. Кочубей сделан государственным канцлером.

Мердер умер, человек добрый и честный, незаменимый. Великий князь еще того не знает. От него таят известие, чтобы не отравить его радости. Откроют ему после бала 28-го. Также умер Аракчеев, и смерть этого самодержца не произвела никакого впечатления. Губернатор новогородский приехал в Петербург и явился к Блудову с известием о его болезни и для принятия приказаний на счет бумаг, у графа находящихся. «Это не мое дело,— отвечал Блудов,— отнеситесь к Бенкендорфу». В Грузино посланы Клейнмихель и Игнатьев.

Петербург полон вестями и толками об минувшем торжестве. Разговоры несносны. Слышишь везде одно и то же. Одна Смирнова по-прежнему мила и холодна к окружающей суете. Дай бог ей счастливо родить, а страшно за нее.

3 мая. Прошедшего апреля 28 был наконец бал, данный дворянством по случаю совершеннолетия великого князя. Он очень удался, как говорят. Не было суматохи при разъезде, ни несчастия на тесной улице от множества собравшегося народа.

Царь уехал в Царское Село.

Мердер умер в Италии. Великому князю, очень к нему привязанному, не объявляли о том до самого бала.

Вышел указ о русских подданных, пребывающих в чужих краях. Он есть явное нарушение права, данного дворянству Петром III; но так как допускаются исключения, то и будет одною из бесчисленных пустых мер, принимаемых ежедневно к досаде благомыслящих людей и ко вреду правительства.

Гуляние 1-го мая не удалось от дурной погоды,— было экипажей десять. Графиня Хребтович, однако, поплелась туда же: мало ей рассеяния. Случилось несчастие: какая-то деревянная башня, памятник затей Милорадовича в Екатерингофе, обрушилась, и несколько людей, бывших на ней, ушиблись. Кстати, вот надпись к воротам Екатерингофа:

Хвостовым некогда воспетая дыра!
Провозглашаешь ты природы русской скупость,
Самодержавие Петра
И Милорадовича глупость.

Гоголь читал у Дашкова свою комедию. Дашков звал

Вяземского на свой вечер, говоря в своей записке:

> Molière avec Tartuffe y doit jouer son rôle
> Et Lambert, qui plus est, m'a donné sa parole etc.

Вяземский отвечал:

> Как! будет граф Ламбер и с ним его супруга,
> Зовите ж и Лаваль.

Лифляндское дворянство отказалось судить Бринкена, потому что он воспитывался в корпусе в Петербурге. Вот тебе шиш, и поделом.

10 мая. Несколько дней тому получил я от Жуковского записочку из Царского Села. Он уведомлял меня, что какое-то письмо мое ходит по городу и что государь об нем ему говорил. Я вообразил, что дело идет о скверных стихах, исполненных отвратительного похабства и которые публика благосклонно и милостиво приписывала мне. Но вышло не то. Московская почта распечатала письмо, писанное мною Наталье Николаевне, и, нашед в нем отчет о присяге великого князя, писанный, видно, слогом не официальным, донесла обо всем полиции. Полиция, не разобрав смысла, представила письмо государю, который сгоряча также его не понял. К счастию, письмо показано было Жуковскому, который и объяснил его. Всё успокоилось. Государю неугодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностию. Но я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутом не буду и у царя небесного. Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться — и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина! Что ни говори, мудрено быть самодержавным.

12. Вчера был парад, который как-то не удался. Государь посадил наследника под арест на дворцовую обвахту за то, что он проскакал галопом вместо рыси.

Аракчеев во время прошедшего царствования выпросил майоратство для Грузина, предоставя себе избрать себе наследника, а в случае незапной смерти поручая то государю. Он умер, не написав духовной и не причастившись, потому что, по его мнению, должен он был дожить до 30 августа, дня открытия Александровской колонны.

Государь назначил наследником графу Аракчееву кадетский Новогородский корпус, которому и повелено называться Аракчеевским.

21. Вчера обедал у Смирновых с Полетикой, с Вельгорским и с Жуковским. Разговор коснулся Екатерины. Полетика рассказал несколько анекдотов. Некто Чертков, человек крутой и неустойчивый, был однажды во дворце. Зубов подошел к нему и обнял его, говоря: «Ах ты, мой красавец!». Чертков был очень дурен лицом. Он осердился и, обратясь к Зубову, сказал ему: «Я, сударь, своею фигурою фортуны себе не ищу». Все замолчали. Екатерина, игравшая тут же в карты, обратилась к Зубову и сказала: «Вы не можете помнить *такого-то* (Черткова по имени и отчеству), а я его помню и могу вас уверить, что он очень был недурен».

Конец ее царствования был отвратителен. Константин уверял, что он в Таврическом дворце застал однажды свою старую бабку с графом Зубовым. Все негодовали; но воцарился Павел, и негодование увеличилось. Laharpe показывал письма молодого великого князя (Александра), в которых сильно выражается это чувство. Я видел письма его же Ланжерону, в которых он говорит столь же откровенно. Одна фраза меня поразила: — Je vous écris peu et rarement car je suis sous la hache. Ланжерон был тогда недоволен и сказал мне: — Voilà comme il m'écrivait; il me traitait de son ami, me confiait tout — aussi lui étais-je dévoué. Mais à présent, ma foi, je suis prêt à détacher ma propre écharpe. В Александре было много детского. Он писал однажды Лагарпу, что, дав свободу и конституцию земле своей, он отречется от трона и удалится в Америку. Полетика сказал: — L'empereur Nicolas est plus positif, il a des idées fausses comme son frère, mais il est moins visionnaire. Кто-то сказал о государе: — Il y a beaucoup du praporchique en lui, et un peu du Pierre le Grand.

2 июня. Много говорят в городе об Медеме, назначенном министром в Лондон. Это дипломатические *суспиции*, как говорят городничихи. Англия не посылала нам посланника; мы отзываем Ливена. Блай недоволен. Он говорит: — Mais Medème c'est un tout jeune homme, c'est à dire un blanc-bec. Государь не хотел принять Каннинга (Strangford), потому что, будучи великим князем, имел с ним какую-то неприятность.

26 мая был я на пароходе и провожал Мещерских, отправляющихся в Италию.

На другой день представлялся великой княгине. Нас было человек 8, между прочим Красовский (славный цензор). Великая княгиня спросила его: — Cela doit bien vous ennuyer d'être obligé de lire tout ce qui paraît. — Oui, V. A. I., отвечал он, la littérature actuelle est si détestable que c'est un supplice. Великая княгиня скорей от него отошла. Говорила со мной о Пугачеве.

Вчера вечер у Катерины Андреевны. Она едет в Тайцы, принадлежавшие некогда Ганибалу, моему прадеду. У ней был Вяземский, Жуковский и Полетика.— Я очень люблю Полетику. Говорили много о Павле I-м, романтическом нашем императоре.

3-го июня обедали мы у Вяземского: Жуковский, Давыдов и Киселев. Много говорили об его правлении в Валахии. Он, может, самый замечательный из наших государственных людей, не исключая Ермолова, великого шарлатана.

Цари уехали в Петергоф.

Вечер у Смирновых; играл, выиграл 1200 р.

Генерал Болховской хотел писать свои записки (и даже начал их; некогда, в бытность мою в Кишиневе, он их мне читал). Киселев сказал ему: «Помилуй! да о чем ты будешь писать? что ты видел?» — Что я видел? — возразил Болховской.— Да я видел такие вещи, о которых никто и понятия не имеет. Начиная с того, что я видел голую . . . . государыни (Екатерины II-ой, в день ее смерти).

Гр. Фикельмон очень болен. Семья его в большом огорчении. Elisa им и живет.

19 числа послал 1000 Нащокину. Слава богу! слухи о смерти его сына ложны.

Тому недели две получено здесь известие о смерти кн. Кочубея. Оно произвело сильное действие; государь был неутешен. Новые министры повесили голову. Казалось, смерть такого ничтожного человека не должна была сделать никакого переворота в течении дел. Но такова бедность России в государственных людях, что и Кочубея некем заменить! Вот суждение о нем: — C'était un esprit éminemment conciliant; nul n'excellait comme lui à trancher une question difficile, à amener les opinions à s'entendre, etc... Без него Совет иногда превращался только

что не в драку, так что принуждены были посылать за ним больным, чтоб его присутствием усмирить волнение. Дело в том, что он был человек хорошо воспитанный,— и это у нас редко, и за то спасибо. О Кочубее сказано:

Под камнем сим лежит граф Виктор Кочубей.
Что в жизни доброго он сделал для людей,
Не знаю, черт меня убей.

Согласен; но эпиграмму припишут мне, и правительство опять на меня надуется.

Здесь прусский кронпринц с его женою. Ее возили по Петергофской дороге, и у ней глаза разболелись.

22 июля. Прошедший месяц был бурен. Чуть было не поссорился я со двором,— но всё перемололось. Однако это мне не пройдет.

Маршал Мезон упал на маневрах с лошади и чуть не был раздавлен Образцовым полком. Арнт объявил, что он вне опасности. Под Остерлицом он искрошил кавалергардов. Долг платежом красен.

Последний частный дом в Кремле принадлежал кн. Трубецкому. Екатерина купила его и поместила в нем сенат.

9 авг. Трощинский в конце царствования Павла был в опале. Исключенный из службы, просился он в деревню. Государь, ему назло, не велел ему выезжать из города. Трощинский остался в Петербурге, никуда не являясь, сидя дома, вставая рано, ложась рано. Однажды, в 2 часа ночи, является к его воротам фельдъегерь. Ворота заперты. Весь дом спит. Он стучится, никто нейдет. Фельдъегерь в протаявшем снегу отыскал камень и пустил его в окошко. В доме проснулись, пошли отворять ворота — и поспешно прибежали к спящему Трощинскому, объявляя ему, что государь его требует и что фельдъегерь за ним приехал. Трощинский встает, одевается, садится в сани и едет. Фельдъегерь привозит его прямо к Зимнему дворцу. Трощинский не может понять, что с ним делается. Наконец видит он, что ведут его на половину великого князя Александра. Тут только догадался он о перемене, происшедшей в государстве. У дверей кабинета встретил его Панин, обнял и поздравил с новым императором. Трощинский нашел государя в мундире, облокотившимся на стол и всего в слезах. Александр кинулся к нему на шею и сказал: «Будь моим руководите-

лем». Тут был тотчас же написан манифест и подписан государем, не имевшим силы ничем заняться.

28 ноября. Я ничего не записывал в течение трех месяцев. Я был в отсутствии — выехал из Петербурга за 5 дней до открытия Александровской колонны, чтоб не присутствовать при церемонии вместе с камер-юнкерами,— своими товарищами,— был в Москве несколько часов — видел А. Раевского, которого нашел поглупевшим от ревматизмов в голове. Может быть, это пройдет. Отправился потом в Калугу на перекладных, без человека. В Тарутине пьяные ямщики чуть меня не убили. Но я поставил на своем.— «Какие мы разбойники? — говорили мне они.— Нам дана вольность, и поставлен столп нам в честь». Графа Румянцева вообще не хвалят за его памятник и уверяют, что церковь была бы приличнее. Я довольно с этим согласен. Церковь, а при ней школа, полезнее колонны с орлом и с длинной надписью, которую безграмотный мужик наш долго еще не разберет. В Заводе прожил я 2 недели, потом привез Наталью Николаевну в Москву, а сам съездил в нижегородскую деревню, где управители меня морочили, а я перед ними шарлатанил и, кажется, неудачно. Воротился к 15 октября в Петербург, где и проживаю. «Пугачев» мой отпечатан. Я ждал всё возвращения царя из Пруссии. Вечор он приехал. Великий князь Михаил Павлович привез эту новость на бал Бутурлина. Бал был прекрасен. Воротились в 3 ч.

5 декабря. Завтра надобно будет явиться во дворец. У меня еще нет мундира. Ни за что не поеду представляться с моими товарищами камер-юнкерами, молокососами 18-тилетними. Царь рассердится,— да что мне делать? Покамест давайте злословить.

В бытность его в Москве нынешнего году много было проказ. Москва, хотя уж и не то, что прежде, но все-таки имеет еще похоти боярские, des velléités d'Aristocratie. Царь мало занимался старыми сенаторами, заступившими место екатерининских бригадиров,— они роптали, глядя, как он ухаживал за молодою княгиней Долгоруковой (за дочерью Сашки Булгакова! — говорили ворчуны с негодованием).

Царь однажды пошел за кулисы и на сцене разговаривал с московскими актрисами; это еще менее понравилось публике. В бытность его пойманы зажигатели. Князь М. Голицын взял на себя должность полицейского сыщи-

ка, одевался жидом и проч. В каком веке мы живем! — В Нижнем-Новгороде царь был очень суров и встретил дворянство очень немилостиво. Оно перетрусилось и не знало за что (ни я).

Вчера бал у Лекса. Я знал его в 821 году в Кишиневе. У него не было кровати, он спал вместе с каким-то чиновником под одним тулупом. Я первый открыл Инзову, что Лекс человек умный и деловой.

В тот же день бал у Салтыкова. N. N. сказала: — Voilà M-me Yermolof la sale (Lassale). Ермолова и Курваль (дочь ген. Моро) всех хуже одеваются.

Я все-таки не был 6-го во дворце — и рапортовался больным. За мною царь хотел прислать фельдъегеря или Арнта.

18-го дек. Третьего дня был я наконец в Аничковом. Опишу всё в подробности, в пользу будущего Вальтер Скотта.

Придворный лакей поутру явился ко мне с приглашением: быть в $8^1/_2$ в Аничковом, мне в мундирном фраке, Наталье Николаевне как обыкновенно. В 9 часов мы приехали. На лестнице встретил я старую графиню Бобринскую, которая всегда за меня лжет и вывозит меня из хлопот. Она заметила, что у меня треугольная шляпа с плюмажем (не по форме: в Аничков ездят с круглыми шляпами; но это еще не всё). Гостей было уже довольно; бал начался контрдансами. Государыня была вся в белом, с бирюзовым головным убором; государь в кавалергардском мундире. Государыня очень похорошела. Граф Бобринский, заметя мою треугольную шляпу, велел принести мне круглую. Мне дали одну, такую засаленную помадой, что перчатки у меня промокли и пожелтели.— Вообще бал мне понравился. Государь очень прост в своем обращении, совершенно по-домашнему. Тут же были молодые сыновья Кеннинга и Веллингтона. У Дуро спросили, как находит он бал.— Je m'ennuie, — отвечал он. — Pourquoi cela? — On est debout, et j'aime à être assis. Я заговорил с Ленским о Мицкевиче и потом о Польше. Он прервал разговор, сказав: — Mon cher ami, ce n'est pas ici le lieu de parler de la Pologne. Choisissons un terrain neutre, chez l'ambassadeur d'Autriche par exemple. Бал кончился в $1^1/_2$.

Утром того же дня встретил я в Дворцовом саду великого князя. «Что ты один здесь философствуешь?» — «Гуляю».— «Пойдем вместе». Разговорились о плешивых.

«Вы не в родню, в вашем семействе мужчины молоды оплешивливают».— «Государь Александр и Константин Павлович оттого рано оплешивели, что при отце моем носили пудру и зачесывали волоса; на морозе сало леденело, и волоса лезли. Нет ли новых каламбуров?» — «Есть, да нехороши, не смею представить их вашему высочеству».— «У меня их также нет; я замерз». Доведши великого князя до моста, я ему откланялся (вероятно, противу этикета).

Вчера (17) вечер у S. Разговор с Нордингом о русском дворянстве, о гербах, о семействе Екатерины I-ой etc. Гербы наши все весьма новы. Оттого в гербе князей Вяземских, Ржевских пушка. Многие из наших старых дворян не имеют гербов.

22 декабря, суббота. В середу был я у Хитровой. Имел долгий разговор с великим князем. Началось журналами: «Вообрази, какую глупость напечатали в ,,Северной пчеле", дело идет о пребывании государя в Москве. ,,Пчела" говорит: ,,Государь император, обошед соборы, возвратился во дворец и с высоты красного крыльца *низко* (низко!) поклонился народу". Этого не довольно: журналист дурак продолжает: ,,Как восхитительно было видеть великого государя, преклоняющего священную главу перед гражданами московскими!" — Не забудь, что это читают лавочники». Великий князь прав, а журналист, конечно, глуп. Потом разговорились о дворянстве. Великий князь был противу постановления о почетном гражданстве: зачем преграждать заслугам высшую цель честолюбия? Зачем составлять tiers état, сию вечную стихию мятежей и оппозиции? Я заметил, что или дворянство не нужно в государстве, или должно быть ограждено и недоступно иначе как по собственной воле государя. Если во дворянство можно будет поступать из других состояний, как из чина в чин, не по исключительной воле государя, а по порядку службы, то вскоре дворянство не будет существовать или (что всё равно) всё будет дворянством. Что касается до tiers état, что же значит наше старинное дворянство с имениями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристократии и со всеми притязаниями на власть и богатства? Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько ж их будет при первом новом возмущении? Не знаю,

а кажется много. Говоря о старом дворянстве, я сказал: — «Nous, qui sommes aussi bons gentilshommes que l'empereur et vous...» etc. Великий князь был очень любезен и откровенен. «Vous êtes bien de votre famille, — сказал я ему: tous les Romanof sont révolutionnaires et niveleurs». — «Спасибо: так ты меня жалуешь в якобинцы! благодарю, voilà une réputation que me manquait». Разговор обратился к воспитанию, любимому предмету его высочества. Я успел высказать ему многое. Дай бог, чтобы слова мои произвели хоть каплю добра!

Цензор Никитенко на обвахте под арестом, и вот по какому случаю: Деларю напечатал в «Библиотеке» Смирдина перевод оды В. Юго, в которой находится следующая глубокая мысль: Если-де я был бы богом, то я бы отдал свой рай и своих ангелов за поцелуй Милены или Хлои. Митрополит (которому досуг читать наши бредни) жаловался государю, прося защитить православие от нападений Деларю и Смирдина. Отселе буря. Крылов сказал очень хорошо:

Мой друг! когда бы был ты бог,
То глупости такой сказать бы ты не мог.

Это всё равно, заметил он мне, что я бы написал: когда б я был архиереей, то пошел бы во всем облачении плясать французский кадриль. А всё виноват Глинка (Федор). После его ухарского псалма, где он заставил бога говорить языком Дениса Давыдова, цензор подумал, что *он* пустился во всё тяжкое...

Псалом Глинки уморительно смешон.

1835

8 января. Начнем новый год злословием, на счастие...

Бриллианты и дорогие каменья были еще недавно в низкой цене. Они никому не были нужны. Выкупив бриллианты Натальи Николаевны, заложенные в московском ломбарде, я принужден был их перезаложить в частные руки, не согласившись продать их за бесценок. Нынче узнаю, что бриллианты опять возвысились. Их требуют в кабинет, и вот по какому случаю.

Недавно государь приказал князю Волконскому принести к нему из кабинета самую дорогую табакерку. Дороже не нашлось, как в 9000 руб. Князь Волконский при-

нес табакерку. Государю показалась она довольно бедна.— «Дороже нет»,— отвечал Волконский. «Если так, делать нечего,— отвечал государь: — я хотел тебе сделать подарок, возьми ее себе». Вообразите себе рожу старого скряги. С этой поры начали требовать бриллианты. Теперь в кабинете табакерки завелися уже в 60 000 р.

Великая княгиня взяла у меня Записки Екатерины II и сходит от них с ума.

6-го умерла С. М. Смирнова, милая молодая девушка.

В конце прошлого года свояченица моя ездила в моей карете поздравлять великую княгиню. Ее лакей повздорил со швейцаром. Комендант Мартынов посадил его на обвахту, и Катерина Николаевна принуждена была без шубы ждать 4 часа на подъезде. Комендантское место около полустолетия занято дураками; но такой скотины, каков Мартынов, мы еще не видали.

6-го бал придворный (приватный маскарад). Двор в мундирах времен Павла I-го; граф Панин (товарищ министра) одет дитятей. Бобринский Брызгаловым (кастеланом Михайловского замка; полуумный старик, щеголяющий в шутовском своем мундире, в сопровождении двух калек-сыновей, одетых скоморохами. *Замеч. для потомства)*. Государь полковником Измайловского полка etc. В городе шум. Находят это всё неприличным.

Февраль. С генваря очень я занят Петром. На балах был раза 3; уезжал с них рано. Придворными сплетнями мало занят. Шиш потомству.

На днях в театре граф Фикельмон, говоря, что Bertrand и Raton не были играны на петербургском театре по представлению Блума, датского посланника (и нашего старинного шпиона), присовокупил: «Je ne sais pourquoi; dans la comédie il n'est seulement pas question du Danemarck». Я прибавил: «Pas plus qu'en Europe».

Филарет сделал донос на Павского, будто бы он лютеранин.— Павский отставлен от великого князя. Митрополит и синод подтвердили мнение Филарета. Государь сказал, что в делах духовных он не судия; но ласково простился с Павским. Жаль умного, ученого и доброго священника! Павского не любят. Шишков, который набил академию попами, никак не хотел принять Павского в числе членов за то, что он, зная еврейский язык, доказал какую-то нелепость в *корнях* президента. Митрополит на место Павского предлагал попа Кочтова, плута и сплет-

ника. Государь не захотел и выбрал другого, человека, говорят, очень порядочного. Этот приезжал к митрополиту, а старый лукавец сказал: «Я вас рекомендовал государю». Qui est-ce que l'on trompe ici?

В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже — не покупают. Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении. Его клеврет Дундуков (дурак и бардаш) преследует меня своим цензурным комитетом. Он не соглашается, чтоб я печатал свои сочинения с одного согласия государя. Царь любит, да псарь не любит. Кстати об Уварове: это большой негодяй и шарлатан. Разврат его известен. Низость до того доходит, что он у детей Канкрина был на посылках. Об нем сказали, что он начал тем, что был б..., потом нянькой, и попал в президенты Академии Наук, как княгиня Дашкова в президенты Российской академии. Он крал казенные дрова и до сих пор на нем есть счеты (у него 11 000 душ), казенных слесарей употреблял в собственную работу etc. etc. Дашков (министр), который прежде был с ним приятель, встретив Жуковского под руку с Уваровым, отвел его в сторону, говоря: «Как тебе не стыдно гулять публично с таким человеком!»

Цензура не пропустила следующие стихи в сказке моей о золотом петушке:

Царствуй, лежа на боку

и

Сказка ложь, да в ней намек,
Добрым молодцам урок.

Времена Красовского возвратились. Никитенко глупее Бирукова.

ВОСПОМИНАНИЯ

ДЕРЖАВИН

Державина видел я только однажды в жизни, но никогда того не забуду. Это было в 1815 году, на публичном экзамене в Лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались. Дельвиг вышел на лестницу, чтоб дождаться его и поцеловать ему руку, руку, написавшую «Водопад». Державин приехал. Он вошел в сени, и Дельвиг услышал, как он спросил у швейцара: где, братец, здесь нужник? Этот прозаический вопрос разочаровал Дельвига, который отменил свое намерение и возвратился в залу. Дельвиг это рассказывал мне с удивительным простодушием и веселостию. Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил. Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы: портрет его (где представлен он в колпаке и халате) очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблистали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостию необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочел мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом...

Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...

КАРАМЗИН

. . . . печатью вольномыслия.

Болезнь остановила на время образ жизни, избранный мною. Я занемог гнилою горячкой. Лейтон за меня не отвечал. Семья моя была в отчаянье; но через шесть недель я выздоровел. Сия болезнь оставила во мне впечатление приятное. Друзья навещали меня довольно часто; их разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровления — одно из самых сладостных. Помню нетерпение, с которым ожидал я весны, хоть это время года обыкновенно наводит на меня тоску и даже вредит моему здоровью. Но душный воздух и закрытые окна так мне надоели во время болезни моей, что весна являлась моему воображению со всею поэтической своей прелестию. Это было в феврале 1818 года. Первые восемь томов «Русской истории» Карамзина вышли в свет. Я прочел их в моей постеле с жадностию и со вниманием. Появление сей книги (так и быть надлежало) наделало много шуму и произвело сильное впечатление, 3000 экземпляров разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин) — пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Коломбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили. Когда, по моем выздоровлении, я снова явился в свет, толки были во всей силе. Признаюсь, они были в состоянии отучить всякого от охоты к славе. Ничего не могу вообразить глупей светских суждений, которые удалось мне слышать насчет духа и слова «Истории» Карамзина. Одна дама, впрочем весьма почтенная, при мне, открыв вторую часть, прочла вслух: *«„Владимир усыновил Святополка, однако не любил его...“ Однако!..* Зачем не *но? Однако!* Как это глупо! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина? *Однако!»* — В журналах его не критиковали. Каченовский бросился на одно предисловие.

У нас никто не в состоянии исследовать огромное создание Карамзина — зато никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в ученый кабинет во время самых лестных успехов и посвятившему целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам. *Ноты* «Русской истории» свидетельствуют обширную ученость Карамзина, приобре-

тенную им уже в тех летах, когда для обыкновенных людей круг образования и познаний давно окончен и хлопоты по службе заменяют усилия к просвещению.— Молодые якобинцы негодовали; несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий, казались им верхом варварства и унижения. Они забывали, что Карамзин печатал «Историю» свою в России; что государь, освободив его от цензуры, сим знаком доверенности некоторым образом налагал на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умеренности. Он рассказывал со всею верностию историка, он везде ссылался на источники — чего же более требовать было от него? Повторяю, что «История государства Российского» есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека.

Некоторые из людей светских письменно критиковали Карамзина. Никита Муравьев, молодой человек, умный и пылкий, разобрал предисловие или введение: предисловие!.. Мих. Орлов в письме к Вяземскому пенял Карамзину, зачем в начале «Истории» не поместил он *какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян,* т. е. требовал романа в истории — ново и смело! Некоторые остряки за ужином переложили первые главы Тита Ливия слогом Карамзина. Римляне времен Тарквиния, не понимающие *спасительной пользы самодержавия*, и Брут, осуждающий на смерть своих сынов, *ибо редко основатели республик славятся нежной чувствительностию,*— конечно, были очень смешны. Мне приписали одну из лучших русских эпиграмм; это не лучшая черта моей жизни.

...Кстати, замечательная черта. Однажды начал он при мне излагать свои любимые парадоксы. Оспоривая его, я сказал: «Итак, вы рабство предпочитаете свободе». Карамзин вспыхнул и назвал меня своим клеветником. Я замолчал, уважая самый гнев прекрасной души. Разговор переменился. Скоро Карамзину стало совестно, и, прощаясь со мною, как обыкновенно, упрекал меня, как бы сам извиняясь в своей горячности: «Вы сегодня сказали на меня то, чего ни Шихматов, ни Кутузов на меня не говорили». В течение шестилетнего знакомства только в этом случае упомянул он при мне о своих неприятелях, против

которых не имел он, кажется, никакой злобы; не говорю уж о Шишкове, которого он просто полюбил. Однажды, отправляясь в Павловск и надевая свою ленту, он посмотрел на меня наискось и не мог удержаться от смеха. Я прыснул, и мы оба расхохотались...

ВООБРАЖАЕМЫЙ РАЗГОВОР С АЛЕКСАНДРОМ I

Когда б я был царь, то позвал бы Александра Пушкина и сказал ему: «Александр Сергеевич, вы прекрасно сочиняете стихи». Александр Пушкин поклонился бы мне с некоторым скромным замешательством, а я бы продолжал: «Я читал вашу оду ,,Свобода". Она вся писана немного сбивчиво, слегка обдумано, но тут есть три строфы очень хорошие. Поступив очень неблагоразумно, вы однако ж не старались очернить меня в глазах народа распространением нелепой клеветы. Вы можете иметь мнения неосновательные, но вижу, что вы уважили правду и личную честь даже в царе».— «Ах, ваше величество, зачем упоминать об этой детской оде? Лучше бы вы прочли хоть 3 и 6 песнь ,,Руслана и Людмилы", ежели не всю поэму, или I часть ,,Кавказского пленника", или ,,Бахчисарайский фонтан". ,,Онегин" печатается: буду иметь честь отправить два экз. в библиотеку вашего величества к Ив. Андр. Крылову, и если ваше величество найдете время...» — «Помилуйте, Александр Сергеевич. Наше царское правило: дела не делай, от дела не бегай. Скажите, как это вы могли ужиться с Инзовым, а не ужились с графом Воронцовым?» — «Ваше величество, генерал Инзов добрый и почтенный старик, он русский в душе; он не предпочитает первого английского шалопая всем известным и неизвестным своим соотечественникам. Он уже не волочится, ему не 18 лет от роду; страсти, если и были в нем, то уж давно погасли. Он доверяет благородству чувств, потому что сам имеет чувства благородные, не боится насмешек, потому что выше их, и никогда не подвергнется заслуженной колкости, потому что он со всеми вежлив, не опрометчив, не верит *вражеским пасквилям*. Ваше величество, вспомните, что всякое слово вольное, всякое сочинение противузаконное приписывают мне так, как всякие остроумные вымыслы князю Цицианову. От дурных стихов не отказываюсь, надеясь на добрую сла-

ву своего имени, а от хороших, признаюсь, и силы нет отказываться. Слабость непозволительная».— «Но вы же и афей? вот что уж никуда не годится».— «Ваше величество, как можно судить человека по письму, писанному товарищу, можно ли школьническую шутку взвешивать как преступление, а две пустые фразы судить как бы всенародную проповедь? Я всегда почитал и почитаю вас, как лучшего из европейских нынешних властителей (увидим однако, что будет из Карла X), но ваш последний поступок со мною — и смело ссылаюсь на собственное ваше сердце — противоречит вашим правилам и просвещенному образу мыслей...» — «Признайтесь, вы всегда надеялись на мое великодушие?» — «Это не было бы оскорбительно вашему величеству: вы видите, что я бы ошибся в моих расчетах...»

Но тут бы Пушкин разгорячился и наговорил мне много лишнего, я бы рассердился и сослал его в Сибирь, где бы он написал поэму «Ермак» или «Кочум», разными размерами с рифмами.

ХОЛЕРА

В конце 1826 года я часто видался с одним дерптским студентом (ныне он гусарский офицер и променял свои немецкие книги, свое пиво, свои молодые поединки на гнедую лошадь и на польские грязи). Он много знал, чему научаются в университетах, между тем как мы с вами выучились танцевать. Разговор его был прост и важен. Он имел обо всем затверженное понятие, в ожидании собственной поверки. Его занимали такие предметы, о которых я и не помышлял. Однажды, играя со мною в шахматы и дав конем мат моему королю и королеве, он мне сказал при том: Cholera-morbus подошла к нашим границам и через пять лет будет у нас.

О холере имел я довольно темное понятие, хотя в 1822 году старая молдаванская княгиня, набеленная и нарумяненная, умерла при мне в этой болезни. Я стал его расспрашивать. Студент объяснил мне, что холера есть поветрие, что в Индии она поразила не только людей, но и животных и самые растения, что она желтой полосою стелется вверх по течению рек, что, по мнению некоторых, она зарождается от гнилых плодов и прочее — всё, чему после мы успели наслыхаться.

Таким образом, в дальном уезде Псковской губернии молодой студент и ваш покорнейший слуга, вероятно одни во всей России, беседовали о бедствии, которое через пять лет сделалось мыслию всей Европы.

Спустя пять лет я был в Москве, и домашние обстоятельства требовали непременно моего присутствия в нижегородской деревне. Перед моим отъездом Вяземский показал мне письмо, только что им полученное: ему писали о холере, уже перелетевшей из Астраханской губернии в Саратовскую. По всему видно было, что она не минует и Нижегородской (о Москве мы еще не беспокоились). Я поехал с равнодушием, коим был обязан пребыванию моему между азиатцами. Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на известные предосторожности, а в моем воображении холера относилась к чуме как элегия к дифирамбу.

Приятели, у коих дела были в порядке (или в привычном беспорядке, что совершенно одно), упрекали меня за то и важно говорили, что легкомысленное бесчувствие не есть еще истинное мужество.

На дороге встретил я Макарьевскую ярманку, прогнанную холерой. Бедная ярманка! она бежала как пойманная воровка, разбросав половину своих товаров, не успев пересчитать свои барыши!

Воротиться казалось мне малодушием; я поехал далее, как, может быть, случалось вам ехать на поединок: с досадой и большой неохотой.

Едва успел я приехать, как узнаю, что около меня оцепляют деревни, учреждаются карантины. Народ ропщет, не понимая строгой необходимости и предпочитая зло неизвестности и загадочное непривычному своему стеснению. Мятежи вспыхивают то здесь, то там.

Я занялся моими делами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказки и не ездя по соседям. Между тем начинаю думать о возвращении и беспокоиться о карантине. Вдруг 2 октября получаю известие, что холера в Москве. Страх меня пронял — в Москве... но об этом когда-нибудь после. Я тотчас собрался в дорогу и поскакал. Проехав 20 верст, ямщик мой останавливается: застава!

Несколько мужиков с дубинами охраняли переправу через какую-то речку. Я стал расспрашивать их. Ни они, ни я хорошенько не понимали, зачем они стояли тут с дубинами и с повелением никого не пускать. Я доказывал

им, что, вероятно, где-нибудь да учрежден карантин, что я не сегодня, так завтра на него наеду и в доказательство предложил им серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многие лета.

ЗАПИСЬ В АЛЬБОМЕ УШАКОВЫХ

Наталья I
Катерина I
Катерина II
Катерина III
Аглая
Калипсо
Пульхерия
Амалия
Элиза
Евпраксея
Катерина IV
Анна
Наталья
Мария
Анна
Софья
Александра
Варвара
Вера
NN
Кн. Авдотия
Настасья
Анна
Анна
Анна
Варвара
Елизавета
Надежда
Аграфена
Любовь
Ольга
Евгения
Александра
Елена
Елена
Татьяна
Авдотья

ПЕРВАЯ ПРОГРАММА ЗАПИСОК

Семья моего отца — его воспитание — французы-учителя.— Mr. Вонт.* секретарь Mr. Martin. Отец и дядя в гвардии. Их литературные знакомства.— Бабушка и ее мать — их бедность.— Иван Абрамович.— Свадьба отца.— Смерть Екатерины.— Рождение Ольги.— Отец выходит в отставку, едет в Москву.— Рождение мое.

Первые впечатления. Юсупов сад.— Землетрясение.— Няня. Отъезд матери в деревню.— Первые неприятности.— Гувернантки. Ранняя любовь.— Рождение Льва.— Мои неприятные воспоминания.— Смерть Николая.— Монфор — Русло — Кат. П. и Ан. Ив.— Нестерпимое состояние.— Охота к чтению. Меня везут в П. Б. Езуиты. Тургенев. Лицей.

---

* Чтение предположительное.— *Ред.*

1811

Дядя Василий Львович.— Дмитриев. Дашков. Блудов. Война с Ш. Ан. Ник.— Светская жизнь.— *Лицей.* Открытие. Государь. Малиновский, Куницын, Аракчеев.— Начальники наши.— Мое положение.— Философические мысли.— Мартинизм.— Мы прогоняем Пилецкого.

1812 год

1813

Государыня в Сарском Селе. Гр. Кочубей. Смерть Малиновского — безначалие, Чачков, Фролов — 15 лет.

1814

Экзамен, Галич, Державин — стихотворство — смерть. Известие о взятии Парижа.— Смерть Малиновского. Безначалие.— Больница. Приезд матери. Приезд отца. Стихи etc.— Отношение к товарищам. Мое тщеславие.

1815

Экзамен

ВТОРАЯ ПРОГРАММА ЗАПИСОК

Кишинев.— Приезд мой из Кавказа и Крыму — Орлов — Ипсиланти — Каменка — *Фонт.*— Греческая революция — *Липранди — 12 год* — mort de sa femme — *le rénégat* — Паша арзрумский.

НАЧАЛО АВТОБИОГРАФИИ

Несколько раз принимался я за ежедневные записки и всегда отступался из лености. В 1821 году начал я свою биографию и несколько лет сряду занимался ею. В конце 1825 года, при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь сии записки. Они могли замешать многих и, может быть, умножить число жертв. Не могу не сожалеть о их потере; я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами с откровенностию

дружбы или короткого знакомства. Теперь некоторая торжественность их окружает и, вероятно, будет действовать на мой слог и образ мыслей.

Зато буду осмотрительнее в своих показаниях, и если записки будут менее живы, то более достоверны.

Избрав себя лицом, около которого постараюсь собрать другие, более достойные замечания, скажу несколько слов о моем происхождении.

Мы ведем свой род от прусского выходца *Радши* или *Рачи (мужа честна,* говорит летописец, т. е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского. От него произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы, Поводовы, Каменские, Бутурлины, Кологривовы, Шерефединовы и Товарковы. Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории. В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича Грозного, историограф именует и Пушкиных. Григорий Гаврилович Пушкин принадлежит к числу самых замечательных лиц в эпоху самозванцев. Другой Пушкин во время междуцарствия, начальствуя отдельным войском, один с Измайловым, по словам Карамзина, *сделал честно свое дело.* Четверо Пушкиных подписались под грамотою о избрании на царство Романовых, а один из них, окольничий Матвей Степанович, под соборным деянием об уничтожении местничества (что мало делает чести его характеру). При Петре I сын его, стольник Федор Матвеевич, уличен был в заговоре противу государя и казнен вместе с Цыклером и Соковниным. Прадед мой Александр Петрович был женат на меньшой дочери графа Голови́на, первого андреевского кавалера. Он умер весьма молод, в припадке сумасшествия зарезав свою жену, находившуюся в родах. Единственный сын его, Лев Алекса́ндрович, служил в артиллерии и в 1762 году, во время возмущения, остался верен Петру III. Он был посажен в крепость и выпущен через два года. С тех пор он уже в службу не вступал и жил в Москве и в своих деревнях.

Дед мой был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем его сыно-

вей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно от него натерпелась. Однажды велел он ей одеться и ехать с ним куда-то в гости. Бабушка была на сносях и чувствовала себя нездоровой, но не смела отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дед мой велел кучеру остановиться, и она в карете разрешилась — чуть ли не моим отцом. Родильницу привезли домой полумертвую и положили на постелю всю разряженную и в бриллиантах. Всё это знаю я довольно темно. Отец мой никогда не говорит о странностях деда, а старые слуги давно перемерли.

Родословная матери моей еще любопытнее. Дед ее был негр, сын владетельного князька. Русский посланник в Константинополе как-то достал его из сераля, где содержался он аманатом, и отослал его Петру Первому вместе с двумя другими арапчатами. Государь крестил маленького Ибрагима в Вильне, в 1707 году, с польской королевою, супругою Августа, и дал ему фамилию Ганибал. В крещении наименован он был Петром; но как он плакал и не хотел носить нового имени, то до самой смерти назывался Абрамом. Старший брат его приезжал в Петербург, предлагая за него выкуп. Но Петр оставил при себе своего крестника. До 1716 году Ганибал находился неотлучно при особе государя, спал в его токарне, сопровождал его во всех походах; потом послан был в Париж, где несколько времени обучался в военном училище, вступил во французскую службу, во время испанской войны был в голову ранен *в одном подземном сражении* (сказано в рукописной его биографии) и возвратился в Париж, где долгое время жил в рассеянии большого света. Петр I неоднократно призывал его к себе, но Ганибал не торопился, отговариваясь под разными предлогами. Наконец государь написал ему, что он неволить его не намерен, что предоставляет его доброй воле возвратиться в Россию или остаться во Франции, но что во всяком случае он никогда не оставит прежнего своего питомца. Тронутый Ганибал немедленно отправился в Петербург. Государь выехал к нему навстречу и благословил образом Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но которого я не мог уж отыскать. Государь пожаловал Ганибала в бомбардирскую роту Преображенского полка капитан-лейтенантом. Известно, что сам Петр был ее капитаном. Это было в 1722 году.

После смерти Петра Великого судьба его переменилась. Меншиков, опасаясь его влияния на императора Петра II, нашел способ удалить его от двора. Ганибал был переименован в майоры Тобольского гарнизона и послан в Сибирь с препоручением измерить Китайскую стену. Ганибал пробыл там несколько времени, соскучился и самовольно возвратился в Петербург, узнав о падении Меншикова и надеясь на покровительство князей Долгоруких, с которыми был он связан. Судьба Долгоруких известна. Миних спас Ганибала, отправя его тайно в ревельскую деревню, где и жил он около десяти лет в поминутном беспокойстве. До самой кончины своей он не мог без трепета слышать звон колокольчика. Когда императрица Елисавета взошла на престол, тогда Ганибал написал ей евангельские слова: «Помяни мя, егда приидеши во царствие свое». Елисавета тотчас призвала его ко двору, произвела его в бригадиры и вскоре потом в генерал-майоры и в генерал-аншефы, пожаловала ему несколько деревень в губерниях Псковской и Петербургской, в первой Зуево, Бор, Петровское и другие, во второй Кобрино, Суйду и Таицы, также деревню *Раголу*, близ Ревеля, в котором несколько времени был он обер-комендантом. При Петре III вышел он в отставку и умер философом (говорит его немецкий биограф) в 1781 году, на 93 году своей жизни. Он написал было свои записки на французском языке, но в припадке панического страха, коему был подвержен, велел их при себе сжечь вместе с другими драгоценными бумагами.

В семейственной жизни прадед мой Ганибал так же был несчастлив, как и прадед мой Пушкин. Первая жена его, красавица, родом гречанка, родила ему белую дочь. Он с нею развелся и принудил ее постричься в Тихвинском монастыре, а дочь ее Поликсену оставил при себе, дал ей тщательное воспитание, богатое приданое, но никогда не пускал ее себе на глаза. Вторая жена его, Христина-Регина фон Шеберх, вышла за него в бытность его в Ревеле обер-комендантом и родила ему множество черных детей обоего пола.

Старший сын его, Иван Абрамович, столь же достоин замечания, как и его отец. Он пошел в военную службу вопреки воле родителя, отличился и, ползая на коленах, выпросил отцовское прощение. Под Чесмою он распоряжал брандерами и был один из тех, которые спаслись

с корабля, взлетевшего на воздух. В 1770 году он взял Наварин; в 1779 выстроил Херсон. Его постановления доныне уважаются в полуденном краю России, где в 1821 году видел я стариков, живо еще хранивших его память. Он поссорился с Потемкиным. Государыня оправдала Ганибала и надела на него Александровскую ленту; но он оставил службу и с тех пор жил по большей части в Суйде, уважаемый всеми замечательными людьми славного века, между прочими Суворовым, который при нем оставлял свои проказы и которого принимал он, не завешивая зеркал и не наблюдая никаких тому подобных церемоний.

Дед мой, Осип Абрамович (настоящее имя его было Януарий, но прабабушка моя не согласилась звать его этим именем, трудным для ее немецкого произношения: *Шорн шорт,* говорила она, *делат мне шорни репят и дает им шертовск имя)* — дед мой служил во флоте и женился на Марье Алексеевне Пушкиной, дочери тамбовского воеводы, родного брата деду отца моего (который доводится внучатым братом моей матери). И сей брак был несчастлив. Ревность жены и непостоянство мужа были причиною неудовольствий и ссор, которые кончились разводом. Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения. Он женился на другой жене, представя фальшивое свидетельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя императрицы, которая с живостию вмешалась в это дело. Новый брак деда моего объявлен был незаконным, бабушке моей возвращена трехлетняя ее дочь, а дедушка послан на службу в черноморский флот. Тридцать лет они жили розно. Дед мой умер в 1807 году, в своей псковской деревне, от следствий невоздержанной жизни. Одиннадцать лет после того бабушка скончалась в той же деревне. Смерть соединила их. Они покоятся друг подле друга в Святогорском монастыре.

ЗАПИСИ В АЛЬБОМЫ

Кн. А. М. Горчакову

Вы пишете токмо для вашего удовольствия, а я, который вас искренно люблю, пишу, чтоб вам сие сказать.

А. Пушкин

Е. А. Энгельгардту

Приятно мне думать, что, увидя в книге ваших воспоминаний и мое имя между именами молодых людей, которые обязаны вам счастливейшим годом жизни их, вы скажете: «В Лицее не было неблагодарных».

Александр Пушкин

А. Ваттемару

Votre nom est Légion car vous êtes plusieurs.

A. Pouchkine

16 juin v. st.
1834
St. Pétersbourg.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

1820—1822 гг.

O . . . disait en 1820: «Révolution en Espagne, révolution en Italie, révolution en Portugal, constitution par ci, constitution par là... Messieurs les souverains, vous avez fait une sottise en détrônant Napoléon».

Le général R. disait à N. affligé d'un mal d'aventure: «Il n'y a qu'un pas du sublime au sublimé».

Р., встретив однажды человека весьма услужливого, сказал ему: «Вы простудитесь, на дворе сыро, мокро (maquereau)».

Plus ou moins j'ai été amoureux de toutes les jolies femmes que j'ai connues, toutes se sont passablement moquées de moi; toutes à l'exception d'une seule ont fait avec moi les coquettes.

ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАПИСИ

Старый генерал Щ. представлялся однажды Екатерине II. «Я до сих пор не знала вас»,— сказала императрица. «Да и я, матушка государыня, не знал вас до сих пор»,— отвечал он простодушно. «Верю,— возразила она с улыбкой.— Где и знать меня, бедную вдову!»

Шувалов, заспорив однажды с Ломоносовым, сказал ему сердито: «Мы отставим тебя от Академии».— «Нет,— возразил великий человек: — разве Академию отставите от меня».

Разумовский, Никита Панин, conspirateurs.

M-r Dachkof ambassadeur à Constantinople. Epris de Catherine. Pierre III jaloux d'Elisabeth Woronzof. (M-me Щербинина).

ЗАПИСЬ О 18 БРЮМЕРА

M-r Paëz, alors secrétaire d'ambassade à Paris, m'a confirmé le récit de Bourienne. Ayant appris quelques jours avant qu'il se preparait quelque chose de grave, il vint à St. Cloud et se rendit à la salle des Cinq-cents. Il vit Napoléon lever la main pour demander la parole, il entendit ses paroles sans suite, il vit Destrem et Briot le saisir au collet, le secouer. Bonaparte était pâle (de colère, remarque m-r Paëz). Quand il fut dehors et qu'il harangua les grenadiers il trouva ceux-ci froids et peu disposés à lui prêter mainforte. Ce fut sur l'avis de Talleyrand et de Sieyès, qui se trouvaient près, qu'un officier vint parler à l'oreille de Lucien, président. Celui-ci s'écria: vous voulez que je prononce la mise en accusation de mon frère etc. . . . il n'en était rien; au milieu du tumulte les Cinq-cents demandaient le général à la barre, pour qu'il y fit ses excuses à l'assemblée. On ne connaissait pas encore ses projets, mais on evait senti d'instinct l'illégalité de sa démarche. *10 août 1832* c'est hier que l'ambassadeur d'Espagne me donna ces détails à dîner chez le comte I. Pouchkine.

TABLE-TALK

Езуит Посвин, столь известный в нашей истории, был один из самых ревностных гонителей памяти Макиавеллевой. Он соединил в одной книге все клеветы, все нападения, которые навлек на свои сочинения бессмертный флорентинец, и тем остановил новое издание оных. Ученый Conringius, издавший «Il principe» в 1660 году, доказал, что Посвин никогда не читал Макиавелля, а толковал о нем понаслышке.

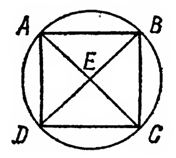
Человек по природе своей склонен более к осуждению, нежели к похвале (говорит Макиавелль, сей великий знаток природы человеческой).

Глупость осуждения не столь заметна, как глупая похвала; глупец не видит никакого достоинства в Шекспи-

ре, и это приписано разборчивости его вкуса, странности и т. п. Тот же глупец восхищается романом Дюкре-Дюмениля или «Историей» г. Полевого, и на него смотрят с презрением, хотя в первом случае глупость его выразилась яснее для человека мыслящего.

Divide et impera есть правило государственное, не только махиавеллическое (принимаю это слово в его общенародном значении).

Форма цифров арабских составлена из следующей фигуры:

$\overset{A}{\underset{D}{|}}$ (1), *ABDC* (2), *ABECD* (3), *ABD+AE* (4), etc.

Римские цифры составлены по тому же образцу.

Отелло от природы не ревнив — напротив: он доверчив. Вольтер это понял и, развивая в своем подражании создание Шекспира, вложил в уста своего Орозмана следующий стих:

Je ne suis point jaloux... Si je l'étais jamais!..

Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока; но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные и многосторонние характеры. У Мольера скупой скуп — и только; у Шекспира Шайлок скуп, сметлив, мстителен, чадолюбив, остроумен. У Мольера лицемер

волочится за женою своего благодетеля, лицемеря; принимает имение под сохранение, лицемеря; спрашивает стакан воды, лицемеря. У Шекспира лицемер произносит судебный приговор с тщеславною строгостию, но справедливо; он оправдывает свою жестокость глубокомысленным суждением государственного человека; он обольщает невинность сильными, увлекательными софизмами, не смешною смесью набожности и волокитства. Анжело лицемер — потому что его гласные действия противуречат тайным страстям! А какая глубина в этом характере!

Но нигде, может быть, многосторонний гений Шекспира не отразился с таким многообразием, как в Фальстафе, коего пороки, один с другим связанные, составляют забавную, уродливую цепь, подобную древней вакханалии. Разбирая характер Фальстафа, мы видим, что главная черта его есть сластолюбие; смолоду, вероятно, грубое, дешевое волокитство было первою для него заботою, но ему уже за пятьдесят, он растолстел, одрях; обжорство и вино приметно взяли верх над Венерою. Во-вторых, он трус, но, проведя свою жизнь с молодыми повесами, поминутно подверженный их насмешкам и проказам, он прикрывает свою трусость дерзостью уклончивой и насмешливой. Он хвастлив по привычке и по расчету. Фальстаф совсем не глуп, напротив. Он имеет и некоторые привычки человека, изредка видавшего хорошее общество. Правил нет у него никаких. Он слаб, как баба. Ему нужно крепкое испанское вино (the sack), жирный обед и деньги для своих любовниц; чтоб достать их, он готов на всё, только б не на явную опасность.

В молодости моей случай сблизил меня с человеком, в коем природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его гениальное создание.*** был второй Фальстаф: сластолюбив, трус, хвастлив, не глуп, забавен, без всяких правил, слезлив и толст. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную. Он был женат. Шекспир не успел женить своего холостяка. Фальстаф умер у своих приятельниц, не успев быть ни рогатым супругом, ни отцом семейства; сколько сцен, потерянных для кисти Шекспира!

Вот черта из домашней жизни моего почтенного друга. Четырехлетний сынок его, вылитый отец, маленький Фальстаф III, однажды в его отсутствие повторял про

себя: «Какой папенька хлаблий! как папеньку госудаль любит!» Мальчика подслушали и кликнули: «Кто тебе это сказывал, Володя?» — «Папенька»,— отвечал Володя.

Одна дама сказывала мне, что если мужчина начинает с нею говорить о предметах ничтожных, как бы приноравливаясь к слабости женского понятия, то в ее глазах он тотчас обличает свое незнание женщин. В самом деле: не смешно ли почитать женщин, которые так часто поражают нас быстротою понятия и тонкостию чувства и разума, существами низшими в сравнении с нами? Это особенно странно в России, где царствовала Екатерина II и где женщины вообще более просвещены, более читают, более следуют за европейским ходом вещей, нежели мы, гордые бог ведает почему.

Гёте имел большое влияние на Байрона. Фауст тревожил воображение Чильд-Гарольда. Два раза Байрон пытался бороться с великаном романтической поэзии — и остался хром, как Иаков.

Многие негодуют на журнальную критику за дурной ее тон, незнание приличия и тому подобное: неудовольствие их несправедливо. Ученый человек, занятый своим делом, погруженный в свои размышления, не имеет времени являться в общество и приобретать навык к суетной образованности, подобно праздному жителю большого света. Мы должны быть снисходительны к его простодушной грубости, залогу добросовестности и любви к истине. Педантизм имеет свою хорошую сторону. Он только тогда смешон и отвратителен, когда мелкомыслие и невежество выражаются его языком.

Какой-то лорд, известный ленивец, для своего сына пародировал известное изречение: «Не делай никогда сам то, что можешь заставить сделать чрез другого». N, известный эгоист, прибавил: «Не делай никогда для другого то, что можешь сделать для себя».

Славный анекдот об указе, разорванном князем Яковом Долгоруким, рассказан у Голикова ошибочно и не вполне. Долгорукий после дерзкого своего поступка уехал домой из сената. Государь, узнав обо всем, очень прогневался и приехал к нему. Князь Яков стал перед ним на колени и просил помилования. Государь, побранив его, стал с ним рассуждать о сущности разорванного указа. Долгорукий изложил ему свое мнение. «Разве не мог ты то же самое сказать,— заметил ему Петр,— не раздирая моего указа?» — «Правда твоя, государь,— отвечал Долгорукий,— но я знал, что если я его раздеру, то уже впредь таковых подписывать не станешь, жалея мою старость и усердие».— Государь с ним помирился, но, приехав к себе, приказал царице, которая к князьям Долгоруким была особенно милостива, призвать князя Якова и присоветовать ему на другой день при всем сенате просить прощения у государя. Князь Яков начисто отказался. На другой день он, как ни в чем не бывало, встретил в сенате государя и более чем когда-нибудь его оспоривал. Петр, видя, что с ним делать нечего, оставил это дело и более о том уже не упоминал.

(Слышал от кн. А. Н. Голицына.)

Однажды маленький арап, сопровождавший Петра I в его прогулке, остановился за некоторою нуждой и вдруг закричал в испуге: «Государь! Государь! из меня кишка лезет». Петр подошел к нему и увидя, в чем дело, сказал: «Врешь: это не кишка, а глиста» — и выдернул глисту своими пальцами. Анекдот довольно не чист, но рисует обычаи Петра.

Некто, отставной мичман, будучи еще ребенком, представлен был Петру I в числе дворян, присланных на службу. Государь открыл ему лоб, взглянул в лицо и сказал: «Ну! этот плох. Однако записать его во флот. До мичманов авось дослужится». Старик любил рассказывать этот анекдот и всегда прибавлял: «Таков был пророк, что и в мичманы-то попал я только при отставке!»

(Слышал от кн. А. Н. Голицына.)

Всем известны слова Петра Великого, когда представили ему двенадцатилетнего школьника, Василья Тредьяковского: *вечный труженик!* Какой взгляд! какая точность в определении! В самом деле, что был Тредьяковский, как не вечный труженик?

Петр I говаривал: «Несчастия бояться — счастья не видать».

Когда родился Иван Антонович, то императрица Анна Иоанновна послала к Эйлеру приказание составить гороскоп новорожденному. Эйлер сначала отказывался, но принужден был повиноваться. Он занялся гороскопом вместе с другим академиком, и, как добросовестные немцы, они составили его по всем правилам астрологии, хоть и не верили ей. Заключение, выведенное ими, ужаснуло обоих математиков — и они послали императрице другой гороскоп, в котором предсказывали новорожденному всякие благополучия. Эйлер сохранил, однако ж, первый и показывал его графу К. Разумовскому, когда судьба несчастного Ивана VI совершилась.

(Слышал от Н. К. Загряжской.)

Некто князь Х., возвратясь из Парижа в Москву, отличался невоздержанностию языка и при всяком случае язвительно поносил Екатерину. Императрица велела сказать ему через фельдмаршала графа Салтыкова, что за таковые дерзости в Париже сажают в Бастилью, а у нас недавно резали язык, что, не будучи от природы жестока, она для *такого бездельника*, каков Х., нрав свой переменять не намерена, однако советует ему впредь быть осторожнее.

Граф К. Разумовский был в заговоре 1762 г. Исполнение было ускорено изменою одного из сообщников. Екатерина уже бежала из Петергофа, а Разумовский еще ничего не знал. Он был дома. Вдруг слышит, к нему стучатся. «Кто там?» — «Орлов, отоприте». Алексей Орлов,

которого до тех пор гр. Разумовский не видывал, вошел и объявил, что Екатерина в Измайловском полку, но что полк, взволнованный двумя офицерами (дедом моим Л. А. Пушкиным и не помню кем еще), не хочет ей присягать. Разумовский взял пистолеты в карманы, поехал в фуре, приготовленной для посуды, явился в полк и увлек его. Дед мой посажен был в крепость, где и сидел два года.

Суворов наблюдал посты. Потемкин однажды сказал ему смеясь: «Видно, граф, хотите вы въехать в рай верхом на осетре». Эта шутка, разумеется, принята была с восторгом придворными светлейшего. Несколько дней после один из самых низких угодников Потемкина, прозванный им Сенькою-бандуристом, вздумал повторить самому Суворову: «Правда ли, ваше сиятельство, что вы хотите въехать в рай на осетре?» Суворов обратился к забавнику и сказал ему холодно: «Знайте, что Суворов иногда делает вопросы, а никогда не отвечает».

О Потемкине

Однажды Потемкин, недовольный запорожцами, сказал одному из них: «Знаете ли вы, хохлачи, что у меня в Николаеве строится такая колокольня, что как станут на ней звонить, так в Сече будет слышно?» — «То не диво,— отвечал запорожец,— у нас в Запорозцине е такие кобзары, що як заграють, то аже у Петербурси затанцують».

*

N. N., вышедший из певчих в действительные статские советники, был недоволен обхождением князя Потемкина. «Хиба вин не тямит того,— говорил он на своем наречии,— що я такий еднорал, як вин сам». Это пересказали Потемкину, который сказал ему при первой встрече: «Что ты врешь? какой ты генерал? ты генерал-бас».

*

Князь Потемкин во время очаковского похода влюблен был в графиню ***. Добившись свидания и находясь с нею

наедине в своей ставке, он вдруг дернул за звонок, и пушки кругом всего лагеря загремели. Муж графини ***, человек острый и безнравственный, узнав о причине пальбы, сказал, пожимая плечами: «Экое кири куку!»

*

Когда Потемкин вошел в силу, он вспомнил об одном из своих деревенских приятелей и написал ему следующие стишки:

Любезный друг,
Коль тебе досуг,
Приезжай ко мне;
Коли не так,
. . . .
Лежи в . . . . .

Любезный друг поспешил приехать на ласковое приглашение.

*

На Потемкина часто находила хандра. Он по целым суткам сидел один, никого к себе не пуская, в совершенном бездействии. Однажды, когда был он в таком состоянии, накопилось множество бумаг, требовавших немедленного его разрешения; но никто не смел к нему войти с докладом. Молодой чиновник по имени Петушков, подслушав толки, вызвался представить нужные бумаги князю для подписи. Ему поручили их с охотою и с нетерпением ожидали, что из этого будет. Петушков с бумагами вошел прямо в кабинет. Потемкин сидел в халате, босой, нечесаный и грызя ногти в задумчивости. Петушков смело объяснил ему, в чем дело, и положил пред ним бумаги. Потемкин молча взял перо и подписал их одну за другою. Петушков поклонился и вышел в переднюю с торжествующим лицом: «Подписал!..» Все к нему кинулись, глядят: все бумаги в самом деле подписаны. Петушкова поздравляют: «Молодец! нечего сказать». Но кто-то всматривается в подпись — и что же? на всех бумагах вместо: князь Потемкин — подписано: *Петушков, Петушков, Петушков...*

*

Надменный в сношениях своих с вельможами, Потемкин был снисходителен к низшим. Однажды ночью он проснулся и начал звонить. Никто не шел: Потемкин соскочил с постели, отворил дверь и увидел ординарца своего, спящего в креслах. Потемкин сбросил с себя туфли и босой прошел в переднюю тихонько, чтоб не разбудить молодого офицера.

*

Потемкину доложили однажды, что некто граф Морелли, житель Флоренции, превосходно играет на скрыпке. Потемкину захотелось его послушать; он приказал его выписать. Один из адъютантов отправился курьером в Италию, явился к графу М., объявил ему приказ светлейшего и предложил тот же час садиться в его тележку и скакать в Россию. Благородный виртуоз взбесился и послал к черту и Потемкина и курьера с его тележкою. Делать было нечего. Но как явиться к князю, не исполнив его приказания! Догадливый адъютант отыскал какого-то скрыпача, бедняка не без таланта, и легко уговорил его назваться графом М. и ехать в Россию. Его привезли и представили Потемкину, который остался доволен его игрою. Он принят был потом в службу под именем графа М. и дослужился до полковничьего чина.

*

Один из адъютантов Потемкина, живший в Москве и считавшийся в отпуску, получает приказ явиться; родственники засуетились, не знают, чему приписать требование светлейшего. Одни боятся незапной немилости, другие видят неожиданное счастие. Молодого человека снаряжают наскоро в путь. Он отправляется из Москвы, скачет день и ночь и приезжает в лагерь светлейшего. Об нем тотчас докладывают. Потемкин приказывает ему явиться. Адъютант с трепетом входит в его палатку и находит Потемкина в постеле, со святцами в руках. Вот их разговор: *Потемкин.* Ты, братец, мой адъютант такой-то? — *Адъютант.* Точно так, ваша светлость.— *Потемкин.* Правда ли, что ты святцы знаешь наизусть? — *Адъютант.* Точно

так.— *Потемкин* (смотря в святцы). Какого же святого празднуют 18 мая? — *Адъютант*. Мученика Феодота, ваша светлость.— *Потемкин*. Так. А 29 сентября? — *Адъютант*. Преподобного Кириака.— *Потемкин*. Точно. А 5 февраля? — *Адъютант*. Мученицы Агафии.— *Потемкин* (закрывая святцы). Ну, поезжай же себе домой.

*

Молодой Ш. как-то напроказил. Князь Б. собирался пожаловаться на него самой государыне. Родня перепугалась. Кинулись к князю Потемкину, прося его заступиться за молодого человека. Потемкин велел Ш. быть на другой день у него, и прибавил: «да сказать ему, чтоб он со мною был посмелее».— Ш. явился в назначенное время. Потемкин вышел из кабинета в обыкновенном своем наряде, не сказал никому ни слова и сел играть в карты. В это время приезжает князь Б. Потемкин принимает его как нельзя хуже и продолжает играть. Вдруг он подзывает к себе Ш. «Скажи, брат,— говорит Потемкин, показывая ему свои карты,— как мне тут сыграть?» — «Да мне какое дело, ваша светлость,— отвечает ему Ш.,— играйте, как умеете».— «Ах, мой батюшка,— возразил Потемкин,— и слова тебе нельзя сказать; уж и рассердился». Услыша такой разговор, князь Б. раздумал жаловаться.

*

Потемкин, встречаясь с Шешковским, обыкновенно говаривал ему: «Что, Степан Иванович, каково кнутобойничаешь?» На что Шешковский отвечал всегда с низким поклоном: «Помаленьку, ваша светлость!»

*

Любимый из племянников князя Потемкина был покойный Н. Н. Раевский. Потемкин для него написал несколько наставлений; Н. Н. их потерял и помнил только первые строки: *Во-первых, старайся испытать, не трус ли ты; если нет, то укрепляй врожденную смелость частым обхождением с неприятелем.*

Государыня (Екатерина II) говаривала: «Когда хочу заняться каким-нибудь новым установлением, я приказываю порыться в архивах и отыскать, не говорено ли было уже о том при Петре Великом,— и почти всегда открывается, что предполагаемое дело было уже им обдумано».

(Слышал от кн. А. Н. Голицына.)

Граф Самойлов получил Георгия на шею в чине полковника. Однажды во дворце государыня заметила его, заслоненного толпою генералов и придворных. «Граф Александр Николаевич,— сказала она ему,— ваше место здесь впереди, как и на войне».

Граф Румянцов однажды рано утром расхаживал по своему лагерю. Какой-то майор в шлафорке и в колпаке стоял перед своею палаткою и в утренней темноте не узнал приближающегося фельдмаршала, пока не увидел его перед собою лицом к лицу. Майор хотел было скрыться, но Румянцов взял его под руку и, делая ему разные вопросы, повел с собою по лагерю, который между тем проснулся. Бедный майор был в отчаянии. Фельдмаршал, разгуливая таким образом, возвратился в свою ставку, где уже вся свита ожидала его. Майор, умирая со стыда, очутился посреди генералов, одетых по всей форме. Румянцов, тем еще недовольный, имел жестокость напоить его чаем и потом уж отпустил, не сделав никакого замечания.

Когда Пугачев сидел на Меновом дворе, праздные москвичи между обедом и вечером заезжали на него поглядеть, подхватить какое-нибудь от него слово, которое спешили потом развозить по городу. Однажды сидел он задумавшись. Посетители молча окружали его, ожидая, чтоб он заговорил. Пугачев сказал: «Известно по преданиям, что Петр I во время Персидского похода, услыша, что могила Стеньки Разина находилась невдалеке, нарочно к ней поехал и велел разметать курган, дабы увидеть хоть его кости...». Всем известно, что Разин был четвертован и сожжен в Москве. Тем не менее сказка замечательна, особенно в устах Пугачева. В другой раз некто ***, сим-

бирский дворянин, бежавший от него, приехал на него посмотреть и, видя его крепко привинченного на цепи, стал осыпать его укоризнами. *** был очень дурен лицом, к тому же и без носу. Пугачев, на него посмотрев, сказал: «Правда, много перевешал я вашей братии, но такой гнусной образины, признаюсь, не видывал».

6 октября 1834 г.

Зорич был очень прост. Собираясь в чужие края, он не знал, как назвать себя, и непременно думал путешествовать под чужим именем, чтоб не обеспокоить Европу. Он был влюблен в кн. Долгорукую, которая жила в Могилеве, где муж ее начальствовал дивизией. У Зорича был домашний театр, и княгиня играла в нем в опере Annette et Lubin. Зорич, не зная, как ее угостить, вздумал велеть палить из пушек, когда Annette взойдет хозяйкой в свою хижину. Когда она бросается на колени перед своим господином, то из-за кулис велено было выдвинуть ей бархатную подушку etc.

Кречетников при возвращении своем из Польши позван был в кабинет императрицы. «Исполнил ли ты мои такие-то приказания?» — спросила императрица. «Нет, государыня»,— отвечал Кречетников. Государыня вспыхнула. «Как нет!» Кречетников стал излагать причины, не дозволившие ему исполнить высочайшие повеления. Императрица его не слушала; в порыве величайшего гнева она осыпала его укоризнами и угрозами. Кречетников ожидал своей погибели. Наконец императрица умолкла и стала ходить взад и вперед по комнате. Кречетников стоял ни жив ни мертв. Через несколько минут государыня снова обратилась к нему и сказала уже гораздо тише: «Скажите же мне, какие причины помешали вам исполнить мою волю?» Кречетников повторил свои прежние оправдания. Екатерина, чувствуя его справедливость, но не желая признаться в своей вспыльчивости, сказала ему с видом совершенно успокоенным: «Это дело другое. Зачем же ты мне тотчас этого не сказал?»

(Слышал от гр. Вельгорского.)

Когда граф д'Артуа приезжал в Петербург, то государыня приняла его самым ласковым и блистательным образом. Он ей, однако, надоедал, и она велела сказать дамам своим, чтоб они постарались его занять. Однажды посадила она графа д'Артуа в свою карету. Граф д'Аваре́, капитан гвардии принца, имея право повсюду следовать за ним, хотел было сесть также в карету, но государыня остановила его, сказав: «Cette fois-ci c'est moi qui me charge d'être le capitaine des gardes de m-r le comte d'Artois».

(Слышал от кн. К. Ф. Долгоруковой.)

Херасков очень уважал Кострова и предпочитал его талант своему собственному. Это приносит большую честь и его сердцу и его вкусу. Костров несколько времени жил у Хераскова, который не давал ему напиваться. Это наскучило Кострову. Он однажды пропал. Его бросились искать по всей Москве и не нашли. Вдруг Херасков получает от него письмо из Казани. Костров благодарил его за все его милости, «но, писал поэт, воля для меня всего дороже».

Костров был от императрицы Екатерины именован *университетским стихотворцем* и в сем звании получал 1500 рублей жалования.

Когда наступали торжественные дни, Кострова искали по всему городу для сочинения стихов и находили обыкновенно в кабаке или у дьячка, великого пьяницы, с которым был он в тесной дружбе.

Однажды в университете сделался шум. Студенты, недовольные своим столом, разбили несколько тарелок и швырнули в эконома несколькими пирогами. Начальники, разбирая это дело, в числе бунтовщиков нашли баккалавра Ермила Кострова. Все очень изумились. Костров был нраву самого кроткого, да уж и не в таких летах, чтоб бить тарелки и швырять пирогами. Его позвали в конференцию. «Помилуй, Ермил Иванович,— сказал ему ректор,— ты-то как сюда попался?..» — «Из сострадания к человечеству»,— отвечал добрый Костров.

Никто так не умел сердить Сумарокова, как Барков. Сумароков очень уважал Баркова, как ученого и острого критика, и всегда требовал его мнения касательно своих

сочинений. Барков, который обыкновенно его не баловал, пришел однажды к Сумарокову: «Сумароков великий человек, Сумароков первый русский стихотворец!» — сказал он ему. Обрадованный Сумароков велел тотчас подать ему водки, а Баркову только того и хотелось. Он напился пьян. Выходя, сказал он ему: «Александр Петрович, я тебе солгал: первый-то русский стихотворец — я, второй Ломоносов, а ты только что третий». Сумароков чуть его не зарезал.

Барков заспорил однажды с Сумароковым о том, кто из них скорее напишет оду. Сумароков заперся в своем кабинете, оставя Баркова в гостиной. Через четверть часа Сумароков выходит с готовой одою и не застает уже Баркова. Люди докладывают, что он ушел и приказал сказать Александру Петровичу, что-де его *дело в шляпе*. Сумароков догадывается, что тут какая-нибудь проказа. В самом деле, видит он на полу свою шляпу, и———

Будри, профессор французской словесности при Царскосельском лицее, был родной брат Марату. Екатерина II переменила ему фамилию по просьбе его, придав ему аристократическую частицу *de*, которую Будри тщательно сохранял. Он был родом из Будри. Он очень уважал память своего брата и однажды в классе, говоря о Робеспиере, сказал нам, как ни в чем не бывало: «C'est lui qui sous main travailla l'esprit *de* Charlotte Corday et fit de cette fille un second Ravaillac». Впрочем, Будри, несмотря на свое родство, демократические мысли, замасленный жилет и вообще наружность, напоминавшую якобинца, был на своих коротеньких ножках очень ловкий придворный.

Будри сказывал, что брат его был необыкновенно силен, несмотря на свою худощавость и малый рост. Он рассказывал также многое о его добродушии, любви к родственникам, etc. etc. В молодости его, чтоб отвадить брата от развратных женщин, Марат повел его в гошпиталь, где показал ему ужасы венерической болезни.

---

*Об арапе графа С***. У графа С** был арап, молодой и статный мужчина. Дочь его от него родила. В городе о том узнали вот по какому случаю. У графа С ** по субботам раздавали милостыню. В назначенный день нищие пришли по своему обыкновению; но швейцар прогнал их, говоря сердито: «Ступайте прочь, не до вас. У нас графинюшка родила ара́пченка, а вы лезете за милостыней».

Генерал Раевский был насмешлив и желчен. Во время турецкой войны, обедая у главнокомандующего графа Каменского, он заметил, что кондитор вздумал выставить графский вензель на крылиях мельницы из сахара, и сказал графу какую-то колкую шутку. В тот же день Раевский был выслан из главной квартиры. Он сказывал мне, что Каменский был трус и не мог хладнокровно слышать ядра; однако под какою-то крепостию он видел Каменского, вдавшегося в опасность. Один из наших генералов, не пользующийся блистательной славою, в 1812 году взял несколько пушек, брошенных неприятелем, и выманил себе за то награждение. Встретясь с генералом Раевским и боясь его шуток, он, дабы их предупредить, бросился было его обнимать; Раевский отступил и сказал ему с улыбкою: «Кажется, ваше превосходительство, принимаете меня за пушку без прикрытия».

Раевский говорил об одном бедном майоре, жившем у него в управителях, что он был заслуженный офицер, отставленный за отличия с мундиром без штанов.

Денис Давыдов явился однажды в авангард к князю Багратиону и сказал: «Главнокомандующий приказал доложить вашему сиятельству, что неприятель у нас на носу, и просит вас немедленно отступить». Багратион отвечал: «Неприятель у нас на носу? на чьем? если на вашем, так он близко; а коли на моем, так мы успеем еще отобедать».

Когда в 1815 году дело шло о восстановлении Польши, тогда граф Поццо ди Борго прислал государю свое мнение (граф противился всеми силами исполнению сей ве-

ликой ошибки). Государь, прочитав его, сказал князю Козловскому: «Le comte Pozzo a plus d'esprit que moi, je le lui accorde. Mais ce que je sais bien, c'est que j'ai plus de conscience, et vous pouvez le lui dire». Козловский не преминул. Поццо отвечал: «Celà peut être; aussi dans cette occasion, n'ai-je pas parlé comme confesseur».

Дмитриев предлагал имп. Александру Муравьева в сенаторы. Царь отказал начисто и, помолчав, объяснил на то причину. Он был в заговоре Палена. Пален заставил Муравьева писать конституцию,— а между тем произошло дело 11 марта. Муравьев хвастался в последствии времени, что он будто бы не иначе соглашался на революцию, как с тем, чтобы наследник подписал хартию. Вздор.— План был начертан Рибасом и Паниным. Первый отстал, раскаясь и будучи осыпан милостями Павла.— Падение Панина произошло от того, что он сказал, что всё произошло по его плану. Слова сии были доведены до государыни Марии Федоровны — и Панин был удален.

(Слышал от Дмитриева.)

Сатирик Милонов пришел однажды к Гнедичу пьяный, по своему обыкновению, оборванный и растрепанный. Гнедич принялся увещевать его. Растроганный Милонов заплакал и, указывая на небо, сказал: «Там, там найду я награду за все мои страдания...» «Братец,— возразил ему Гнедич,— посмотри на себя в зеркало: пустят ли тебя туда?»

У Крылова над диваном, где он обыкновенно сиживал, висела большая картина в тяжелой раме. Кто-то ему дал заметить, что гвоздь, на который она была повешена, не прочен и что картина когда-нибудь может сорваться и убить его. «Нет,— отвечал Крылов,— угол рамы должен будет в таком случае непременно описать косвенную линию и миновать мою голову».

Государь долго не производил Болдырева в генералы за картежную игру. Однажды, в какой-то праздник, во дворце, проходя мимо его в церковь, он сказал: «Болдырев, поздравляю тебя». Болдырев обрадовался, все бывшие тут думали, как и он, и поздравили его. Государь, вышед из церкви и проходя опять мимо Болдырева, сказал ему: «Поздравляю тебя: ты, говорят, вчерась выиграл».— Болдырев был в отчаянии.

Дельвиг звал однажды Рылеева к девкам. «Я женат»,— отвечал Рылеев. «Так что же,— сказал Дельвиг,— разве ты не можешь отобедать в ресторации потому только, что у тебя дома есть кухня?»

Дельвиг не любил поэзии мистической. Он говаривал: «Чем ближе к небу, тем холоднее».

Дельвиг однажды вызвал на дуэль Булгарина. Булгарин отказался, сказав: «Скажите барону Дельвигу, что я на своем веку видел более крови, нежели он чернил».

Я встретился с Надеждиным у Погодина. Он показался мне весьма простонародным, vulgar, скучен, заносчив и безо всякого приличия. Например, он поднял платок, мною уроненный. Критики его были очень глупо написаны, но с живостию, а иногда и с красноречием. В них не было мыслей, но было движение; шутки были плоски.

Графа Кочубея похоронили в Невском монастыре. Графиня выпросила у государя позволение огородить решеткою часть пола, под которой он лежит. Старушка Новосильцова сказала: «Посмотрим, каково-то будет ему в день второго пришествия. Он еще будет карабкаться через свою решетку, а другие давно уж будут на небесах».

О Дурове

Дуров — брат той Дуровой, которая в 1807 году вошла в военную службу, заслужила георгиевский крест и теперь издает свои записки. Брат в своем роде не уступает в странности сестре. Я познакомился с ним на Кавказе в 1829 г., возвращаясь из Арзрума. Он лечился от какой-то удивительной болезни, вроде каталепсии, и играл с утра до ночи в карты. Наконец он проигрался, и я довез его до Москвы в моей коляске. Дуров помешан был на одном пункте: ему непременно хотелось иметь сто тысяч рублей. Всевозможные способы достать их были им придуманы и передуманы. Иногда ночью в дороге он будил меня вопросом: «Александр Сергеевич! Александр Сергеевич! как бы, думаете вы, достать мне сто тысяч?» Однажды сказал я ему, что на его месте, если уж сто тысяч были необходимы для моего спокойствия и благополучия, то я бы их украл. «Я об этом думал»,— отвечал мне Дуров. «Ну что ж?» — «Мудрено; не у всякого в кармане можно найти сто тысяч, а зарезать или обокрасть человека за безделицу не хочу: у меня есть совесть».— «Ну, так украдьте полковую казну».— «Я об этом думал».— «Что же?» — «Это можно бы сделать летом, когда полк в лагере, а фура с казною стоит у палатки полкового командира. Можно накинуть на дышло длинную веревку и припречь издали лошадь, а там на ней и ускакать; часовой, увидя, что фура скачет без лошадей, вероятно, испугается и не будет знать, что делать; в двух или трех верстах можно будет разбить фуру, а с казною бежать. Но тут много также неудобства. Не знаете ли вы иного способа?» — «Просите денег у государя». — «Я об этом думал». — «Что же?» — «Я даже и просил».— «Как! безо всякого права?» — «Я с того и начал: ваше величество! я никакого права не имею просить у вас то, что составило бы счастие моей жизни; но, ваше величество, на милость образца нет, и так далее». — «Что же вам отвечали?» — «Ничего». — «Это удивительно. Вы бы обратились к Ротшильду». — «Я об этом думал». — «Что ж, за чем дело стало?» — «Да видите ли: один способ выманить у Ротшильда сто тысяч было бы так странно и так забавно написать ему просьбу, чтоб ему было весело, потом рассказать анекдот, который стоил бы ста тысяч. Но сколько трудностей!..» Словом, нельзя было придумать несообразности и нелепости, о которой бы

Дуров уже не подумал. Последний прожект его был выманить эти деньги у англичан, подстрекнув их народное честолюбие и в надежде на их любовь к странностям. Он хотел обратиться к ним с следующим speech: «Гг. англичане! я бился об заклад об 10 000 рублей, что вы не откажетесь мне дать взаймы 100 000. Гг. англичане! избавьте меня от проигрыша, на который навязался я в надежде на ваше всему свету известное великодушие». Дуров просил меня похлопотать об этом в Петербурге через английского посланника, а свой прожект высказал мне не иначе как взяв с меня честное слово не воспользоваться им. Он готов был всегда биться об заклад, и о чем бы то ни было. Говорили ли о женщине,— «хотите со мной биться об заклад,— прерывал Дуров,— что через три дня я буду ее иметь?» Стреляли ли в цель из пистолета,— Дуров предлагал стать в 25 шагах и бился о 1000 р., что вы в него не попадете. Страсть его к женщинам была также очень замечательна. Бывши городничим в Елабуге, влюбился он в одну рыжую бабу, осужденную к кнуту, в ту самую минуту, как она была уже привязана к столбу, а он по должности своей присутствовал при ее казни. Он шепнул палачу, чтоб он ее поберег и не трогал ее прелестей, белых и жирных, что и было исполнено; после чего Дуров жил несколько дней с прекрасной каторжницей. Недавно получил я от него письмо; он пишет мне: «История моя коротка: я женился, а денег все нет». Я отвечал ему: «Жалею, что изо 100 000 способов достать 100 000 рублей ни один еще, видно, вам не удался».

8 октября 1835

Голландская королева, женщина с умом замечательным и резким, сказала принцу Орлеанскому на бале: «J'avais des projets hostiles pour vous». — «Et quoi donc, Madame?» — «Je voulais paraître inondée de fleurs de Lys». — «Madame, — отвечал принц, — croyez que j'aurais donné tout mon sang pour avoir le droit de porter cet emblème».

1836, июнь

Французские принцы имели большой успех при всех дворах, куда они явились. Были однако ж с их стороны некоторые промахи: они сыпали деньги и дорогие подарки; в Берлине старый принц Витгенштейн сказал Брессону, который хвастался их расточительностью: «Mais mon cher m-r Bresson, ce n'est pas convenable du tout; vos princes sont de la maison de Bourbon et non pas de la maison Rotschild».

(Слышал от гр. Вельгорского.)

Июнь 1836

РАЗГОВОРЫ Н. К. ЗАГРЯЖСКОЙ

12 августа 1835.— Вы слыхали про Ветошкина? Это удивительно, что никто его не знает. Надобно вам сказать, что Торжок был в то время деревушка; государыня сделала из него порядочный городок. Жители торговали (не знаю, как это сказать: ils faisaient le commerce des grains) крупами, что ли — и привозили на барках, не помню куда. Вот этот Ветошкин был приказчиком на этих барках. Он был раскольник. Однажды он является к митрополиту и просит его объяснить ему догматы православия. Митрополит отвечал ему, что для того нужно быть ученым, знать по-гречески, по-еврейски и бог ведает, что еще. Ветошкин уходит от него и через два года является опять. Вообразите, что в это время успел он выучиться всему этому. Он отрекся от своего раскола и принял истинную веру. В городе только что про него и говорили. Я жила тогда на Мойке, дверь об дверь с графом А. С. Строгановым. Ром жил у них в учителях, — тот самый, что подписал потом определение... Он очень был умный человек, c'était une forte tête, un grand raisonneur, il vous eût rendu claire l'Apocalypse. — Он у меня был каждый день с своим питомцем. Я ему рассказываю про Ветошкина. — Madame, c'est impossible. — Mon cher m-r Romme, je vous répète ce que tout le monde me dit. Au reste si vous êtes curieux de savoir ce qu'il en est vous pouvez voir Ветошкин chez le prince Potemkine, il y vient tous les jours. — Madame, je n'y manquerai pas. Ром отправился к Потемкину и увиделся с Ветошкиным. Он приходит ко мне. Eh bien m-r? — Madame, je n'en reviens pas: c'est que véritablement c'est un savant. Мне очень хотелось встретить Ветошкина. Ив. Ив. Шувалов доставил мне

случай увидеть его в своем доме. Я застала там двух молодых раскольников, с которыми Ветошкин имел une controverse (прение). Ветошкин был щедушный мужчина лет 35. Прение их очень меня занимало. После того за ужином я сидела против Ветошкина. Я спросила его, каким образом добился он учености. «Сначала было трудно, отвечал он, а потом всё легче да легче. Книги доставляли мне добрые люди, граф Никита Иванович да князь Григорий Александрович». — «Вам, думаю, скучно в Торжке?» — «Нет, сударыня, я живу с моими родителями и целый день занят книгами». Потемкин, страстный ко всему необыкновенному, наконец так полюбил Ветошкина, что не мог с ним расстаться. Он взял его с собою в Молдавию, где Ветошкин занемог тамошней лихорадкою и умер почти в одно время с князем. — Очень странный человек этот Ветошкин.

12 августа.— Это было перед самым Петровым днем; мы ехали в Знаменское, — матушка, сестра Елисавета Кириловна, я — в одной карете, батюшка с Василием Ивановичем — в другой. На дороге останавливает нас курьер из кабинета, подходит к каретам и объявляет, что государь приказал звать нас в Петергоф. Батюшка велел было ехать, а Василий Иванович сказал ему: «Полно, не слушайся; знаю, что такое. Государь сказал, что он когда-нибудь пошлет за дамами, чтоб они явились во дворец, как их застанут, хоть в одних рубашках. И охота ему проказить накануне праздника!» Но курьер попросил батюшку выйти на минуту. Они поговорили — и батюшка велел тотчас ехать в Петергоф. Подъезжаем ко дворцу; нас не пускают, часовой сунул к нам в окошко пистолет или что-то эдакое. Я испугалась и начала плакать и кричать. Отец мне сказал: «Полно, перестань; что за глупость», и потом, оборотясь к часовому: «Мы приехали по приказанию государя».— «Извольте же идти в караульню» — батюшка пошел, а нас отправил к ***, который жил в домиках. Нас приняли. Часа через два приходят от батюшки просить нас в Monplaisir. Мы поехали; матушка в спальнем платье, как была. Приезжаем в Monplaisir: видим множество дам, разряженных, en robe de cour. А государь с шляпою набекрень и ужасно сердитый. Увидя государя, я испугалась, села на пол и закричала: «Ни за что не пойду на галеру». Насилу меня уговорили. Миних был с нами. Мы приехали в Кронштадт. Государь

первый вышел на берег; все дамы за ним. Матушка с нами осталась на галере (мы не принадлежали той партии). Графиня Анна Карловна Воронцова обещала прислать за нами шлюпку. Вместо шлюпки через несколько минут видим государя и всю его компанию, бегут назад — все опять на галеру — кричат, что сейчас станут нас бомбардировать. Государь ушел à fond de cale с графиней Лизаветой Романовной; а Миних, как ни в чем не бывало, разговаривает с дамами leur faisant la cour. Мы приехали в Ораниенбаум. Государь вошел в крепость (?), а мы во дворец; на другой день зовут нас к обедне. Мы знали уже всё. Государь был очень жалок. На ектенье его еще поминали. Мы с ним простились. Он дал матушке траурную свою карету с короною. Мы поехали в ней. В Петербурге народ принял нас за императрицу и кричал нам *ура*. На другой день государыня привезла матушке ленту.

---

12 августа.— Потемкин очень меня любил; не знаю, чего бы он для меня не сделал. У Машеньки была une maîtresse de clavecin. Раз она мне говорит: Madame, je ne puis rester à Pétersbourg. — Pourquoi ça? — Pendant l'hiver je puis donner des leçons, mais en été tout le monde est à la campagne et je ne suis pas en état de payer un équipage ou bien de rester oisive. — Mademoiselle, vous ne partirez pas; il faut arranger cela de manière ou d'autre. Приезжает ко мне Потемкин. Я говорю ему: «Как ты хочешь, Потемкин, а мамзель мою пристрой куда-нибудь». — «Ах, моя голубушка, сердечно рад, да что для нее сделать, право не знаю». Что же? через несколько дней приписали мою мамзель к какому-то полку и дали ей жалования. Нынче этого сделать уж нельзя.

Orloff était mal élevé et avait un très mauvais ton. Однажды у государыни сказал он при нас: по одежке дери ножки. Je trouvai cette expression bien triviale et bien inconvenante. C'était un homme d'esprit et depuis je crois qu'il s'est formé. Il avait l'air d'un brigand avec sa balafre.

Потемкин, сидя у меня, сказал мне однажды: «Наталья Кириловна, хочешь ты зéмли?» — «Какие земли?» —

«У меня там есть, в Крыму». — «Зачем мне брать у тебя земли, к какой стати?» — «Разумеется, государыня подарит, а я только ей скажу». — «Сделай одолжение». — Я поговорила об этом с Тамарой, который мне сказал: «Спросите у князя планы, а я вам выберу земли». Так и сделалось. Проходит год; мне приносят 80 рублей. «Откуда, батюшки?» — «С ваших новых земель, — там ходят стада, и за это вот вам деньги». — «Спасибо, батюшки». Проходит еще год, другой. Тамара говорит мне: «Что ж вы не думаете о заселении ваших земель; десять лет пройдут, так худо будет; вы заплотите большой штраф». — «Да что же мне делать?» — «Напишите вашему батюшке письмо, он не откажет вам дать крестьян на заселение». Я так и сделала; батюшка пожаловал мне 300 душ. Я их поселила; на другой год они все разбежались, не знаю отчего. В то время Кочубей сватался за Машу. Я ему и сказала: «Кочубей, возьми, пожалуйста, мои крымские земли, мне с ними только что хлопоты». Что же? Эти земли давали после Кочубею 50 000 доходу. Я очень была рада.

Потемкин приехал со мною проститься. Я сказала ему: «Ты не поверишь, как я о тебе грущу».— «А что такое?» — «Не знаю, куда мне будет тебя девать».— «Как так?» — «Ты моложе государыни, ты ее переживешь; что тогда из тебя будет? Я знаю тебя, как свои руки: ты никогда не согласишься быть вторым человеком». Потемкин задумался и сказал: «Не беспокойся; я умру прежде государыни; я умру скоро». И предчувствие его сбылось. Уж я больше его не видала.

Orloff était régicide dans l'âme, c'était comme une mauvaise habitude. Я встретилась с ним в Дрездене, в загородном саду. Он сел подле меня на лавочке. Мы разговорились о Павле I. «Что за урод? Как это его терпят?» — «Ах, батюшка, да что же ты прикажешь делать? ведь не задушить же его?» — «А почему ж нет, матушка?» — «Как! и ты согласился бы, чтобы дочь твоя Анна Алексеевна вмешалась в это дело?» — «Не только согласился бы, а был бы очень тому рад». Вот каков был человек!

Я была очень смешлива; государь, который часто езжал к матушке, бывало, нарочно меня смешил разными гримасами; он не похож был на государя.

Государь (Петр III) однажды объявил, что будет в нашем доме церемония в сенях. У него был арап Нарцисс; этот арап Нарцисс подрался на улице с палачом, и государь хотел снять с него бесчестие (il voulait le réhabiliter). Привели арапа к нам в сени, принесли знамена и прикрыли его ими. Тем и дело кончилось.

БОГОРОДИЦЫНЫ ДОЧКИ

Царевича Алексея Петровича положено было отравить ядом. Денщик Петра Первого Ведель заказал оный аптекарю Беру. В назначенный день он прибежал за ним, но аптекарь, узнав, для чего требуется яд, разбил склянку об пол. Денщик взял на себя убиение царевича и вонзил ему тесак в сердце. (Всё это мало правдоподобно). Как бы то ни было, употребленный в сем деле денщик был отправлен в дальную деревню, в Смоленскую губернию. Там женился он на бедной дворянке из роду, кажется, Энгельгардовых. Семейство сие долго томилось в бедности и неизвестности. В последствии времени Ведель умер, оставя вдову и трех дочерей. Об них напомнили императрице Елисавете. Она не знала, под каким предлогом вытребовать ко двору молодых Ведель. Князь Одоевский выдумал сказку о богородице, будто бы явившейся к умирающей матери и приказавшей ей надеяться на ее милость. Девицы призваны были ко двору и приняты на ноге фрейлин. Они вышли замуж уже при Екатерине: одна за Панина, другая за Чернышева (Анна Родионовна, умершая в прошлом 1830 году), третья не помню за кем.

При Елисавете было всего три фрейлины. При восшествии Екатерины сделали новых шесть — вот по какому случаю. Она, не зная, как благодарить шестерых заговорщиков, возведших ее на престол, заказала шесть вензелей, с тем, чтоб повесить их на шею шестерых избранных. Но Никита Панин отсоветовал ей сие, говоря: «Это будет вывеска». Императрица отменила свое намерение и отдала вензеля фрейлинам.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

NOTE SUR LA RÉVOLUTION D'IPSYLANTI

Le hospodar Ipsylanti trahit la cause de l'Ethérie et fut cause de la mort de Riga etc.

Son fils Alexandre fut éthériste, probablement du choix de Capo-d'Istria et de l'aveu de l'empereur; ses frères, Кантакузин, Кантогони, Сафианос, Mano. — Michel Souzzo fut reçu éthériste en 1820; Alexandre Souzzo, hospodar de Valachie, apprit le secret de l'Ethérie par son secrétaire (Viletto) qui se laissa pénétrer ou gagner en devenant son gendre. Alexandre Ipsylanti en janvier 1821 envoya un certain Aristide en *Servie* avec un traité d'alliance offensive et défensive entre cette province et lui, général des armées de la Grèce. Aristide fut saisi par Alexandre Souzzo, ses papiers et sa tête furent envoyés à Constantinople — cela fit que les plans furent changés tout de suite. — Michel Souzzo écrivit à Kichéneff. — On empoisonna Alexandre Souzzo et Ipsylanti passa à la tête de quelques arnautes et proclama la révolution.

Les capitans sont des indépendants, corsaires, brigands ou employés turcs revêtus d'un certain pouvoir. Tels furent Lampro etc. et en dernier lieu *Formaki*, Iordaki-Olimbiotti, Калакотрони, Кантогони, Anastasas etc. — Iordaki-Olimbiotti fut dans l'armée d'Ipsylanti. Ils se retirèrent ensemble vers les frontières de la Hongrie. — Alexandre Ipsylanti menacé d'assassinat s'enfuit d'après son avis et fulmina sa proclamation. Iordaki à la tête de 800 hommes combattit 5 fois l'armée turque, s'enferma enfin dans le monastère (de Sekou), trahi par les juifs, entouré de turcs il mit le feu à sa poudre et sauta.

Formaki, capitan, éthériste, fut envoyé de la Morée à Ipsylanti, se battit en brave et se rendit à cette dernière affaire. Décapité à Constantinople.

NOTE SUR PENDA-DÉKA

Penda-Déka fut élevé à Moscou — en 1817 il servit de truchement à un évêque grec réfugié, et fut remarqué de l'empereur et de Capo-d'Istria. Lors du massacre de Galatz il s'y trouva. Deux cents grecs assassinèrent 150 turcs; 60 de ces derniers furent brûlés dans une maison où ils s'etaient réfugiés. Penda-Déka vint quelques jours après à Ibraïl comme espion. Il se présenta chez le Pacha et fuma avec lui comme sujet russe. Il rejoignit Ipsylanti à Tergovitch: celui-ci l'envoya calmer les troubles de Yassy. Il y trouva les Grecs vexés par les boyards; sa présence d'esprit et sa fermeté les sauvèrent. Il prit de munitions pour 1.500 h. tandis qu'il n'en avait que 300. Pendant 2 mois il fut prince de Moldavie. Кантакузин arriva et prit le commandement; on se retira vers Stinka. Kantakuzin envoya Penda-Déka reconnaître les ennemis; l'avis de Penda-Déka fut de se fortifier à Barda (I-re station vers Yassy). Kantakuzin se retira à Skoulian et demanda que Penda-Déka fit son entrée dans la quarantaine. Penda-Déka accepta.

Penda-Déka nomma son second Papas-Ouglou arnaute.

Il n'y a pas de doute que le prince Ipsylanti eut pu prendre *Ibraïl et Jourja*. Les turcs fuyaient do toute part croyant voir les Russes à leur trousses. A Boucharest — les députés bulgares (entre autres Capigibachi) proposèrent à Ipsylanti d'insurger tout leur pays — il n'osa!

Le massacre de Galatz fut ordonné par A. Ipsylanti — en cas que les Turcs ne voulûssent pas rendre les armes.

ЗАМЕТКИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ XVIII ВЕКА

По смерти Петра I движение, переданное сильным человеком, все еще продолжалось в огромных составах государства преобразованного. Связи древнего порядка вещей были прерваны навеки; воспоминания старины мало-помалу исчезали. Народ, упорным постоянством удержав бороду и русский кафтан, доволен был своей победою и смотрел уже равнодушно на немецкий образ жизни обритых своих бояр. Новое поколение, воспитанное под влиянием европейским, час от часу более привыкало к выгодам просвещения. Гражданские и военные чиновники более и более умножались; иностранцы, в то вре-

мя столь нужные, пользовались прежними правами; схоластический педантизм по-прежнему приносил свою неприметную пользу. Отечественные таланты стали изредка появляться и щедро были награждаемы. Ничтожные наследники северного исполина, изумленные блеском его величия, с суеверной точностию подражали ему во всем, что только не требовало нового вдохновения. Таким образом, действия правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тем как азиатское невежество обитало при дворе. *

Петр I не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество, может быть, более чем Наполеон. **

Аристократия после его неоднократно замышляла ограничить самодержавие; к счастию, хитрость государей торжествовала над честолюбием вельмож, и образ правления остался неприкосновенным. Это спасло нас от чудовищного феодализма, и существование народа не отделилось вечною чертою от существования дворян. Если бы гордые замыслы Долгоруких и проч. совершились, то владельцы душ, сильные своими правами, всеми силами затруднили б или даже вовсе уничтожили способы освобождения людей крепостного состояния, ограничили б число дворян и заградили б для прочих сословий путь к достижению должностей и почестей государственных. Одно только страшное потрясение могло бы уничтожить в России закоренелое рабство; нынче же политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян, желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла, и твердое, мирное единодушие может скоро поставить нас наряду с просвещенными народами Европы. Памятниками неудачного борения аристократии с деспотизмом остались только два указа Петра III-го *о вольности дворян*, указы, коими предки наши столько гордились и коих справедливее должны были бы стыдиться.

* Доказательства тому царствование безграмотной Екатерины I, кровавого злодея Бирона и сладострастной Елисаветы.

** История представляет около его всеобщее рабство. Указ, разорванный кн. Долгоруким, и письмо с берегов Прута приносят великую честь необыкновенной душе самовластного государя; впрочем, все состояния, окованные без разбора, были равны пред его *дубинкою*. Всё дрожало, всё безмолвно повиновалось.

Царствование Екатерины II имело новое и сильное влияние на политическое и нравственное состояние России. Возведенная на престол заговором нескольких мятежников, она обогатила их на счет народа и унизила беспокойное наше дворянство. Если царствовать значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться, то в сем отношении Екатерина заслуживает удивление потомства. Ее великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбие сей хитрой женщины утверждало ее владычество. Производя слабый ропот в народе, привыкшем уважать пороки своих властителей, оно возбуждало гнусное соревнование в высших состояниях, ибо не нужно было ни ума, ни заслуг, ни талантов для достижения второго места в государстве. Много было званых и много избранных; но в длинном списке ее любимцев, обреченных презрению потомства, имя странного Потемкина будет отмечено рукою истории. Он разделит с Екатериною часть воинской ее славы, ибо ему обязаны мы Черным морем и блестящими, хоть и бесплодными, победами в северной Турции. *

Униженная Швеция и уничтоженная Польша, вот великие права Екатерины на благодарность русского народа. Но со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия — и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России.

Мы видели, каким образом Екатерина унизила дух дворянства. В этом деле ревностно помогали ей любимцы. Стоит напомнить о пощечинах, щедро ими раздаваемых нашим князьям и боярам, о славной расписке Потемкина, хранимой доныне в одном из присутственных

---

* *Бесплодными,* ибо Дунай должен быть настоящею границею между Турциею и Россией. Зачем Екатерина не совершила сего важного плана в начале Французской революции, когда Европа не могла обратить деятельного внимания на воинские наши предприятия и изнуренная Турция нам упорствовать? Это избавило бы нас от будущих хлопот.

мест государства,* об обезьяне графа Зубова, о кофейнике князя Кутузова и проч. и проч.

Екатерина знала плутни и грабежи своих любовников, но молчала. Ободренные таковою слабостию, они не знали меры своему корыстолюбию, и самые отдаленные родственники временщика с жадностию пользовались кратким его царствованием. Отселе произошли сии огромные имения вовсе неизвестных фамилий и совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе народа. От канцлера до последнего протоколиста всё крало и всё было продажно. Таким образом развратная государыня развратила свое государство.

Екатерина уничтожила звание (справедливее, название) рабства, а раздарила около миллиона государственных крестьян (т. е. свободных хлебопашцев) и закрепостила вольную Малороссию и польские провинции. Екатерина уничтожила пытку — а тайная канцелярия процветала под ее патриархальным правлением; Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первые лучи его, перешел из рук Шешковского** в темницу, где и находился до самой ее смерти. Радищев был сослан в Сибирь; Княжнин умер под розгами — и Фонвизин, которого она боялась, не избегнул бы той же участи, если б не чрезвычайная его известность.

Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени. Но лишив его независимого состояния и ограничив монастырские доходы, она нанесла сильный удар просвещению народному. Семинарии пришли в совершенный упадок. Многие деревни нуждаются в священниках. Бедность и невежество этих людей, необходимых в государстве, их унижает и отнимает у них самую возможность заниматься важною своею должностию. От сего происходит в нашем народе презрение к попам и равнодушие к отечественной религии; ибо напрасно почитают русских суеверными: может быть, нигде более, как между нашим простым народом, не слышно насмешек на счет всего церковного. Жаль! ибо греческое вероисповедание, от-

---

* Потемкин послал однажды адъютанта взять из казенного места 100 000 рублей. Чиновники не осмелились отпустить эту сумму без письменного вида. Потемкин на другой стороне их отношения своеручно приписал: дать, е... м...

** Домашний палач кроткой Екатерины.

дельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер.

В России влияние духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно в землях римско-католических. Там оно, признавая главою своею папу, составляло особое общество, независимое от гражданских законов, и вечно полагало суеверные преграды просвещению. У нас, напротив того, завися, как и все прочие состояния, от единой власти, но огражденное святыней религии, оно всегда было посредником между народом и государем, как между человеком и божеством. Мы обязаны монахам нашей историею, следственно и просвещением. Екатерина знала всё это и имела свои виды.

Современные иностранные писатели осыпали Екатерину чрезмерными похвалами; очень естественно; они знали ее только по переписке с Вольтером и по рассказам тех именно, коим она позволяла путешествовать.

Фарса наших депутатов, столь непристойно разыгранная, имела в Европе свое действие; «Наказ» ее читали везде и на всех языках. Довольно было, чтобы поставить ее наряду с Титами и Траянами, но, перечитывая сей лицемерный «Наказ», нельзя воздержаться от праведного негодования. Простительно было фернейскому философу превозносить добродетели Тартюфа в юбке и в короне, он не знал, он не мог знать истины, но подлость русских писателей для меня непонятна.

Царствование Павла доказывает одно: что и в просвещенные времена могут родиться Калигулы. Русские защитники самовластия в том несогласны и принимают славную шутку г-жи де Сталь за основание нашей конституции: *En Russie le gouvernement est un despotisme mitigé par la strangulation.**

2 августа 1822 г.

ЗАМЕЧАНИЯ НА АННАЛЫ ТАЦИТА

I

Тиберий был в Иллирии, когда получил известие о болезни престарелого Августа. Неизвестно, застал ли он его в живых. Первое злодеяние его (замечает Тацит)

* Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкою.

было умерщвление Постумы Агриппы, внука Августова. Если в самодержавном правлении убийство может быть извинено государственной необходимостию, то Тиберий прав. Агриппа, родной внук Августа, имел право на власть и нравился черни необычайною силою, дерзостью и даже простотою ума. Таковые люди всегда могут иметь большое число приверженцев — или сделаться орудием хитрого мятежника.

Неизвестно, говорит Тацит, Тиберий или его мать Ливия убийство сие приказали. Вероятно, Ливия — но и Тиберий не пощадил бы его.

II

Когда сенат просил дозволения нести тело Августа на место сожжения, Тиберий позволил сие с *насмешливой скромностию*. Тиберий никогда не мешал изъявлению подлости, хотя и притворялся иногда, будто бы негодовал на оную — но и сие уже впоследствии. В начале же, решительный во всех своих действиях, казался он запутанным и скрытным в одних отношениях своих к сенату.

III

Август вторично испрашивал для Тиберия трибунства, точно ли в насмешку и для выгодного сравнения с самим собою хвалил наружность и нравы своего пасынка и наследника?

В своем завещании из единой ли зависти советовал он не распространять пределов империи, простиравшейся тогда от — до —

IV

Тиберий отказывается от управления государством, но изъявляет готовность принять на себя ту часть оного, которую на него возложат. Сквозь раболепство Галла Азиния видит он его гордость и предприимчивость, негодует на Скавра, нападает на Готерия, который подвергается опасности быть убиту воинами и спасен просьбами Августы Ливии.

Тиберий не допускает, чтоб Ливия имела много почестей и влияния, не от *зависти,* как думает Тацит.

Но увеличивает, вопреки мнению сената, число преторов, установленное Августом (12 человек).

V

Первое действие Тибериевой власти есть уничтожение народных собраний на Марсовом поле — следственно, и завершение уничтожения республики. Народ ропщет. Сенат охотно соглашается (тень правления перенесена в сенат).

VI

35

Германик, тщетно стараясь усмирить бунт легионов, хотел заколоться в глазах воинов. Его удержали. Тогда один из них подал ему свой меч, говоря: *Он вострее.* Это показалось (говорит Тацит) слишком злобно и жестоко самым яростным мятежникам.

По нашим понятиям слово сие было бы только грубая насмешка; но самоубийство так же было обыкновенно в древности, как поединок в наши времена, и вряд ли бы мог Германик отказаться от сего предложения, когда бы прочие не воспротивились. Мать Мессалины советует ей убиться, Мессалина в нерешимости подносит нож то к горлу, то ко груди, и мать ее не удерживает. Сенека не препятствует своей жене Паулине, решившейся последовать за ним, и проч.

Предложение воина есть хладнокровный вызов, а не неуместная шутка.

VII

52

Тиберий не мог доволен быть Германиком, оказавшим много слабости в погашении бунта. Германик соглашается на требования мятежников, ограничивает время службы, допущает самовольные казни, даже междоусобную битву. Блестящие поражения неприятеля при Марсорских селениях не заглаживают столько явных ошибок.

Тиберий в своей речи старался их прикрыть риторическими украшениями — меньше хвалил Друза, но откровеннее и вернее. Счастливые обстоятельства благоприятствовали Друзу, но сей оказал и много благоразумия, не склонился на требования мятежников, сам казнил первых возмутителей, сам водворил порядок.

VIII

53

Юлия, дочь Августа, славная своим распутством и ссылкой Овидия, умирает в изгнании, в нищете,— может быть, но не *от нищеты и голода,* как пишет Тацит.— Голодом можно заморить в тюрьме.

IX

С таковыми суждениями не удивительно, что Тацит, *бич тиранов,* не нравился Наполеону; удивительно чистосердечие Наполеона, который в том признавался, не думая о добрых людях, готовых видеть тут ненависть тирана к своему мертвому карателю.

Тацит говорит о Тиберии, что он не любил сменять своих наместников, однажды назначив.

Ибо, прибавляет он важно, злая душа его не желала счастия многих...

О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Прежде нежели приступим к описанию преоборота, ниспровергшего во Франции все до него существовавшие постановления, должно сказать, каковы были сии постановления.

Феодальное правление было основано на праве завоевания. Победители присвоили себе землю и собственность побежденных, обратили их самих в рабство и разделили всё между собою. Предводители получили бо́льшие участки. Слабые прибегнули к покровительству сильнейших.

Каждый владелец управлял в своем участке по-своему, устанавливал свои законы, соблюдая свои выгоды, и старался окружить себя достаточным числом приверженцев, для удержания в повиновении своих вассалов или для отражения хищных соседей. Для сего избирались большею частью вольные люди, составлявшие некогда войско завоевателей. С временем они смешались с побежденными; установились взаимные обязательства между владельцами и вассалами, и стихия независимости сохранилася в народе. Главные владельцы признавали первенство короля, обязывались вспомоществовать ему во время войны; иногда прибегали к его суду и, если были

недовольны, имели право вести против него вооруженных вассалов.

Короли, избираемые в начале владельцами, были самовластны токмо в собственном своем участке; в случае войны с неприятелем, новых налогов или споров между двумя могущими соседями они созывали сеймы.

Сеймы сии составляли сначала одни знатные владельцы и военные люди; духовенство было призвано впоследствии властолюбивыми Палатными мэрами (maires du palais), а народ гораздо позже, когда королевская власть почувствовала необходимость противуставить новую силу дворянству, соединенному с духовенством.

Судопроизводство находилось в руках владельцев. Для записывания их постановлений избирались грамотеи из простолюдинов, ибо знатные люди занимались единственно военной наукою и не умели читать. Когда же война призывала баронов к защите королевских владений или собственных замков, то в их отсутствие сии грамотеи чинили суд и расправу сначала от имени баронов, а впоследствии сами от себя. Продолжительные войны дали им время основать свою самобытность. Таким образом родились парламенты.

Нужда в деньгах заставила баронов и епископов продавать вассалам права, некогда присвоенные завоевателями. Сначала откупились рабы от вассалов, затем общины приобрели привилегии. В последствии времени короли, для уничтожения власти сильных владельцев, непрестанно покровительствовали общины, и когда мало-помалу народ откупился, а владельцы обеднели и стали проситься на жалование королей, они выбрались из феодальных своих вертепов и стали являться apprivoisés в дворцовые передние. Короли почувствовали всю выгоду сего нового положения; дабы (subvenir aux frais de nouvelle dépense) прикрыть новые необходимые расходы, они прибегнули к продаже судебных мест, ибо доходы от прав, покупаемых городами, начали истощаться и казались уже опасными. Сия мера утвердила независимость de la Magistrature (гражданских сановников), и сие сословие вошло в соперничество с дворянством, которое возненавидело его.

Продажа гражданских мест упрочила правление достаточной части народа, следственно, столь же благоразумна и представляет такие же залоги, как и нынешние

законы о выборах. Писатели XVIII века напрасно вопили противу сей меры, будто бы варварской и нелепой.

Но вскоре короли заметили, до какой степени сия мера ограничила их самовластие и укрепила независимость сановников. Ришелье установил комиссаров, т. е. сановников, временно уполномоченных королем. *Законники* возроптали как на нарушение прав своих и злоупотребление общественной доверенности. Их не послушали, и самовластие министра подавило и их и феодализм.

О ГЕНЕРАЛЬНЫХ ШТАТАХ

C'était bien le moins que 24 millions d'hommes contre 200 000 eussent la moitié des voix. Bailly.

Mais les 200 000 étaient déjà en quelque sorte l'élite de la nation, élite revêtue de privilèges, excessifs à la vérité, mais représentant la partie éclairée et propriétaire. C'était donc un contresens de la neutraliser, tandis qu'il ne fallait qu'y apporter une modification. C'était un contresens de ne pas les considérer, ces 200 000 h., comme partie de 24 millions.

Le tiers état = la nation — moins la noblesse — le clergé! *Rabaut St. Etienne.* C. à. d. la nation = le peuple — ses représentants.

Le mode établi par les états généraux était essentiellement républicain — le clergé et la noblesse figurant la chambre haute n'étant pas un degré entre la royauté et le peuple, mais seulement un des côtés d'une même chambre.

ОЧЕРК ИСТОРИИ УКРАИНЫ

Sous le nom d'Ukraîne ou de *Petite Russie* l'on entend une grande étendue de terrain réunie au colosse da la Russie et que comprend les gouvernements de Tchernigov, Kiov, Harkov, Poltava et Kamenetz-Podolsk.

Le climat y est doux, la terre féconde, elle est boisée vers l'occident, au midi s'étendent plaines immenses traversées par les larges rivières et où le voyageur ne rencontre ni bois ni collines.

Les Slaves ont de tout temps habité cette vaste contrée. Les villes de Kiov, Tchernigov et Lubetch sont aussi anci-

ennes que Novgorod-Veliki, ville libre et commerçante, dont la fondation remonte aux premiers siècles de notre ère.

Les Polianes habitaient les bords du Dnièpre, les Severiens et les Soulitches les bords de la Desna, de la Seme et du Soula, les Radimitchs sur les rivages de la Soge, les Dregovitches entre la Dvina occidentale et le Pripete, les Drevliens en Volynie; les Bouges et les Doulèbes sur le Boug, les Loutichs et les Tiverces à l'embouchure du Dniestre et du Danube.

Vers le milieu du 9 siècle Novgorod fut conquise par les Normands, connus sous les noms de Varègues-Rousses. Ces hardis aventuriers portèrent plus loin leur invasion, subjuguèrent tour à tour les peuplades qui habitaient les bords du Dnièpre, du Boug, de la Desna. Les différentes peuplades Slaves qui adoptèrent le nom de Russes grossirent l'armée de leurs vainqueurs. Ils s'emparèrent de Kiov; Oleg y établit le siège de sa domination.

Les Varègues-Rousses se rendirent terribles au Bas-Empire et plus d'une fois leur flotte barbare vint menacer la riche et faible Byzance. Ne pouvant les repousser par la force des armes elle se flatta de les attacher au joug de la religion — l'evangile fut prêché aux sauvages adorateurs de Peroune et Vladimir subit le baptême. Ses sujets adoptèrent avec une stupide indifférence la religion que préférait leur Chef.

Les Russes devenues formidables aux peuples les plus éloignés étaient toujours en butte aux invasions de leurs voisins les Bolgars, les Petchenegues et les Polovtsi. Vladimir partagea entre ses fils les conquêtes de ses ancêtres.

Ces princes dans leurs apanages étaient des délégués du souverain, chargés de contenir les émeutes et de repousser l'ennemi. Ce n'était pas là comme on voit le gouvernement féodal, système basé sur indépendance des individus et le droit égal au butin. Mais bientôt les rivalités, les divisions éclatèrent et pendant plus de deux cents ans durèrent sans interruption. La résidence du souverain fut transférée dans la ville de Vladimir. Tchernigov et Kiov perdirent peu à peu leur importance. Cependant d'autres villes s'élevèrent au midi de la Russie: Korsoune et Boguslave sur la Rossi (gouvernement de Kiov), Starodub sur le Babentza (gouvernement de Tchernigov), Strezk et Bostrezk (gouvernement de Tchernigov), Tripol (près de Kiov), Loubny et Chorol (gouvernement de Poltava), Prilouk (gouvernement de Pol-

tava), Novgorod-Seversky (gouvernement de Tchernigov). Toutes ces villes existaient déjà vers la fin du XIII siècle.

Tandis que les petits fils de Vladimir le Grand se disputaient entre eux son héritage, et que les peuplades guerrières qui habitaient à l'Est de mer Noire venaient servir d'auxiliaires aux uns et partager les dépouilles des autres— un fléau inattendu vint frapper les princes et les peuples de la Russie.

Les Tartares se présentèrent aux frontières de la Russie. Ils étaient précédés de ces mêmes Polovtsi qui chassés de leurs patûrages se refugiaient en foule auprès des princes qu'ils avaient tour à tour servis et dépouillés. Les princes s'assemblèrent à Kiov, la guerre y fut résolue, la multitude accourut de toute part et se rangea sous leurs drapeaux. Georges, grand prince de Vladimir, fut le seul qui ne voulut pas prendre sa part des dangers de cette expédition. L'affaiblissement des apanages était les fruits qu'il en attendait.

L'armée des princes réunie aux Polovtsi s'avança contre un ennemi inconnu et déjà redoutable. Des envoyés Tartares parurent sur les bords du Dnièpre au moment où l'armée russe en effectuait le passage. Ils proposèrent aux princes l'alliance contre les Polovtsi; mais ceux-ci usèrent de leur influence et les envoyés furent égorgés. L'armée avançait toujours; cependant les dissentions ne tardèrent pas à s'y élever. Les deux Mstislav, le prince de Kiov et celui de Galitz en vinrent à une rupture ouverte. Arrivé sur les bords de Kalka (rivière du gouvernement de Iekaterinoslav) Mstislav de Galitz le passa avec ses troupes, tandis que le reste de l'armée sous la conduite du prince de Kiov se retrancha sur le bord opposé. Le lendemain (31 mai 1224) l'ennemi parut — et la bataille s'engagea entre l'armée tartare et le corps avancé composé des troupes du prince de Galitz et des Polovtsi. Ceux-ci plièrent d'abord et portèrent le désorde dans les rangs des Russes. Ceux-ci combattaient encore, animés par l'exemple du brave Daniel de Volynie, mais l'orgueil insensé des princes fut cause de leur perte: Mstislav de Kiov n'envoya pas de secours au prince de Galitz et celui ne voulut pas en demander.

Bientôt tout fut en déroute, les Polovtsi en fuyant tuaient les Russes pour les dépouiller à la hâte. Les Russes repassèrent le Kalka poursuivis par les Tartares et dépassèrent le camp du prince de Kiov qui, spectateur immobile

de leur défaite, comptait encore sur ses propres forces pour repousser les vainqueurs qui bientôt l'entourèrent. Les Tartares entamèrent une négociation à la faveur de laquelle ils s'emparèrent du camp. Le carnage fut horrible. Mstislav et quelques autres princes subirent un sort affreux. Les Tartares, après les avoir liés et couchés par terre, les couvrirent d'une planche et s'assirent dessus en écrasant tout vifs. Ainsi périt une armée naguère si formidable. Les Russes furent poursuivis jusqu'à Tchernigov et Novgorod-Seversky. Tout fut livré aux fer et aux flammes. Tout à coup les vainqueurs s'arrêtèrent et leurs hordes se retirèrent vers l'Est où ils rejoignirent la grande armée de Tchingis-han campée alors en Bukharie.

ЗАМЕТКИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ

1

Удельные князья — наместники при Владимире, независимы потом. Святополк II учреждает *княжеские съезды,* прекратившиеся при татарах. Митрополит Алексей учреждает третейский суд.

Боярство (родовое?) поддерживалось местничеством (первый боярин *Свенельд).*

При царе *Федоре Алексеевиче* знатных родов 507, а прочих дворян до 315.

Кабальный холоп. Всякий имел одного за долг свыше 15 р.

Полный холоп. Пленный, купленный при свидетелях, убежавший кабальный, преступник.

2

Les seigneurs féodaux avaient les uns envers les autres des devoirs et des droits.

Удельные князья зависели от единого великого князя, и то весьма неопределенно — бояре их не были в свою очередь владельцы, но их придворные сподвижники.

3

В древние времена при объявлении войны *жильцы* рассылались с грамотами царскими ко всем воеводам и другим земским начальникам *спросить о здоровье* и повелеть всем дворянам вооружаться и садиться на коней

с своими холопями (по 1 со 100 четвертей). Ни для кого не было исключения, кроме престарелых, увечных и малолетних. Не имевшим способов для пропитания давалось жалованье; кочующим племенам и казакам также — и сие войско называлось *кормовым*. На зиму все войска распускались.

Царь Иван Васильевич во время осады Казани учредил из детей боярских регулярное войско под названием стрельцов. Оно разделялось на пешее и конное, равно вооруженное копиями и ружьями. Стрельцы получали жалование и провиант — и комплектовались наборами неопределенными, когда и с какой области (в .... году по 1 человеку с двух дворов). Впоследствии число их простиралось до 40 000. Они разделились на московские и городовые. Городовые обыкновенно оставались для обережения границ; но московские жили в праздности и неге и мало-помалу потеряли совершенно дух воинственного повиновения. Они пустились в торги, и государи не только терпели такое злоупотребление, но даже указами подтвердили оное. Несмотря на выгоды, дворяне гнушались службою стрелецкою и считали оную пятном для своего рода. По сей причине большая часть их начальников была низкого происхождения.

МОСКВА БЫЛА ОСВОБОЖДЕНА...

Москва была освобождена Пожарским, польское войско удалилось, король шведский думал о замирении, последняя опора Марины, Заруцкий злодействовал в отдаленном краю России. Отечество отдохнуло и стало думать об избрании себе нового царя. Выборные люди ото всего государства стекались в разоренную Москву и приступили к великому делу. Долго не могли решиться; помнили горькие последствия двух недавних выборов. Многие бояре не уступали в знатности родам Шуйских и Годуновых; каждый думал о себе или о родственнике; вдруг, посреди прений и всеобщего недоумения, произнесено было имя Михаила Романова.

Михаил Феодорович был сын знаменитого боярина Феодора Никитича, некогда сосланного царем Борисом и неволею постриженного в монахи; в царствование Лжедимитрия (1605) из монастырского заточения возведен-

ного на степень митрополита ростовского и прославившего свое иноческое имя в истории нашего отечества.

Юный Михаил по женскому колену происходил от Рюрика, ибо родная бабка его, супруга Никиты Романовича, была родная сестра царя Иоанна Васильевича. С самых первых лет испытал он превратности судьбы. Младенцем разделял он заточение с материю своею, Ксенией Ивановной, в 1600 году под именем инокини *Марфы* постриженною в пустынном Онежском монастыре. Лжедимитрий перевел их в костромской Ипатский монастырь, определив им приличное роду их содержание.

ЗАМЕТКИ ПРИ ЧТЕНИИ «НЕСТОРА» ШЛЁЦЕРА

Шлёцер — *введение,* стр. 1. Саги — стр. 7. О важности русской словесности.

Смотри, чем начал Шлёцер свои критические исследования! Он переписывал летописи слово в слово, букву в букву... *стр. IX предуведомления.* А наши!..

Разница между *Руссами* и византийскими 'Ρῶζ, часть II, глава 5.

Байер отыскивает начало Руси, *стр. XXVII предуведомления.*

XXXIV стр. Мнение Шлёцера о русской истории.— N3. Статья Чаадаева.

Далее: Екатерина II *много* сделала для истории, но Академия *ничего.* Доказательство, как правительство у нас всегда впереди.

XL. Думает, что книга его (Probe russischer Annalen etc.) забыта, по крайней мере в России.

О «ПУТЕШЕСТВИИ В СИБИРЬ» ШАППА Д'ОТРОША

В числе иностранцев, посетивших Россию в прошедшее столетие, *Шапп д'Отрош* заслуживает особенное внимание. Он был послан Французской Академиею Наук для наблюдения в Тобольске перехода Венеры по солнцу, долженствовавшего совершиться 26 мая 1761 года. Аббат выехал из Петербурга 10 марта и 10 апреля прибыл в Тобольск, где и оставался до июля.

В 1768 году аббат напечатал свое путешествие, которое смелостию и легкомыслием замечаний сильно ос-

корбило Екатерину, и она велела Миллеру и Болтину отвечать аббату.

О ДВОРЯНСТВЕ

1

Attentat de Феодор — Lâcheté de la haute noblesse (между прочим и моего пращура Никиты Пушкина).

Pierre I — son *Указ de 1714.* Les rangs — chute de la noblesse — opposition de Dolgorouky (niaise, dans le genre de celle des Panine).

Pierre III — *истинная причина дворянской грамоты.* Екатерина — Alexandre — Новосильцов, Чарторижский — Кочубей. Spéransky, popovitch turbulent et ignare.

Les moyens avec lesquels on accomplit une révolution, ne sont plus ceux qui la consolident. — Pierre I est tout à la fois Robespierre et Napoléon (La Révolution incarnée.)

La haute-noblesse n'étant pas héréditaire (de fait) elle est donc *noblesse à vie*; moyen d'entourer le despotisme de stipendiaires dévoués et d'étouffer toute opposition et toute indépendance.

L'hérédité de haute-noblesse est une garantie de son indépendance — le contraire est nécessairement moyen de tyrannie, ou plutôt d'un despotisme lâche et mou. Despotisme: lois cruelles, coutumes douces.

2

Что такое дворянство? потомственное сословие народа высшее, т. е. награжденное большими преимуществами касательно собственности и частной свободы. Кем? народом или его представителями. С какою целию? с целию иметь мощных защитников или близких ко властям и непосредственных предстателей. Какие люди составляют сие сословие? люди, которые имеют время заниматься чужими делами. Кто сии люди? люди, отменные по своему богатству или образу жизни. Почему так? богатство доставляет ему способ не трудиться, а быть всегда готову по первому призыву du souverain. Образ жизни, т. е. не ремесленный или земледельческий — ибо всё сие налагает на работника или земледела различные узы. Почему так? земледелец зависит от земли, им обработанной, и более всех неволен, ремесленник от числа требователей торговых, от мастеров и покупателей. Нужно

ли для дворянства приуготовительное воспитание? Нужно. Чему учится дворянство? Независимости, храбрости, благородству (чести вообще). Не суть ли сии качества природные? Так; но образ жизни может их развить, усилить — или задушить. Нужны ли они в народе, так же как, например, трудолюбие? Нужны, ибо они la sauve garde трудолюбивого класса, которому некогда развивать сии качества.

Кто составляет дворянство в республиках? Богатые люди, которыми народ кормится.

А в государствах? Военные люди, которые составляют гвардию и войско государево.

Чем *кончится* дворянство в республиках? Аристократическим правлением. А в государствах? Рабством народа. a=b.

Что составило в России древнюю аристократию? — Варяги, богатые военные славяне и воинственные пришельцы. Какие были права их? Равные княжеским, ибо они были малые князья, имели свои дружины и переходили от одного государя к другому. Отчего *г. Полевой* говорит, что они были наравне со *смердами?* Не знаю. Но самое молчание летописцев о их правах показывает, что права сии были ничем не ограничены. Какое время *силы* нашего боярства? Во время уделов, удельные князья, соделавшись сами боярами. Когда пало боярство? При Иоаннах, которые к одному местничеству не дерзнули прикоснуться. Были ли дворянские грамоты?.. (Минин). Было ли зло местничество? натурально ли оно? везде ли существовало оно? зачем уничтожено было оно? и было ли оно в самом деле уничтожено? *Петр*. Уничтожение дворянства чинами. Майоратства — уничтоженные плутовством Анны Ивановны. Падение постепенное дворянства; что из того следует? восшествие Екатерины II, 14 декабря и т. д.

3

Русское дворянство что ныне значит? какими способами делается дворянин? что из этого следует? Глубокое презрение к сему званию. Дворянин помещик. Его влияние и важность — рекрутство. Права. Дворянин в службе — дворянин в деревне. Происхождение дворянства. Дворянин при дворе.

(1830—1835)

ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сей исторический отрывок составлял часть труда, мною оставленного. В нем собрано всё, что было обнародовано правительством касательно Пугачева, и то, что показалось мне достоверным в иностранных писателях, говоривших о нем. Также имел я случай пользоваться некоторыми рукописями, преданиями и свидетельством живых.

Дело о Пугачеве, доныне нераспечатанное, находилось в государственном санкт-петербургском архиве, вместе с другими важными бумагами, некогда тайнами государственными, ныне превращенными в исторические материалы. Государь император по своем восшествии на престол приказал привести их в порядок. Сии сокровища вынесены были из подвалов, где несколько наводнений посетило их и едва не уничтожило.

Будущий историк, коему позволено будет распечатать дело о Пугачеве, легко исправит и дополнит мой труд — конечно несовершенный, но добросовестный. Историческая страница, на которой встречаются имена Екатерины, Румянцова, двух Паниных, Суворова, Бибикова, Михельсона, Вольтера и Державина, не должна быть затеряна для потомства.

А. Пушкин.

2 ноября 1833.
Село Болдино.

Мне кажется, сего вора всех замыслов и похождений не только посредственному, но ниже́ самому превосходнейшему историку порядочно описать едва ли бы удалось; коего все затеи не от разума и воинского распорядка, но от дерзости, случая и удачи зависели. Почему и сам Пугачев (думаю) подробностей оных не только рассказать, но нарочитой части припомнить не в состоянии, поелику не от его одного непосредственно, но от многих его сообщников полной воли и удальства в разных вдруг местах происходили.

Архимандрит Платон Любарский.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Начало яицких казаков.— Поэтическое предание.— Царская грамота.— Грабежи на Каспийском море.— Стенька Разин.— Нечай и Шамай.— Предположения Петра Великого.— Внутренние беспокойства.— Побег кочующего народа.— Бунт яицких казаков.— Их усмирение.

Яик, по указу Екатерины II переименованный в Урал, выходит из гор, давших ему нынешнее его название; течет к югу вдоль их цепи, до того места, где некогда положено было основание Оренбургу и где теперь находится Орская крепость; тут, разделив каменистый хребет их, поворачивает на запад и, протекши более двух тысяч пятисот верст, впадает в Каспийское море. Он орошает часть Башкирии, составляет почти всю юго-восточную границу Оренбургской губернии; справа примыкают к нему заволжские степи; слева простираются печальные пустыни, где кочуют орды диких племен, известных у нас под именем киргиз-кайсаков. Его течение быстро; мутные воды наполнены рыбою всякого рода; берега большею частию глинистые, песчаные и безлесные, но в местах поемных удобные для скотоводства. Близ устья оброс он высоким камышом, где кроются кабаны и тигры.

На сей-то реке, в пятнадцатом столетии, явились донские казаки, разъезжавшие по Хвалынскому морю. [1] Они зимовали на ее берегах, в то время еще покрытых лесом и безопасных по своему уединению; весною снова пускались в море, разбойничали до глубокой осени и к зиме возвращались на Яик. Подаваясь всё вверх с одного места на другое, наконец они избрали себе постоянным пребыванием урочище Коловратное в шестидесяти верстах от нынешнего Уральска.

В соседстве новых поселенцев кочевали некоторые татарские семейства, отделившиеся от улусов Золотой Орды и искавшие привольных пажитей на берегах того же Яика. Сначала оба племени враждовали между собою, но в последствии времени вошли в дружелюбные сношения: казаки стали получать жен из татарских улусов. Сохранилось поэтическое предание: казаки, страстные к холостой жизни, положили между собой убивать приживаемых детей, а жен бросать при выступлении в новый поход. Один из их атаманов, по имени *Гугня,* первый преступил жестокий закон, пощадив молодую жену, и казаки, по примеру атамана, покорились игу семейственной жизни. Доныне, просвещенные и гостеприимные, жители уральских берегов пьют на своих пирах здоровье бабушки Гугнихи [2].

Живя набегами, окруженные неприязненными племенами, казаки чувствовали необходимость в сильном покровительстве и в царствование Михаила Феодоровича послали от себя в Москву просить государя, чтоб он принял их под свою высокую руку. Поселение казаков на бесхозяйном Яике могло казаться завоеванием, коего важность была очевидна. Царь обласкал новых подданных и пожаловал им грамоту [3] на реку Яик, отдав им ее от вершины до устья и дозволя им *набираться на житье вольными людьми.*

Число их час от часу умножалось. Они продолжали разъезжать по Каспийскому морю, соединялись там с донскими казаками, вместе нападали на торговые персидские суда и грабили приморские селения. Шах жаловался царю. Из Москвы посланы были на Дон и на Яик увещевательные грамоты.

Казаки на лодках, еще нагруженных добычею, поехали Волгою в Нижний Новгород; оттоле отправились в Москву и явились ко двору с повинною головою, каждый неся топор и плаху. Им велено было ехать в Польшу и под Ригу, заслуживать там свои вины; а на Яик посланы были стрельцы, в последствии времени составившие с казаками одно племя.

Стенька Разин посетил яицкие жилища. По свидетельству летописей, казаки приняли его как неприятеля. Городок их был взят сим отважным мятежником, а стрельцы, там находившиеся, побиты или потоплены.[4]

Предание, согласное с татарским летописцем, относит к тому же времени походы двух яицких атаманов, Нечая и Шамая.[5] Первый, набрав вольницу, отправился в Хиву, в надежде на богатую добычу. Счастие ему благоприятствовало. Совершив трудный путь, казаки достигли Хивы. Хан с войском своим находился тогда на войне. Нечай овладел городом без всякого препятствия; но зажился в нем и поздно выступил в обратный поход. Обремененные добычею, казаки были настигнуты возвратившимся ханом и на берегу Сыр-Дарьи разбиты и истреблены. Не более трех возвратилось на Яик с объявлением о погибели храброго Нечая. Несколько лет после другой атаман, по прозванию Шамай, пустился по его следам. Но он попался в плен степным калмыкам, а казаки его отправились далее, сбились с дороги, на Хиву не попали и пришли к Аральскому морю, на котором принуждены были зимовать. Их постигнул голод. Несчастные бродяги убивали и ели друг друга. Большая часть погибла. Остальные послали наконец от себя к хивинскому хану просить, чтоб он их принял и спас от голодной смерти. Хивинцы приехали за ними, забрали всех и отвели рабами в свой город. Там они и пропали. Шамай же, несколько лет после, привезен был калмыками в яицкое войско, вероятно, для размена. С тех пор у казаков охота к дальним походам охладела. Они мало-помалу привыкли к жизни семейной и гражданственной.

Яицкие казаки послушно несли службы по наряду московского приказа; но до́ма сохраняли первоначальный образ управления своего. Совершенное равенство прав; атаманы и старшины, избираемые народом, временные исполнители народных постановлений; круги, или совещания, где каждый казак имел свободный голос и где все общественные дела решены были большинством голосов; никаких письменных постановлений; *в куль да в воду* — за измену, трусость, убийство и воровство: таковы главные черты сего управления.[6] К простым и грубым учреждениям, еще принесенным ими с Дона, яицкие казаки присовокупляли и другие, местные, относящиеся к рыболовству, главному источнику их богатства, и к праву нанимать на службу требуемое число казаков, учреждения чрезвычайно сложные и определенные с величайшею утонченностию.[7]

Петр Великий принял первые меры для введения

яицких казаков в общую систему государственного управления. В 1720 году яицкое войско отдано было в ведомство Военной коллегии. Казаки возмутились, сожгли свой городок с намерением бежать в киргизские степи, но были жестоко усмирены полковником Захаровым. Сделана была им перепись, определена служба, и назначено жалованье. Государь сам назначил войскового атамана.

В царствование Анны Ивановны и Елисаветы Петровны правительство хотело исполнить предположения Петра. Тому благоприятствовали возникшие раздоры между войсковым атаманом Меркурьевым и войсковым старшиною Логиновым и разделение чрез то казаков на две стороны: Атаманскую и Логиновскую, или народную. В 1740 году положено было преобразовать внутреннее управление яицкого войска, и Неплюев, бывший в то время оренбургским губернатором, представил в Военную коллегию проект нового учреждения; но большая часть предположений и предписаний осталась без исполнения до восшествия на престол государыни Екатерины II.

С самого 1762 года стороны Логиновской яицкие казаки начали жаловаться на различные притеснения, ими претерпеваемые от членов канцелярии, учрежденной в войске правительством: на удержание определенного жалованья, самовольные налоги и нарушение старинных прав и обычаев рыбной ловли. Чиновники, посылаемые к ним для рассмотрения их жалоб, не могли или не хотели их удовлетворить. Казаки неоднократно возмущались, и генерал-майоры Потапов и Черепов (первый в 1766 году, а второй в 1767) принуждены были прибегнуть к силе оружия и к ужасу казней. В Яицком городке учреждена была следственная комиссия. В ней присутствовали генерал-майоры Потапов, Черепов, Бримфельд и Давыдов и гвардии капитан Чебышев. Войсковой атаман Андрей Бородин был отставлен; на его место выбран Петр Тамбовцев; члены канцелярии осуждены уплатить войску, сверх удержанных денег, значительную пеню; но они умели избегнуть исполнения приговора. Казаки не теряли надежды. Они покушались довести до сведения самой императрицы справедливые свои жалобы. Но тайно посланные от них люди были по повелению президента Военной коллегии графа Чернышева схвачены в Петербурге, заключены в оковы и наказаны как бунтовщики. Между тем велено было нарядить несколько сот казаков

па службу в Кизляр. Местное начальство воспользовалось и сим случаем, дабы новыми притеснениями мстить народу за его супротивления. Узнали, что правительство имело намерение составить из казаков гусарские эскадроны и что уже повелено брить им бороду. Генерал-майор Траубенберг, присланный для того в Яицкий городок, навлек на себя народное негодование. Казаки волновались. Наконец, в 1771 году, мятеж обнаружился во всей своей силе.

Происшествие, не менее важное, подало к оному повод. Между Волгой и Яиком, по необозримым степям астраханским и саратовским, кочевали мирные калмыки, в начале осьмнадцатого столетия ушедшие от границ Китая под покровительство белого царя. С тех пор они верно служили России, охраняя южные ее границы. Русские приставы, пользуясь их простотою и отдаленностию от средоточия правления, начали их угнетать. Жалобы сего смирного и доброго народа не доходили до высшего начальства: выведенные из терпения, они решились оставить Россию и тайно снеслись с китайским правительством. Им не трудно было, не возбуждая подозрения, прикочевать к самому берегу Яика. И вдруг, в числе тридцати тысяч кибиток, они перешли на другую сторону и потянулись по киргизской степи к пределам прежнего отечества.[8] Правительство спешило удержать неожиданный побег. Яицкому войску велено было выступить в погоню; но казаки (кроме весьма малого числа) не послушались и явно отказались от всякой службы.

Тамошние начальники прибегнули к строжайшим мерам для прекращения мятежа; но наказания уже не могли смирить ожесточенных. 13 января 1771 года они собрались на площади, взяли из церкви иконы и пошли, под предводительством казака Кирпичникова, в дом гвардии капитана Дурнова, находившегося в Яицком городке по делам следственной комиссии. Они требовали отрешения членов канцелярии и выдачи задержанного жалованья. Генерал-майор Траубенберг пошел им навстречу с войском и пушками, приказывая разойтиться; но ни его повеления, ни увещания войскового атамана не имели никакого действия. Траубенберг велел стрелять; казаки бросились на пушки. Произошло сражение; мятежники одолели. Траубенберг бежал и был убит у ворот своего дома, Дурнов изранен. Тамбовцев повешен, члены канце-

лярии посажены под стражу; а на место их учреждено новое начальство.

Мятежники торжествовали. Они отправили от себя выборных в Петербург, дабы объяснить и оправдать кровавое происшествие. Между тем генерал-майор Фрейман послан был из Москвы для их усмирения, с одною ротой гренадер и с артиллерией. Фрейман весною прибыл в Оренбург, где дождался слития рек, и — взяв с собою две легкие полевые команды и несколько казаков, пошел к Яицкому городку.[9] Мятежники, в числе трех тысяч, выехали против него; оба войска сошлись в семидесяти верстах от города. 3 и 4 июня произошли жаркие сражения. Фрейман картечью открыл себе дорогу. Мятежники прискакали в свои домы, забрали жен и детей и стали переправляться через реку Чаган, намереваясь бежать к Каспийскому морю. Фрейман, вслед за ними вступивший в город, успел удержать народ угрозами и увещаниями. За ушедшими послана погоня, и почти все были переловлены. В Оренбурге учредилась следственная комиссия под председательством полковника Неронова. Множество мятяжников было туда отправлено. В тюрьмах недостало места. Их рассадили по лавкам Гостиного и Менового дворов. Прежнее казацкое правление было уничтожено. Начальство поручено яицкому коменданту, подполковнику Симонову. В его канцелярии повелено присутствовать войсковому старшине Мартемьяну Бородину и старшине (простому) Мостовщикову. Зачинщики бунта наказаны были кнутом; около ста сорока человек сослано в Сибирь; другие отданы в солдаты (NB все бежали); остальные прощены и приведены ко вторичной присяге. Сии строгие и необходимые меры восстановили наружный порядок, но спокойствие было ненадежно. «То ли еще будет! — говорили прощеные мятежники, — так ли мы тряхнем Москвою».— Казаки всё еще были разделены на две стороны: согласную и несогласную (или, как весьма точно переводила слова сии Военная коллегия, на послушную и непослушную). Тайные совещания происходили по степным уметам[10] и отдаленным хуторам. Всё предвещало новый мятеж. Недоставало предводителя. Предводитель сыскался.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Появление Пугачева.— Бегство его из Казани.— Показания Кожевникова.— Первые успехи Самозванца.— Измена илецких казаков.— Взятие крепости Рассыпной.— Нурали-Хан.— Распоряжение Рейнсдорпа.— Взятие Нижне-Озерной.— Взятие Татищевой.— Совет в Оренбурге.— Взятие Чернореченской.— Пугачев в Сакмарске.

В смутное сие время по казацким дворам шатался неизвестный бродяга, нанимаясь в работники то к одному хозяину, то к другому и принимаясь за всякие ремесла.[1] Он был свидетелем усмирения мятежа и казни зачинщиков, уходил на время в Иргизские скиты; оттуда, в конце 1772 года, послан был для закупки рыбы в Яицкий городок, где и стоял у казака Дениса Пьянова. Он отличался дерзостию своих речей, поносил начальство и подговаривал казаков бежать в области турецкого султана; он уверял, что и донские казаки не замедлят за ними последовать, что у него на границе заготовлено двести тысяч рублей и товару на семьдесят тысяч и что какой-то паша, тотчас по приходу казаков, должен им выдать до пяти миллионов; покамест обещал он каждому по двенадцати рублей в месяц жалованья. Сверх того, сказывал он, будто бы противу яицких казаков из Москвы идут два полка и что около Рождества или Крещения непременно будет бунт. Некоторые из послушных хотели его поймать и представить, как возмутителя, в комендантскую канцелярию; но он скрылся вместе с Денисом Пьяновым и был пойман уже в селе Малыковке (что ныне Волгск) по указанию крестьянина, ехавшего с ним одною дорогою.[2] Сей бродяга был Емельян Пугачев, донской казак и раскольник, пришедший с ложным письменным видом из-за польской границы, с намерением поселиться на реке Иргизе, посреди тамошних раскольников. Он был отослан под стражею в Симбирск, а оттуда в Казань; и как

всё, относящееся к делам Яицкого войска, по тогдашним обстоятельствам могло казаться важным, то оренбургский губернатор и почел за нужное уведомить о том государственную Военную коллегию донесением от 18 января 1773 года.

Яицкие бунтовщики были тогда не редки, и казанское начальство не обратило большого внимания на присланного преступника. Пугачев содержался в тюрьме не строже прочих невольников. Между тем сообщники его не дремали. Однажды он под стражею двух гарнизонных солдат ходил по городу для собирания милостыни. У Замочной Решетки (так называлась одна из главных казанских улиц) стояла готовая тройка. Пугачев, подошед к ней, вдруг оттолкнул одного из солдат, его сопровождавших; другой помог колоднику сесть в кибитку и вместе с ним ускакал из городу. Это случилось 19 июня 1773 года. Три дня после в Казани получено было утвержденное в Петербурге решение суда, по коему Пугачев приговорен к наказанию плетьми и к ссылке в Пелым на каторжную работу. [3]

Пугачев явился на хуторах отставного казака Данилы Шелудякова, у которого жил он прежде в работниках. Там производились тогда совещания злоумышленников.

Сперва дело шло о побеге в Турцию: мысль издавна общая всем недовольным казакам. Известно, что в царствование Анны Ивановны Игнатий Некрасов успел привести ее в действо и увлечь за собой множество донских казаков. Потомки их доныне живут в турецких областях, сохраняя на чуждой им родине веру, язык и обычаи прежнего своего отечества. Во время последней турецкой войны они дрались противу нас отчаянно. Часть их явилась к императору Николаю, уже переплывшему Дунай на запорожской лодке; так же, как остаток Сечи, они принесли повинную за своих отцов и возвратились под владычество законного своего государя.

Но яицкие заговорщики слишком привязаны были к своим богатым, родимым берегам. Они, вместо побега, положили быть новому мятежу. Самозванство показалось им надежною пружиною. Для сего нужен был только прошлец дерзкий и решительный, еще неизвестный народу. Выбор их пал на Пугачева. Им не трудно было его уговорить. Они немедленно начали собирать себе сообщников.

Военная коллегия дала знать о побеге казанского колодника во все места, где, по предположениям, мог он укрываться. Вскоре подполковник Симонов узнал, что беглеца видели на хуторах, находящихся около Яицкого городка. Отряды были посланы для поимки Пугачева, но не имели в том успеха: Пугачев и его главные сообщники спасались от поиска, переходя с одного места на другое и час от часу умножая свою шайку. Между тем разнеслись странные слухи... Многие казаки взяты были под стражу. Схватили Михайла Кожевникова, привели в комендантскую канцелярию и пыткою вынудили от него следующие важные показания:

В начале сентября находился он на своем хуторе, как приехал к нему Иван Зарубин и объявил за тайну, что великая особа находится в их краю. Он убеждал Кожевникова скрыть ее на своем хуторе. Кожевников согласился. Зарубин уехал и в ту же ночь перед светом возвратился с Тимофеем Мясниковым и с неведомым человеком, все трое верхами. Незнакомец был росту среднего, широкоплеч и худощав. Черная борода его начинала седеть. Он был в верблюжьем армяке, в голубой калмыцкой шапке и вооружен винтовкою. Зарубин и Мясников поехали в город *для повестки народу,* а незнакомец, оставшись у Кожевникова, объявил ему, что он император Петр III, что слухи о смерти его были ложны, что он, при помощи караульного офицера, ушел в Киев, где скрывался около года; что потом был в Цареграде и тайно находился в русском войске во время последней турецкой войны; что оттуда явился он на Дону и был потом схвачен в Царицыне, но вскоре освобожден верными казаками; что в прошлом году находился он на Иргизе и в Яицком городке, где был снова пойман и отвезен в Казань; что часовой, подкупленный за семьсот рублей неизвестным купцом, освободил его снова; что после подъезжал он к Яицкому городку, но, узнав через одну женщину о строгости, с каковою ныне требуются и осматриваются паспорты, воротился на Сызранскую дорогу, по коей скитался несколько времени, пока наконец с Таловинского умета взят Зарубиным и Мясниковым и привезен к Кожевникову. Высказав нелепую повесть, самозванец стал объяснять свои предположения. Он намерен был обнаружить себя по выступлении казацкого войска на *плавню* (осеннее рыболовство), во избежание супротивления со сторо-

ны гарнизона и *напрасного кровопролития.* Во время же плавни хотел он явиться посреди казаков, связать атамана, идти прямо на Яицкий городок, овладеть им и учредить заставы по всем дорогам, дабы никуда преждевременно не дошло о нем известия. В случае же неудачи думал он *броситься в Русь,* увлечь ее всю за собою, повсюду поставить новых судей (ибо в нынешних, по его словам, присмотрена им многая неправда) и возвести на престол государя великого князя. *Сам же я,* говорил он, *уже царствовать не желаю.* Пугачев на хуторе Кожевникова находился три дня; Зарубин и Мясников приехали за ним и увезли его на Усихину Россашь, где и намерен он был скрываться до самой плавни. Кожевников, Коновалов и Кочуров проводили его.

Взятие под стражу Кожевникова и казаков, замешанных в его показании, ускорило ход происшествий. 18 сентября Пугачев с Будоринского[4] форпоста пришел под Яицкий городок с толпою, из трехсот человек состоявшею, и остановился в трех верстах от города, за рекой Чаганом.

В городе всё пришло в смятение. Недавно усмиренные жители начали перебегать на сторону новых мятежников. Симонов выслал противу Пугачева пятьсот казаков, подкрепленных пехотою и с двумя пушками под начальством майора Наумова. Двести казаков при капитане Крылове отряжены были вперед. К ним выехал навстречу казак, держа над головою возмутительное письмо от самозванца. Казаки потребовали, чтоб письмо было им прочтено. Крылов тому противился. Произошел мятеж, и половина отряда тут же передалась на сторону самозванца и потащила с собою пятьдесят верных казаков, ухватя за узды их лошадей. Видя измену в своем отряде, Наумов возвратился в город. Захваченные казаки приведены были к Пугачеву, и одиннадцать из них, по приказанию его, повешены. Сии первые его жертвы были: сотники Витошнов, Черторогов, Раинев и Коновалов, пятидесятники Ружеников, Толстов, Подъячев и Колпаков, рядовые Сидоровкин, Ларзянев и Чукалин.

На другой день Пугачев приблизился к городу; но при виде выходящего противу него войска стал отступать, рассыпав по степи свою шайку. Симонов не преследовал его, ибо казаков не хотел отрядить, опасаясь от них измены, а пехоту не смел отдалить от города, коего жители готовы были взбунтоваться. Он донес обо всем орен-

бургскому губернатору генерал-поручику Рейнсдорпу, требуя от него легкого войска для преследования Пугачева. Но прямое сообщение с Оренбургом было уже пресечено, и донесение Симонова дошло до губернатора не прежде, как через неделю.

С шайкой, умноженной новыми бунтовщиками, Пугачев пошел прямо к Илецкому городку [5] и послал начальствовавшему в нем атаману Портнову повеление — выйти к нему навстречу и с ним соединиться. Он обещал казакам пожаловать их крестом и бородою (илецкие, как и яицкие, казаки были все староверцы), реками, лугами, деньгами и провиантом, свинцом и порохом, и вечною вольностию, угрожая местию в случае непослушания. Верный своему долгу, атаман думал супротивляться; но казаки связали его и приняли Пугачева с колокольным звоном и с хлебом-солью. Пугачев повесил атамана, три дня праздновал победу и, взяв с собою всех илецких казаков и городские пушки, пошел на крепость Рассыпную. [6]

Крепости, в том краю выстроенные, были не что иное, как деревни, окруженные плетнем или деревянным забором. Несколько старых солдат и тамошних казаков, под защитою двух или трех пушек, были в них безопасны от стрел и копий диких племен, рассеянных по степям Оренбургской губернии и около ее границ. 24 сентября Пугачев напал на Рассыпную. Казаки и тут изменили. Крепость была взята. Комендант, майор Веловский, несколько офицеров и один священник были повешены, а гарнизонная рота и полтораста казаков присоединены к мятежникам.

Слух о самозванце быстро распространялся. Еще с Будоринского форпоста Пугачев писал к киргиз-кайсакскому хану, именуя себя государем Петром III и требуя от него сына в заложники и ста человек вспомогательного войска. Нурали-Хан подъезжал к Яицкому городку под видом переговоров с начальством, коему предлагал он свои услуги. Его благодарили и отвечали, что надеются управиться с мятежниками без его помощи. Хан послал оренбургскому губернатору татарское письмо самозванца с первым известием о его появлении. «Мы, люди, живущие на степях,— писал Нурали к губернатору,— не знаем, кто сей, разъезжающий по берегу: обманщик ли, или настоящий государь? Посланный от нас воротился, объя-

вив, что того разведать не мог, а что борода у того человека русая». При сем, пользуясь обстоятельствами, хан требовал от губернатора возвращения аманатов, отогнанного скота и выдачи бежавших из орды рабов. Рейнсдорп спешил отвечать, что кончина императора Петра III известна всему свету; что сам он видел государя во гробе и целовал его мертвую руку. Он увещевал хана, в случае побега самозванца в киргизские степи, выдать его правительству, обещая за то милость императрицы. Прошения хана были исполнены. Между тем Нурали вошел в дружеские сношения с самозванцем, не преставая уверять Рейнсдорпа в своем усердии к императрице, а киргизцы стали готовиться к набегам.

Вслед за известием хана получено было в Оренбурге донесение яицкого коменданта, посланное через Самару. Вскоре потом пришло и донесение Веловского о взятии Илецкого городка. Рейнсдорп поспешил принять меры к прекращению возникающего зла. Он предписал бригадиру барону Билову выступить из Оренбурга с четырьмястами солдат пехоты и конницы и с шестью полевыми орудиями и идти к Яицкому городку, забирая по дороге людей с форпостов и из крепостей. Командиру Верхне-Озерной дистанции [7] бригадиру барону Корфу велел как можно скорее идти к Оренбургу, подполковнику Симонову отрядить майора Наумова с полевой командой и с казаками для соединения с Биловым; ставропольской канцелярии [8] велено было выслать к Симонову пятьсот вооруженных калмыков, а ближайшим башкирцам и татарам собраться как можно скорее и в числе тысячи человек идти навстречу Наумову. Ни одно из сих распоряжений не было исполнено. Билов занял Татищеву крепость и двинулся было на Озерную, но, в пятнадцати верстах от оной, услышав ночью пушечные выстрелы, оробел и отступил. Рейнсдорп вторично приказал ему спешить на поражение бунтовщиков; Билов не послушался и остался в Татищевой. Корф отговаривался от похода под различными предлогами. Вместо пятисот вооруженных калмыков не собралось их и трехсот, и те бежали с дороги. Башкирцы и татары не слушались предписания. Майор же Наумов и войсковой старшина Бородин, выступив из Яицкого городка, шли издали по следам Пугачева и 3 октября прибыли в Оренбург степною стороною с донесением об одних успехах самозванца.

Из Рассыпной Пугачев пошел на Нижне-Озерную.[9] На дороге встретил он капитана Сурина, высланного на помощь Веловскому комендантом Нижне-Озерной, майором Харловым. Пугачев его повесил, а рота пристала к мятежникам. Узнав о приближении Пугачева, Харлов отправил в Татищеву молодую жену свою, дочь тамошнего коменданта Елагина, а сам приготовился к обороне. Казаки его изменили и ушли к Пугачеву. Харлов остался с малым числом престарелых солдат. Ночью на 26 сентября вздумал он, для их ободрения, палить из двух своих пушек, и сии-то выстрелы испугали Билова и заставили его отступить. Утром Пугачев показался перед крепостию. Он ехал впереди своего войска. «Берегись, государь,— сказал ему старый казак,— неравно из пушки убьют».— «Старый ты человек,— отвечал самозванец,— разве пушки льются на царей?» — Харлов бегал от одного солдата к другому и приказывал стрелять. Никто не слушался. Он схватил фитиль, выпалил из одной пушки и кинулся к другой. В сие время бунтовщики заняли крепость, бросились на единственного ее защитника и изранили его. Полумертвый, он думал от них откупиться и повел их к избе, где было спрятано его имущество. Между тем за крепостью уже ставили виселицу; перед нею сидел Пугачев, принимая присягу жителей и гарнизона. К нему привели Харлова, обезумленного от ран и истекающего кровью. Глаз, вышибенный копьем, висел у него на щеке. Пугачев велел его казнить и с ним прапорщиков Фигнера и Кабалерова, одного писаря и татарина Бикбая. Гарнизон стал просить за своего доброго коменданта; но яицкие казаки, предводители мятежа, были неумолимы. Ни один из страдальцев не оказал малодушия. Магометанин Бикбай, взошед на лестницу, перекрестился и сам надел на себя петлю.[10] На другой день Пугачев выступил и пошел на Татищеву.[11]

В сей крепости начальствовал полковник Елагин. Гарнизон был умножен отрядом Билова, искавшего в ней своей безопасности. Утром 27 сентября Пугачев показался на высотах, ее окружающих. Все жители видели, как он расставил там свои пушки и сам направил их на крепость. Мятежники подъехали к стенам, уговаривая гарнизон — *не слушаться бояр* и сдаться добровольно. Им отвечали выстрелами. Они отступили. Бесполезная пальба продолжалась с полудня до вечера; в то время скирды

сена, находившиеся близ крепости, загорелись, подожженные осаждающими. Пожар быстро достигнул деревянных укреплений. Солдаты бросились тушить огонь. Пугачев, пользуясь смятением, напал с другой стороны. Крепостные казаки ему передались. Раненый Елагин и сам Билов оборонялись отчаянно. Наконец мятежники ворвались в дымящиеся развалины. Начальники были захвачены. Билову отсекли голову. С Елагина, человека тучного, содрали кожу; злодеи вынули из него сало и мазали им свои раны. Жену его изрубили. Дочь их, накануне овдовевшая Харлова, приведена была к победителю, распоряжавшему казнию ее родителей. Пугачев поражен был ее красотою и взял несчастную к себе в наложницы, пощадив для нее семилетнего ее брата. Вдова майора Веловского, бежавшая из Рассыпной, также находилась в Татищевой: ее удавили. Все офицеры были повешены. Несколько солдат и башкирцев выведены в поле и расстреляны картечью. Прочие острижены по-казацки и присоединены к мятежникам. Тринадцать пушек достались победителю.

Известия об успехах Пугачева приходили в Оренбург одно за другим. Едва Веловский успел донести о взятии Илецкого городка, уже Харлов доносил о взятии Рассыпной; вслед за тем Билов, из Татищевой, извещал о взятии Нижне-Озерной; майор Крузе, из Чернореченской, о пальбе, происходящей под Татищевой. Наконец (28 сентября) триста человек татар, насилу собранные и отправленные к Татищевой, возвратились с дороги с известием об участи Билова и Елагина. Рейнсдорп, испуганный быстротою пожара, собрал совет из главных оренбургских чиновников, и следующие меры были им утверждены:

1) Все мосты через Сакмару разломать и пустить вниз по реке.

2) У польских конфедератов, содержащихся в Оренбурге, отобрать оружие и отправить их в Троицкую крепость под строжайшим присмотром.

3) Разночинцам, имеющим оружие, назначить места для защищения города, отдав их в распоряжение оберкоменданту, генерал-майору Валленштерну; прочим находиться в готовности, в случае пожара, и быть под начальством таможенного директора Обухова.

4) Сеитовских татар перевести в город и поручить начальство над ними коллежскому советнику Тимашеву.

5) Артиллерию отдать в распоряжение действительному статскому советнику Старову-Милюкову, служившему некогда в артиллерии.

Сверх сего, Рейнсдорп, думая уже о безопасности самого Оренбурга, приказал обер-коменданту исправить городские укрепления и привести в оборонительное состояние. Гарнизонам же малых крепостей, еще не взятых Пугачевым, велено было идти в Оренбург, зарывая или потопляя тяжести и порох.

Из Татищевой, 29 сентября, Пугачев пошел на Чернореченскую.[12] В сей крепости оставалось несколько старых солдат при капитане Нечаеве, заступившем место коменданта, майора Крузе, который скрылся в Оренбург. Они сдались без супротивления. Пугачев повесил капитана по жалобе крепостной его девки.

Пугачев, оставя Оренбург вправе, пошел к Сакмарскому городку,[13] коего жители ожидали его с нетерпением. 1-го октября, из татарской деревни Каргале, поехал он туда в сопровождении нескольких казаков. Очевидец описывает его прибытие следующим образом:[14]

«В крепости у станичной избы постланы были ковры и поставлен стол с хлебом и солью. Поп ожидал Пугачева с крестом и с святыми иконами. Когда въехал он в крепость, начали звонить в колокола; народ снял шапки, и когда самозванец стал сходить с лошади, при помощи двух из его казаков, подхвативших его под руки, тогда все пали ниц. Он приложился ко кресту, хлеб-соль поцеловал и, сев на уготовленный стул, сказал: „Вставайте, детушки“. Потом все целовали его руку. Пугачев осведомился о городских казаках. Ему отвечали, что иные на службе, другие с их атаманом, Данилом Донским, взяты в Оренбург, и что только двадцать человек оставлены для почтовой гоньбы, но и те скрылись. Он обратился к священнику и грозно приказал ему отыскать их, примолвя: „Ты поп, так будь и атаман; ты и все жители отвечаете мне за них своими головами“. Потом поехал он к атаманову отцу, у которого был ему приготовлен обед. „Если б твой сын был здесь,— сказал он старику,— то ваш обед был бы высок и честен: но хлеб-соль твоя помрачилась. Какой он атаман, коли место свое покинул?“ — После обеда, пьяный, он велел было казнить хозяина; но быв-

шие при нем казаки упросили его; старик был только закован и посажен на одну ночь в станичную избу под караул. На другой день сысканные казаки представлены были Пугачеву. Он обошелся с ними ласково и взял с собою. Они спросили его: сколько прикажет взять припасов? „Возьмите,— отвечал он,— краюшку хлеба; вы проводите меня только до Оренбурга“. В сие время башкирцы, присланные от оренбургского губернатора, окружили город. Пугачев к ним выехал и без бою взял всех в свое войско. На берегу Сакмары повесил он шесть человек».[15]

В тридцати верстах от Сакмарского городка находилась крепость Пречистенская. Лучшая часть ее гарнизона была взята Биловым на походе его к Татищевой. Один из отрядов Пугачева занял ее без супротивления. Офицеры и гарнизон вышли навстречу победителям. Самозванец по своему обыкновению принял солдат в свое войско и в первый раз оказал позорную милость офицерам.

Пугачев усиливался: прошло две недели со дня, как явился он под Яицким городком с горстью бунтовщиков, и уж он имел до трех тысяч пехоты и конницы и более двадцати пушек. Семь крепостей были им взяты или сдались ему. Войско его с часу на час умножалось неимоверно. Он решился пользоваться счастием и 3 октября, ночью, под Сакмарским городком перешел реку через мост, уцелевший вопреки распоряжениям Рейнсдорпа, и потянулся к Оренбургу.

ГЛАВА ТРЕТИЯ

Меры правительства.— Состояние Оренбурга.— Объявление Рейнсдорпа о Пугачеве.— Разбойник Хлопуша.— Пугачев под Оренбургом.— Бердская слобода.— Сообщники Пугачева.— Генерал-майор Кар.— Его неудача.— Гибель полковника Чернышева.— Кар оставляет армию.— Бибиков.

Оренбургские дела принимали худой оборот. С часу на час ожидали общего возмущения Яицкого войска; башкирцы, взволнованные своими старшинами (которых Пугачев успел задарить верблюдами и товарами, захваченными у бухарцев), начали нападать на русские селения и кучами присоединяться к войску бунтовщиков. Служивые калмыки бежали с форпостов. Мордва, чуваши, черемисы перестали повиноваться русскому начальству. Господские крестьяне явно оказывали свою приверженность самозванцу, и вскоре не только Оренбургская, но и пограничные с нею губернии пришли в опасное колебание.

Губернаторы, казанский — фон Брант, сибирский — Чичерин и астраханский — Кречетников, вслед за Рейнсдорпом, известили государственную Военную коллегию о яицких происшествиях. Императрица с беспокойством обратила внимание на возникающее бедствие. Тогдашние обстоятельства сильно благоприятствовали беспорядкам. Войска отовсюду были отвлечены в Турцию и в волнующуюся Польшу. Строгие меры, принятые по всей России для прекращения недавно свирепствовавшей чумы, производили в черни общее негодование. Рекрутский набор усиливал затруднения. Повелено было нескольким ротам и эскадронам из Москвы, Петербурга, Новагорода и Бахмута наскоро следовать в Казань. Начальство над ними поручено генерал-майору Кару, отличившемуся в Польше твердым исполнением строгих предписаний начальства.

Он находился в Петербурге, при приеме рекрут. Ему велено было сдать свою бригаду генерал-майору Нащокину и спешить к местам, угрожаемым опасностию. К нему присоединили генерал-майора Фреймана, уже усмирявшего раз яицкое войско и хорошо знавшего театр новых беспорядков. Начальникам окрестных губерний велено было, с их стороны, делать нужные распоряжения. Манифестом от 15 октября правительство объявляло народу о появлении самозванца, увещевая обольщенных отстать заблаговременно от преступного заблуждения. [1]

Обратимся к Оренбургу.

В сем городе находилось до трех тысяч войска и до семидесяти орудий. С таковыми средствами можно и должно было уничтожить мятежников. К несчастию, между военными начальниками не было ни одного, знавшего свое дело. Оробев с самого начала, они дали время Пугачеву усилиться и лишили себя средств к наступательным движениям. Оренбург претерпел бедственную осаду, коей любопытное изображение сохранено самим Рейнсдорпом. [2]

Несколько дней появление Пугачева было тайною для оренбургских жителей, но молва о взятии крепостей вскоре разошлась по городу, а поспешное выступление Билова [3] подтвердило справедливые слухи. В Оренбурге оказалось волнение; казаки с угрозами роптали; устрашенные жители говорили о сдаче города. Схвачен был зачинщик смятения, отставной сержант, [4] подосланный Пугачевым. В допросе он показал, что имел намерение заколоть губернатора. В селениях, около Оренбурга, начали показываться возмутители. Рейнсдорп обнародовал объявление о Пугачеве, о коем объяснял его настоящее звание и прежние преступления.[5] Оно было писано темным и запутанным слогом. В нем было сказано, что о *злодействующем с яицкой стороны носится слух, якобы он другого состояния, нежели как есть;* но что он в самом деле донской казак Емельян Пугачев, за прежние преступления наказанный кнутом с поставлением на лице знаков. Сие показание было несправедливо. [6] Рейнсдорп поверил ложному слуху, и мятежники потом торжествовали, укоряя его в клевете. [7]

Казалось, все меры, предпринимаемые Рейнсдорпом, обращались ему во вред. В оренбургском остроге содержался тогда в оковах злодей, известный под именем Хло-

пуши. Двадцать лет разбойничал он в тамошних краях; три раза ссылаем был в Сибирь, и три раза находил способ уходить. Рейнсдорп вздумал [8] употребить смышленого каторжника и чрез него переслать в шайку Пугачевскую увещевательные манифесты. Хлопуша клялся в точности исполнить его препоручения. Он был освобожден, явился прямо к Пугачеву и вручил ему самому все губернаторские бумаги. «Знаю, братец, что тут написано»,— сказал безграмотный Пугачев и подарил ему полтину денег и платье недавно повешенного киргизца. Хорошо зная край, на который так долго наводил ужас своими разбоями, Хлопуша сделался ему необходим. Пугачев наименовал его полковником и поручил ему грабеж и возмущение заводов. Хлопуша оправдал его доверенность. Он пошел по реке Сакмаре, возмущая окрестные селения, явился на Бугульчанской и Стерлитамацкой пристанях и на уральских заводах и переслал оттоле Пугачеву пушки, ядра и порох, умножа свою шайку приписными крестьянами и башкирцами, товарищами его разбоев.

5 октября Пугачев со своими силами расположился лагерем на казачьих лугах, в пяти верстах от Оренбурга. Он тотчас двинулся вперед и под пушечными выстрелами поставил одну батарею на паперти церкви у самого предместия, а другую в загородном губернаторском доме. Он отступил, отбитый сильною пальбою. В тот же день, по приказанию губернатора, предместие было выжжено. Уцелела одна только изба и Георгиевская церковь. Жители переведены были в город, и им обещано вознаграждение за весь убыток. Начали очищать ров, окружающий город, а вал обносить рогатками.

Ночью около всего города запылали скирды заготовленного на зиму сена. Губернатор не успел перевезти оное в город. Противу зажигателей (уже на другой день утром) выступил майор Наумов (только что прибывший из Яицкого городка). С ним было тысяча пятьсот человек конницы и пехоты. Встреченный пушками, он перестреливался и отступил безо всякого успеха. Его солдаты робели, а казакам он не доверял.

Рейнсдорп собрал опять совет из военных и гражданских своих чиновников и требовал от них письменного мнения: выступить ли еще противу злодея, или под защитой городских укреплений ожидать прибытия новых войск? На сем совете действительный статский советник

Старов-Милюков один объявил мнение, достойное военного человека: *идти противу бунтовщиков*. Прочие боялись новою неудачею привести жителей в опасное уныние и только думали защищаться. С последним мнением согласился и Рейнсдорп.

8 октября мятежники выехали грабить Меновой двор, находившийся в трех верстах от города.[9] Высланный противу их отряд прогнал их, убив на месте двести человек и захватив до ста шестнадцати. Рейнсдорп, желая воспользоваться сим случаем, несколько ободрившим его войско, хотел на другой день выступить противу Пугачева; но все начальники единогласно донесли ему, что на войско никаким образом положиться было невозможно: солдаты, приведенные в уныние и недоумение, сражались неохотно; а казаки на самом месте сражения могли соединиться с мятежниками, и следствия их измены были бы гибелью для Оренбурга. Бедный Рейнсдорп не знал, что делать.[10] Он кое-как успел, однако ж, уговорить и усовестить своих подчиненных, и 12 октября Наумов вывел опять из города свое ненадежное войско.

Сражение завязалось. Артиллерия Пугачева была превосходнее числом вывезенной из города. Оренбургские казаки с непривычки робели ядер и жались к городу, под прикрытие пушек, расставленных по валу. Отряд Наумова был окружен со всех сторон многочисленными толпами. Он выстроился в каре и начал отступать, отстреливаясь от неприятеля. Сражение продолжалось четыре часа. Наумов убитыми, ранеными и бежавшими потерял сто семнадцать человек.

Не проходило дня без перестрелок. Мятежники толпами разъезжали около городского вала и нападали на фуражиров. Пугачев несколько раз подступал под Оренбург со всеми своими силами. Но он не имел намерения взять его приступом. «Не стану тратить людей,— говорил он сакмарским казакам,— а выморю город мором». Не раз находил он способ доставлять жителям возмутительные свои листы. Схватили в городе несколько злодеев, подосланных от самозванца: у них находили порох и фитили.

Вскоре в Оренбурге оказался недостаток в сене. У войска и у жителей худые и к работе неспособные лошади были отобраны и отправлены частию к Илецкой Защите и к Верхо-Яицкой крепости, частию в Уфимский уезд. Но в нескольких верстах от города лошади были захва-

чены бунтующими крестьянами и татарами, а казаки, гнавшие табун, отосланы к Пугачеву.

Осенняя стужа настала ранее обыкновенного. С 14 октября начались уже морозы; 16-го выпал снег. 18-го Пугачев, зажегши свой лагерь, со всеми тяжестями пошел обратно от Яика к Сакмаре и расположился под Бердскою [11] слободою, близ летней сакмарской дороги, в семи верстах от Оренбурга. Оттоле разъезды его не преставали тревожить город, нападать на фуражиров и держать гарнизон во всегдашнем опасении.

2 ноября Пугачев со всеми силами подступил опять к Оренбургу и, поставя около всего города батареи, открыл ужасный огонь. С городской стены отвечали ему тем же. Между тем человек тысяча из его пехоты, со стороны реки закравшись в погреба выжженного предместия, почти у самого вала и рогаток, стреляли из ружей и сайдаков. Сам Пугачев ими предводительствовал. Егеря полевой команды выгнали их из предместия. Пугачев едва не попался в плен. Вечером огонь утих; но во всю ночь мятежники пальбою сопровождали бой часов соборной церкви, делая по выстрелу на каждый час.

На другой день огонь возобновился, несмотря на стужу и метель. Мятежники в церкви разложили огонь, истопили избу, уцелевшую в выжженном предместии, и грелись попеременно. Пугачев поставил пушку на паперти, а другую велел втащить на колокольню. В версте от города находилась высокая мишень, служившая целью во время артиллерийских учений. Мятежники устроили там свою главную батарею. Обоюдная пальба продолжалась целый день. Ночью Пугачев отступил, претерпев незначительный урон и не сделав вреда осажденным. [12] Утром из города высланы были невольники, под прикрытием казаков, срыть мишень и другие укрепления, а избу разломать. В церкви, куда мятежники приносили своих раненых, видны были на помосте кровавые лужи. Оклады с икон были ободраны, напрестольное одеяние изорвано в лоскутья. Церковь осквернена была даже калом лошадиным и человечьим.

Стужа усилилась. 6 ноября Пугачев с яицкими казаками перешел из своего нового лагеря в самую слободу. Башкирцы, калмыки и заводские крестьяне остались на прежнем месте, в своих кибитках и землянках. Разъезды, нападения и перестрелки не прекращались. С каждым

днем силы Пугачева увеличивались. Войско его состояло уже из двадцати пяти тысяч; ядром оного были яицкие казаки и солдаты, захваченные по крепостям; но около их скоплялось неимоверное множество татар, башкирцев, калмыков, бунтующих крестьян, беглых каторжников и бродяг всякого рода. Вся эта сволочь была кое-как вооружена, кто копьем, кто пистолетом, кто офицерскою шпагой. Иным розданы были штыки, наткнутые на длинные палки; другие носили дубины; большая часть не имела никакого оружия. Войско разделено было на полки, состоящие из пятисот человек. Жалованье получали одни яицкие казаки; прочие довольствовались грабежом. Вино продавалось от *казны*. Корм и лошадей доставали от башкирцев. За побег объявлена была смертная казнь. Десятник головою отвечал за своего беглеца. Учреждены были частые разъезды и караулы. Пугачев строго наблюдал за их исправностию, сам их объезжая, иногда и ночью. Учения (особенно артиллерийские) происходили почти всякий день. Церковная служба отправлялась ежедневно. На ектении поминали государя Петра Феодоровича и супругу его, государыню Екатерину Алексеевну. Пугачев, будучи раскольником, в церковь никогда не ходил. Когда ездил он по базару или по бердским улицам, то всегда бросал в народ медными деньгами. Суд и расправу давал сидя в креслах перед своею избою. По бокам его сидели два казака, один с булавою, другой с серебряным топором. Подходящие к нему кланялись в землю и перекрестясь целовали его руку. Бердская слобода была вертепом убийств и распутства. Лагерь полон был офицерских жен и дочерей, отданных на поругание разбойникам. Казни происходили каждый день. Овраги около Берды были завалены трупами расстрелянных, удавленных, четвертованных страдальцев. Шайки разбойников устремлялись во все стороны, пьянствуя по селениям, грабя казну и достояние дворян, но не касаясь крестьянской собственности. Смельчаки подъезжали к рогаткам оренбургским; иные, наткнув шапку на копье, кричали: «Господа казаки! пора вам одуматься и служить государю Петру Федоровичу». Другие требовали, чтобы им выдали Мартюшку Бородина (войскового старшину, прибывшего в Оренбург из Яицкого городка вместе с отрядом Наумова), и звали казаков к себе в гости, говоря: «У нашего батюшки вина много!» Из города противу их выезжали наездники, и завязыва-

лись перестрелки, иногда довольно жаркие. Нередко сам Пугачев являлся тут же, хвастая молодечеством. Однажды прискакал он, пьяный, потеряв шапку и шатаясь на седле,— и едва не попался в плен. Казаки спасли его и утащили, подхватив его лошадь под уздцы.[13]

Пугачев не был самовластен. Яицкие казаки, зачинщики бунта, управляли действиями прошлеца, не имевшего другого достоинства, кроме некоторых военных познаний и дерзости необыкновенной. Он ничего не предпринимал без их согласия; они же часто действовали без его ведома, а иногда и вопреки его воле. Они оказывали ему наружное почтение, при народе ходили за ним без шапок и били ему челом; но наедине обходились с ним как с товарищем и вместе пьянствовали, сидя при нем в шапках и в одних рубахах и распевая бурлацкие песни. Пугачев скучал их опекою. «Улица моя тесна»,— говорил он Денису Пьянову, пируя на свадьбе младшего его сына.[14] Не терпя постороннего влияния на царя, ими созданного, они не допускали самозванца иметь иных любимцев и поверенных. Пугачев в начале своего бунта взял к себе в писаря сержанта Кармицкого, простив его под самой виселицей. Кармицкий сделался вскоре его любимцем. Яицкие казаки, при взятии Татищевой, удавили его и бросили с камнем на шее в воду. Пугачев о нем осведомился. «Он пошел,— отвечали ему,— к своей матушке вниз по Яику». Пугачев, молча, махнул рукой. Молодая Харлова имела несчастие привязать к себе самозванца. Он держал ее в своем лагере под Оренбургом. Она одна имела право во всякое время входить в его кибитку; по ее просьбе прислал он в Озерную приказ — похоронить тела им повешенных при взятии крепости. Она встревожила подозрения ревнивых злодеев, и Пугачев, уступив их требованию, предал им свою наложницу. Харлова и семилетний брат ее были расстреляны. Раненые, они сползлись друг с другом и обнялись. Тела их, брошенные в кусты, оставались долго в том же положении.

В числе главных мятежников отличался Зарубин (он же и Чика), с самого начала бунта сподвижник и пестун Пугачева. Он именовался фельдмаршалом и был первый по самозванце. Овчинников, Шигаев, Лысов и Чумаков предводительствовали войском. Все они назывались именами вельмож, окружавших в то время престол Екатерины: Чика графом Чернышевым, Шигаев графом Воронцо-

вым, Овчинников графом Паниным, Чумаков графом Орловым.[15] Отставной артиллерийский капрал Белобородов пользовался полною доверенностию самозванца. Он вместе с Падуро́вым заведовал письменными делами у безграмотного Пугачева и ввел строгий порядок и повиновение в шайках бунтовщиков. Перфильев, при начале бунта находившийся в Петербурге по делам яицкого войска, обещался правительству привести казаков в повиновение и выдать самого Пугачева в руки правосудия; но, приехав в Берду, оказался одним из самых ожесточенных бунтовщиков и соединил судьбу свою с судьбою самозванца. Разбойник Хлопуша, из-под кнута клейменый рукою палача, с ноздрями, вырванными до хрящей, был один из любимцев Пугачева. Стыдясь своего безобразия, он носил на лице сетку или закрывался рукавом, как будто защищаясь от мороза.[16] Вот такие люди колебали государством!

Кар между тем прибыл на границу Оренбургской губернии. Казанский губернатор еще до приезда его успел собрать несколько сот гарнизонных, отставных и поселенных солдат и расположить их частию около Кичуевского фельдшанца, частию по реке Черемшану, на половине дороги от Кичуева до Ставрополя. На Волге находились человек тридцать рядовых при одном офицере для поимки разбойников: им велено было примечать за движениями бунтовщиков. Брант писал в Москву к генерал-аншефу князю Волконскому, требуя от него войска. Но московский гарнизон был весь отряжен для отвода рекрут, а Томский полк, находившийся в Москве, содержал караулы на заставах, учрежденных в 1771 году во время свирепствовавшей чумы. Князь Волконский мог отрядить только триста рядовых при одной пушке и тотчас послал их на подводах в Казань.

Кар предписал симбирскому коменданту, полковнику Чернышеву, идущему по Самарской линии к Оренбургу, занять как можно скорее Татищеву. Он был намерен, тотчас по прибытии генерал-майора Фреймана, находившегося в Калуге для приема рекрут, послать его на подкрепление Чернышеву. Кар не сумневался в успехе. «Опасаюсь только,— писал он графу З. Г. Чернышеву,— чтобы сии разбойники, сведав о приближении команд, не обратились бы в бег, не допустя до себя оных, по тем же самым местам, отколь они появились». Он предвидел

затруднения только в преследовании Пугачева, по причине зимы и недостатка в коннице.

В начале ноября, не дождавшись ни артиллерии, ни ста семидесяти гренадер, посланных к нему из Симбирска, ни высланных к нему из Уфы вооруженных башкирцев и мещеряков, он стал подаваться вперед. На дороге, во ста верстах от Оренбурга, он узнал, что отряженный от Пугачева ссыльный разбойник Хлопуша, вылив пушки на Овзяно-Петровском [17] заводе и возмутив приписных крестьян и окрестных башкирцев, возвращается под Оренбург. Кар поспешил пресечь ему дорогу и 7 ноября послал секунд-майора Шишкина с четырьмястами рядовых и двумя пушками в деревню Юзееву, [18] а сам с генералом Фрейманом и премиер-майором Ф. Варнстедом, только что подоспевшими из Калуги, выступил из Сарманаевой. Шишкин был встречен под самой Юзеевой шестьюстами мятежниками. Татары и вооруженные крестьяне, бывшие при нем, тотчас передались. Шишкин однако рассеял сию толпу несколькими выстрелами. Он занял деревню, куда Кар и Фрейман и прибыли в четвертом часу ночи. Войско было так утомлено, что невозможно было даже учредить конные разъезды. Генералы решились ожидать света, чтобы напасть на бунтовщиков, и на заре увидели перед собой ту же толпу. Мятежникам передали увещевательный манифест; они его приняли, но отъехали с бранью, говоря, что их манифесты правее, и начали стрелять из бывшей у них пушки. Их разогнали опять... В это время Кар услышал у себя в тылу четыре дальных пушечных выстрела. Он испугался и поспешно начал отступать, полагая себя отрезанным от Казани. Тут более двух тысяч мятежников наскакали со всех сторон и открыли огонь из девяти орудий. Пугачев сам ими предводительствовал. Хлопуша успел с ним соединиться. Рассыпавшись по полям на расстояние пушечного выстрела, они были вне всякой опасности. Конница Кара была утомлена и малочисленна. Мятежники, имея добрых лошадей, при наступлении пехоты отдалялись, проворно перевозя свои пушки с одной горы на другую, и таким образом семнадцать верст сопровождали отступающего Кара. Он целых восемь часов отстреливался из своих пяти пушек, бросил свой обоз и потерял (если верить его донесению) не более ста двадцати человек убитыми, ранеными и бежавшими. Башкирцы, ожидаемые из Уфы, не

бывали; находившиеся в недальнем расстоянии под начальством князя Уракова бежали, заслыша пальбу. Солдаты, по большей части престарелые или рекруты, громко роптали и готовы были сдаться; молодые офицеры, не бывавшие в огне, не умели их ободрить. Гренадеры, отправленные на подводах из Симбирска при поручике Карташове, ехали с такой оплошностию, что даже ружья не были у них заряжены и каждый спал в своих санях. Они сдались с четырех первых выстрелов, услышанных Каром поутру из деревни Юзеевой.

Кар потерял вдруг свою самонадеянность. С донесением о своем уроне он представил Военной коллегии, что для поражения Пугачева нужны не слабые отряды, а целые полки, надежная конница и сильная артиллерия. Он немедленно послал повеление полковнику Чернышеву не выступать из Переволоцкой и стараться в ней укрепиться в ожидании дальнейших распоряжений. Но посланный к Чернышеву не мог уже его догнать.

11 ноября Чернышев выступил из Переволоцкой и 13-го в ночь прибыл в Чернореченскую. Тут он получил от двух илецких казаков, приведенных сакмарским атаманом, известие о разбитии Кара и о взятии ста семидесяти гренадер. В истине последнего показания Чернышев не мог усомниться: гренадеры были отправлены им самим из Симбирска, где они находились при отводе рекрут. Он не знал, на что решиться: отступить ли к Переволоцкой, или спешить к Оренбургу, куда накануне отправил он донесение о своем приближении. В сие время явились к нему пять казаков и один солдат, которые, как уверяли, бежали из пугачевского стана. Между ими находился казацкий сотник и депутат[19] Падуро́в. Он уверил Чернышева в своем усердии, представя в доказательство свою депутатскую медаль, и советовал немедленно идти к Оренбургу, вызываясь провести его безопасными местами. Чернышев ему поверил и в тот же час, без барабанного бою, выступил из Чернореченской. Падуров вел его горами, уверяя, что передовые караулы Пугачева далеки и что если на рассвете они его и увидят, то опасность уже минуется и он беспрепятственно успеет вступить в Оренбург. Утром Чернышев пришел к Сакмаре и при урочище Маяке, в пяти верстах от Оренбурга, начал переправляться по льду. С ним было тысяча пятьсот солдат и казаков, пятьсот калмыков и двенадцать пушек.

Капитан Ружевский переправился первый с артиллерией и легким войском; он тотчас, взяв с собой трех казаков, отправился в Оренбург и явился к губернатору с известием о прибытии Чернышева.— В самое сие время в Оренбурге услышали пушечную пальбу, которая через четверть часа и умолкла... Несколько времени спустя Рейнсдорп получил известие, что весь отряд Чернышева взят и ведется в лагерь Пугачева.

Чернышев был обманут Падуровым, который привел его прямо к Пугачеву. Мятежники вдруг на него бросились и овладели артиллерией. Казаки и калмыки изменили. Пехота, утомленная стужею, голодом и ночным переходом, не могла супротивляться. Всё было захвачено. Пугачев повесил Чернышева, тридцать шесть офицеров, одну прапорщицу и калмыцкого полковника,[20] оставшегося верным своему несчастному начальнику.

В то же самое время бригадир Корф вступал в Оренбург с двумя тысячами четырьмястами человек войска и с двадцатью орудиями. Пугачев напал и на него, но был отражен городскими казаками.

Оренбургское начальство казалось обезумленным от ужаса. 14 ноября Рейнсдорп, не подав накануне никакой помощи отряду несчастного Чернышева, вздумал сделать сильную вылазку. Всё войско, бывшее в городе (включая тут же и вновь прибывший отряд), было выведено в поле под предводительством обер-коменданта. Бунтовщики, верные своей системе, сражались издали и врассыпную, производя беспрестанный огонь из многочисленных своих орудий. Изнуренная городская конница не могла иметь и надежды на успех. Валленштерн принужден был составить каре и отступить, потеряв тридцать два человека.[21] В тот же день майор Варнстед, отряженный Каром на Ново-Московскую дорогу, встречен был сильным отрядом Пугачева и поспешно отступил, потеряв до двухсот человек убитыми.

Получив известие о взятии Чернышева, Кар совершенно упал духом и думал уже не о победе над презренным бунтовщиком, но о собственной безопасности. Он донес обо всем Военной коллегии, самовольно отказался от начальства, под предлогом болезни, дал несколько умных советов насчет образа действий противу Пугачева и, оставя свое войско на попечение Фрейману, уехал в Москву, где появление его произвело общий ропот. Императрица

строгим указом повелела его исключить из службы. С того времени жил он в своей деревне, где и умер в начале царствования Александра.

Императрица видела необходимость взять сильные меры противу возрастающего зла. Она искала надежного военачальника в преемники бежавшему Кару и выбрала генерал-аншефа Бибикова.— Александр Ильич Бибиков принадлежит к числу замечательнейших лиц Екатерининских времен, столь богатых людьми знаменитыми. В молодых еще летах он успел уже отличиться на поприще войны и гражданственности. Он служил с честию в семилетнюю войну и обратил на себя внимание Фридриха Великого. Важные препоручения были на него возлагаемы: в 1763 году послан он был в Казань для усмирения взбунтовавшихся заводских крестьян. Твердостию и благоразумною кротостию вскоре восстановил он порядок. В 1766 году, когда составлялась Комиссия нового уложения, он председательствовал в Костроме на выборах; сам был избран депутатом и потом назначен в предводители всего собрания. В 1771 году он назначен был на место генерал-поручика Веймарна главнокомандующим в Польшу, где в скором времени успел не только устроить упущенные дела, но и приобрести любовь и доверенность побежденных.

В эпоху, нами описываемую, находился он в Петербурге. Сдав недавно главное начальство над завоеванной Польшею генерал-поручику Романиусу, он готовился ехать в Турцию служить при графе Румянцове. Бибиков был холодно принят императрицею, дотоле всегда к нему благосклонной. Может быть, она была недовольна нескромными словами, вынужденными у него досадою; ибо усердный на деле и душою преданный государыне, Бибиков был брюзглив и смел в своих суждениях. Но Екатерина умела властвовать над своими предубеждениями. Она подошла к нему на придворном бале с прежней ласковой улыбкою и, милостиво с ним разговаривая, объявила ему новое его назначение. Бибиков отвечал, что он посвятил себя на службу отечеству, и тут же привел слова простонародной песни, применив их к своему положению:

Сарафан ли мой, дорогой сарафан!
Везде ты, сарафан, пригожаешься;
А не надо, сарафан, и под лавкою лежишь.

Он безотговорочно принял на себя многотрудную должность и 9 декабря отправился из Петербурга.

Приехав в Москву, Бибиков нашел старую столицу в страхе и унынии. Жители, недавние свидетели бунта и чумы, трепетали в ожидании нового бедствия. Множество дворян бежало в Москву из губерний, уже разоряемых Пугачевым или угрожаемых возмущением. Холопья, ими навезенные, распускали по площадям вести о вольности и о истреблении господ. Многочисленная московская чернь, пьянствуя и шатаясь по улицам, с явным нетерпением ожидала Пугачева. Жители приняли Бибикова с восторгом, доказывавшим, в какой опасности полагали себя. Он оставил Москву, спеша оправдать ее надежды.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Действия мятежников.— Майор Заев.— Взятие Ильинской крепости.— Смерть Камешкова и Воронова.— Состояние Оренбурга.— Осада Яицкого городка.— Сражение под Бердою.— Бибиков в Казани.— Екатерина II, помещица казанская.— Мнение Европы.— Вольтер.— Указ о доме и семействе Пугачева.

Разбитие Кара и Фреймана, погибель Чернышёва и неудачные вылазки Валленштерна и Корфа увеличили в мятежниках дерзость и самонадеянность. Они кинулись во все стороны, разоряя селения, города, возмущая народ, и нигде не находили супротивления. Торнов с шестьюстами человек взбунтовал и ограбил всю Нагайбацкую область. Чика, между тем, подступил под Уфу с десятитысячным отрядом и осадил ее в конце ноября. Город не имел укреплений, подобных оренбургским; однако ж комендант Мясоедов и дворяне, искавшие в нем убежища, решились обороняться. Чика, не отваживаясь на сильные нападения, остановился в селе Чесноковке в десяти верстах от Уфы, взбунтовал окрестные деревни, большею частию башкирские, и отрезал город от всякого сообщения. Ульянов, Давыдов и Белобородов действовали между Уфою и Казанью. Между тем Пугачев послал Хлопушу с пятьюстами человек и шестью пушками взять крепости Ильинскую и Верхне-Озерную, к востоку от Оренбурга. Для защиты сей стороны отряжен был сибирским губернатором Чичериным генерал-поручик Декалонг и генерал-майор Станиславский.[1] Первый прикрывал границы сибирские; последний находился в Орской[2] крепости, действуя нерешительно, теряя бодрость при малейшей опасности и под различными предлогами отказываясь от исполнения своего долга.

Хлопуша взял Ильинскую, на приступе заколов коменданта, поручика Лопатина; но пощадил офицеров и

не разорил даже крепости. Он пошел на Верхне-Озерную. Комендант, подполковник Демарин, отразил его нападение. Узнав о том, Пугачев сам поспешил на помощь Хлопуше и, соединясь с ним 26 ноября утром, подступил тот же час к крепости. Целый день пальба не умолкала. Несколько раз мятежники спешась ударяли в копья, но всегда были опрокинуты. Вечером Пугачев отступил в башкирскую деревню, за двенадцать верст от Верхне-Озерной. Тут узнал он, что с Сибирской линии идут к Ильинской три роты, отряженные генерал-майором Станиславским. Он пошел пресечь им дорогу.

Майор Заев, начальствовавший сим отрядом, успел, однако, занять Ильинскую (27 ноября). Крепость, оставленная Хлопушею, не была им выжжена. Жители не были выведены. Между ими находилось несколько пленных конфедератов. Стены и некоторые избы были повреждены. Войско всё было взято, кроме одного сержанта и раненого офицера. Анбар был отворен. Несколько четвертей муки и сухарей валялись на дворе. Одна пушка брошена была в воротах. Заев наскоро сделал некоторые распоряжения, расставил по трем бастионам три пушки, бывшие в его отряде (на четвертый недостало); также учредил караулы и разъезды и стал ожидать неприятеля.

На другой день в сумерки Пугачев явился перед крепостью. Мятежники приближились и, разъезжая около ее, кричали часовым: «Не стреляйте и выходите вон: здесь государь». По них выстрелили из пушки. Убило ядром одну лошадь. Мятежники скрылись и через час показались из-за горы, скача врассыпную под предводительством самого Пугачева. Их отогнали пушками. Солдаты и пленные поляки (особливо последние) с жаром просились на вылазку; но Заев не согласился, опасаясь от них измены. «Оставайтесь здесь и защищайтесь,— сказал он им,— а я от генерала выходить на вылазку повеления не имею».

29-го Пугачев подступил опять, везя две пушки на санях и перед ними подвигая несколько возов сена. Он кинулся к бастиону, на котором не было пушки. Заев поспешил поставить там две; но прежде, нежели успели их перетащить, мятежники разбили ядрами деревянный бастион, спешась, бросились и доломали его и с обычным воплем ворвались в крепость. Солдаты расстроились и побежали. Заев, почти все офицеры и двести рядовых были убиты. Остальных погнали в ближнюю татарскую

деревню. Пленные солдаты приведены были против заряженной пушки. Пугачев, в красном казацком платье, приехал верхом в сопровождении Хлопуши. При его появлении солдаты поставлены были на колени. Он сказал им: «Прощает вас бог и я, ваш государь Петр III, император. Вставайте!» Потом велел оборотить пушку и выпалить в степь. Ему представили капитана Камешкова и прапорщика Воронова. История должна сохранить сии смиренные имена. «Зачем вы шли на меня, на вашего государя?» — спросил победитель. «Ты нам не государь,— отвечали пленники: — у нас в России государыня императрица Екатерина Алексеевна и государь цесаревич Павел Петрович, а ты вор и самозванец». Они тут же были повешены.— Потом привели капитана Башарина. Пугачев, не сказав уже ему ни слова, велел было вешать и его. Но взятые в плен солдаты стали за него просить. «Коли он был до вас добр,— сказал самозванец,— то я его прощаю». И велел его так же, как и солдат, остричь по-казацки, а раненых отвезти в крепость. Казаки, бывшие в отряде, были приняты мятежниками, как товарищи. На вопрос, зачем они тотчас не присоединились к осаждающим, они отвечали, что боялись солдат.

От Ильинской Пугачев опять обратился к Верхне-Озерной. Ему непременно хотелось ее взять, тем более, что в ней находилась жена бригадира Корфа. Он грозился ее повесить, злобясь на ее мужа, который думал обмануть его лживыми переговорами. [3]

30 ноября он снова окружил крепость и целый день стрелял по ней из пушек, покушаясь на приступ то с той, то с другой стороны. Демарин, для ободрения своих, целый день стоял на валу, сам заряжая пушку. Пугачев отступил и хотел идти противу Станиславского, но, перехватив оренбургскую почту, раздумал и возвратился в Бердскую слободу.

Во время его отсутствия Рейнсдорп хотел сделать вылазку, и 30-го, ночью, войско выступило было из городу; но лошади, изнуренные бескормицей, падали и дохли под тяжестью артиллерии, а несколько казаков бежало. Валленштерн принужден был возвратиться.

В Оренбурге начинал оказываться недостаток в съестных припасах. Рейнсдорп требовал оных от Декалонга и Станиславского. Оба отговаривались. Он ежечасно ожидал прибытия нового войска и не получал о нем никакого

известия, будучи отрезан отовсюду, кроме Сибири и киргиз-кайсацких степей. Для поимки языка высылал он иногда до тысячи человек и то нередко без успеха. Вздумал он, по совету Тимашева, расставить капканы около вала и как волков ловить мятежников, разъезжающих ночью близ города. Сами осажденные смеялись над сею военной хитростию, хотя им было не до смеха; а Падуров, в одном из своих писем, язвительно упрекал губернатора его неудачной выдумкой, предрекая ему гибель и насмешливо советуя покориться самозванцу. [4]

Яицкий городок, сие первое гнездо бунта, долго не выходил из повиновения, устрашенный войском Симонова. Наконец частые пересылки с бунтовщиками и ложные слухи о взятии Оренбурга ободрили приверженцев Пугачева. Казаки, отряжаемые Симоновым из города для содержания караулов или для поимки возмутителей, подсылаемых из Бердской слободы, начали явно оказывать неповиновение, освобождать схваченных бунтовщиков, вязать верных старшин и перебегать в лагерь к самозванцу. Разнесся слух о приближении мятежнического отряда. В ночь с 29 на 30 декабря старшина Мостовщиков выступил противу него. Чрез несколько часов трое из бывших с ним казаков прискакали в крепость и объявили, что Мостовщиков в семи верстах от города был окружен и захвачен многочисленными толпами бунтовщиков. Смятение в городе было велико. Симонов оробел; к счастию, в крепости находился капитан Крылов, человек решительный и благоразумный. Он в первую минуту беспорядка принял начальство над гарнизоном и сделал нужные распоряжения. 31 декабря отряд мятежников, под предводительством Толкачева, вошел в город. Жители приняли его с восторгом и тут же, вооружась чем ни попало, с ним соединились, бросились к крепости изо всех переулков, засели в высокие избы и начали стрелять из окошек. Выстрелы, говорит один свидетель, сыпались подобно дроби, битой десятью барабанщиками. В крепости падали не только люди, стоявшие на виду, но и те, которые на минуту приподымались из-за заплотов.— Мятежники, безопасные в десяти саженях от крепости, и большею частию *гулебщики* (охотники) попадали даже в щели, из которых стреляли осажденные. Симонов и Крылов хотели зажечь ближайшие дома. Но бомбы падали в снег и угасали или тотчас были заливаемы. Ни одна изба

не загоралась. Наконец трое рядовых вызвались зажечь ближайший двор, что им и удалось. Пожар быстро распространился. Мятежники выбежали; из крепости начали по них стрелять из пушек; они удалились, унося убитых и раненых. К вечеру ободренный гарнизон сделал вылазку и успел зажечь еще несколько домов.

В крепости находилось до тысячи гарнизонных солдат и послушных; довольное количество пороху, но мало съестных припасов. Мятежники осадили крепость, завалили бревнами обгорелую площадь и ведущие к ней улицы и переулки, за строениями взвели до шестнадцати батарей, в избах, подверженных выстрелам, поделали двойные стены, засыпав промежуток землею, и начали вести подкопы. Осажденные старались только отдалить неприятеля, очищая площадь и нападая на укрепленные избы. Сии опасные вылазки производились ежедневно, иногда два раза в день, и всегда с успехом: солдаты были остервенены, а послушные не могли ожидать пощады от мятежников.

Положение Оренбурга становилось ужасным. У жителей отобрали муку и крупу и стали им производить ежедневную раздачу. Лошадей давно уже кормили хворостом. Большая часть их пала и употреблена была в пищу. Голод увеличивался. Куль муки продавался (и то самым тайным образом) за двадцать пять рублей. По предложению Рычкова (академика, находившегося в то время в Оренбурге) стали жарить бычачьи и лошадиные кожи и, мелко изрубив, мешать в хлебы. Произошли болезни. Ропот становился громче. Опасались мятежа.

В сей крайности Рейнсдорп решился еще раз попробовать счастия оружия, и 13 января все войска, находившиеся в Оренбурге, выступили из города тремя колоннами под предводительством Валленштерна, Корфа и Наумова. Но темнота зимнего утра, глубина снега и изнурение лошадей препятствовали дружному содействию войск. Наумов первый прибыл к назначенному месту. Мятежники увидели его и успели сделать свои распоряжения. Валленштерн, долженствовавший занять высоты у дороги из Берды в Каргале, был предупрежден. Корф был встречен сильным пушечным огнем; толпы мятежников начали заезжать в тыл обеим колоннам. Казаки, оставленные в резерве, бежали от них и, прискакав к колонне Валленштерна, произвели общий беспорядок. Он очутился между

трех огней; солдаты его бежали; Валленштерн отступил; Корф ему последовал; Наумов, сначала действовавший довольно удачно, страшась быть отрезанным, кинулся за ними. Всё войско бежало в беспорядке до самого Оренбурга, потеряв до четырехсот убитыми и ранеными и оставя пятнадцать орудий в руках разбойников. После сей неудачи Рейнсдорп уже не осмеливался действовать наступательно и под защитою стен и пушек стал ожидать своего освобождения.

Бибиков прибыл в Казань 25 декабря. В городе не нашел он ни губернатора, ни главных чиновников. Большая часть дворян и купцов бежала в губернии еще безопасные. Брант был в Козьмодемьянске. Приезд Бибикова оживил унывший город; выехавшие жители стали возвращаться. 1 января 1774 года, после молебствия и слова, говоренного казанским архиереем Вениамином, Бибиков собрал у себя дворянство и произнес умную и сильную речь, в которой, изобразив настоящее бедствие и попечения правительства о пресечении оного, обратился к сословию, которое вместе с правительством обречено было на гибель крамолою, и требовал содействия от его усердия к отечеству и верности к престолу. Речь сия произвела глубокое впечатление. Собрание тут же положило на свой счет составить и вооружить конное войско, поставя с двухсот душ одного рекрута. Генерал-майор Ларионов, родственник Бибикова, был избран в начальники легиона. Дворянство симбирское, свияжское и пензенское последовало сему примеру: были составлены еще два конных отряда и поручены начальству майоров Гладкова и Чемесова и капитана Матюнина. Казанский магистрат также вооружил на свое иждивение один эскадрон гусар.

Императрица изъявила казанскому дворянству монаршее благоволение, милость и покровительство и в особом письме к Бибикову, именуя себя казанской помещицей, вызывалась принять участие в мерах, предпринимаемых общими силами. Дворянский предводитель Макаров отвечал императрице речью, сочиненной гвардии подпоручиком Державиным, находившимся тогда при главнокомандующем. [5]

Бибиков, стараясь ободрить окружавших его жителей и подчиненных, казался равнодушным и веселым; но беспокойство, досада и нетерпение терзали его. В письмах к графу Чернышеву, Фонвизину и своим родственникам

он живо изображает затруднительность своего положения. 30 декабря писал он своей жене: «Наведавшись о всех обстоятельствах, дела́ здесь нашел прескверны, так что и описать, буде б хотел, не могу; вдруг себя увидел гораздо в худших обстоятельствах и заботе, нежели как сначала в Польше со мною было. Пишу день и ночь, пера из рук не выпуская; делаю всё возможное и прошу господа о помощи. Он един исправить может своею милостию. Правда, поздненько хватились. Войска мои прибывать начали вчера; баталион гренадер и два эскадрона гусар, что я велел везти на почте, прибыли. Но к утушению заразы сего очень мало, а зло таково, что похоже (помнишь) на петербургский пожар, как в разных местах вдруг горело и как было поспевать всюду трудно. Со всем тем, с надеждою на бога, буду делать, что только в моей возможности будет. Бедный старик губернатор Брант так замучен, что насилу уже таскается. Отдаст богу ответ в пролитой крови и погибели множества людей невинных, кто скоростию перепакостил здешние дела и обнажил от войск. Впрочем, я здоров, только пить ни есть не хочется, и сахарные яства на ум нейдут. Зло велико, преужасно. Батюшку, милостивого государя, прошу о родительских молитвах, а праведную [6] Евпраксию нередко поминаю. Ух! дурно».

В самом деле, положение дел было ужасно. Общее возмущение башкирцев, калмыков и других народов, рассеянных по тамошнему краю, отвсюду пресекало сообщение. Войско было малочисленно и ненадежно. Начальники оставляли свои места и бежали, завидя башкирца с сайдаком или заводского мужика с дубиною. [7] Зима усугубила затруднения. Степи покрыты были глубоким снегом. [8] Невозможно было двинуться вперед, не запасшись не только хлебом, но и дровами. [9] Селения были пусты, главные города в осаде, другие заняты шайками бунтовщиков, заводы разграблены и выжжены, чернь везде волновалась и злодействовала. Войска, посланные изо всех концов государства, подвигались медленно. Зло, ничем не прегражденное, разливалось быстро и широко. От Илецкого городка до Гурьева яицкие казаки бунтовали. Губернии Казанская, Нижегородская и Астраханская [10] были наполнены шайками разбойников; пламя могло ворваться в самую Сибирь; в Перми начинались беспокойства; Екатеринбург был в опасности. Киргиз-кай-

саки, пользуясь отсутствием войск, начали переходить через открытую границу, грабить хутора, отгонять скот, захватывать жителей. [11] Закубанские народы шевелились, возбуждаемые Турцией; даже некоторые из европейских держав думали воспользоваться затруднительным положением, в коем находилась тогда Россия. [12]

Виновник сего ужасного смятения привлекал общее внимание. В Европе принимали Пугачева за орудие турецкой политики. Вольтер, тогдашний представитель господствующих мнений, писал Екатерине: C'est apparemment le chevalier de Tott qui a fait jouer cette farce, mais nous ne sommes plus au temps de Demetrius, et telle pièce de théâtre qui réussissait il y a deux cents ans est sifflée aujourd'hui. Императрица, досадуя на сплетни европейские, отвечала Вольтеру с некоторым нетерпением: Monsieur, les gazettes seules font beaucoup de bruit du brigand Pougatschef lequel n'est en relation directe, ni indirecte avec m-r de Tott. Je fais autant de cas des canons fondus par l'un que des entreprises de l'autre. M-r de Pougatschef et m-r de Tott ont cependant cela de commun, que le premier file tous les jours sa corde de chanvre et que le second s'expose à chaque instant au cordon de soie.[13]

Несмотря на свое презрение к разбойнику, императрица не упускала ни одного средства образумить ослепленную чернь. Разосланы были всюду увещевательные манифесты; обещано десять тысяч рублей за поимку самозванца. Особенно опасались сношений Яика с Доном. Атаман Ефремов был сменен, а на его место избран Семен Сулин. Послано в Черкасск повеление сжечь дом и имущество Пугачева, а семейство его, *безо всякого оскорбления,* отправить в Казань, для уличения самозванца в случае поимки его. Донское начальство в точности исполнило слова высочайшего указа: дом Пугачева, находившийся в Зимовейской станице, был за год пред сим продан его женою, пришедшею в крайнюю бедность, и уже сломан и перенесен на чужой двор. Его перевезли на прежнее место и в присутствии духовенства и всей станицы сожгли. Палачи развеяли пепел на ветер, двор окопали и огородили, оставя навеки в запустение, как место проклятое. Начальство, от имени всех зимовейских казаков, просило дозволения перенести их станицу на другое место, *хотя бы и менее выгодное.* Государыня не согласилась на столь убыточное доказательство усердия и только пе-

реименовала Зимовейскую станицу в Потемкинскую, покрыв мрачные воспоминания о мятежнике славой имени нового, уже любезного ей и отечеству. Жена Пугачева, сын и две дочери (все трое малолетные) были отосланы в Казань, куда отправлен и родной его брат, служивший казаком во второй армии. Между тем отобраны следующие подробные сведения о злодее, колебавшем государство.[14]

Емельян Пугачев, Зимовейской станицы служилый казак, сын Ивана Михайлова, умершего в давних годах. Он был сорока лет от роду, росту среднего, смугл и худощав; волосы имел темно-русые, бороду черную, небольшую и клином. Верхний зуб был вышибен еще в ребячестве, в кулачном бою. На левом виску имел он белое пятно, а на обеих грудях знаки, оставшиеся после болезни, называемой черною немочью.[15] Он не знал грамоты и крестился по-раскольничьи. Лет тому десять женился он на казачке Софье Недюжиной, от которой имел пятеро детей. В 1770 году был он на службе во второй армии, находился при взятии Бендер и через год отпущен на Дон по причине болезни. Он ездил для излечения в Черкасск. По его возвращении на родину зимовейский атаман спрашивал его на станичном сбору, откуда взял он карюю лошадь, на которой приехал домой? Пугачев отвечал, что купил ее в Таганроге; но казаки, зная его беспутную жизнь, не поверили и послали его взять тому письменное свидетельство. Пугачев уехал. Между тем узнали, что он подговаривал некоторых казаков, поселенных под Таганрогом, бежать за Кубань. Положено было отдать Пугачева в руки правительству. Возвратясь в декабре месяце, он скрывался на своем хуторе, где и был пойман; но успел убежать; скитался месяца три неведомо где; наконец, в великом посту, однажды вечером пришел тайно к своему дому и постучался в окошко. Жена впустила его и дала знать о нем казакам. Пугачев был снова пойман и отправлен под караулом к сыщику, старшине Макарову, в Нижнюю Чирскую станицу, а оттуда в Черкасск. С дороги он бежал опять и с тех пор уже на Дону не являлся. Из показаний самого Пугачева, в конце 1772 года приведенного в Канцелярию дворцовых дел, известно уже было, что после своего побега скрывался он за польской границей, в раскольничьей слободе Ветке; потом взял паспорт с Добрянского форпоста, сказавшись выходцем из Поль-

ши, и пробрался на Яик, питаясь милостыней.— Все сии известия были обнародованы; между тем правительство запретило народу толковать о Пугачеве, коего имя волновало чернь. Сия временная полицейская мера имела силу закона до самого восшествия на престол покойного государя, когда разрешено было писать и печатать о Пугачеве. [16] Доныне престарелые свидетели тогдашнего смятения неохотно отвечают на вопросы любопытных.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Распоряжения Бибикова.— Первые успехи.— Взятие Самары и Заинска.— Державин.— Михельсон.— Продолжение осады Яицкого городка.— Свадьба Пугачева.— Разорение Илецкой Защиты.— Смерть Лысова.— Сражение под Татищевой.— Бегство Пугачева.— Казнь Хлопуши.— Освобождение Оренбурга.— Пугачев разбит вторично.— Сражение при Чесноковке.— Освобождение Уфы и Яицкого городка.— Смерть Бибикова.

Наконец войска, отовсюду посланные противу Пугачева, стали приближаться к месту своего назначения. Бибиков устремил их к Оренбургу. Генерал-майор князь Голицын с своим корпусом должен был заградить Московскую дорогу, действуя от Казани до Оренбурга. Генерал-майору Мансурову вверено было правое крыло для прикрытия Самарской линии, куда со своими отрядами следовали майор Муфель и подполковник Гринев. Генерал-майор Ларионов послан был к Уфе и к Екатеринбургу. Декалонг охранял Сибирь и должен был отрядить майора Гагрина с одною полевою командою для защиты Кунгура. В Малыковку послан был гвардии поручик Державин для прикрытия Волги со стороны Пензы и Саратова. Успех оправдал сии распоряжения. Бибиков сначала сомневался в духе своего войска. В одном из полков (во Владимирском) оказались было приверженцы Пугачева. Начальникам городов, через которые полк проходил, велено было разослать по кабакам переодетых чиновников. Таким образом возмутители были открыты и захвачены. Впоследствии Бибиков был доволен своими полками. «Дела мои, богу благодарение! (писал он в феврале) идут час от часу лучше; войски подвигаются к гнезду злодеев. Что мною довольны (в Петербурге), то я изо всех писем вижу, только спросили бы у гуся: не зябут ли ноги?»

Майор Муфель с одною полевою командою 29 декабря приблизился к Самаре, занятой накануне шайкою бунтовщиков, и, встреченный ими, разбил и гнал их до самого города. Тут они, под прикрытием городских пушек, думали супротивляться. Но драгуны ударили в палаши и въехали в город, рубя и попирая бегущих. В самое сие время в двух верстах от Самары показались ставропольские калмыки,[1] идущие на помощь бунтовщикам. Они побежали, увидя высланную противу их конницу. Город был очищен. Шесть пушек и двести пленных достались победителю. Вслед за Муфелем вступили в Самару подполковник Гринев и генерал-майор Мансуров. Последний немедленно послал отряд к Ставрополю для усмирения калмыков; но они разбежались, и отряд, не видав их, возвратился в Самару.

Полковник Бибиков, отряженный из Казани с четырьмя гренадерскими ротами и одним эскадроном гусар на подкрепление генерал-майора Фреймана, стоявшего в Бугульме безо всякого действия, пошел на Заинск, коего семидесятилетний комендант, капитан Мертвецов, принял с честью шайку разбойников, сдав им начальство над городом. Бунтовщики укрепились как умели, в пяти верстах от города Бибиков услышал уже их пушечную пальбу. Рогатки их были сломаны, батареи взяты, предместия заняты; всё бежало. Двадцать пять бунтовавших деревень пришли в повиновение. К Бибикову являлось в день до четырех тысяч раскаявшихся крестьян; им выдавали билеты и всех распускали по домам.

Державин, начальствуя тремя фузелерными ротами, привел в повиновение раскольничьи селения, находящиеся на берегах Иргиза, и орды племен, кочующих между Яиком и Волгою.[2] Узнав однажды, что множество народу собралось в одной деревне с намерением идти служить у Пугачева, он приехал с двумя казаками прямо к сборному месту и потребовал от народа объяснения. Двое из зачинщиков выступили из толпы, объявили ему свое намерение и начали к нему приступать с укорами и угрозами. Народ уже готов был остервениться. Но Державин строго на них прикрикнул и велел своим казакам вешать обоих зачинщиков. Приказ его был тотчас исполнен, и сборище разбежалось.

Генерал-майор Ларионов, начальник дворянского легиона, отряженный для освобождения Уфы, не оправдал

общей доверенности. «За грехи мои (писал Бибиков) навязался мне братец мой А. Л., который сам вызвался сперва командовать особливым деташментом, а теперь с места сдвинуть не могу». Ларионов оставался в Бакалах без всякого действия. Его неспособность заставила главнокомандующего послать на его место некогда раненного при его глазах и уже отличившегося в войне противу конфедератов офицера, подполковника Михельсона.

Князь Голицын принял начальство над войсками Фреймана. 22 января перешел он через Каму. 6 февраля соединился с ним полковник Бибиков; Мансуров — 10-го. Войско двинулось к Оренбургу.

Пугачев знал о приближении войск и мало о том заботился. Он надеялся на измену рядовых и на оплошность начальников. «Попадутся сами нам в руки»,— отвечал он своим сообщникам, когда настойчиво звали они его навстречу приближающихся отрядов. В случае ж поражения намеревался он бежать, оставя свою сволочь на произвол судьбы. Для того держал он на лучшем корму тридцать лошадей, выбранных им на скачке. Башкирцы подозревали его намерение и роптали. «Ты взбунтовал нас,— говорили они,— и хочешь нас оставить, а там нас будут казнить, как казнили отцов наших». (Казни 1740-го году были у них в свежей памяти. [3]) Яицкие же казаки в случае неудачи думали предать Пугачева в руки правительства и тем заслужить себе помилование. Они стерегли его как заложника. Бибиков понимал их и Пугачева, когда писал Фонвизину следующие замечательные строки: «Пугачев не что иное, как чучело, которым играют воры, яицкие казаки: не Пугачев важен; важно общее негодование». [4]

Пугачев из-под Оренбурга отлучился к Яицкому городку. Его прибытие оживило деятельность мятежников. 20 января он сам предводительствовал достопамятным приступом. Ночью взорвана была часть вала под батареею, устроенною при *Старице* (прежнем русле Яика). Мятежники, под дымом и пылью, с криком бросились к крепости, заняли ров и, ставя лестницы, силились взойти на вал, но были опрокинуты и отражены. Все жители, даже женщины и дети, подкрепляли их. Пугачев стоял во рву с копьем в руке, сначала стараясь лаской возбудить ревность приступающих, наконец сам коля бегущих. При

ступ длился девять часов сряду при неумолкной пальбе и перестрелке. Наконец подпоручик Толстовалов с пятидесятью охотниками сделал вылазку, очистил ров и прогнал бунтовщиков, убив до четырехсот человек и потеряв не более пятнадцати. Пугачев скрежетал. Он поклялся повесить не только Симонова и Крылова, но и всё семейство последнего, находившееся в то время в Оренбурге. Таким образом обречен был смерти и четырехлетний ребенок, впоследствии славный Крылов.

Пугачев в Яицком городке увидел молодую казачку Устинью Кузнецову и влюбился в нее. Он стал ее сватать. Отец и мать изумились и отвечали ему: «Помилуй, государь! Дочь наша не княжна, не королевна; как ей быть за тобою? Да и как тебе жениться, когда матушка государыня еще здравствует?» Пугачев, однако, в начале февраля женился на Устинье, наименовал ее императрицей, назначил ей штатс-дам и фрейлин из яицких казачек и хотел, чтоб на ектении поминали после государя Петра Федоровича супругу его государыню Устинью Петровну. Попы его не согласились, сказывая, что не получали на то разрешения от синода. Отказ их огорчил Пугачева; но он не настаивал в своем требовании. Жена его оставалась в Яицком городке, и он ездил к ней каждую неделю. Его присутствие ознаменовано было всегда новыми покушениями на крепость. Осажденные, с своей стороны, не теряли бодрости. Их пальба не умолкала, вылазки не прекращались.

19 февраля ночью прибежал из городу в крепость *малолеток* [5] и объявил, что с прошедшего дня подведен под колокольню подкоп, куда и положено двадцать пуд пороху, и что Пугачев назначал того же числа напасть на крепость. Извет показался невероятным. Симонов полагал, что малолеток был подослан нарочно для посеяния пустого страха. Осажденные вели контрмину и не слыхали никакой земляной работы: двадцатью пудами пороху мудрено взорвать было шестиярусную, высокую колокольню. Однако же, как под нею в подвале сохранялся весь пороховой запас (что могли знать и мятежники), то и поспешили оный убрать, разобрали кирпичный пол и начали вести контрмину. Гарнизон приготовился; ожидали взрыва и приступа. Не прошло и двух часов, как вдруг подкоп был приведен в действо; колокольня тихо зашаталась. Нижняя палата развалилась, и верхние шесть яру-

сов осели, подавив нескольких людей, находившихся близ колокольни. Камни, не быв разметаны, свалились в груду. Бывшие же в самом верхнем ярусе шесть часовых при пушке свалились оттоле живы; а один из них, в то время спавший, опустился не только без всякого вреда, но даже не проснувшись.

Еще колокольня валилась, как уже из крепости загремели пушки; гарнизон, стоявший в ружье, тотчас занял развалины колокольни и поставил там батарею. Мятежники, не ожидавшие таковой встречи, остановились в недоумении; чрез несколько минут они подняли свой обычный визг; но никто не шел вперед. Напрасно предводители кричали: на слом, на слом, атаманы молодцы! Приступу не было; визг продолжался до зари, и бунтовщики разошлись, ропща на Пугачева, обещавшего им, что при взрыве колокольни на крепость упадет каменный град и передавит весь гарнизон.

На другой день Пугачев получил из-под Оренбурга известие о приближении князя Голицына и поспешно уехал в Берду, взяв с собою пятьсот человек конницы и до полуторы тысячи подвод. Сия весть дошла и до осажденных. Они предались радости, рассчитывая, что помощь приспеет к ним чрез две недели. Но минута их освобождения была еще далека.

Во время частых отлучек Пугачева, Шигаев, Падуров и Хлопуша управляли осадою Оренбурга. Хлопуша, пользуясь его отсутствием, вздумал овладеть Илецкою Защитой [6] (где добывается каменная соль) и в конце февраля, взяв с собой четыреста человек, напал на оную. Защита была взята при помощи тамошних ссыльных работников, между коими находилось и семейство Хлопуши. Казенное имущество было разграблено; офицеры перебиты, кроме одного, пощаженного по просьбе работников; колодники присоединены к шайке мятежников. Пугачев, возвратясь в Берду, негодовал на своеволие смелого каторжника и укорял его за разорение Защиты, как за ущерб государственной казне. Пугачев выступил против князя Голицына с десятью тысячами отборного войска, оставя под Оренбургом Шигаева с двумя тысячами. Накануне велел он тайно задавить одного из верных своих сообщников, Дмитрия Лысова. Несколько дней пред тем они ехали вместе из Каргале в Берду, будучи оба пьяны, и дорогою поссорились. Лысов наскакал сзади на Пуга-

чева и ударил его копьем. Пугачев упал с лошади; но панцирь, который всегда носил он под платьем, спас его жизнь. Их помирили товарищи, и Пугачев пил еще с Лысовым за несколько часов до его смерти.

Пугачев занял крепости Тоцкую и Сорочинскую[7] и с обыкновенною дерзостию ночью, в сильный буран, напал на передовые отряды Голицына, но был отражен майорами Пушкиным и Елагиным. В сем сражении убит храбрый Елагин. В самое сие время Мансуров соединился с князем Голицыным. Пугачев отступил к Новосергиевской,[8] не успев сжечь крепостей, им оставленных. Голицын, оставя в Сорочинской свои запасы под прикрытием четырехсот человек при осьми пушках, через два дня пошел далее. Пугачев сделал движение на Илецкий городок и, вдруг поворотя к Татищевой, в ней засел и стал там укрепляться. Голицын послал было к Илецкому городку подполковника Бедрягу с тремя эскадронами конницы, подкрепляемой пехотою и пушками, а сам пошел прямо на Переволоцкую[9] (куда возвратился и Бедряга); оттуда, оставя обоз под прикрытием одного баталиона при подполковнике Гриневе, 22 марта подступил под Татищеву.

Крепость, в прошедшем году взятая и выжженная Пугачевым, была уже им исправлена. Сгоревшие деревянные укрепления были заменены снеговыми. Распоряжения Пугачева удивили князя Голицына, не ожидавшего от него таких сведений в военном искусстве. Голицын сначала отрядил триста человек для высмотру неприятеля.[10] Мятежники, притаясь, подпустили их к самой крепости и вдруг сделали сильную вылазку, но были удержаны двумя эскадронами, подкреплявшими первых. Полковник Бибиков тот же час послал егерей, которые, бегая на лыжах по глубокому снегу, заняли все выгодные высоты. Голицын разделил войска на две колонны, стал приближаться и открыл огонь, на который из крепости отвечали столь же сильно. Пальба продолжалась три часа. Голицын увидел, что одними пушками одолеть было невозможно, и велел генералу Фрейману с левой колонною идти на приступ. Пугачев выставил противу него семь пушек. Фрейман их отнял и бросился на оледенелый вал. Мятежники защищались отчаянно, но принуждены были уступить силе правильного оружия — и бежали во все стороны. Конница, дотоле не действовавшая, преследова-

ла их по всем дорогам. Кровопролитие было ужасно. В одной крепости пало до тысячи трехсот мятежников. На пространстве двадцати верст кругом, около Татищевой, лежали их тела. Голицын потерял до четырехсот убитыми и ранеными, в том числе более двадцати офицеров. [11] Победа была решительная. Тридцать шесть пушек и более трех тысяч пленных достались победителю. Пугачев с шестьюдесятью казаками пробился сквозь неприятельское войско и прискакал сам-пят в Бердскую слободу с известием о своем поражении. Бунтовщики начали выбираться из Берды, кто верхом, кто на санях. На воза громоздили заграбленное имущество. Женщины и дети шли пешие. Пугачев велел разбить бочки вина, стоявшие у его избы, опасаясь пьянства и смятения. Вино хлынуло по улице. Между тем Шигаев, видя, что всё пропало, думал заслужить себе прощение и, задержав Пугачева и Хлопушу,[12] послал от себя к оренбургскому губернатору с предложением о выдаче ему самозванца и прося дать ему сигнал двумя пушечными выстрелами. Сотник Логинов, сопровождавший бегство Пугачева, явился к Рейнсдорпу с сим известием. Бедный Рейнсдорп не смел поверить своему счастию и целых два часа не мог решиться дать требуемый сигнал! Пугачев и Хлопуша были между тем освобождены ссылочными, находившимися в Берде. Пугачев бежал с десятью пушками, с заграбленною добычею и с двумя тысячами остальной сволочи. Хлопуша прискакал к Каргале с намерением спасти жену и сына. Татары связали его и послали уведомить о том губернатора. Славный каторжник был привезен в Оренбург, где наконец отсекли ему голову в июне 1774 года.

Оренбургские жители, услышав о своем освобождении, толпами бросились из города вслед за шестьюстами человек пехоты, высланных Рейнсдорпом к оставленной слободе, и овладели жизненными запасами. В Берде найдено осьмнадцать пушек, семнадцать бочек медных денег [13] и множество хлеба. В Оренбурге спешили принести богу благодарение за нечаянное избавление. Благословляли Голицына. Рейнсдорп писал ему, поздравляя его с победою и называя спасителем Оренбурга. [14] Отовсюду начали в город навозить запасы. Настало изобилие, и бедственная шестимесячная осада была забыта в одно радостное мгновение. 26 марта Голицын приехал в Оренбург; жители приняли его с восторгом неописанным.

Бибиков с нетерпением ожидал сего перелома. Для ускорения военных действий выехал он из Казани и был встречен в Бугульме известием о совершенном поражении Пугачева. Он обрадовался несказанно. «То-то жернов с сердца свалился (писал он от 26 марта жене своей). Сегодня войдут мои в Оренбург; немедленно и я туда поспешу добраться, чтоб еще ловчее было поворачивать своими; а сколько седых волос прибавилось в бороде, то бог видит; а на голове плешь еще более стала: однако я по морозу хожу без парика».

Между тем Пугачев, миновав разосланные разъезды, прибыл утром 24-го в Сеитовскую [15] слободу, зажег ее и пошел к Сакмарскому городку, забирая дорогою новую сволочь. Он полагал наверное, что из Татищевой Голицын со всеми своими силами должен был обратиться к Яицкому городку, и вдруг пошел занять снова Бердскую слободу, надеясь нечаянно овладеть Оренбургом. Голицын, узнав о таковой дерзости чрез полковника Хорвата, преследовавшего Пугачева от самой Татищевой, усилил свое войско бывшими в Оренбурге пехотными отрядами и казаками; взяв для них последних лошадей у своих офицеров, немедленно пошел навстречу самозванцу и встретил его в Каргале. Пугачев, увидя свою ошибку, стал отступать, искусно пользуясь местоположением. На узкой дороге, против полковников Бибикова и Аршеневского, выставил он семь пушек и под их прикрытием проворно устремился к реке Сакмаре. Но тут к Бибикову подоспели пушки; он, заняв гору, выстроил батарею; Хорват, в последней теснине, бросясь на мятежников, отбил орудия и, обратя в бегство, восемь верст преследовал их толпы и вместе с ними въехал в Сакмарский городок. Пугачев потерял последние пушки, четыреста человек убитыми и три тысячи пятьсот взятыми в плен. В числе последних находились и главные его сообщники: Шигаев, Почиталин, Падуров и другие. Пугачев с четырьмя заводскими мужиками бежал к Пречистенской и оттоле на уральские заводы. Усталая конница не могла его достичь. После сей решительной победы Голицын возвратился в Оренбург, отрядив Фреймана — для усмирения Башкирии, Аршеневского — для очищения Ново-Московской дороги, а Мансурова — к Илецкому городку, дабы, очистя всю ту сторону, шел он на освобождение Симонова.

Михельсон с своей стороны действовал не менее удач-

но. Приняв 18 марта начальство над своим отрядом, он тотчас двинулся к Уфе. Противу него, для преграждения пути, выслано было Чикою две тысячи человек с четырьмя пушками, которые и ожидали его в деревне Жукове. Михельсон, оставя их у себя в тылу, пошел прямо на Чесноковку, где стоял Чика с десятью тысячами мятежников, и, рассея дорогою несколько мелких отрядов, 25-го на рассвете пришел в деревню Требикову (в пяти верстах от Чесноковки). Тут он был встречен толпою бунтовщиков с двумя пушками. Майор Харин разбил их и рассеял: егеря отняли пушки, и Михельсон двинулся вперед. Обоз его шел под прикрытием ста человек и одной пушки. Они прикрывали и тыл Михельсона в случае нападения. 26-го, на рассвете, у деревни Зубовки, встретил он мятежников. Часть их выбежала на лыжах и верхами и, растянувшись по обеим сторонам дороги, старалась окружить его. Три тысячи, подкрепленные десятью пушками, пошли прямо ему навстречу. Между тем открыли огонь из батареи, поставленной в деревне. Сражение продолжалось четыре часа. Бунтовщики дрались храбро. Наконец Михельсон, увидя конницу, идущую к ним на подкрепление, устремил все свои силы на главную толпу и велел своей коннице, спешившейся в начале сражения, садиться на конь и ударить в палаши. Передовые толпы бежали, брося пушки. Харин, рубя их, вместе с ними вступил в Чесноковку. Между тем конница, шедшая к ним на помощь в Зубовку, была отражена и бежала к Чесноковке же, где Харин встретил ее и всю захватил. Лыжники, успевшие зайти в тыл Михельсону и отрезать от него обоз, в то же время были разбиты двумя ротами гренадер. Они разбежались по лесам. Взято в плен три тысячи бунтовщиков. Заводские и экономические крестьяне распущены были по деревням. Захвачено двадцать пять пушек и множество запасов. Михельсон повесил двух главных бунтовщиков: башкирского старшину и выборного села Чесноковки. Уфа была освобождена. Михельсон, нигде не останавливаясь, пошел на Табинск, куда после Чесноковского дела прискакали Ульянов и Чика. Там они были схвачены [16] казаками и выданы победителю, который отослал их скованных в Уфу. После того Михельсон учредил разъезды во все стороны и успел восстановить спокойствие в большей части бунтовавших деревень.

Илецкий городок и крепости Озерная и Рассыпная, свидетели первых успехов Пугачева, были уже оставлены мятежниками. Начальники их, Чулошников и Кизилбашин, бежали в Яицкий городок. Весть о поражении самозванца под Татищевой в тот же день до них достигла. Беглецы, преследуемые гусарами Хорвата, проскакали через крепости, крича: спасайтесь, детушки! всё пропало! — Они наскоро перевязывали свои раны и спешили к Яицкому городку. Вскоре настала весенняя оттепель; реки вскрылись, и тела убитых под Татищевой поплыли мимо крепостей. Жены и матери стояли у берега, стараясь узнать между ними своих мужьев и сыновей. В Озерной старая казачка [17] каждый день бродила над Яиком, клюкою пригребая к берегу плывущие трупы и приговаривая: «Не ты ли, мое детище? не ты ли, мой Степушка? не твои ли черные кудри свежа вода моет?», и, видя лицо незнакомое, тихо отталкивала труп.

Мансуров 6 и 7 апреля занял оставленные крепости и Илецкий городок, нашед в последнем четырнадцать пушек. 15-го, при опасной переправе чрез разлившуюся речку Быковку, на него напали Овчинников, Перфильев и Дегтерев. Мятежники были разбиты и рассеяны; Бедряга и Бородин их преследовали; но распутица спасла предводителей. Мансуров немедленно пошел к Яицкому городку.

Крепость находилась в осаде с самого начала года. [18] Отсутствие Пугачева не охлаждало мятежников. В кузницах приготовлялись ломы и лопаты; возвышались новые батареи. Мятежники деятельно продолжали свои земляные работы, то обрывая берег Чечоры и тем уничтожая сообщение одной части города с другой, то копая траншеи, дабы препятствовать вылазкам. Они намерены были вести подкопы по яру Старицы, кругом всей крепости, под соборную церковь, под батареи и под комендантские палаты. Осажденные находились в вечной опасности и с своей стороны принуждены были отовсюду вести контрмины, с трудом прорубая землю, промерзшую на целый аршин; перегораживали крепость новою стеною и кулями, наполненными кирпичом взорванной колокольни.

9 марта на рассвете двести пятьдесят рядовых вышли из крепости; целью вылазки было уничтожение новой батареи, сильно беспокоившей осажденных. Солдаты

дошли до завалов, но были встречены сильным огнем. Они смешались. Мятежники хватали их в тесных проходах между завалами и избами, которые хотели они зажечь; кололи раненых и падающих и топорами отсекали им головы. Солдаты бежали. Убито их было до тридцати человек, ранено до осьмидесяти. Никогда с таким уроном гарнизон с вылазки не возвращался. Удалось сжечь одну батарею, не главную, да несколько изб. Показание трех захваченных бунтовщиков увеличило уныние осажденных: они объявили о подкопах, веденных под крепость, и о скором прибытии Пугачева. Устрашенный Симонов велел всюду производить новые работы; около его дома беспрестанно пробовали землю буравами; стали копать новый ров. Люди, изнуренные тяжкою работою, почти не спали; ночью половина гарнизона всегда стояла в ружье; другой позволено было только сидя дремать. Лазарет наполнился больными; съестных запасов оставалось не более как дней на десять. Солдатам начали выдавать в сутки только по четверть фунта муки, то есть десятую часть меры обыкновенной. Не было уже ни круп, ни соли. Вскипятив артельный котел воды и забелив ее мукою, каждый выпивал чашку свою, что и составляло их насуточную пищу. Женщины не могли более вытерпливать голода: они стали проситься вон из крепости, что и было им позволено; несколько слабых и больных солдат вышли за ними; но бунтовщики их не приняли, а женщин, продержав одну ночь под караулом, прогнали обратно в крепость, требуя выдачи своих сообщников и обещаясь за то принять и прокормить высланных. Симонов на то не согласился, опасаясь умножить число врагов. Голод час от часу становился ужаснее. Лошадиного мяса, раздававшегося на вес, уже не было. Стали есть кошек и собак. В начале осады, месяца за три до сего, брошены были на лед убитые лошади; о них вспомнили, и люди с жадностию грызли кости, объеденные собаками. Наконец и сей запас истощился. Стали изобретать новые способы к пропитанию. Нашли род глины, отменно мягкой и без примеси песку. Попробовали ее сварить и, составя из нее какой-то кисель, стали употреблять в пищу. Солдаты совсем обессилели. Некоторые не могли ходить. Дети больных матерей чахли и умирали. Женщины несколько раз покушались тронуть мятежников и, валяясь в их ногах, умоляли о позволении остаться в городе. Их отгоняли

с прежними требованиями. Одни казачки были приняты. Ожидаемой помощи не приходило. Осажденные отлагали свою надежду со дня на день, с недели на другую. Бунтовщики кричали гарнизону, что войска правительства разбиты, что Оренбург, Уфа и Казань уже преклонились самозванцу, что он скоро придет к Яицкому городку и что тогда уже пощады не будет. В случае ж покорности обещали они от его имени не только помилование, но и награды. То же старались они внушить и бедным женщинам, которые просились из крепости в город. Начальникам невозможно было обнадеживать осажденных скорым прибытием помощи; ибо никто не мог уж и слышать о том без негодования: так ожесточены были сердца долгим напрасным ожиданием! Старались удержать гарнизон в верности и повиновении, повторяя, что позорной изменою никто не спасется от гибели, что бунтовщики, озлобленные долговременным сопротивлением, не пощадят и клятвопреступников. Старались возбудить в душе несчастных надежду на бога всемогущего и всевидящего, и ободренные страдальцы повторяли, что лучше предать себя воле его, нежели служить разбойнику, и во всё время бедственной осады, кроме двух или трех человек, из крепости беглых не было.

Наступила страстная неделя. Осажденные питались одною глиною уже пятнадцатый день. Никто не хотел умереть голодною смертью. Решились все до одного (кроме совершенно изнеможенных) идти на последнюю вылазку. Не надеялись победить (бунтовщики так укрепились, что уже ни с какой стороны к ним из крепости приступу не было), хотели только умереть честною смертию воинов.

Во вторник, в день, назначенный к вылазке, часовые, поставленные на кровле соборной церкви, приметили, что бунтовщики в смятении бегали по городу, прощаясь между собою, соединялись и толпами выезжали в степь. Казачки провожали их. Осажденные догадывались о чем-то необыкновенном и предались опять надежде. «Всё это нас так ободрило,— говорит свидетель осады, претерпевший весь ее ужас,— как будто мы съели по куску хлеба». Мало-помалу смятение утихло; всё, казалось, вошло в обыкновенный порядок. Уныние овладело осажденными пуще прежнего. Они молча глядели в степь, отколе ожидали еще недавно избавителей... Вдруг, в пятом часу по-

полудни, вдали показалась пыль, и они увидели толпы, без порядка скачущие из-за рощи одна за другою. Бунтовщики въезжали в разные ворота, каждый в те, близ коих находился его дом. Осажденные понимали, что мятежники разбиты и бегут; но еще не смели радоваться; опасались отчаянного приступа. Жители бегали взад и вперед по улицам, как на пожаре. К вечеру ударили в соборный колокол, собрали круг, потом кучею пошли к крепости. Осажденные готовились их отразить; но увидели, что они ведут связанных своих предводителей, атаманов Каргина и Толкачева. Бунтовщики приближались, громко моля о помиловании. Симонов принял их, сам не веря своему избавлению. Гарнизон бросился на ковриги хлеба, нанесенные жителями. До светлого воскресения, пишет очевидец сих происшествий, оставалось еще четыре дня, но для нас уже сей день был светлым праздником. Самые те, которые от слабости и болезни не подымались с постели, мгновенно были исцелены. Всё в крепости было в движении, благодарили бога, поздравляли друг друга; во всю ночь никто не спал. Жители уведомили осажденных об освобождении Оренбурга и об скором прибытии Мансурова. 17 апреля прибыл Мансуров. Ворота крепости, запертые и заваленные с самого 30 декабря, отворились. Мансуров принял начальство над городом. Начальники бунта, Каргин, Толкачев и Горшков, и незаконная жена самозванца, Устинья Кузнецова, были под стражею отправлены в Оренбург.

Таков был успех распоряжений искусного, умного военачальника. Но Бибиков не успел довершить начатого им: измученный трудами, беспокойством и досадами, мало заботясь о своем уже расстроенном здоровье, он занемог в Бугульме горячкою и, чувствуя приближающуюся кончину, сделал еще несколько распоряжений. Он запечатал все свои тайные бумаги, приказав доставить их императрице, и сдал начальство генерал-поручику Щербатову, старшему по нем. Узнав по слухам об освобождении Уфы, он успел еще донести о том императрице и скончался 9 апреля, в 11 часов утра, на сорок четвертом году от рождения. Тело его несколько дней стояло на берегу Камы, через которую в то время не было возможности переправиться. Казань желала погрести его в своем соборе и соорудить памятник своему избавителю; но, по требованию его семейства, тело Бибикова отвезено было

в его деревню. Андреевская лента, звание сенатора и чин полковника гвардии не застали его в живых. Умирая говорил он: «Не жалею о детях и жене; государыня призрит их: жалею об отечестве».[19] — Молва приписала смерть его действию яда, будто бы данного ему одним из конфедератов. Державин воспел кончину Бибикова. Екатерина оплакала его и осыпала его семейство своими щедротами.[20] Петербург и Москва поражены были ужасом. Вскоре и вся Россия почувствовала невозвратную потерю.[21]

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Новые успехи Пугачева.— Башкирец Салават.— Взятие сибирских крепостей.— Сражение под Троицкой.— Отступление Пугачева.— Первая встреча его с Михельсоном.— Преследование Пугачева.— Бездействие войск.— Взятие Осы.— Пугачев под Казанью.

Пугачев, коего положение казалось отчаянным, явился на Авзяно-Петровских заводах. Овчинников и Перфильев, преследуемые майором Шевичем, проскакали через Сакмарскую линию с тремястами яицких казаков и успели с ним соединиться. Ставропольские и оренбургские калмыки хотели им последовать и в числе шестисот кибиток двинулись было к Сорочинской крепости. В ней находился при провианте и фураже отставной подполковник Мелькович, человек умный и решительный. Он принял начальство над гарнизоном и, на них напав, принудил их возвратиться на прежние жилища.

Пугачев быстро переходил с одного места на другое. Чернь по-прежнему стала стекаться около него; башкирцы, уже почти усмиренные, снова взволновались. Комендант Верхо-Яицкой крепости, полковник Ступишин, вошел в Башкирию, сжег несколько пустых селений и, захватив одного из бунтовщиков, отрезал ему уши, нос, пальцы правой руки и отпустил его, грозясь поступить таким же образом со всеми бунтовщиками. Башкирцы не унялись. Старый их мятежник Юлай, скрывшийся во время казней 1741 года,[1] явился между ими с сыном своим Салаватом. Вся Башкирия восстала, и бедствие разгорелось с вящей силою. Фрейман должен был преследовать Пугачева; Михельсон силился пресечь ему дорогу; но распутица его спасала. Дороги были непроходимы, люди вязли в бездонной грязи; реки разливались на несколько верст; ручьи становились реками. Фрейман остановился в Стерлитамацке. Михельсон, успевший еще перепра-

виться через Вятку по льду, а через Уфу на осьми лодках, продолжал путь, несмотря на всевозможные препятствия, и 5 мая у Симского завода настиг толпу башкирцев, предводительствуемых свирепым Салаватом. Михельсон прогнал их, завод освободил и через день пошел далее. Салават остановился в осьмнадцати верстах от завода, ожидая Белобородова. Они соединились и выступили навстречу Михельсону с двумя тысячами бунтовщиков и с осьмью пушками. Михельсон разбил их снова, отнял у них пушки, положил на месте до трехсот человек, рассеял остальных и спешил к Уйскому заводу, надеясь настигнуть самого Пугачева; но вскоре узнал, что самозванец находился уже на Белорецких заводах.

За рекою Юрзенем Михельсон успел разбить еще толпу мятежников и преследовал их до Саткинского завода. Тут узнал он, что Пугачев, набрав до шести тысяч башкирцев и крестьян, пошел на крепость Магнитную. Михельсон решился углубиться в Уральские горы, надеясь соединиться с Фрейманом около вершины Яика.

Пугачев, зажегши ограбленные им Белорецкие заводы, быстро перешел через Уральские горы и 5 мая приступил к Магнитной, не имея при себе ни одной пушки. Капитан Тихановский оборонялся храбро. Пугачев сам был ранен картечью в руку и отступил, претерпев значительный урон. Крепость казалась спасена; но в ней открылась измена: пороховые ящики ночью были взорваны. Мятежники бросились, разобрали заплоты и ворвались. Тихановский с женою были повешены; крепость разграблена и выжжена. В тот же день пришел к Пугачеву Белобородов с четырьмя тысячами бунтующей сволочи.

Генерал-поручик Декалонг из Челябинска, недавно освобожденного от бунтовщиков, двинулся к Верхо-Яицкой крепости, надеясь настигнуть Пугачева еще на Белорецких заводах; но, вышед на линию, получил от верхо-яицкого коменданта, полковника Ступишина, донесение, что Пугачев идет вверх по линии от одной крепости на другую, как в начале своего грозного появления. Декалонг спешил к Верхо-Яицкой. Тут узнал он о взятии Магнитной. Он двинулся к Кизильской. Но, прошед уже пятнадцать верст, узнал от пойманного башкирца, что Пугачев, услыша о приближении войска, шел уже не к Кизильской, а прямо Уральскими горами на Кара-

гайскую. Декалонг пошел назад. Приближаясь к Карагайской, он увидел одни дымящиеся развалины: Пугачев покинул ее накануне. Декалонг надеялся догнать его в Петрозаводской; но и тут уже его не застал. Крепость была разорена и выжжена, церковь разграблена, иконы ободраны и разломаны в щепы.

Декалонг, оставя линию, пошел внутреннею дорогою прямо на Уйскую крепость. У него оставалось овса только на одни сутки. Он думал настигнуть Пугачева хотя в Степной крепости; но, узнав, что и Степная уже взята, пустился к Троицкой. На дороге, в Сенарской, нашел он множество народа из окрестных разоренных крепостей. Офицерские жены и дети, босые, оборванные, рыдали, не зная, где искать убежища. Декалонг принял их под свое покровительство и отдал на попечение своим офицерам. 21 мая утром приближился он к Троицкой, прошед шестьдесят верст усиленным переходом, и наконец увидел Пугачева, расположившегося лагерем под крепостию, взятой им накануне. Декалонг тотчас на него напал. У Пугачева было более десяти тысяч войска и до тридцати пушек. Сражение продолжалось целых четыре часа. Во всё время Пугачев лежал в своей палатке, жестоко страдая от раны, полученной им под Магнитною. Действиями распоряжал Белобородов. Наконец мятежники расстроились. Пугачев сел на лошадь и с подвязанною рукою бросался всюду, стараясь восстановить порядок; но всё рассеялось и бежало. Пугачев ушел с одною пушкою по Челябинской дороге. Преследовать было невозможно. Конница была слишком изнурена. В лагере найдено до трех тысяч людей всякого звания, пола и возраста, захваченных самозванцем и обреченных погибели. Крепость была спасена от пожара и грабежа. Но комендант, бригадир Фейервар, был убит накануне, во время приступа, а офицеры его повешены.

Пугачев и Белобородов, ведая, что усталость войска и изнурение лошадей не позволят Декалонгу воспользоваться своею победою, привели в устройство свои рассеянные толпы и стали в порядке отступать, забирая крепости и быстро усиливаясь. Майоры Гагрин и Жолобов, отряженные Декалонгом на другой день после сражения, преследовали их, но не могли достигнуть.

Михельсон, между тем, шел Уральскими горами, по дорогам мало известным. Деревни башкирские были

пусты. Не было возможности достать нужные припасы. Отряд его был в ежечасной опасности. Многочисленные шайки бунтовщиков кружились около его. 13 мая башкирцы, под предводительством мятежного старшины, на него напали и сразились отчаянно; загнанные в болото, они не сдавались. Все, кроме одного, насильно пощаженного, были изрублены вместе с своим начальником. Михельсон потерял одного офицера и шестьдесят рядовых убитыми и ранеными.

Пленный башкирец, обласканный Михельсоном, объявил ему о взятии Магнитной и о движении Декалонга. Михельсон, нашед сии известия сообразными с своими предположениями, вышел из гор и пошел на Троицкую в надежде освободить сию крепость или встретить Пугачева в случае его отступления. Вскоре услышал он о победе Декалонга и пошел на Варламово с намерением пресечь дорогу Пугачеву. В самом деле, 22 мая утром, приближаясь к Варламову, он встретил передовые отряды Пугачева. Увидя стройное войско, Михельсон не мог сначала вообразить, чтоб это был остаток сволочи, разбитой накануне, и принял его (говорит он насмешливо в своем донесении) за корпус генерал-поручика и кавалера Декалонга; но вскоре удостоверился в истине. Он остановился, удерживая выгодное свое положение у леса, прикрывавшего его тыл. Пугачев двинулся противу его и вдруг поворотил на Чербакульскую крепость. Михельсон пошел через лес и перерезал ему дорогу. Пугачев в первый раз увидел перед собою того, кто должен был нанести ему столько ударов и положить предел кровавому его поприщу. Пугачев тотчас напал на его левое крыло, привел оное в расстройство и отнял две пушки. Но Михельсон ударил на мятежников со всею своею конницею, рассеял их в одно мгновение, взял назад свои пушки, а с ними и последнюю, оставшуюся у Пугачева после его разбития под Троицкой, положил на месте до шестисот человек, в плен взял до пятисот и гнал остальных несколько верст. Ночь прекратила преследование. Михельсон ночевал на поле сражения. На другой день отдал он в приказе строгий выговор роте, потерявшей свои пушки, и отнял у ней пуговицы и обшлага, до выслуги. Рота не замедлила загладить свое бесчестие. [2]

23-го Михельсон пошел на Чербакульскую крепость. Казаки, в ней находившиеся, бунтовали. Михельсон при-

вел их к присяге, присоединив к своему отряду, и впоследствии был всегда ими доволен.

Жолобов и Гагрин действовали медленно и нерешительно. Жолобов, уведомив Михельсона, что Пугачев собрал остаток рассеянной толпы и набирает новую, отказался идти против его, под предлогом разлития рек и дурных дорог. Михельсон жаловался Декалонгу; а Декалонг, сам обещаясь выступить для истребления последних сил самозванца, остался в Челябе и еще отозвал к себе Жолобова и Гагрина.

Таким образом, преследование Пугачева предоставлено было одному Михельсону. Он пошел к Златоустовскому заводу, услыша, что там находилось несколько яицких бунтовщиков; но они бежали, узнав о его приближении. След их чем далее шел, тем более рассыпался, и наконец совсем пропал.

27 мая Михельсон прибыл на Саткинский завод. [3] Салават с новою шайкою злодействовал в окрестностях. Уже Симской завод был им разграблен и сожжен. Услыша о Михельсоне, он перешел реку Ай и остановился в горах, где Пугачев, избавясь от погони Гагрина и Жолобова и собрав уже до двух тысяч всякой сволочи, с ним успел соединиться.

Михельсон на Саткинском заводе, спасенном его быстротою, сделал первый свой роздых по выступлению из-под Уфы. Через два дня пошел он против Пугачева и Салавата и прибыл на берег Ая. Мосты были сняты. Мятежники на противном берегу, видя малочисленность его отряда, полагали себя в безопасности.

Но 30-го, утром, Михельсон приказал пятидесяти казакам переправиться вплавь, взяв с собою по одному егерю. Мятежники бросились было на них, но были рассеяны пушечными выстрелами с противного берега. Егеря и казаки удержались кое-как, а Михельсон между тем переправился с остальным отрядом; порох перевезла конница, пушки потопили и перетащили по дну реки на канатах. Михельсон быстро напал на неприятеля, смял и преследовал его более двадцати верст, убив до четырехсот и взяв множество в плен. Пугачев, Белобородов и раненый Салават едва успели спастись.

Окрестности были пусты. Михельсон ни от кого не мог узнать о стремлении неприятеля. Он пошел наудачу, и 2 июня отряженный им капитан Карташевский ночью

был окружен шайкою Салавата. К утру Михельсон подоспел к нему на помощь. Мятежники рассыпались и бежали. Михельсон преследовал их с крайнею осторожностию. Пехота прикрывала его обоз. Сам он шел немного впереди с частию своей конницы. Сии распоряжения спасли его. Многочисленная толпа мятежников неожиданно окружила его обоз и напала на пехоту. Сам Пугачев ими предводительствовал, успев в течение шести дней близ Саткинского завода набрать около пяти тысяч бунтовщиков. Михельсон прискакал на помощь; он послал Харина соединить всю свою конницу, а сам с пехотою остался у обоза. Мятежники были разбиты и снова бежали. Тут Михельсон узнал от пленных, что Пугачев имел намерение идти на Уфу. Он поспешил пресечь ему дорогу и 5 июня встретил его снова. Сражение было неизбежимо. Михельсон быстро напал на него и снова разбил и прогнал.

При всех своих успехах Михельсон увидел необходимость прекратить на время свое преследование. У него уже не было ни запасов, ни зарядов. Оставалось только по два патрона на человека. Михельсон пошел в Уфу, дабы там запастися всем для него нужным.

Пока Михельсон, бросаясь во все стороны, везде поражал мятежников, прочие начальники оставались неподвижны. Декалонг стоял в Челябе и, завидуя Михельсону, нарочно не хотел ему содействовать. Фрейман, лично храбрый, но предводитель робкий и нерешительный, стоял в Кизильской крепости, досадуя на Тимашева, ушедшего в Зелаирскую [4] крепость с лучшею его конницею.— Станиславский, во всё сие время отличившийся трусостию, узнав, что Пугачев близ Верхо-Яицкой крепости собрал значительную толпу, отказался от службы и скрылся в любимую свою Орскую крепость. Полковники Якубович и Обернибесов и майор Дуве находились около Уфы. Вокруг их спокойно собирались бунтующие башкирцы. Бирск сожжен был почти в их виду, а они переходили с одного места на другое, избегая малейшей опасности и не думая о дружном содействии. По распоряжению князя Щербатова, войско Голицына оставалось безо всякой пользы около Оренбурга и Яицкого городка, в местах уже безопасных; а край, где снова разгорался пожар, оставался почти беззащитен. [5]

Пугачев, отраженный от Кунгура майором Поповым, двинулся было к Екатеринбургу; но, узнав о войсках, там находящихся, обратился к Красно-Уфимску.

Кама была открыта, и Казань в опасности. Брант наскоро послал в пригород Осу майора Скрыпицына с гарнизонным отрядом и с вооруженными крестьянами, а сам писал князю Щербатову, требуя немедленной помощи. Щербатов понадеялся на Обернибесова и Дуве, которые должны были помочь майору Скрыпицыну в случае опасности, и не сделал никаких новых распоряжений.

18 июня Пугачев явился перед Осою. Скрыпицын выступил противу его; но, потеряв три пушки в самом начале сражения, поспешно возвратился в крепость. Пугачев велел своим спешиться и идти на приступ. Мятежники вошли в город, выжгли его, но от крепости отражены были пушками.

На другой день Пугачев со своими старшинами ездил по берегу Камы, высматривая места, удобные для переправы. По его приказанию поправляли дорогу и мостили топкие места. 20-го снова приступил он к крепости и снова был отражен. Тогда Белобородов присоветовал ему окружить крепость возами сена, соломы и бересты, и зажечь таким образом деревянные стены. Пятнадцать возов были подвезены на лошадях в близкое расстояние от крепости, а потом подвигаемы вперед людьми, безопасными под их прикрытием. Скрыпицын, уже колебавшийся, потребовал сроку на одни сутки и сдался на другой день, приняв Пугачева на коленах, с иконами и хлебом-солью. Самозванец обласкал его и оставил при нем его шпагу. Несчастный, думая со временем оправдаться, написал, обще с капитаном Смирновым и подпоручиком Минеевым, письмо к казанскому губернатору и носил при себе в ожидании удобного случая тайно его отослать. Минеев донес о том Пугачеву. Письмо было схвачено, Скрыпицын и Смирнов повешены, а доносчик произведен в полковники.

23 июня Пугачев переправился через Каму и пошел на винокуренные заводы Ижевский и Воткинский. Венцель, начальник оных, был мучительски умерщвлен, заводы разграблены, и все работники забраны в злодейскую толпу. Минеев, изменою своей заслуживший доверенность Пугачева, советовал ему идти прямо на Казань. Распоряжения губернатора были ему известны. Он вызвался

вести Пугачева и ручался за успех. Пугачев недолго колебался и пошел на Казань.

Щербатов, получив известие о взятии Осы, испугался. Он послал Обернибесову повеление занять Шумский перевоз, а майора Меллина отправил к Шурманскому; Голицыну приказал скорее следовать в Уфу, дабы оттуда действовать по своему благоусмотрению, а сам с одним эскадроном гусар и ротою гренадер отправился в Бугульму.

В Казани находилось только полторы тысячи войска; но шесть тысяч жителей были наскоро вооружены. Брант и комендант Баннер приготовились к обороне. Генерал-майор Потемкин, начальник тайной комиссии, учрежденной по делу Пугачева, усердно им содействовал. Генерал-майор Ларионов не дождался Пугачева. Он с своими людьми переправился через Волгу и уехал в Нижний-Новгород.

Полковник Толстой, начальник казанского конного легиона, выступил против Пугачева и 10 июля встретил его в двенадцати верстах от города. Произошло сражение. Храбрый Толстой был убит, а отряд его рассеян. На другой день Пугачев показался на левом берегу Казанки и расположился лагерем у Троицкой мельницы. Вечером, в виду всех казанских жителей, он сам ездил высматривать город и возвратился в лагерь, отложа приступ до следующего утра.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Пугачев в Казани.— Бедствие города.— Появление Михельсона.— Три сражения.— Освобождение Казани.— Свидание Пугачева с его семейством.— Опровержение клеветы.— Распоряжение Михельсона.

12 июля на заре мятежники под предводительством Пугачева потянулись от села Царицына по Арскому полю, двигая перед собою возы сена и соломы, между коими везли пушки. Они быстро заняли находившиеся близ предместья кирпичные сараи, рощу и загородный дом Кудрявцева, устроили там свои батареи и сбили слабый отряд, охранявший дорогу. Он отступил, выстроясь в каре и оградясь рогатками.

Прямо против Арского поля находилась главная городская батарея. Пугачев на нее не пошел, а с правого своего крыла отрядил к предместию толпу заводских крестьян под предводительством изменника Минеева. Эта сволочь, большею частию безоружная, подгоняемая казацкими нагайками, проворно перебегала из буерака в буерак, из лощины в лощину, переползывала через высоты, подверженные пушечным выстрелам, и таким образом забралася в овраги, находящиеся на краю самого предместия. Опасное сие место защищали гимназисты с одною пушкою. Но, несмотря на их выстрелы, бунтовщики в точности исполнили приказание Пугачева: влезли на высоту, прогнали гимназистов голыми кулаками, пушку отбили, заняли летний губернаторский дом, соединенный с предместиями, пушку поставили в ворота, стали стрелять вдоль улиц и кучами ворвались в предместия. С другой стороны; левое крыло Пугачева бросилось к Суконной слободе. Суконщики (люди разного звания и большею частию кулачные бойцы), ободряемые преосвященным Вениамином, вооружились чем ни попало, поставили пушку

у Горлова кабака и приготовились к обороне.[1] Башкирцы с Шарной горы пустили в них свои стрелы и бросились в улицы. Суконщики приняли было их в рычаги, в копья и сабли; но их пушку разорвало с первого выстрела и убило канонера. В это время Пугачев на Шарной горе поставил свои пушки и пустил картечью по своим и по чужим. Слобода загорелась. Суконщики бежали. Мятежники сбили караулы и рогатки и устремились по городским улицам. Увидя пламя, жители и городское войско, оставя пушки, бросились к крепости, как к последнему убежищу. Потемкин вошел вместе с ними. Город стал добычею мятежников. Они бросились грабить дома и купеческие лавки; вбегали в церкви и монастыри, обдирали иконостасы; резали всех, которые попадались им в немецком платье. Пугачев, поставя свои батареи в трактире Гостиного двора, за церквами, у триумфальных ворот, стрелял по крепости, особенно по Спасскому монастырю, занимающему ее правый угол и коего ветхие стены едва держались. С другой стороны, Минеев, втащив одну пушку на врата Казанского монастыря, а другую поставя на церковной паперти, стрелял по крепости, в самое опасное место. Прилетевшее оттоле ядро разбило одну из его пушек. Разбойники, надев на себя женские платья, поповские стихари, с криком бегали по улицам, грабя и зажигая дома. Осаждавшие крепость им завидовали, боясь остаться без добычи... Вдруг Пугачев приказал им отступить и, зажегши еще несколько домов, возвратился в свой лагерь. Настала буря. Огненное море разлилось по всему городу. Искры и головни летели в крепость и зажгли несколько деревянных кровель. В сию минуту часть одной стены с громом обрушилась и подавила несколько человек. Осажденные, стеснившиеся в крепости, подняли вопль, думая, что злодей вломился и что последний их час уже настал.

Из города погнали пленных и повезли добычу. Башкирцы, несмотря на строгие запрещения Пугачева, били нагайками народ и кололи копьями отстающих женщин и детей. Множество потонуло, переправляясь вброд через Казанку. Народ, пригнанный в лагерь, поставлен был на колени перед пушками. Женщины подняли вой. Им объявили прощение. Все закричали: ура! и кинулись к ставке Пугачева. Пугачев сидел в креслах, принимая дары казанских татар, приехавших к нему с поклоном. Потом

спрашивали: кто желает служить государю Петру Федоровичу?— Охотников нашлось множество.

Преосвященный Вениамин[2] во всё время приступа находился в крепости, в Благовещенском соборе, и на коленах со всем народом молил бога о спасении христиан. Едва умолкла пальба, он поднял чудотворные иконы и, несмотря на нестерпимый зной пожара и на падающие бревна, со всем бывшим при нем духовенством, сопровождаемый народом, обошел снутри крепость при молебном пении. К вечеру буря утихла, и ветер оборотился в противную сторону. Настала ночь, ужасная для жителей! Казань, обращенная в груды горящих углей, дымилась и рдела во мраке. Никто не спал. С рассветом жители спешили взойти на крепостные стены и устремили взоры в ту сторону, откуда ожидали нового приступа. Но, вместо пугачевских полчищ, с изумлением увидели гусаров Михельсона, скачущих в город с офицером, посланным от него к губернатору.

Никто не знал, что уже накануне Михельсон в семи верстах от города имел жаркое дело с Пугачевым и что мятежники отступили в беспорядке.

Мы оставили Михельсона неутомимо преследующим опрометчивое стремление Пугачева. В Уфе оставил он своих больных и раненых, взял с собою майора Дуве и 21 июня находился в Бурнове, в нескольких верстах от Бирска. Мост, сожженный Якубовичем, был опять наведен мятежниками. Около трех тысяч вышли навстречу Михельсону. Он их разбил и отрядил Дуве противу шайки башкирцев, находившихся не в дальнем расстоянии. Дуве их рассеял. Михельсон пошел на Осу и, 27 июня разбив на дороге толпу башкирцев и татар, узнал от них о взятии Осы и о переправе Пугачева через Каму. Михельсон пошел по его следам. На Каме не было ни мостов, ни лодок. Конница переправилась вплавь, пехота на плотах. Михельсон, оставя Пугачева вправе, пошел прямо на Казань и 11 июля вечером был уже в пятидесяти верстах от нее.

Ночью отряд его тронулся с места. Поутру, в сорока пяти верстах от Казани, услышал пушечную пальбу. К полудню густой, багровый дым возвестил ему о жребии города.

Полдневный жар и усталость отряда заставили Михельсона остановиться на один час. Между тем узнал он,

что недалеко находилась толпа мятежников. Михельсон на них напал и взял четыреста в плен; остальные бежали к Казани и известили Пугачева о приближении неприятеля. Тогда-то Пугачев, опасаясь нечаянного нападения, отступил от крепости и приказал своим скорее выбираться из города, а сам, заняв выгодное местоположение, выстроился близ Царицына, в семи верстах от Казани.

Михельсон, получив о том донесение, пустился через лес одною колонною и, вышед в поле, увидел перед собою мятежников, стоящих в боевом порядке.

Михельсон отрядил Харина противу их левого крыла, Дуве противу правого, а сам пошел прямо на главную неприятельскую батарею. Пугачев, ободренный победою и усилясь захваченными пушками, встретил нападение сильным огнем. Перед батареей простиралось болото, через которое Михельсон должен был перейти, между тем как Харин и Дуве старались обойти неприятеля. Михельсон взял батарею; Дуве на правом фланге отбил также две пушки. Мятежники, разделясь на две кучи, пошли — одни навстречу Харину и, остановясь в теснине за рвом, поставили батареи и открыли огонь; другие старались заехать в тыл отряду. Михельсон, оставя Дуве, пошел на подкрепление Харина, проходившего через овраг под неприятельскими ядрами. Наконец, после пяти часов упорного сражения, Пугачев был разбит и бежал, потеряв восемьсот человек убитыми и сто восемьдесят взятыми в плен. Потеря Михельсона была незначительна. Темнота ночи и усталость отряда не позволили Михельсону преследовать Пугачева.

Переночевав на месте сражения, перед светом Михельсон пошел к Казани. Навстречу ему поминутно попадались кучи грабителей, пьянствовавших целую ночь на развалинах сгоревшего города. Их рубили и брали в плен. Прибыв к Арскому полю, Михельсон увидел приближающегося неприятеля: Пугачев, узнав о малочисленности его отряда, спешил предупредить его соединение с городским войском. Михельсон, послав уведомить о том губернатора, встретил пушечными выстрелами толпу, кинувшуюся на него с воплем и визгом, и принудил ее отступить. Потемкин подоспел из города с гарнизоном. Пугачев перешел через Казанку и удалился за пятнадцать верст от города, в село Сухую Реку. Преследовать

его было невозможно: у Михельсона не было и тридцати годных лошадей.

Казань была освобождена. Жители теснились на стене крепости, дабы издали взглянуть на лагерь своего избавителя. Михельсон не трогался с места, ожидая нового нападения. В самом деле, Пугачев, негодуя на свои неудачи, не терял, однако ж, надежды одолеть наконец Михельсона. Он отовсюду набирал новую сволочь, соединяясь с отдельными своими отрядами, и 15 июля утром, приказав прочесть перед своими толпами манифест, в котором объявлял о своем намерении идти на Москву, устремился в третий раз на Михельсона. Войско его состояло из двадцати пяти тысяч всякого сброду. Многочисленные толпы двинулись тою же дорогою, по которой уже два раза бежали. Облака пыли, дикие вопли, шум и грохот возвестили их приближение. Михельсон выступил противу их с осьмьюстами карабинер, гусар и чугуевских казаков. Он занял место прежнего сражения близ Царицына и разделил войско свое на три отряда, в близком расстоянии один от другого. Бунтовщики на него бросились. Яицкие казаки стояли в тылу и по приказанию Пугачева должны были колоть своих беглецов. Но Михельсон и Харин с двух сторон на них ударили, опрокинули и погнали. Всё было кончено в одно мгновение. Напрасно Пугачев старался удержать рассыпавшиеся толпы, сперва доскакав до первого своего лагеря, а потом и до второго. Харин живо его преследовал, не давая ему времени нигде остановиться. В сих лагерях находилось до десяти тысяч казанских жителей всякого пола и звания. Они были освобождены. Казанка была запружена мертвыми телами; пять тысяч пленных и девять пушек остались в руках у победителя. Убито в сражении до двух тысяч, большею частию татар и башкирцев. Михельсон потерял до ста человек убитыми и ранеными. Он вошел в город при кликах восхищенных жителей, свидетелей его победы. Губернатор, измученный болезнию, от которой он и умер через две недели, встретил победителя за воротами крепости, в сопровождении дворянства и духовенства. Михельсон отправился прямо в собор, где преосвященный Вениамин отслужил благодарственный молебен.

Состояние Казани было ужасно: из двух тысяч восьмисот шестидесяти семи домов, в ней находившихся, две

тысячи пятьдесят семь сгорело. Двадцать пять церквей и три монастыря также сгорели. Гостиный двор и остальные дома, церкви и монастыри были разграблены. Найдено до трехсот убитых и раненых обывателей; около пятисот пропало без вести. В числе убитых находился директор гимназии Каниц, несколько учителей и учеников и полковник Родионов. Генерал-майор Кудрявцев,[3] старик стодесятилетний, не хотел скрыться в крепость, несмотря на всевозможные увещания. Он на коленах молился в Казанском девичьем монастыре. Вбежало несколько грабителей. Он стал их увещевать. Злодеи умертвили его на церковной паперти.

Так бедный колодник, за год тому бежавший из Казани, отпраздновал свое возвращение! Тюремный двор, где ожидал он плетей и каторги, был им сожжен, а невольники, его недавние товарищи, выпущены. В казармах содержалась уже несколько месяцев казачка Софья Пугачева с тремя своими детьми. Самозванец, увидя их, сказывают, заплакал; но не изменил самому себе. Он велел их отвести в лагерь, сказав, как уверяют: «Я ее знаю; муж ее оказал мне великую услугу».[4] Изменник Минеев, главный виновник бедствия Казани, при первом разбитии Пугачева попался в плен и, по приговору военного суда, загнат был сквозь строй до смерти.

Казанское начальство стало пещись о размещении жителей по уцелевшим домам. Они были приглашены в лагерь для разбора добычи, отнятой у Пугачева, и для обратного получения своей собственности. Спешили разделиться кое-как. Люди зажиточные стали нищими; кто был скуден, очутился богат!

История должна опровергнуть клевету, легкомысленно повторенную светом: утверждали, что Михельсон мог предупредить взятие Казани, но что он нарочно дал мятежникам время ограбить город, дабы в свою очередь поживиться богатою добычею, предпочитая какую бы то ни было прибыль славе, почестям и царским наградам, ожидавшим спасителя Казани и усмирителя бунта! Читатели видели, как быстро и как неутомимо Михельсон преследовал Пугачева. Если Потемкин и Брант сделали бы свое дело и успели удержаться хоть несколько часов, то Казань была бы спасена. Солдаты Михельсона, конечно, обогатились; но стыдно было бы нам обвинять без доказательства старого, заслуженного воина, проведшего

всю жизнь на поле чести и умершего главнокомандующим русскими войсками.[5]

14 июля прибыл в Казань подполковник граф Меллин и был отряжен Михельсоном для преследования Пугачева. Сам Михельсон остался в городе для возобновления своей конницы и для заготовления припасов. Прочие начальники наскоро сделали некоторые военные распоряжения, ибо, несмотря на разбитие Пугачева, знали уже, сколь был опасен сей предприимчивый и деятельный мятежник. Его движения были столь быстры и непредвидимы, что не было средства его преследовать; к тому же конница была слишком изнурена. Старались перехватить ему дорогу; но войска, рассеянные на великом пространстве, не могли всюду поспевать и делать скорые обороты. Должно сказать и то, что редкий из тогдашних начальников был в состоянии управиться с Пугачевым или с менее известными его сообщниками.

ГЛАВА ОСЬМАЯ

Пугачев за Волгою.— Общее смятение.— Письмо генерала Ступишина.— Намерение Екатерины.— Граф П. Ив. Панин.— Движение войск.— Взятие Пензы.— Смерть Всеволожского.— Споры Державина с Бошняком.— Взятие Саратова.— Пугачев под Царицыном.— Смерть астронома Ловица.— Поражение Пугачева.— Суворов.— Пугачев выдан правительству.— Разговор его с графом Паниным.— Суд над Пугачевым и над его сообщниками.— Казнь бунтовщиков.

Пугачев бежал по Кокшайской дороге на переменных лошадях, с тремястами яицких и илецких казаков, и наконец ударился в лес. Харин, преследовавший его целые тридцать верст, принужден был остановиться. Пугачев ночевал в лесу. Его семейство было при нем. Между его товарищами находились два новые лица: один из них был молодой Пулавский, родной брат славного конфедерата.[1] Он находился в Казани военнопленным и из ненависти к России присоединился к шайке Пугачева. Другой был пастор реформатского исповедания. Во время казанского пожара он был приведен к Пугачеву; самозванец узнал его: некогда, ходя в цепях по городским улицам, Пугачев получал от него милостыню. Бедный пастор ожидал смерти. Пугачев принял его ласково и пожаловал в полковники. Пастор-полковник посажен был верхом на башкирскую лошадь. Он сопровождал бегство Пугачева и несколько дней уже спустя отстал от него и возвратился в Казань.[2]

Пугачев два дня бродил то в одну, то в другую сторону, обманывая тем высланную погоню. Сволочь его, рассыпавшись, производила обычные грабежи. Белобородов пойман был в окрестностях Казани, высечен кнутом, потом отвезен в Москву и казнен смертию. Несколько сотен беглецов присоединились к Пугачеву. 18 июля он вдруг устремился к Волге, на Кокшайский перевоз, и в числе

пятисот человек лучшего своего войска переправился на другую сторону.

Переправа Пугачева произвела общее смятение. Вся западная сторона Волги восстала и передалась самозванцу. Господские крестьяне взбунтовались; иноверцы и новокрещеные стали убивать русских священников. Воеводы бежали из городов, дворяне из поместий; чернь ловила тех и других и отовсюду приводила к Пугачеву. Пугачев объявил народу вольность, истребление дворянского рода, отпущение повинностей и безденежную раздачу соли.[3] Он пошел на Цивильск, ограбил город, повесил воеводу и, разделив шайку свою на две части, послал одну по Нижегородской дороге, а другую по Алатырской и пресек таким образом сообщение Нижнего с Казанью. Нижегородский губернатор, генерал-поручик Ступишин, писал к князю Волконскому, что участь Казани ожидает и Нижний и что он не отвечает и за Москву. Все отряды, находившиеся в губерниях Казанской и Оренбургской, пришли в движение и устремлены были против Пугачева. Щербатов из Бугульмы, а князь Голицын из Мензелинска поспешили в Казань; Меллин переправился через Волгу и 19 июля выступил из Свияжска; Мансуров из Яицкого городка двинулся к Сызрани; Муфель пошел к Симбирску; Михельсон из Чебоксаров устремился к Арзамасу, дабы пресечь Пугачеву дорогу к Москве...

Но Пугачев не имел уже намерения идти на старую столицу. Окруженный отовсюду войсками правительства, не доверяя своим сообщникам, он уже думал о своем спасении; цель его была: пробраться за Кубань или в Персию. Главные бунтовщики предвидели конец затеянному ими делу и уже торговались о голове своего предводителя! Перфильев, от имени всех виновных казаков, послал тайно в Петербург одного поверенного с предложением о выдаче самозванца. Правительство, однажды им обманутое, худо верило ему, однако вошло с ним в сношение.[4] Пугачев бежал; но бегство его казалось нашествием. Никогда успехи его не были ужаснее, никогда мятеж не свирепствовал с такою силою. Возмущение переходило от одной деревни к другой, от провинции к провинции. Довольно было появления двух или трех злодеев, чтоб взбунтовать целые области. Составлялись отдельные шайки грабителей и бунтовщиков: и каждая имела у себя своего Пугачева...

Сии горестные известия сделали в Петербурге глубокое впечатление и омрачили радость, произведенную окончанием Турецкой войны и заключением славного Кучук-Кайнарджиского мира. Императрица, недовольная медлительностью князя Щербатова, еще в начале июля решилась отозвать его и поручить главное начальство над войском князю Голицыну. Курьер, ехавший с сим указом, остановлен был в Нижнем-Новегороде по причине небезопасности дороги. Когда же государыня узнала о взятии Казани и о перенесении бунта за Волгу, тогда она уже думала сама ехать в край, где усиливалось бедствие и опасность, и лично предводительствовать войском. Граф Никита Иванович Панин успел уговорить ее оставить сие намерение. Императрица не знала, кому предоставить спасение отечества. В сие время вельможа, удаленный от двора и, подобно Бибикову, бывший в немилости, граф Петр Иванович Панин,[5] сам вызвался принять на себя подвиг, не довершенный его предшественником. Екатерина с признательностию увидела усердие благородного своего подданного, и граф Панин, в то время как, вооружив своих крестьян и дворовых, готовился идти навстречу Пугачеву, получил в своей деревне повеление принять главное начальство над губерниями, где свирепствовал мятеж, и над войсками, туда посланными. Таким образом покоритель Бендер пошел войною противу простого казака, четыре года тому назад безвестно служившего в рядах войска, вверенного его начальству.

20 июля Пугачев под Курмышем переправился вплавь через Суру. Дворяне и чиновники бежали. Чернь встретила его на берегу с образами и хлебом. Ей прочтен возмутительный манифест. Инвалидная команда приведена была к Пугачеву. Майор Юрлов, начальник оной, и унтер-офицер, коего имя, к сожалению, не сохранилось, одни не захотели присягнуть и в глаза обличали самозванца. Их повесили и мертвых били нагайками. Вдова Юрлова спасена была ее дворовыми людьми. Пугачев велел раздать чувашам казенное вино; повесил несколько дворян, приведенных к нему крестьянами их, и пошел к Ядринску, оставя город под начальством четырех яицких казаков и дав им в распоряжение шестьдесят приставших к нему холопьев. Он оставил за собою малую шайку для задержания графа Меллина. Михельсон, шедший к Арзамасу, отрядил Харина к Ядринску, куда спешил и граф Мел-

лин. Пугачев, узнав о том, обратился к Алатырю; но, прикрывая свое движение, послал к Ядринску шайку, которая и была отбита воеводою и жителями, а после сего встречена графом Меллиным и совсем рассеяна. Меллин поспешил к Алатырю; мимоходом освободил Курмыш, где повесил нескольких мятежников, а казака, назвавшегося воеводою, взял с собою как языка. Офицеры инвалидной команды, присягнувшие самозванцу, оправдывались тем, что присяга дана была ими *не от искреннего сердца, но для наблюдения интереса ее императорского величества.* «А что мы,— писали они Ступишину,— перед богом и всемилостивейшею государынею нашей нарушили присягу и тому злодею присягали, в том приносим наше христианское покаяние и слезно просим отпущения сего нашего невольного греха, ибо не иное нас к сему привело, как смертный страх». Двадцать человек подписали сие постыдное извинение.

Пугачев стремился с необыкновенною быстротою, отряжая во все стороны свои шайки. Не знали, в которой находился он сам. Настичь его было невозможно: он скакал проселочными дорогами, забирая свежих лошадей, и оставлял за собою возмутителей, которые в числе двух, трех и не более пяти разъезжали безопасно по селениям и городам, набирая всюду новые шайки. Трое из них явились в окрестностях Нижнего-Новагорода; крестьяне Демидова связали их и представили Ступишину. Он велел их повесить на барках и пустить вниз по Волге, мимо бунтующих берегов.

27 июля Пугачев вошел в Саранск. Он был встречен не только черным народом, но духовенством и купечеством... Триста человек дворян всякого пола и возраста были им тут повешены; крестьяне и дворовые люди стекались к нему толпами. Он выступил из города 30-го. На другой день Меллин вошел в Саранск, взял под караул прапорщика Шахмаметева, посаженного в воеводы от самозванца, также и других важных изменников духовного и дворянского звания, а черных людей велел высечь плетьми под виселицею.

Михельсон из Арзамаса устремился за Пугачевым. Муфель из Симбирска спешил ему же навстречу. Меллин шел по его пятам. Таким образом три отряда окружали Пугачева. Князь Щербатов с нетерпением ожидал прибытия войск из Башкирии, дабы отправить подкрепление

действующим отрядам, и сам хотел спешить за ними; но, получа указ от 8 июля, сдал начальство князю Голицыну и отправился в Петербург.

Между тем Пугачев приближился к Пензе. Воевода Всеволожский несколько времени держал чернь в повиновении и дал время дворянам спастись. Пугачев явился перед городом. Жители вышли к нему навстречу с иконами и хлебом и пали пред ним на колени. Пугачев въехал в Пензу. Всеволожский, оставленный городским войском, заперся в своем доме с двенадцатью дворянами и решился защищаться. Дом был зажжен; храбрый Всеволожский погиб со своими товарищами; казенные и дворянские дома были ограблены. Пугачев посадил в воеводы господского мужика и пошел к Саратову.

Узнав о взятии Пензы, саратовское начальство стало делать свои распоряжения.

В Саратове находился тогда Державин. Он отряжен был (как мы уже видели) в село Малыковку, дабы оттуда пресечь дорогу Пугачеву в случае побега его на Иргиз. Державин, известясь о сношениях Пугачева с киргиз-кайсаками, успел отрезать их от кочующих орд по рекам Узеням и намеревался идти на освобождение Яицкого городка; но был предупрежден генералом Мансуровым. В конце июля прибыл он в Саратов, где чин гвардии поручика, резкий ум и пылкий характер доставили ему важное влияние на общее мнение.

1 августа Державин, обще с главным судией конторы Опекунства колонистов Лодыжинским, потребовал саратовского коменданта Бошняка для совещания о мерах, кои должно было предпринять в настоящих обстоятельствах. Державин утверждал, что около конторских магазинов, внутри города, должно было сделать укрепления, перевезти туда казну, лодки на Волге сжечь, по берегу расставить батареи и идти навстречу Пугачеву. Бошняк не соглашался оставить свою крепость и хотел держаться за городом. Спорили, горячились — и Державин, вышед из себя, предлагал арестовать коменданта. Бошняк остался неколебим, повторяя, что он вверенной ему крепости и божиих церквей покинуть на расхищение не хочет. Державин, оставя его, приехал в магистрат; предложил, чтобы все обыватели поголовно явились на земляную работу к месту, назначенному Лодыжинским. Бошняк жаловался, но никто его не слушал. Памятником сих споров

осталось язвительное письмо Державина к упрямому коменданту.[6]

4 августа узнали в Саратове, что Пугачев выступил из Пензы и приближается к Петровску. Державин потребовал отряд донских казаков и пустился с ними в Петровск, дабы вывезти оттуда казну, порох и пушки. Но, подъезжая к городу, услышал он колокольный звон и увидел передовые толпы мятежников, вступающие в город, и духовенство, вышедшее к ним навстречу с образами и хлебом. Он поехал вперед с есаулом и двумя казаками и, видя, что более делать было нечего, пустился с ними обратно к Саратову. Отряд его остался на дороге, ожидая Пугачева. Самозванец к ним подъехал в сопровождении своих сообщников. Они приняли его, стоя на коленах. Услыша от них о гвардейском офицере, Пугачев тут же переменил лошадь и, взяв в руки дротик, сам с четырьмя казаками поскакал за ним в погоню. Один из казаков, сопровождавших Державина, был заколот Пугачевым. Державин успел добраться до Саратова, откуда на другой день выехал вместе с Лодыжинским, оставя защиту города на попечение осмеянного им Бошняка.[7]

5 августа Пугачев пошел к Саратову. Войско его состояло из трехсот яицких казаков и ста пятидесяти донских, приставших к нему накануне, и тысяч до десяти калмыков, башкирцев, ясачных татар, господских крестьян, холопьев и всякой сволочи. Тысяч до двух были кое-как вооружены, остальные шли с топорами, вилами и дубинами. Пушек было у него тринадцать.

6-го Пугачев пришел к Саратову и остановился в трех верстах от города.

Бошняк отрядил саратовских казаков для поимки языка; но они передались Пугачеву. Между тем обыватели тайно подослали к самозванцу купца Кобякова с изменническими предложениями. Бунтовщики подъехали к самой крепости, разговаривая с солдатами. Бошняк велел стрелять. Тогда жители, предводительствуемые городским головою Протопоповым, явно возмутились и приступили к Бошняку, требуя, чтоб он не начинал сражения и ожидал возвращения Кобякова. Бошняк спросил: как осмелились они без его ведома вступить в переговоры с самозванцем? Они продолжали шуметь. Между тем Кобяков возвратился с возмутительным письмом. Бошняк, выхватив его из рук изменника, разорвал и растоптал,

а Кобякова велел взять под караул. Купцы пристали к нему с просьбами и угрозами, и Бошняк принужден был им уступить и освободить Кобякова. Он однако приготовился к обороне. В это время Пугачев занял Соколову гору, господствующую над Саратовом, поставил батарею и начал по городу стрелять. По первому выстрелу крепостные казаки и обыватели разбежались. Бошняк велел выпалить из мортиры; но бомба упала в пятидесяти саженях. Он обошел свое войско и всюду увидел уныние: однако не терял своей бодрости. Мятежники напали на крепость. Он открыл огонь и уже успел их отразить, как вдруг триста артиллеристов, выхватя из-под пушек клинья и фитили, выбежали из крепости и передались. В это время сам Пугачев кинулся с горы на крепость. Тогда Бошняк с одним саратовским баталионом решился продраться сквозь толпы мятежников. Он приказал майору Салманову выступить с первой половиною баталиона; но, заметя в нем робость или готовность изменить, отрешил его от начальства. Майор Бутырин заступился за него, и Бошняк вторично оказал слабость: он оставил Салманова при его месте и, обратясь ко второй половине баталиона, приказал распускать знамена и выходить из укреплений. В сию минуту Салманов передался, и Бошняк остался с шестидесятью человеками офицеров и солдат. Храбрый Бошняк с этой горстию людей выступил из крепости и целые шесть часов сряду шел, пробиваясь сквозь бесчисленные толпы разбойников. Ночь прекратила сражение. Бошняк достиг берегов Волги. Казну и канцелярские дела отправил рекою в Астрахань, а сам 11 августа благополучно прибыл в Царицын.

Мятежники, овладев Саратовом, выпустили колодников, отворили хлебные и соляные анбары, разбили кабаки и разграбили дома. Пугачев повесил всех дворян, попавшихся в его руки, и запретил хоронить тела; назначил в коменданты города казацкого пятидесятника Уфимцева и 9 августа в полдень выступил из города.— 11-го в разоренный Саратов прибыл Муфель, а 14-го Михельсон. Оба, соединясь, поспешили вслед за Пугачевым.

Пугачев следовал по течению Волги. Иностранцы, тут поселенные, большею частию бродяги и негодяи, все к нему присоединились, возмущенные польским конфедератом (неизвестно кем по имени, только не Пулавским; последний уже тогда отстал от Пугачева, негодуя на его

зверскую свирепость). Пугачев составил из них гусарский полк. Волжские казаки перешли также на его сторону.

Таким образом Пугачев со дня на день усиливался. Войско его состояло уже из двадцати тысяч. Шайки его наполняли губернии Нижегородскую, Воронежскую и Астраханскую. Беглый холоп Евсигнеев, назвавшись также Петром III, взял Инсару, Троицк, Наровчат и Керенск, повесил воевод и дворян и везде учредил свое правление. Разбойник Фирска подступил под Симбирск, убив в сражении полковника Рычкова, заступившего место Чернышева, погибшего под Оренбургом при начале бунта; гарнизон изменил ему. Симбирск был спасен, однако ж, прибытием полковника Обернибесова. Фирска наполнил окрестности убийствами и грабежами. Верхний и Нижний Ломов были ограблены и сожжены другими злодеями. Состояние сего обширного края было ужасно. Дворянство обречено было погибели. Во всех селениях на воротах барских дворов висели помещики или их управители.[8] Мятежники и отряды, их преследующие, отымали у крестьян лошадей, запасы и последнее имущество. Правление было повсюду пресечено. Народ не знал, кому повиноваться. На вопрос: кому вы веруете? Петру Федоровичу или Екатерине Алексеевне? мирные люди не смели отвечать, не зная, какой стороне принадлежали вопрошатели.

13 августа Пугачев приблизился к Дмитриевску (Камышенке). Его встретил майор Диц с пятьюстами гарнизонных солдат, тысячью донских казаков и пятьюстами калмыков, предводительствуемых князьями Дундуковым и Дербетевым. Сражение завязалось. Калмыки разбежались при первом пушечном выстреле. Казаки дрались храбро и доходили до самых пушек, но были отрезаны и передались. Диц был убит. Гарнизонные солдаты со всеми пушками были взяты. Пугачев ночевал на месте сражения; на другой день занял Дубовку и двинулся к Царицыну.

В сем городе, хорошо укрепленном, начальствовал полковник Цыплетев. С ним находился храбрый Бошняк. 21 августа Пугачев подступил с обыкновенной дерзостию. Отбитый с уроном, он удалился за восемь верст от крепости. Против него выслали полторы тысячи донских казаков; но только четыреста возвратились: остальные передались.

На другой день Пугачев подступил к городу со стороны Волги и был опять отбит Бошняком. Между тем услышал он о приближении отрядов и поспешно стал удаляться к Сарепте.

Михельсон, Муфель и Меллин прибыли 20-го в Дубровку, а 22-го вступили в Царицын.

Пугачев бежал по берегу Волги. Тут он встретил астронома Ловица и спросил, что он за человек. Услыша, что Ловиц наблюдал течение светил небесных, он велел его повесить *поближе к звездам.* Адъюнкт Иноходцев, бывший тут же, успел убежать.

Пугачев отдыхал в Сарепте целые сутки, скрываясь в своем шатре с двумя наложницами.[9] Семейство его находилось тут же. Он пустился вниз к Черному Яру. Михельсон шел по его пятам. Наконец, 25-го, на рассвете он настигнул Пугачева в ста пяти верстах от Царицына.

Пугачев стоял на высоте между двумя дорогами. Михельсон ночью обошел его и стал противу мятежников. Утром Пугачев опять увидел перед собою своего грозного гонителя; но не смутился, а смело пошел на Михельсона, отрядив свою пешую сволочь противу донских и чугуевских казаков, стоящих по обоим крылам отряда. Сражение продолжалось недолго. Несколько пушечных выстрелов расстроили мятежников. Михельсон на них ударил. Они бежали, брося пушки и весь обоз. Пугачев, переправясь через мост, напрасно старался их удержать; он бежал вместе с ними. Их били и преследовали сорок верст. Пугачев потерял до четырех тысяч убитыми и до семи тысяч взятыми в плен. Остальные рассеялись. Пугачев в семидесяти верстах от места сражения переплыл Волгу выше Черноярска на четырех лодках и ушел на луговую сторону не более как с тридцатью казаками. Преследовавшая его конница опоздала четвертью часа. Беглецы, не успевшие переправиться на лодках, бросились вплавь и перетонули.

Сие поражение было последним и решительным. Граф Панин, прибывший в то время в Керенск, послал в Петербург радостное известие, отдав в донесении своем полную справедливость быстроте, искусству и храбрости Михельсона. Между тем новое, важное лицо является на сцене действия: Суворов прибыл в Царицын.

Еще при жизни Бибикова государственная коллегия, видя важность возмущения, вызывала Суворова, который

в то время находился под стенами Силистрии; но граф Румянцов не пустил его, дабы не подать Европе слишком великого понятия о внутренних беспокойствах государства. Такова была слава Суворова! По окончании же войны Суворов получил повеление немедленно ехать в Москву, к князю Волконскому, для принятия дальнейших препоручений. Он свиделся с графом Паниным в его деревне и явился в отряде Михельсона несколько дней после последней победы. Суворов имел от графа Панина предписание начальникам войск и губернаторам — исполнять все его приказания. Он принял начальство над Михельсоновым отрядом, посадил пехоту на лошадей, отбитых у Пугачева, и в Царицыне переправился через Волгу. В одной из бунтовавших деревень он взял под видом наказания пятьдесят пар волов и с сим запасом углубился в пространную степь, где нет ни леса, ни воды и где днем должно было ему направлять путь свой по солнцу, а ночью по звездам.

Пугачев скитался по той же степи. Войска отовсюду окружали его; Меллин и Муфель, также перешедшие через Волгу, отрезывали ему дорогу к северу; легкий полевой отряд шел ему навстречу из Астрахани; князь Голицын и Мансуров преграждали его от Яика; Дундуков с своими калмыками рыскал по степи; разъезды учреждены были от Гурьева до Саратова и от Черного до Красного Яра. Пугачев не имел средств выбраться из сетей, его стесняющих. Его сообщники, с одной стороны видя неминуемую гибель, а с другой — надежду на прощение, стали сговариваться и решились выдать его правительству.

Пугачев хотел идти к Каспийскому морю, надеясь как-нибудь пробраться в киргиз-кайсацкие степи. Казаки на то притворно согласились; но сказав, что хотят взять с собою жен и детей, повезли его на Узени, обыкновенное убежище тамошних преступников и беглецов. 14 сентября они прибыли в селения тамошних староверов. Тут произошло последнее совещание. Казаки, не согласившиеся отдаться в руки правительства, рассеялись. Прочие пошли ко ставке Пугачева.

Пугачев сидел один в задумчивости. Оружие его висело в стороне. Услыша вошедших казаков, он поднял голову и спросил, чего им надобно? Они стали говорить о своем отчаянном положении, и между тем, тихо подвигаясь, старались загородить его от висевшего оружия.

Пугачев начал опять их уговаривать идти к Гурьеву городку. Казаки отвечали, что они долго ездили за ним и что уже ему пора ехать за ними. «Что же? — сказал Пугачев,— вы хотите изменить своему государю?» — «Что делать!» — отвечали казаки и вдруг на него кинулись. Пугачев успел от них отбиться. Они отступили на несколько шагов. «Я давно видел вашу измену»,— сказал Пугачев и, подозвав своего любимца, илецкого казака Творогова, протянул ему свои руки и сказал: «вяжи!» Творогов хотел ему окрутить локти назад. Пугачев не дался. «Разве я разбойник?» — говорил он гневно. Казаки посадили его верхом и повезли к Яицкому городку. Во всю дорогу Пугачев им угрожал местью великого князя. Однажды нашел он способ высвободить руки, выхватил саблю и пистолет, ранил выстрелом одного из казаков и закричал, чтоб вязали изменников. Но никто уже его не слушал. Казаки, подъехав к Яицкому городку, послали уведомить о том коменданта. Казак Харчев и сержант Бардовский высланы были к ним навстречу, приняли Пугачева, посадили его в колодку и привезли в город, прямо к гвардии капитан-поручику Маврину, члену следственной комиссии.[10]

Маврин допросил самозванца. Пугачев с первого слова открылся ему. «Богу было угодно,— сказал он,— наказать Россию через мое окаянство».— Велено было жителям собраться на городскую площадь; туда приведены были и бунтовщики, содержащиеся в оковах. Маврин вывел Пугачева и показал его народу. Все узнали его: бунтовщики потупили голову. Пугачев громко стал их уличать и сказал: «Вы погубили меня; вы несколько дней сряду меня упрашивали принять на себя имя покойного великого государя; я долго отрицался, а когда и согласился, то всё, что ни делал, было с вашей воли и согласия; вы же поступали часто без ведома моего и даже вопреки моей воли». Бунтовщики не отвечали ни слова.

Суворов между тем прибыл на Узени и узнал от пустынников, что Пугачев был связан его сообщниками и что они повезли его к Яицкому городку. Суворов поспешил туда же. Ночью сбился он с дороги и нашел на огни, раскладенные в степи ворующими киргизами. Суворов на них напал и прогнал, потеряв несколько человек и между ими своего адъютанта Максимовича. Через несколько дней прибыл он в Яицкий городок. Симонов сдал ему

Пугачева. Суворов с любопытством расспрашивал славного мятежника о его военных действиях и намерениях и повез его в Симбирск, куда должен был приехать и граф Панин.

Пугачев сидел в деревянной клетке на двуколесной телеге. Сильный отряд при двух пушках окружал его. Суворов от него не отлучался. В деревне Мостах (во ста сорока верстах от Самары) случился пожар близ избы, где ночевал Пугачев. Его высадили из клетки, привязали к телеге вместе с его сыном, резвым и смелым мальчиком, и во всю ночь Суворов сам их караулил. В Коспорье, против Самары, ночью, в волновую погоду, Суворов переправился через Волгу и пришел в Симбирск в начале октября.

Пугачева привезли прямо на двор к графу Панину, который встретил его на крыльце, окруженный своим штабом.— «Кто ты таков?» — спросил он у самозванца. «Емельян Иванов Пугачев»,— отвечал тот. «Как же смел ты, вор, назваться государем?» — продолжал Панин. «Я не ворон (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), я вороненок, а ворон-то еще летает».— Надобно знать, что яицкие бунтовщики в опровержение общей молвы распустили слух, что между ими действительно находился некто Пугачев, но что он с государем Петром III, ими предводительствующим, ничего общего не имеет. Панин, заметя, что дерзость Пугачева поразила народ, столпившийся около двора, ударил самозванца по лицу до крови и вырвал у него клок бороды. Пугачев стал на колени и просил помилования. Он посажен был под крепкий караул, скованный по рукам и по ногам, с железным обручем около поясницы, на цепи, привинченной к стене. Академик Рычков, отец убитого симбирского коменданта, видел его тут и описал свое свидание. Пугачев ел уху на деревянном блюде. Увидя Рычкова, он сказал ему: добро пожаловать, и пригласил его с ним отобедать. «Из чего,— пишет академик,— я познал его подлый дух». Рычков спросил его, как мог он отважиться на такие великие злодеяния?— Пугачев отвечал: «Виноват пред богом и государыней, но буду стараться заслужить все мои вины». И подтверждал слова свои божбою (по подлости своей, опять замечает Рычков). Говоря о своем сыне, Рычков не мог удержаться от слез; Пугачев, глядя на него, сам заплакал.

Наконец Пугачева отправили в Москву, где участь его должна была решиться.[11] Его везли в зимней кибитке, на переменных обывательских лошадях; гвардии капитан Галахов и капитан Повало-Швейковский, несколько месяцев пред сим бывший в плену у самозванца, сопровождали его. Он был в оковах. Солдаты кормили его из своих рук и говорили детям, которые теснились около его кибитки: помните, дети, что вы видели Пугачева. Старые люди еще рассказывают о его смелых ответах на вопросы проезжих господ. Во всю дорогу он был весел и спокоен. В Москве встречен он был многочисленным народом, недавно ожидавшим его с нетерпением и едва усмиренным поимкою грозного злодея. Он был посажен на Монетный двор, где с утра до ночи, в течение двух месяцев, любопытные могли видеть славного мятежника, прикованного к стене и еще страшного в самом бессилии. Рассказывают, что многие женщины падали в обморок от его огненного взора и грозного голоса. Перед судом он оказал неожиданную слабость духа. [12] Принуждены были постепенно приготовить его к услышанию смертного приговора. Пугачев и Перфильев приговорены были к четвертованию; Чика — к отсечению головы; Шигаев, Падуров и Торнов — к виселице; осьмнадцать человек — к наказанию кнутом и к ссылке на каторжную работу.— Казнь Пугачева и его сообщников совершилась в Москве 10 января 1775 года. С утра бесчисленное множество народа столпилось на Болоте, где воздвигнут был высокий намост. На нем сидели палачи и пили вино в ожидании жертв. Около намоста стояли три виселицы. Кругом выстроены были пехотные полки. Офицеры были в шубах по причине жестокого мороза. Кровли домов и лавок усеяны были людьми; низкая площадь и ближние улицы заставлены каретами и колясками. Вдруг всё заколебалось и зашумело; закричали: везут, везут! Вслед за отрядом кирасир ехали сани с высоким амвоном. На нем с открытою головою сидел Пугачев, насупротив его духовник. Тут же находился чиновник Тайной экспедиции. Пугачев, пока его везли, кланялся на обе стороны. За санями следовала еще конница и шла толпа прочих осужденных. Очевидец (в то время едва вышедший из отрочества, ныне старец, увенчанный славою поэта и государственного мужа) описывает следующим образом кровавое позорище:

«Сани остановились против крыльца лобного места.

Пугачев и любимец его Перфильев в препровождении духовника и двух чиновников едва взошли на эшафот, раздалось повелительное слово: *на караул*, и один из чиновников начал читать манифест. Почти каждое слово до меня доходило.

При произнесении чтецом имени и прозвища главного злодея, также и станицы, где он родился, обер-полицеймейстер спрашивал его громко: „Ты ли донской казак, Емелька Пугачев?“ Он столь же громко ответствовал: „Так, государь, я донской казак, Зимовейской станицы, Емелька Пугачев“. Потом, во всё продолжение чтения манифеста, он, глядя на собор, часто крестился, между тем как сподвижник его Перфильев, немалого роста, сутулый, рябой и свиреповидный, стоял неподвижно, потупя глаза в землю. По прочтении манифеста духовник сказал им несколько слов, благословил их и пошел с эшафота. Читавший манифест последовал за ним. Тогда Пугачев, сделав с крестным знамением несколько земных поклонов, обратился к соборам, потом с уторопленным видом стал прощаться с народом; кланялся во все стороны, говоря прерывающимся голосом: „Прости, народ православный; отпусти, в чем я согрубил пред тобою... прости, народ православный!“ При сем слове экзекутор дал знак: палачи бросились раздевать его; сорвали белый бараний тулуп; стали раздирать рукава шелкового малинового полукафтанья. Тогда он сплеснул руками, повалился навзничь, и в миг окровавленная голова уже висела в воздухе...» [13]

Палач имел тайное повеление сократить мучения преступников. У трупа отрезали руки и ноги, палачи разнесли их по четырем углам эшафота, голову показали уже потом и воткнули на высокий кол. Перфильев, перекрестясь, простерся ниц и остался недвижим. Палачи его подняли и казнили так же, как и Пугачева. Между тем Шигаев, Падуров и Торнов уже висели в последних содроганиях... В сие время зазвенел колокольчик; Чику повезли в Уфу, где казнь его должна была совершиться. Тогда начались торговые казни; народ разошелся; осталась малая кучка любопытных около столба, к которому, один после другого, привязывались преступники, присужденные к кнуту. Отрубленные члены четвертованных мятежников были разнесены по московским заставам и несколько дней после сожжены вместе с телами. Палачи развеяли

пепел. Помилованные мятежники были на другой день казней приведены пред Грановитую палату. Им объявили прощение и при всем народе сняли с них оковы.

Так кончился мятеж, начатый горстию непослушных казаков, усилившийся по непростительному нерадению начальства и поколебавший государство от Сибири до Москвы и от Кубани до Муромских лесов. Совершенное спокойствие долго еще не водворялось. Панин и Суворов целый год оставались в усмиренных губерниях, утверждая в них ослабленное правление, возобновляя города и крепости и искореняя последние отрасли пресеченного бунта. В конце 1775 года обнародовано было общее прощение и повелено всё дело предать вечному забвению. Екатерина, желая истребить воспоминание об ужасной эпохе, уничтожила древнее название реки, коей берега были первыми свидетелями возмущения. Яицкие казаки переименованы были в уральские, а городок их назвался сим же именем. Но имя страшного бунтовщика гремит еще в краях, где он свирепствовал. Народ живо еще помнит кровавую пору, которую — так выразительно — прозвал он *пугачевщиною*.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ПЕРВОЙ

[1] Некоторые из ученых яицких казаков почитают себя потомками стрельцов. Мнение сие не без основания, как увидим ниже. Самые удовлетворительные исследования о первоначальном поселении яицких казаков находим мы в «Историческом и статистическом обозрении уральских казаков», сочинении А. И. Левшина, отличающемся, как и прочие произведения автора, истинной ученостию и здравой критикою.

«Время и образ казачьей жизни (говорит автор) лишили нас точных и несомненных сведений о происхождении уральских казаков. Все исторические об них известия, теперь существующие, основаны только на преданиях, довольно поздних, не совсем определительных и никем критически не разобранных.

«Древнейшее, впрочем самое краткое, описание сих преданий находим в доношении станичного атамана яикского Федора Рукавишникова государственной Коллегии иностранных дел, 1720 года.[1]

«Дополнением и продолжением оного служат: 1. Донесение оренбургского губернатора Неплюева Военной коллегии от 22 ноября 1748 года.[2] 2. Оренбургская история Рычкова. 3. Его же Оренбургская топография. 4. Довольно любопытный рукописный журнал бывшего войскового атамана яикского, Ивана Акутина.[3] 5. Не-

---

[1] Сие доношение, в копии мною найденное в делах архива Оренбургской пограничной комиссии, есть то самое, о котором говорит Рычков в своей Топографии; но он Рукавишникова называет Крашенинниковым. Некоторые достойные вероятия жители уральские сказывали мне, что атаман сей носил обе фамилии. *Левшин.*

[2] Отпуск сего донесения нашел я также в архиве Оренбургской пограничной комиссии. *Левшин.*

[3] За список с сего журнала, равно как и за другие сведения, на которых основана часть сего описания, обязан я благодарностию некоторым чиновникам Уральского войска. *Левшин.*

которые новейшие акты, хранящиеся в архивах Уральской войсковой канцелярии и Оренбургской пограничной комиссии.

«Вот лучшие и почти единственные источники для истории уральских казаков.

«То, что писали об них иностранцы, не может быть сюда причислено; ибо большая часть таковых сочинений основана на догадках, ничем не доказанных, часто противоречащих истине и нелепых. Так, например, сочинитель примечаний на Родословную историю татар Абулгази Баядур-Хана утверждает, что казаки уральские произошли от древних кипчаков; что они пришли в подданство России вслед за покорением Астрахани; что они имеют особливый смешанный язык, которым говорят со всеми соседними татарами; что они могут выставить 30 000 вооруженных воинов; что город Уральск стоит в 40 верстах от устья Урала, текущего в Каспийское море, и пр.[1] Все сии нелепости, которые не заслуживают опровержения для русских, приняты однако ж в прочих частях Европы за справедливые. Знаменитый Пуффендорф и Дегинь внесли их, к сожалению, в свои сочинения.[2]

«Возвращаясь к вышеупомянутым пяти источникам нашим и сравнивая их между собою, во всех видим ту главную истину, что яикские или уральские[3] казаки произошли от донских; но о времени поселения их на занимаемых теперь местах не находим положительного и единогласного известия.

«Рукавишников, писавший, как сказали мы, в 1720 году, полагал, что предки его пришли на Яик, *может быть, назад около двухсот лет,* т. е. в первой половине XVI столетия.

«Неплюев повторяет слова Рукавишникова.

«Рычков в Оренбургской истории пишет: *начало сего яикского войска, по известиям от яикских старшин, произошло около 1584 года.*[4] В Топографии же, сочиненной после Истории, он говорит, что первое поселение казаков на Яике случилось в XIV столетии.[5]

«Сие последнее известие основано им на предании, полученном в 1748 году от яикского войскового атамана Ильи Меркурьева,

---

[1] Родословной истории о татарах часть 2-я, глава 2-я, также часть 9, глава 9. *Левшин.*

[2] Histoire des Huns et des Tat., liv. 19, chap. 2. *Левшин.*

[3] Далее увидим, когда река Яик получила название Урала. *Левшин.*

[4] Известия об уральском войске, помещенные в Оренбургской истории Рычкова, собраны им, по собственным словам его, в 1744 году, а те, которые поместил он в Топографии своей, получены им в 1748 году. *Левшин.*

[5] См. Сочинения и переводы ежемесячные 1762 года, месяц август. *Левшин.*

которого отец Григорий был также войсковым атаманом, жил сто лет, умер в 1741 году и слышал в молодости от столетней же бабки своей, что она, будучи лет двадцати отроду, знала очень старую татарку, по имени *Гугниху,* рассказывавшую ей следующее: „Во время Тамерлана один донской казак, по имени Василий Гугна, с 30 человеками товарищей из казаков же и одним татарином, удалился с Дона для грабежей на восток, сделал лодки, пустился на оных в Каспийское море, дошел до устья Урала и, найдя окрестности оного необитаемыми, поселился в них. По прошествии нескольких лет шайка сия напала на скрывшихся близ ее жилища в лесах трех братьев татар, из которых младший был женат на ней, Гугнихе (повествовательнице), и которые отделились от Золотой орды, также рассеявшейся потому, что Тамерлан, возвращаясь из России, намеревался напасть на оную. Трех братьев сих казаки побили, а ее, Гугниху, взяли в плен и подарили своему атаману". Далее, после нескольких пустых подробностей, также повествовательница рассказывала, что „муж ее еще в детстве слыхал о российском городе Астрахани; что с казаками, ее пленившими, при ней соединилось много татар Золотой орды и русских, что они убивали детей своих и прочее".

«Продолжение ее рассказов сходно с тем, что мы будем описывать за истинное; но изложенное сейчас начало, не взирая на известную ученость, полезные труды и обширные сведения Рычкова о Средней Азии и Оренбургском крае, хронологически невозможно и противно многим несомненным историческим известиям. Поелику же сия повесть принята за единственный и правдоподобнейший источник для истории уральских казаков и поелику она неоднократно повторена в новейших русских и иностранных сочинениях,[1] то мы обязанностию почитаем войти в некоторые, даже скучные, подробности для опровержения оной:

«1. Если атаман Григорий Меркурьев, живший около ста лет, умер в 1741 году, то он родился в 1641 или близ того времени. Столетняя бабка его, рассказывавшая ему такую подробную и важную для всякого казака историю и, следовательно, умершая не прежде, как когда ему было лет 15, то есть около 1656 года, должна была родиться в 1556 году, или хотя в 1550; Гугниху же узнала она на 20 году своего возраста, т. е. около 1570 года. Положив теперь, что Гугнихе было тогда лет 90, выйдет, что она родилась в 1480 году, или, короче сказать, в конце XV столетия. Как же она могла помнить такие происшествия, которые были в XIV сто-

[1] Например, в хозяйственном описании Астраханской губернии 1809 года; в 29 книжке «Сына отечества» на 1821 год и пр. *Левшин.*

летии, т. е. почти за сто лет до ее рождения: ибо Тамерлан приходил в Россию в 1395 году?[1]

«2. Муж Гугнихи в *малых летах слыхал от стариков, что от реки Яика не очень далеко есть российские города Астрахань и другие.*[2] Известно, что Астрахань взята в 1554 году,[3] и так не должно ли здесь предполагать, что сама Гугниха и муж ее жили в XVI столетии? Таковое предположение ближе к истине и, как увидим сейчас, согласно с прочими известиями о начале уральских казаков.

«3. И Гугниха, и Рукавишников, и Рычков в Истории Оренбургской, и предания, мною самим слышанные в Уральске и Гурьеве, единогласно говорят, что уральские казаки происходят от донских. Но во времена Тамерлана донские казаки еще не существовали, и история нигде нам не говорит об них прежде XVI столетия. Даже если принять, что они составляют один и тот же народ с азовскими казаками, то и о сих последних, как пишет г. Карамзин,[4] летописи в первый раз упоминают уже в 1499 году, т. е. с лишком чрез сто лет после нашествия Тамерлана.

«4. В XIV столетии Россия еще не свергла ига татарского; границы ее тогда были отдалены от Каспийского моря более нежели на тысячу верст, и обширная степь, от Дона чрез Волгу до Яика простирающаяся, была покрыта племенами монголо-татарскими. Как же могла горсть буйных казаков не только пробраться чрез такое большое расстояние и чрез тысячи неприятелей, но даже поселиться между ими и грабить их? Миллер, известный своими изысканиями и сведениями в истории нашей, говорит:[5] *пока татары южными Российского государства странами владели, о российских казаках ничего не слышно было.*

«Показав несправедливость повести, помещенной Рычковым в Оренбургской топографии, примем первые его об уральском казачьем войске известия, напечатанные в Оренбургской истории; дополним оные сведениями, заключающимися в помянутых доношениях Рукавишникова и Неплюева, и преданиями, мною самим собранными на Урале; сообразим их с сочинениями знаменитейших писателей и предложим читателям следующее Историческое обозрение уральских казаков».

---

[1] История Российская, г. Карамзина, том 5, стр. 144. *Левшин.*

[2] Подлинные слова Рычкова в той же 2 главе Топографии. *Левшин.*

[3] Той же истории г. Карамзина, том 8, стр. 222. *Левшин.*

[4] См. Истор. Рос. государства, том 6, примеч. 495. *Левшин.*

[5] В статье «О начале и происхождении казаков», Сочин. и перев. 1760 года. *Левшин.*

[2] О Гугнихе смотри подробное баснословие Рычкова в его Оренбургской истории.

[3] Грамота сия не сохранилась. Старые казаки говорили Рычкову, что оная сгорела во время бывшего пожара. «Не только сия грамота,— говорит г. Левшин,— без которой нельзя точно определить начала подданства уральских казаков России, но и многие другие, данные им царями Михаилом Феодоровичем, Алексеем Михайловичем и Феодором Алексеевичем, сгорели. Древнейший и единственный акт, найденный Неплюевым в Яикской войсковой избе, была грамота царей Петра и Иоанна Алексеевичей, 1684 года, где упоминается о прежних службах войска со времен Михаила».

«С 1655, то есть с первой службы уральских казаков против поляков и шведов, до 1681 года нет известий о походах их. В 1681 и 1682 годах служили триста казаков под Чигирином. В 1683 послано было из них 500 человек к Мензелинску для усмирения бунтовавших башкирцев, за что, сверх жалованья деньгами и сукном, повелено было снабжать их артиллерийскими снарядами.[1] Со времен Петра Великого они были употребляемы в большой части главных военных действий России, как-то: в 1696 под Азовом; в 1701 , 1703, 1704 и 1707 против шведов; в 1708 году 1225 казаков были опять посланы для усмирения башкирцев; в 1711 году 1500 человек на Кубань; в 1717 году 1500 казаков пошли с князем Бековичем-Черкасским в Хиву; и так далее» *(г. Левшин).*

[4] Г-н Левшин справедливо замечает, что царские стрельцы, вероятно, помешали яицким казакам принять участие в возмущении Разина. Как бы то ни было, нынешние уральские казаки не терпят имени его, и слова *Разина порода* почитаются у них за жесточайшую брань.

[5] «В те ж времена из казаков яицкого войска некто, по прозванию Нечай, собрав себе в компанию 500 человек, взял намерение идти в Хиву, уповая быть там великому богатству и получить себе знатную добычу. Со оными отправился он по Яику реке вверх и, будучи у гор, называемых ныне *Дьяковыми,* от нынешнего городка вверх Яика 30 верст, остановился и по казачьему обыкновению учинил совет, или круг, для рассуждения о том своем предприятии и чтоб избрать человека для показания прямого и удобнейшего туда тракту. Когда в кругу учинен был о том доклад, тогда дьяк его, или писарь, выступя, стал представлять, коль отважно и не сходно оное их предприятие, изъясняя, что путь будет степной, незнакомый, провианта с ними не

---

[1] Доношение Неплюева и журнал Акутина.

довольно, да и самих их на такое великое дело малолюдно. Помянутый Нечай от сего дьякова представления так много рассердился и в такую запальчивость пришел, что, не выходя из того круга, приказал его повесить, почему он тогда ж и повешен, а оные горы прозваны и поныне именуются *Дьяковыми.*

Отправясь он, Нечай, в путь свой с теми казаками, до Хивы способно дошел и, подступя под нее в такое время, когда хивинский хан со всем своим войском был на войне в других тамошних сторонах, а в городе Хиве, кроме малых и престарелых, никого почти не было, без всякого труда и препятствия городом и всем тамошним богатством завладел, а ханских жен в полон побрал, из которых одну он, Нечай, сам себе взял и при себе ее содержал. По таковом счастливом завладении он, Нечай, и бывшие с ним казаки несколько времени жили в Хиве во всяких забавах и об опасности весьма мало думали; но та ханская жена, знатно полюбя его, Нечая, советовала ему: ежели он хочет живот свой спасти, то б он со всеми своими людьми заблаговременно из города убирался, дабы хан с войском своим тут его не застал; и хотя он, Нечай, той ханской жены наконец и послушал, однако не весьма скоро из Хивы выступил и в пути, будучи отягощен многою и богатою добычею, скоро следовать не мог; а хан, вскоре потом возвратясь из своего походу и видя, что город его Хива разграблен, нимало не мешкав, со всем своим войском в погоню за ним, Нечаем, отправился и чрез три дни его настиг на реке, именуемой *Сыр-Дарья,* где казаки чрез горловину ее переправились, и напал на них с таким устремлением, что Нечай с казаками своими хотя и храбро оборонялся и многих хивинцев побил, но напоследок со всеми имевшимися при нем людьми побит, кроме трех или четырех человек, кои, ушед от того побоища, в войско яицкое возвратились и о его погибели рассказали. В оном войсковых атаманов объявлении показано и сие, яко бы хивинцы с того времени оную горловину, которая из Аральского моря в Каспийское впала, на устье ее от Каспийского моря завалили в таком рассуждении, дабы в предбудущие времена из моря в море судами ходу не было; но я последнее сие обстоятельство за неимением достовернейших известий не утверждаю, а представляю оное так, как мне от помянутых войсковых атаманов сказано.

Несколько лет после того яицкие казаки селением своим перешли к устью реки *Чагана,* на то третие место, где ныне Яицкий казачий город находится. Утвердившись же тут селением и еще в людстве гораздо умножась, один из них, по прозванию *Шамай,* прибрав себе в товарищество человек до 300, взял такое ж намерение, как и Нечай, а именно, чтоб еще опыт учинить

походом на Хиву для наживы тамошними богатствами. И так, согласясь, пошли вверх по Яику до Илека реки, по которой, вверх несколько дней отошед, зазимовали, а весною далее отправились. Будучи около реки Сыр-Дарьи, на степи усмотрели двух калмыцких робят, которые ходили для звероловства и разрывали ямы звериные; ибо тогда около оной реки Сыр-Дарьи кочевали еще калмыки. Захватя сих калмыцких робят, употребляли они их на той степи за вожей ради показания дорог. И хотя калмыки оных своих робят у них, казаков, к себе требовали, но они им в том отказали. За сие калмыки, озлобясь, употребили противу их такое лукавство, что, собравшись многолюдно, скрылись в потаенное низменное место, а вперед себя послали на высокое место двух калмык и приказали, усмотря яицких казаков, рыть землю и, бросая оную вверх, делать такой вид, якобы они роют звериные ж ямы. Передовые казаки, увидевши их, подумали, что то еще калмыцкие гулебщики роют ямы, и сказали о том Шаме, своему атаману, и потом все из обозу поскакали за ними. Калмыки от казаков во всю силу побежали на те самые места, где было скрытное калмыцкое войско, и так их навели на калмык, которые все вдруг на них, казаков, ударили и, помянутого атамана с несколькими казаками захватя, удержали у себя одного атамана для сего токмо, дабы тем удержанием прежде захваченных ими калмык высвободить; ибо, прочих отпустя, требовали оных своих калмычат к себе обратно; но наказной атаман ответствовал, что у них атаманов много, а без вожей им пробыть нельзя, и с тем далее в путь свой отправились; токмо на то место, где прежде с атаманом Нечаем казаки чрез горловину Сыр-Дарьи переправлялись, не потрафили, но, прошибшись выше, угодили к Аральскому морю, где у них провианта не стало. К тому ж наступило зимнее время; чего ради принуждены они были на том Аральском море зимовать и в такой великий глад пришли, что друг друга умерщвляя ели, а другие с голоду помирали. Оставшие ж посылали к хивинцам с прошением, чтоб их к себе взяли и спасли б их тем от смерти; почему, приехав к ним, хивинцы всех их к себе и забрали. И так все оные яицкие казаки, 300 человек там пропали. Означенный же атаман Шамай, спустя несколько лет, калмыками привезен и отдан в яицкое войско» («Топография Оренбургская»).

[6] Смотри статью г-на Сухорукова «О внутреннем состоянии донских казаков в конце XVI столетия», напечатанную в «Соревнователе просвещения» 1824 года. Вот что пишет г. Левшин о казацких кругах: «Коль скоро, бывало, получится какой-нибудь указ или случится какое-нибудь общее войсковое дело, то на колокольне соборной церкви бьют *сполох,* или повестку, дабы все казаки

сходились на сборное место к войсковой *избе,* или *приказу* (что ныне канцелярия войсковая), где ожидает их войсковой атаман. Когда соберется довольно много народа, то атаман выходит к оному из избы на крыльцо с серебряною позолоченною булавою; за ним с жезлами в руках есаулы, которые тотчас идут в средину собрания, кладут жезлы и шапки на землю, читают молитву и кланяются сперва атаману, а потом на все стороны окружающим их казакам. После того берут они жезлы и шапки опять в руки, подходят к атаману, принимая от него приказания, возвращаются к народу и громко приветствуют оный сими словами: „Помолчите, атаманы молодцы и всё великое войско яицкое!“ А наконец, объявив дело, для которого созвано собрание, вопрошают: „Любо ль, атаманы молодцы?“ Тогда со всех сторон или кричат: „любо“ или подымаются ропот и крики: „не любо“. В последнем случае атаман сам начинал увещевать несогласных, объясняя дело и исчисляя пользы оного. Если казаки были им довольны, то убеждения его часто действовали; в противном случае никто не внимал ему, и воля народа исполнялась» («Историч. и статист. обозрение уральских казаков»).

[7] Уральское казачье войско так же, как и все казаки, не платит государству податей; но оно несет службу и обязано во всякое время по первому требованию выставлять на свой счет определенное число одетых и вооруженных конных воинов; а в случае нужды все, считающиеся на службе, должны выступить в поход. Теперь служащих казаков в уральском войске 12 полков. Из них один в Илецкой и один в Сакмарской станицах. Сии оба полка, как не участвующие в богатых рыбных промыслах уральских, не участвуют и в наряде казаков в армию; но отправляют только линейную службу, т. е. оберегают границу от киргизов. Остальные 10 полков, считающиеся на службе, но действительно не служащие, выставляют на свой счет полки в армию и стражу на линию по всему пространству земель своих до Каспийского моря. Как первая, так и вторая служба несутся не по очереди, но по найму, за деньги. При первом повелении правительства о наряде одного или нескольких полков делается раскладка: на сколько человек, считающихся в службе, приходит поставить одного вооруженного, и потом каждый таковой участок общими силами нанимает одного казака с тем, чтобы он сам себя и обмундировал и вооружил. Плата ему простирается рублей до 1000, до 1500 и более; а за 10-месячный поход в Бухарию для сопровождения бывшей там миссии нашей, по неизвестности земель, платили по 2000 и даже до 3000 руб. каждому казаку. Тот, который в случае раскладки не может за себя заплатить, сам нанимается в поход.

Иные, нанявшись, сдают свою обязанность другим, иногда с барышом для себя. Плата тем, кои нанимаются в линейную стражу, самая малая: потому что они, имея в форпостах и крепостях свои собственные домы, скотоводство, мену и всё имущество, невольно идут оберегать границу, хотя, впрочем, необходимость сия лишает их права участвовать в общих рыбных промыслах.

Обыкновение служить по найму, с одной стороны по-видимому несправедливое, потому что богатый всегда от службы избавлен, а бедный всегда несет ее, с другой стороны полезно: ибо — 1-е, теперь всякий казак, выступающий в поход, имеет возможность хорошо одеться и вооружиться; 2-е, он, оставляя семейство свое, может уделить оному довольно денег на содержание во время своей отлучки; 3-е, человек, занимающийся промыслом какимнибудь или работою, полезен для него и для других, не принужден бросать занятий своих и невольно идти на службу, которую бы отправлял очень неисправно. Отставные казаки уже ни в каких службах не участвуют; а потому и на рыбные ловли без платы ездить не могут («Историч. и статист. обозрение уральских казаков»).

Выписываем из той же книги живое и любопытное изображение рыбной ловли на Урале:

«Теперь обратим внимание на рыболовство уральского войска и рассмотрим оное подробнее как потому, что оно составляет главнейший и почти единственный источник богатства здешних жителей, так и потому, что различные образы производства оного очень любопытны. Прежде же всего заметим, что против города Уральска ежегодно после весеннего половодья делают из толстых бревен чрез Урал загороду или решетку, называемую *учуг*, который останавливает и не пускает далее вверх рыбу, идущую из моря. [1]

«Главнейшие рыбные ловли, из которых ни одной нельзя начать прежде дня, определяемого войсковою канцеляриею, суть:

«1-я, багренье, разделяющееся на *малое* и *большое*. Первое начинается около 20 или 18 числа декабря и не продолжается долее 25-го; второе начинают около 6 января и оканчивают в том же месяце. Багрят рыбу только от Уральска верст на 200 вниз; далее не продолжают, потому что там производится осенняя ловля.

«Образ багренья таков: в назначенный день и час являются на Урал атаман багренья (всякий раз назначаемый канцеляриею из штаб-офицеров) и все имеющие право багрить казаки, всякий

[1] По словам стариков, прежде так бывало много в Урале рыбы, что от напору оной учуг ломался и ее прогоняли назад пушечными выстрелами с берега.

в маленьких одиночных санках в одну лошадь, с пешнею, лопатою и несколькими баграми, коих железные острия лежат на гужах хомута у оглобли, а деревянные составные шесты, длиною в 3, 4, иногда в 12 сажен, тащатся по снегу. Прибыв на сборное место, становятся впереди атаман и около его несколько конных казаков для соблюдения порядка; а за ним рядами все выехавшие багрить. Число сих последних простирается всегда до нескольких тысяч; ежели кто из них осмелится поскакать с места один, то передовые блюстители порядка рубят у него багры и сбрую.

«Строгая и справедливая мера сия невольно удерживает на месте казаков, из коих почти у каждого на лице написано нетерпеливое желание скорее пуститься вперед. Этого мало: даже у лошадей их, приученных к сему промыслу, в глазах видно нетерпение скакать. Атаман, на которого все взоры устремлены, ходя около саней своих и приближаясь к ним как будто для того, чтоб садиться, и опять отходя, не раз заставляет их ошибаться в сигнале; наконец он действительно бросается в санки, дает знак, пускает во всю прыть лошадь свою, и за ним скачет всё собравшееся войско. Тут уже нет никакого порядка и никому пощады. Всякий старается опередить другого, и горе тому, кто по несчастию вывалится из саней. Если он не будет раздавлен, чему примеров мало помнят, то легко может быть изуродован.

«Прискакав к назначенному для ловли месту,[1] все сани останавливаются; всякий выскакивает из них с наивозможною поспешностию, пробивает во льду небольшой проруб и тотчас опускает в него багор свой. Картина, представляющаяся в сию минуту для зрителей с берегов Урала, обворожительна! Скорость, с каковою все казаки друг друга обгоняют, всеобщее движение, в которое всё приходит тотчас по приезде на место ловли, и в несколько минут возрастающий на льду лес багров поражают глаза необыкновенным образом. Лишь только багры опущены, рыба, встревоженная шумом скачущих лошадей, поднимается с места, суетится и напирается на багры, опускаемые так, чтобы они на несколько вершков не доходили до дна. В изобильном месте, иногда еще не пройдет четверти часа от начала багренья, как уже везде на льду видны трепещущие осетры, белуги, севрюги и пр. Если рыба, попавшаяся на багор, столь велика, что один не может ее вытащить, то он тотчас просит помощи, и товарищи его или соседи *подбагривают* ему. На каждый день багренья назначается рубеж, далее которого никто не должен ехать.

[1] Места сии называются здесь *етови* и замечаются осенью по множеству рыбы, которая, расположившись в них зимовать, при восхождении и захождении солнечном на поверхности воды показывается.

«После малого багренья ежегодно отправляют от лица войска некоторое количество наилучшей икры и рыбы ко двору. Приношение сие, как знак верноподданства, издавна существующее, называется *презентом,* или первым кусом. Для ловли такового презента обыкновенно назначается лучшее место или *етовь;* и если в оной набагрят мало, то недостающее количество рыбы покупают на сумму войсковой канцелярии. Если же во время багренья для двора поймают рыбы более, нежели нужно, то остальную запрещается несколько времени продавать, дабы ее не привезли в Петербург прежде посланной от войска. Офицеры, с презентом отправляемые, получают денежные награды от двора на путевые издержки, на ковш и саблю.

«2-я рыбная ловля есть *весенняя плавня,* или *севрюжное рыболовство,* так называемое потому, что в сие время попадаются почти только одни севрюги. Начинается она в апреле тотчас по вскрытии льда под Уральском и продолжается около двух месяцев по всему пространству Урала до моря. Для нее, так, как и для всех прочих промыслов, назначается день, избирается атаман и дается ему пушка, по выстрелу из которой все собравшиеся на промысел казаки пускаются с места в маленьких бударах, не помещающих в себе более одного человека, и каждый начинает выкидывать определенной длины сеть свою. Употребляемые в сие время сети состоят из двух полотен, одного редкого, а другого частого, дабы между ими запутывалась рыба, которая весною обыкновенно подымается из моря вверх по Уралу. Один конец таковой сети привязан к плавающему по воде бочонку или куску дерева; а другой держит казак за две веревки. Для привала назначается рубеж и против него на берегу ставка атаманская, близ которой все должны оканчивать ловлю. Окончание возвещается вечером опять пушечным выстрелом. Осетров и белуг, кои в сие время попадаются, по положению должно бросать назад в воду; ибо, во-первых, они тогда еще малы, во-вторых, слишком дешевы. Преступающих сие положение наказывают и отнимают у них всю наловленную рыбу.

«3-я *осенняя плавня,* начинающаяся 1 октября и оканчивающаяся в ноябре, имеет то отличие от весенней, что, во-первых, в оной употребляются сети совсем другого рода, т. е. сплетенные наподобие мешка, которым рыбу как бы черпают, [1] во-вторых, при каждой из сетей сих, *ярыгами* называемых, находятся два человека в двух бударках по обеим сторонам. Начинают осенний промысел так же, как и прочие, под начальством особого атамана,

---

[1] Это потому, что рыба в сие время избрала место на зимовку.

из назначенного рубежа. Дабы один большею сетью или ярыгою не захватил более пространства и, следовательно, более рыбы, нежели другой, у коего сеть меньше, то определена однажды навсегда длина всех сетей. Когда на одном месте выловят всю рыбу, то опять собираются туда, где атаман, и едут далее до следующего рубежа, или, говоря языком казаков, делают другой *удар*.

«Осенняя плавня производится только с того места, где оканчивается багренье, т. е. верстах в 200 от Уральска и до моря.[1]

«4-я, неводами; начинают ловить зимою, также по назначению канцелярии; но не собранием, а поодиночке, кто где желает. Невод пропускается под льдом на шесте, который направляют куда хотят посредством прорубов.

«5-я, рыболовство *аханное*, или *аханами*, т. е. особого рода сетями; производится около половины декабря и только в море, т. е. недалеко от Гурьева. В день, назначенный для начала сего промысла, начальник оного раздает всем желающим и имеющим право ловить участки по жребию. Участки все равны, т. е. каждому казаку отводится равное пространство на определенное число аханов, определенной же меры. Чиновники получают по чинам своим по два, по три и более участков.

«Ахан, опущенный в море под лед, вешается в перпендикулярном к поверхности положении и придерживается на обоих краях и на средине тремя веревками или петлями, для коих делается три проруба и в кои вдевают палки или шестики на льду над прорубами лежащие.

«Установленные таким образом аханы требуют только того, чтоб промышленник от времени до времени подходил к ним, за средину подымал каждый из среднего проруба, или, как здесь говорят, *наслушивал* и, если по тяжести почувствует, что в нем уже запуталась какая-нибудь рыба, то вытаскивал бы его, снимал добычу и потом опять по-прежнему устанавливал. Сей способ ловли чрезвычайно выгоден для тех, которые занимаются оным; но, не допуская рыбы вверх Урала, он делает подрыв багренным промышленникам.

6-я, *курхайский* лов бывает обыкновенно весною и только в море, или, лучше сказать, на взморье. Он производится посредством сетей, которые в перпендикулярном к поверхности воды положении привязываются на концах и средине к трем шестам, вбитым в дно морское. Рыбу, идущую из моря и запутывающуюся в

---

[1] Каждый казак имеет при сем лове у себя работника. За полутора- или двумесячные труды должен он ему заплатить от 70 до 100 рублей.

сии сети, снимают в лодки, на коих разъезжает промышленник около своих снастей.

«7-я, лов крючками, навешенными на веревку, которая также тремя петлями удерживаема бывает под льдом, менее всех сказанных значителен.

«О ловле удочками и пр., по маловажности, нечего и говорить.

«С нынешнего 1821 года, по дозволению высшего начальства, в первый раз начали казаки рыбную ловлю в Чалкажском озере или по здешнему морце, за 80 верст от Уральска в Киргизской степи находящемся.

«Рыбы, попадающиеся в Урале в наибольшем количестве, суть: осетр, белуга, шип, севрюга, белая рыбица, судак, лещ, щука, берш, сазан, сом, головли. Осетры ловятся иногда пудов в 7, 8 и даже до 9. Белуги пудов 20, 30, а редко и в 40; первые чем больше, тем лучше и дороже; вторые чем больше, тем хуже и дешевле. Но вообще вся рыба теперь стала мельче прежнего от уменьшения вод в море и Урале. Цены икре и рыбе в багренье не имеют сравнения с ценами в весенний лов; в продолжение сего последнего они вчетверо ниже: ибо время года не позволяет сберегать рыбу иначе как посолив ее.

«Соль казаки уральские получают или из Индерского и Грязного соленых озер, находящихся недалеко от границы в степи киргизской, или из озер, по берегам Эмбы лежащих. Есть также и около Узеней небольшие соленые озера».

[8] Самым достоверным и беспристрастным известием о побеге калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком. С благодарностию помещаем здесь сообщенный им отрывок из неизданной еще его книги о калмыках:

«Нет сомнения в том, что *Убаши* и *Сэрын* предприняли возвратиться на родину по предварительному сношению с алтайскими своими единоплеменниками, исполненными ненависти к Китаю. Они, вероятно, думали и то, что сия держава, по покорении Чжуньгарии, вызвала оттуда свои войска обратно, а в Или и Тарбагатае оставила слабые гарнизоны, которые соединенными силами легко будет вытеснить; в переходе же чрез земли киргиз-казаков тем менее предполагали опасности, что сии хищники, отважные пред купеческими караванами, всегда трепетали при одном взгляде на калмыцкое вооружение. Одним словом, калмыки в мыслях своих представляли, что сей путь будет для них, как прежде всегда было, приятною прогулкою от песчаных равнин Волги и Урала до гористых вершин Иртыша. Но случилось совсем против-

ное: ибо встретились такие обстоятельства, которые были вне всех предположений.

«Чжуньгарское ойратство на Востоке, некогда страшное для Северной Азии, уже не существовало, и *волжские калмыки,* долго бывшие под российским владением, по выходе за границу, считались беглецами, коих российское правительство, преследуя оружием своим, предписало и киргиз-казакам на каждом, так сказать, шагу остановлять их вооруженною рукою. Китайское пограничное начальство, по первому слуху о походе *торготов* на Восток, приняло с своей стороны все меры осторожности [1] и также предписало казакам и кэргызцам не допускать их проходить пастбищными местами; в случае же их упорства отражать силу силою. Мог ли хотя один кэргызец и казак остаться равнодушным при столь неожиданном для них случае безнаказанно грабить?

«Российские отряды, назначенные для преследования беглецов, по разным причинам, зависевшим более от времени и местности, не могли догнать их. Бывшие яицкие казаки в сие самое время начали уже волноваться и отказались от повиновения. Оренбургские казаки хотя выступили в поход и в половине февраля соединились с Нурали, ханом Меньшой казачьей орды, но, за недостатком подножного корма, вскоре принуждены были возвратиться на границу. После обыкновенных переписок, требовавших довольного времени, уже 12 апреля выступил из Орской крепости отряд регулярных войск и успел соединиться с ханом Нурали: но калмыки между тем, подавшись более на юг, столько удалились, что сей отряд мог только несколько времени, и то издали, тревожить тыл их; а около Улу-тага, когда и солдаты и лошади от голода и жажды не в состоянии были идти далее, начальник отряда Траубенберг принужден был поворотить на север и чрез Уйскую крепость возвратиться на Линию. [2]

«Но киргиз-казаки, несмотря на то, вооружились с величайшею ревностию. Их ханы: Нурали в Меньшой, Аблай в Средней и Эрали в Большой орде, один за другим нападали на калмыков со всех сторон; и сии беглецы целый год должны были на пути своем беспрерывно сражаться, защищая свои семейства от плена и стада от расхищения. Весною следующего (1772) года кэргызцы (буруты) довершили несчастие калмыков, загнав в обширную пес-

---

[1] Китай содержит в *Чжунъгарии* охранных войск не более 35 000, которые растянуты по трем дорогам: от Кашгара до Халми, от Или до Баркюля и от Чугучака до Улясутая, на пространстве не менее 7000 верст; почему пограничное китайское начальство в Чжуньгарии не могло спокойно смотреть на приближение волжских калмыков.

[2] См. опис. Кирг.-Кайс. орд и степей г. Левшина, ч. II, стр. 256.

чаную степь по северную сторону озера Балхаши, где голод и жажда погубили у них множество и людей и скота.

«По перенесении неимоверных трудностей, по претерпении бесчисленных бедствий, наконец калмыки приближились к вожделенным пределам древней их отчизны; но здесь новое несчастие представилось очам их. Пограничная цепь китайских караулов грозно преградила им вход в прежнее отечество, и калмыки не иначе могли проникнуть в оное как с потерею своей независимости. Крайнее изнеможение народа принудило Убаши с прочими князьями поддаться Китайской державе безусловно. Он вышел из России с 33 000 кибиток, в коих считалось около 169 000 душ обоего пола. При вступлении в Или из помянутого числа осталось не более 70 000 душ.[1] Калмыки в течение одного года потеряли 100 000 человек, кои пали жертвою меча или болезней и остались в пустынях Азии в пищу зверям или уведены в плен и распроданы по отдаленным странам в рабство.

«Китайский император предписал принять сих несчастных странников и новых своих подданных с примерным человеколюбием. Немедленно доставлено было калмыкам вспоможение юртами, скотом, одеждою и хлебом. Когда же разместили их по кочевьям, тогда для обзаведения еще было выдано им:

Лошадей, рогатого скота и овец . . .	1 125 000 гол.
Кирпичного чаю	20 000 мест[2]
Пшеницы и проса	20 000 чет.
Овчин	51 000
Бязей[3]	51 000
Хлопчатой бумаги	1 500 пуд.
Юрт	400
Серебра около	400 пуд.

«Осенью того же года *Убаши* и князья *Цебок-Дорцзи, Сэрын, Гунгэ, Момыньту, Шара-Кэукынь* и *Цилэ-Мупир* препровождены были к китайскому двору, находившемуся в Жэхэ. Сии князья, кроме *Сэрына,* были ближайшие родственники хана *Убаши,* потомки *Чакдор-Чжаба,* старшего сына хана *Аюки.* Один только *Цебок-Дорцзи* был правнук *Гуньчжаба,* младшего сына хана *Аюки. Уба-*

[1] Так показал китайскому правительству *Убаши* с прочими князьями. В книжке: *Си-юй-Вынь-цзянь-лу* число бежавших из России калмыков увеличено. Ошибка сия произошла от того, что сочинитель помянутой книжки писал свои записки по сказаниям простых калмыков. См. Опис. Чжуньг. и В. Туркист., стр. 186 и сл.

[2] Место, или ящик содержит в себе 36 кирпичей, или плиток чая, из коих каждая весит около $3^1/_2$ ф.

[3] *Бязью* в Туркистане называется белая бумажная ткань, которая бывает неодинаковой меры.

ши получил титул Чжорикту Хана; а прочим князьям, в том числе и остававшимся в Или, даны разные другие княжеские титулы. Сии владельцы при отъезде из Жэхэ осыпаны были наградами; по возвращении же их в Или три дивизии из торготов размещены в Тарбагатае или в Хурь-хара-усу, а *Убаши* с четырьмя дивизиями *торготов* и *Гунгэ с хошотами* поселены в Харашаре по берегам Большого и Малого Юлдуса,[1] где часть людей их обязана заниматься хлебопашеством под надзором китайских чиновников.[2] Калмыки, ушедшие в китайскую сторону, разделены на 13 дивизий.

«Российское правительство отнеслось к китайским министрам, чтоб, по силе заключенного между Россиею и Китаем договора, обратно выдали бежавших с Волги калмыков; но получило в ответ, что китайский двор не может удовлетворить оной просьбы по тем же самым причинам, по которым и российский двор отказал в выдаче *Сэрына,* ушедшего из Чжуньгарии на Волгу, для спасения себя от преследования законов.

«Впрочем, волжские калмыки, по-видимому, вскоре и сами раскаялись в своем опрометчивом предприятии. В 1791 году получены с китайской стороны разные известия, что калмыки намереваются возвратиться из китайских владений и по-прежнему отдаться в российское подданство. Вследствие оных известий уже предписано было сибирскому начальству дать им убежище в России и поселить их на первый случай в Колыванской губернии.[3]

«Но кажется, что калмыки, быв окружены китайскими караулами и лазутчиками и разделены между собою значительным пространством, не имели никакой возможности к исполнению своего намерения».

[9] Полевые команды состояли из 500 человек пехоты, конницы и артиллерийских служителей. В 1775 году они заменены были губернскими батальонами.

[10] Умет — постоялый двор.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ВТОРОЙ

[1] Пугачев на хуторе Шелудякова косил сено. В Уральске жива еще старая казачка, носившая черевики его работы. Однажды, нанявшись накопать гряды в огороде, вырыл он четыре могилы.

---

[1] В Вост. Туркистане от Или на юго-восток.

[2] Возвращение *торготов* из России в Чжуньгарию описано в *Синь-цзянь-чжи-лао:* начальной тетради на лист. 51—56.

[3] См. Полн. собр. росс. зак., т. XXIII, № 16937.

Сие обстоятельство истолковано было после как предзнаменование его участи.

[2] Малыковских управительских дел земский Трофим Герасимов и Мечетной слободы смотритель Федот Фадеев и сотник Сергей Протопопов в бытность его в Мечетной слободе письменно объявили: Мечетной слободы крестьянин Семен Филиппов был в Яицке за покупкою хлеба, а ехал оттуда с раскольником Емельяном Ивановым. Сей в городке Яицке подговаривал казаков бежать на *реку Лобу,* к турецкому султану, обещая по 12 рублей жалованья на человека, объявляя, что у него на границе оставлено до 200 тысяч рублей да товару на 70 тыс., а по приходе их паша-де даст им до 5 миллионов. Некоторые казаки хотели было его связать и отвести в комендантскую канцелярию, но он-де скрылся и находится, вероятно, в селе Малыковке.

Вследствие сего вышедший из-за польской границы с данным с Добрянского форпосту пашпортом для определения на жительство по реке Иргизу раскольник Емельян Иванов был найден и приведен ко управительским делам выборным Митрофаном Федоровым и Филаретова раскольничьего скита иноком Филаретом и крестьянином Мечетной слободы Степаном Васильевым с товарищи,— *оказался подозрителен, бит кнутом;* а в допросе показал: что он зимовейский служилый казак Емельян Иванов Пугачев, от роду 40 лет; с той станицы бежал великим постом сего 72 года в слободу Ветку за границу, жил там недель 15, явился на Добрянском форпосте, где сказался вышедшим из Польши; и в августе месяце, высидев тут 6 недель в карантине, пришел в Яицк и стоял с неделю у казака Дениса Степанова Пьянова. А всё-де говорил он пьяный, а об подданстве султану и встрече пашою и 5 мил. не говаривал,— а имел-де он намерение в *Симбирскую провинциальную* канцелярию явиться для определения к жительству на реке Иргизе. По резолюции дворцовых дел был он отправлен под караулом с мужиками малыковскими, а сообщено сие в коменд. канцелярию, учрежденную в городе Яицке 19 декабря 1772. *(Промемория от дворцовых Малыковских дел в комендантскую канцелярию, учрежденную в городе Яицке, декабря 18, 1772 года, поданная смотрителем Иваном Расторгуевым.)*

Крестьянин Семен Филиппов содержался под караулом до самого 1775 года. По окончании следствия над Пугачевым и его сообщниками велено было его освободить и сверх того о награждении его, Филиппова, яко доносителя в Малыковке о начальном прельщении злодея Пугачева, представить на рассмотрение Правительствующему сенату. *(См. сентенцию 10 января 1775 года.)*

[3] «Оному Пугачеву, за побег его за границу в Польшу и за утайку по выходе его оттуда в Россию о своем названии, а тем больше за говорение возмутительных и вредных слов, касающихся до побега всех яицких казаков в Турецкую область, учинить наказание плетьми и послать так, как бродягу и привыкшего к праздной и продерзкой жизни, в город Пелым, где употреблять его в казенную работу. 6 мая 1773». *(Записки о жизни и службе А. И. Бибикова.)*

[4] Форпост Будоринский в 79 верстах от Яицкого городка.

[5] Илецкий городок в 145 верстах от Яицкого городка и в 124 от Оренбурга. В нем находилось до 300 казаков. Илецкие казаки были тут поселены статским советником Кирилловым, образователем Оренбургской губернии.

[6] Крепость Рассыпная, выстроенная при том месте, где обыкновенно перебирались киргизцы вброд через Яик. Она находится в 25 верстах от Илецкого городка, а в 101 от Оренбурга.

[7] В 1773 году Оренбургская губерния разделялась на четыре *провинции:* Оренбургскую, Исетскую, Уфимскую и Ставропольскую. К первой принадлежали дистрикт (уезд) Оренбургский и Яицкий городок со всеми форпостами и станицами, до самого Гурьева, также и Бугульминская земская контора. Исетская провинция заключала в себе Зауральскую Башкирию и уезды Исетский, Шадринский и Окуневский; Уфимская провинция — уезды Осинский, Бирский и Мензелинский. Ставропольскую провинцию составлял один обширный уезд. Сверх сего, Оренбургская губерния разделялась еще на восемь *линейных дистанций* (ряд крепостей, выстроенных по рекам Волге, Самаре, Яику, Сакмаре и Ую); сии дистанции находились под ведомством военных начальников, пользовавшихся правами провинциальных воевод. *(См. Бишинга и Рычкова.)*

[8] Ставропольская канцелярия ведала дела крещеных калмыков, поселенных в Оренбургской губернии.

[9] Нижне-Озерная находится в 19 верстах от Рассыпной и в 82 от Оренбурга. Она выстроена на высоком берегу Яика.— Память капитана Сурина сохранилась в солдатской песне:

Из крепости из Зерной,
На подмогу Рассыпной,
Вышел капитан Сурин
Со командою один, и проч.

[10] Неизвестный автор краткой исторической записки: Histoire de la révolte de Pougatschef — рассказывает смерть Харлова следующим образом:

Le major Charlof avait épousé, depuis quelques semaines, la fille du colonel Iélagin, jeune personne très aimable. Il avait été dangereusement blessé en défendant la place eton l'avait rapporté chez lui. Lorsque la forteresse fut prise, Pougatschef envoya chez lui, le fit arracher de son lit et emmener devant lui. La jeune épouse, au désespoir, le suivit, se jeta aux pieds du vainqueur et lui demanda la grâce de son mari.— Je vais le faire pendre en ta présence, — répondit le barbare. A ces mots la jeune femme verse un torrent de larmes, embrasse de nouveau les pieds de Pougatshef et implore sa pitié; tout fut inutile et Charlof fut pendu à l'instant même, en présence de son épouse. A peine eut-il expiré que les cosaques se saisirent de la femme et la forcèrent d'assouvir la passion brutale de Pougatschef.— Автор находит тут невероятности и пускается в рассуждения.— Les peuples les plus barbares respectent les mœurs jusqu'à un certain point, et Pougatschef avait trop de bon sens pour commettre devant ses soldats etc. Болтовня; но вообще вся записка замечательна и, вероятно, составлена дипломатическим агентом, находившимся в то время в Петербурге.

[11] Крепость Татищева, при устье реки Камыш-Самары, основана Кирилловым, образователем Оренбургской губернии, и названа от него Камыш-Самарою. Татищев, заступивший место Кириллова, назвал ее своим именем: *Татищева пристань*. Находится в 28 верстах от Нижне-Озерной и в 54 (прямой дорогою) от Оренбурга.

[12] Чернореченская в 36 верстах от Татищевой и в 18 от Оренбурга.

[13] Сакмарский город, основанный при реке Сакмаре, находится в 29 в. от Оренбурга. В нем было до 300 казаков.

[14] Показание крестьянина Алексея Кириллова от 6 октября 1773 года *(из Оренбургского архива)*.

[15] Повешены два курьера, ехавшие в Оренбург, один из Сибири, другой из Уфы, гарнизонный капрал, толмач-татарин, старый садовник, некогда бывший в Петербурге и знавший государя Петра III, да приказчик с рудников Твердышевских.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ТРЕТЬЕЙ

[1] См. Приложения, I. *

[2] Журнал осаде, веденный в губернаторской канцелярии, помещен в любопытной рукописи академика Рычкова. Читатель найдет ее в Приложении. Я имел в руках три списка, доставленные мне гг. Спасским, Языковым и Лажечниковым.

---

* Все указанные здесь и далее места из приложений см. в разделе «Примечания».— *Ред.*

[3] Билов выступил из Оренбурга 24 сентября. В этот день губернатор давал у себя бал. Весть о Пугачеве разошлась на бале.

[4] Сержант сей назывался Иван Костицын. Участь его неизвестна. Его допрашивал подполковник В. Могутов.

[5] См. Приложения, III.

[6] В донесении Малыковской земской конторы сказано о Пугачеве: *оказался подозрителен, бит кнутом.* См. в Приложениях на II главу, примечание 2.

[7] Падуров, в последствии времени повешенный, писал Мартемьяну Бородину, увещевая его покориться Пугачеву: «А ныне вы называете его (Самозванца) донским казаком Емельяном Пугачевым и якобы у него ноздри рваные и клейменый. А по усмотрению моему, у него тех признаков не имеется».

[8] По совету одного из чиновников (говорит Рычков).

[9] Меновой двор, на котором с азиатскими народами чрез всё лето до самой осени торг и мена производятся, построен на степной стороне реки Яика, в виду из города, расстоянием от берега версты с две; ближе строить его было невозможно, потому что прилегло всё место низменное и водопоемное. В нем находится пограничная таможня; лавок вокруг всего двора 246, да анбаров 140. Внутри же построен особый двор для азиатских купцов с 98 лавками и 8 анбарами. В 1762 году полавочных денег взималось 4854 рубля. Меновой двор укреплен батареями. *(Топография Оренбургской губернии.)*

[10] Der kläglichste Zustand des Orenburgischen Gouvernements ist weit kritischer als ich Ihn beschreiben kann, eine regulä refeindliche Armee von zehntausend Mann würde mich nicht in Schrecken setzen, allein ein Verräter mit 3000.* Rebellen macht ganz Orenburg zittern... Meine aus 1200 Mann bestehende Garnison ist noch das einzige Komando worauf ich mich verlasse, durch die Gnade des Höchsten haben wir 12 Spions aufgefangen etc. *(Письмо Рейнсдорпа к гр. Чернышеву от 9 октября 1773.)*

[11] *Бердская казачья слобода,* при реке Сакмаре. Она обнесена была оплотом и рогатками. По углам были батареи. Дворов в ней было до двухсот. Жалованных казаков считалось до ста. Они имели своего атамана и особых старшин.

[12] В городе убито 7 человек, в том числе одна баба, шедшая за водой.

[13] В другой раз Пугачев, пьяный, лежа в кибитке, во время бури сбился с дороги и въехал в оренбургские ворота. Часовые его окликали. Казак Федулев, правивший лошадьми, молча пово-

* Рейнсдорп в сем числе не считает башкирцев.

ротил и успел ускакать. Федулев, недавно умерший, был один из казаков, предавших самозванца в руки правительства.

[14] Слышано мною от самого Дмитрия Денисовича Пьянова, доныне здравствующего в Уральске.

[15] Кажется, Пугачев и его сообщники не полагали важности в этой пародии. Они в шутку называли также Бердскую слободу — Москвою, деревню Каргале — Петербургом, а Сакмарский городок — Киевом.

[16] Так пишет Кар в письме к графу Чернышеву от 11 ноября 1773.

[17] Овзяно-Петровский завод принадлежал купцу Твердышеву, человеку предприимчивому и смышленому. Твердышев нажил свое огромное имение в течение семи лет. Потомки его наследников суть доныне одни из богатейших людей в России.

[18] Деревня Юзеева во 120 верстах от Оренбурга.

[19] То есть депутат в Комиссии составления Нового уложения. Депутатов было 652 человека. Им розданы были, для ношения в петлице, на золотой цепочке золотые овальные медали с изображением на одной стороне вензелевого е. и. в. имени, а на другой пирамиды, увенчанной императорскою короною, с надписью: *Блаженство каждого и всех;* а внизу: *1766 год, декабря 14 день.*

[20] Из сего калмыцкого полковника сделали капитана Калмыкова.

[21] При сем сражении пойман был один из первых зачинщиков бунта, Данила Шелудяков. Старый наездник принял оренбургских казаков за своих и подскакал к ним с повелениями. Казак схватил его за ворот; Пугачев, некогда живший у него в работниках, любил его и звал своим отцом. На другой день, не нашед его между убитыми, многие подъезжали к городу и требовали его выдачи. Дня через два, перед светом, три человека подъехали к городскому валу и требовали опять Шелудякова. Им отвечали: приведите к нам и сына его (Пугачева), и обещали за то 500 рублей награждения. Они отъехали молча. Шелудяков был пытан и умер дней через пять.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ЧЕТВЕРТОЙ

[1] У Декалонга со Станиславским было до 5000 войска. Но все они были растянуты на великом пространстве от крепости Верхо-Яицкой до Орской. Декалонг их не сосредоточил, боясь оставить линейные крепости без обороны.

[2] Орская крепость на степной стороне реки Яика, в двух верстах от реки Ори, выстроена в 1735 году под названием Оренбурга. Она имела изрядные земляные укрепления. В ней всегда находился командир Орской дистанции и двойное число гарнизона по причине близ кочующих орд.

[3] Корф после сражения 14 ноября подсылал к Пугачеву казака с предложениями о сдаче Оренбурга и с обещанием выйти к нему навстречу. Пугачев осторожно подъезжал к Оренбургу и, усумнясь в искренности предложений, скоро возвратился в Берду.

[4] Рейнсдорп, потеряв надежду победить Пугачева силой оружия, пустился в полемику, не весьма приличную. В ответ на дерзкие увещания самозванца он послал ему письмо со следующею надписью: «Пресущему злодею и от бога отступившему человеку, сатанину внуку, Емельке Пугачеву». Секретари Пугачева не остались в долгу. Помещаем здесь письмо Падурова, как образец канцелярского его слога. «Оренбургскому губернатору, сатанину внуку, дьявольскому сыну. Прескверное ваше увещевание здесь получено, за что вас, яко всескверного общему покою ненавистника, благодарим. Да и сколько ты себя, по действу сатанину, ни ухищрял, однако власть божию не перемудришь. Ведай, мошенник: известно (да и по всему тебе, бестии, знать должно), сколько ты ни пробовал своего всескверного счастия, однако счастие ваше служит единому твоему отцу, сатане. Разумей, бестия, хотя ты по действу сатанину во многих местах капканы и расставил, однако ваши труды остаются вотще, а на тебя здесь хотя веревочных не станет петель, а мы у мордвина, хоть гривну дадим, мочальных (возьмем), да на тебя веревку свить можем; не сумневайся, мошенник, из б... сделан. Наш всемилостивейший монарх, аки орел поднебесный, во всех армиях на один день бывает; а с нами всегда присутствует. Да и б мы вам советовали, оставя свое невредие, прийти к нашему чадолюбивому отцу и всемилостивейшему монарху: егда придешь в покорение, сколько твоих озлоблений ни было, не только во всех *извинениях* всемилостивейше прощает, да и сверх того вас прежнего достоинства не лишит; а здесь не безызвестно, что вы и мертвечину в честь кушаете, и тако объявя вам сие, да и пребудем по склонности вашей ко услугам готовы. Февраля 23 дня 1774 года».

[5] Я не имел случая читать эту речь. Помещаем письмо, сочиненное также Державиным по тому же поводу:

«Всеавгустейшая государыня, премудрая и непобедимая императрица!

Дражайшее нам и потомкам нашим неоцененное слово, сей приятный и для позднейшего рода казанского дворянства фимиам, сей глас радости, вечной славы нашей и вечного нашего веселия, в высочайшем вашего императорского величества к нам благоволении слыша, кто бы не получил из нас восторга в душу свою, чьё бы не возыграло сердце о толиком благополучии своем? Облиста́ нас в скорби нашей и печали свет милосердия твоего! А потому, если бы кто теперь из нас не радовался, тот бы поистине еще худо изъявил усердие свое отечеству и вашему императорскому величеству, даянием некоторой части имения своего на составление корпуса нашего. И бысть угодна наша жертва пред тобою; се счастие наше, се восхищение душ наших!

Но, всемилостивейшая государыня, ваше императорское величество обыкнуть соизволили взирать на малые знаки усердия, как на великие; изливая окрест престола щедроты благоутробия своего, изливаете оные и в страны отдаленные; осиявая лучами милости своея всех купно и всех везде своим человеколюбием милуете; а потому, конечно, и посильное даяние долга нашего, собственно самим же нам нужное, ваше императорское величество, толь милостиво и благоугодно от нас приять соизволили.

,,Сей есть прямо образ мыслей благородных“,— ваше императорское величество в честь нам сказать изволили. Что ж мы из сего высочайшего нам признания заключить должны? Не сущее ли одно токмо матернее побуждение к исполнению долга нашего? не милосердие ли одно? За то мы похвалу получаем, что истинное дело наше! Но кроме особливыя и заслугу превышающия почести, хвалится ли за то священнослужитель, что он всенародно бога молит? Кроме неописанныя вашего императорского величества к нам милости, достойны ли и дворяне за то похвалы особливой, что они хотят защищать свое отечество? Они суть щит его, они подпора престола царского. Пепел предков наших вопиет к нам и зовет нас на поражение самозванца. Глас потомства уже укоряет нас, что в век преславной, великой Екатерины могло возникнуть зло сие; кровь братий наших, еще дымящаяся, устремляет нас на истребление злодея. Что ж мы медлили? Чего давно недоставало нам, дабы совокупно поставить грудь свою противу хищника? Ежели душа у дворянина есть, то всё у него есть ко ополчению. Чего ж недоставало? не усердия ли нашего? Нет! мы давно горели им, мы давно собиралися и хотели пренебречь жизнь свою; а теперь, по милости вашего императорского величества, есть у нас и согласитель мыслей наших. Руководством его составился у нас корпус. Избранный в нем начальник трудится, товарищи его усердствуют, всё в по-

рядке. Имение наше готово на пожертвование, кровь наша на излияние, души наши на положение; умрем,— кто не имеет мыслей сих, тот не дворянин.

Но сколь ни велик восторг должности нашей, сколь ни жарко рвение сердец наших, однако слабы бы были силы наши на истребление гнусного врага нашего, если б ваше императорское величество не ускорили войсками своими в защищение наше, а паче всего присылкою к нам его превосходительства Александра Ильича Бибикова. Может быть, мы бы были и по сю пору в нерешимости составить корпус наш, ежели б не он подал нам свои благоразумные советы. Он приездом своим рассыпал туман уныния, носящегося над градом здешним. Он ободрил души наши. Он укрепил сердца, колеблющиеся в верности богу, отечеству и тебе, всемилостивейшая государыня; словом сказать, он оживотворил страну, почти умирающую. Величие монарха паче познается в том, что он умеет разбирать людей и употреблять их во благовремении: то и в сем не оскудевает вашего императорского величества тончайшее проницание; на сей случай здесь надобен министр, воин, судия, чтитель святыя веры. По проворливому вашего императорского величества изволению, мы всё сие в Александре Ильиче Бибикове видим; за всё сие из глубины сердец наших любомудрой душе твоей越 воcписуем благодарение.

Но едва успеваем сказать здесь, всемилостивейшая государыня, вашему императорскому величеству крайние чувствия искренности нашей за милости твои; едва успеваем воскурить пред образом твоим, великая императрица, нам священным и нам любезным, кадило сердец наших за благоволения твои, уже мы слышим новый глас, новые от тебя радости нового нам твоего великодушия и снисхождения. Что ты с нами делаешь? в трех частях света владычество имеющая, славимая в концах земных, честь царей, украшение корон из боголепия величества своего, из сияния славы своея, снисходишь и именуешься нашею *казанскою помещицею!* О радости для нас неизглаголанной, о счастия для нас неоконченного! се прямо путь к сердцам нашим! се преславное превозношение праху нашего и потомков наших. Та, которая дает законы полвселенной, подчиняет себя нашему постановлению! та, которая владычествует нами, подражает нашему примеру! тем ты более, тем ты величественнее.

Итак, исполнением долга нашего хотя мы не заслуживаем особливого вашего императорского величества нам признания, любезного и нам дражайшего товарищества твоего; однако высочайшую волю твою разверстым принимаем сердцем и почитаем

благополучием, начертаваем неоцененные слова благоволения твоего с благоговением в память нашу. Признаем тебя своею помещицею, принимаем тебя в свое сотоварищество. Когда угодно тебе, равняем тебя с собою. Но за сие ходатайствуй и ты за нас у престола величества твоего. Ежели где силы наши слабы совершить усердие наше, помогай нам и заступай нас у тебя. Мы более на тебя, нежели на себя, надеемся.

Великая императрица! чем же воздадим мы тебе за твою матернюю любовь к нам, за сии твои несказанные нам благодеяния? Наполняем сердца наши токмо вящим воспламенением искоренить из света злобу, царства твоего недостойную. Просим царя царей, да подаст он нам в том свою помощь, а вашему императорскому величеству, истинной матери отечества, с любезным вашего императорского величества сыном, с сею бесценною надеждой нашею, и с дражайшею его супругою, в безмятежном царстве, многие лета благоденствия».

[6] Монахиня Евпраксия Кириловна, бабка Александра Ильича. Он ею был воспитан; в семействе своем почиталась она праведною.

[7] См. в Приложении письмо Бибикова к графу Чернышеву от 21 января 1774 года.— 5 января того же году писал он к Философову: «Терпение мое час от часу становится короче в ожидании полков, ибо ежечасно получаю страшные известия; с другой же стороны, что башкирцы с всякою сволочью партиями разъезжают, заводы и селения грабят и делают убийства. Воеводы и начальники отовсюду бегут с устрашением, и глупая чернь охотно на обольщение злодейское бежит навстречу к ним же. Не могу тебе, мой друг, подробно описать бедствие и разорение здешнего края, следовательно, суди и о моем по тому положении. Скареды и срамцы здешние гарнизоны всего боятся, никуда носа не смеют показать, сидят по местам, как сурки, и только что рапорты страшные присылают. Пугачевские дерзости и его сообщников из всех пределов вышли; всюду посылают манифесты, указы. День и ночь работаю как каторжный, рвусь, надседаюсь и горю как в огне адском; но варварству предательств и злодейству не вижу еще перемены, не устает злость и свирепство, а можно ли от домашнего врага довольно охраниться, всё к измене, злодейству и к бунту на скопищах. Бог один всемогущ, обратит всё сие в лучшее. Я при моих заботах непрестанно его прошу» и проч.

[8] Снег в Оренбургской губернии выпадает иногда на три аршина.

[9] См. в приложении письмо Бибикова к графу Чернышеву.

[10] Не должно терять из виду тогдашнее разделение государства на губернии и провинции.

[11] В 1774 году уведено в плен киргизцами до 1380 человек.

[12] См. в Записках Храповицкого (в 1791 году) весьма любопытный разговор государыни о Густаве III.

[13] См. Переписку Вольтера с императрицею.

[14] Помещаем здесь показания жены Пугачева, Софьи Дмитриевой, в том виде, как они были представлены в Военную коллегию.

Описание известному злодею и самозванцу, какого он есть свойства и примет, учиненное по объявлению жены его Софьи Дмитриевой.

1. Мужа ее, войска Донского, Зимовейской станицы служилого казака, зовут Емельян Иванов сын, прозывается Пугачевым.

2. Отец его родной был той же Зимовейской станицы служилый казак, Иван Михайлов сын Пугачев же, который в давних годах умре.

3. Тому мужу ее ныне от роду будет лет сорок, лицом сухощав, во рту верхнего спереди зуба нет, который он выбил саласками,[1] еще в малолетстве в игре, а от того времени и доныне не вырастает. На левом виску от болезни круглый белый признак, от лица совсем отменный, величиною с двукопеечник; на обеих грудях, назад тому третий год, были провалы, отчего и мнит она, что быть надобно признакам же. На лице имеет желтые конопатины; сам собою смугловат, волосы на голове темно-русые по-казацки подстригал, росту среднего, борода была клином черная, небольшая.

4. Веру содержал истинно православную; в церковь божию ходил, исповедовался и святых таин приобщался, на что и имел отца духовного, Зимовейской же станицы священника Федора Тихонова; а крест ко изображению совокуплял большой с двумя последними пальцами.

5. Женился тот муж ее на ней, и она шла, оба первобрачные, назад тому лет с 10, и с которым и прижили детей пятерых, из коих двое померли, а трое и теперь в живых. Первый сын Трофим десяти лет, да дочери вторая Аграфена по седьмому году, а третья Христина по четвертому году.

6. Оный же муж ее, назад тому три года, послан на службу во вторую армию, где и был два года, и оттуда, ныне другой год, за грудною болезнию, о которой выше значит, по весне отпущен, а посему и был в доме одно лето, в которую бытность

[1] Технический термин у кулачных бойцов, значит удар по челюстям.

и нанял вместо себя в службу в Бахмуте на Донце казака, а как его звать и прозвания да и где теперь находится, не знает; — а после сего

7. В октябре месяце 772 года он, оставивши ее с детьми, неведомо куда бежал, и где был, и какие от него происходили дела, об оном, как он ничего не сказывал, так и сама не знала; а

8. 773 года, в великом посту, тот муж ее тайным образом пришел к хуторскому их дому вечером под окошко, которого она и пустила; но того ж самого часа объявила казакам, а они, взявши его, повели к станичному атаману, а он-де отправил в Верхнюю Чирскую станицу к старшине, но о имени его не упомнит, а оттуда в Черкасский; но не довезя, однако ж, до оного, в Цимлянской станице бежал и потому, где теперь находится, не ведает.

9. Во время ж той мужа ее поимки сказывал он атаману и на сборе всем казакам, что был в Моздоке, но что делал, потому ж не знает.

10. Писем он к ней как с службы из армии, так и из бегов своих никогда не присылывал: да и чтоб в станицу их или к кому другому писал, об оном не знает, он же вовсе и грамоте не умеет.

11. Что же муж ее точно есть упоминаемый Емельян Пугачев, то сверх ее самоличного с детьми сознатия и уличения, могут в справедливость доказать и родной его брат, Зимовейской же станицы казак Дементий Иванов сын Пугачев (который ныне находится в службе в 1-й армии), да родные ж сестры, из коих первая Ульяна Иванова, коя ныне находится в замужестве той же станицы за казаком Федором Григорьевым, по прозванию Брыкалиным, а вторая Федосья Иванова, которая также замужем за казаком из Прусак Симоном Никитиным, а прозвания не знает, кой ныне жительство имеет в Азове, которые все мужа ее также знают довольно.

12. Речь и разговоры муж ее имел по обыкновению казацкому, а иностранного языка никакого не знал.

13. Домом они жили в Зимовейской станице своим собственным, который по побеге мужа (что дневного пропитания с детьми иметь стало не от чего) продала за 24 руб. за 50 коп. Есауловской станицы казаку Ереме Евсееву на слом, который его в ту Есауловскую станицу по сломке и перевез; а ныне особою командою паки в Зимовейскую станицу перевезен и на том же месте, где он стоял и они жили, сожжен; а хутор их, состоящий так же неподалеку Зимовейской станицы, сожжен же.

14. Сама же та Пугачева жена, казачья дочь, и отец ее был Есауловской станицы служилый казак, Дмитрий, по прозванию Недюжин, а отчества не припомнит, потому что она после него осталась в малолетстве, и после ж которого остались и теперь вживе находятся дочери его, а ей сестры родные, первая Анна Дмитриева, в замужестве Есауловской станицы за казаком Фомою Андреевым, по прозванию Пилюгиным, который и находится в службе тому ныне 8-й год, а в которой армии, не знает. Вторая Василиса Дмитриева, в замужестве также Есауловской станицы за казаком Григорием Федоровым, по прозванию Махичевым; да третий сын отца ее, а ей брат родной Иван Дмитриев, по прозванию Недюжин живет в Есауловской же станице служилым казаком и по отъезде ее в здешнее место был при доме своем и к наряду в службу в готовности.

Прилагаю не менее любопытное извлечение из показания бывшего в 1771 году Зимовейской станицы атаманом отставного казака Трофима Фомина:

«В 1771 году, в феврале месяце, Емельян Пугачев отбыл в город Черкасск для излечения болезни, со взятым у меня станичным билетом, и через месяц возвратился на карей лошади. На допрос мой, где он ее достал, отвечал он: на станичном сборе, что купил в Таганрожской крепости конного казацкого полку у казака Василья Кусачкина. Но казаки, не поверя ему, послали его взять письменный вид от ротного командира. Пугачев и поехал, но пред его возвращением зять его, Прусак, бывший Зимовейской станицы казак, а ныне состоящий в Таганрогском казацком полку, явился у нас и на станичном сборе показал, что он с женою и Василий Кусачкин, да еще третий, по уговору Пугачева, бегали за Кубань на Куму-реку, где он (Прусак), побыв малое время, оставил их и возвратился на Дон. Почему и отправил я при станичном рапорте в Черкасск Прусака с *женою* и родною *ее* матерью, по причине их побега. В декабре того же года Пугачев был пойман в его хуторе и содержался под караулом. Намерен был я его, как праздношатающегося, выдать находящемуся тогда в сыске и высылке беглых всякого звания людей, старшине Михайле Макарову. Но Пугачев со станичной избы из-под караула бежал и уже чрез три месяца на том же хуторе пойман и показал на станичном сборе, что был в Моздоке, почему при рапорте и послан мною к старшине Макарову в Нижнюю Черкасскую станицу, а сей чрез нашу станицу послал уже его при рапорте в Черкасск. Когда его провели, увидя по подорожной, что послан он был в колодке, которой на нем уже не было, приказал я ему набить другую и отослал

его в верхнюю Курмоярскую станицу, от которой в принятии оного Пугачева расписку получил. Через две недели спустя от старшины Макарова по всем станицам прислано было объявление, что оный Пугачев бежал с дороги, и не иначе ежели явится где, изловить; а как он бежал, не знаю».

За неумением грамоте, Василий Ермолаев руку приложил.

[15] Г-н Левшин пишет, что самозванец показывал сии пятна легковерным своим сообщникам и выдавал их за какие-то царские знаки. Оно не совсем так: самозванец, хвастая, показывал их, как знаки ран, им полученных.

[16] Многие и воспользовались сим разрешением; несмотря на то, история Пугачевского возмущения мало известна. В Записках о жизни и службе А. И. Бибикова мы находим самое подробное известие об оном, но сочинитель довел свой рассказ только до смерти Бибикова. Книжка, изданная под заглавием: *Михельсон в Казани,* есть не что иное, как весьма любопытное письмо архимандрита Платона Любарского, напечатанное почти безо всякой перемены, с приобщением незначущих показаний. Г-н Левшин в своем Историческом и статистическом обозрении уральских казаков слегка коснулся Пугачева. Сей кровавый и любопытный эпизод царствования Екатерины мало еще известен.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ПЯТОЙ

[1] Крещеные калмыки, поселенные в Оренбургской губернии, разделялись на оренбургских и ставропольских. См. в Рычкове (в его Оренбургской топографии) подробное о них известие.

[2] Державин в объяснениях на свои сочинения говорит, что он имел счастие освободить около полуторы тысячи пленных колонистов от киргизов. Державин написал свои Записки, к сожалению, еще не изданные.

[3] Бунтовавшие башкирцы жестоко усмирены были генерал-лейтенантом князем Урусовым, прозванным, как Силла, счастливым, ибо всё ему удавалось.

[4] См. в Приложении письмо Бибикова к Фонвизину. Письмо сие, вместе с другими драгоценными бумагами, доставлено было родственниками и наследниками Фонвизина князю Вяземскому, занимавшемуся биографией автора «Недоросля». Надеемся в непродолжительном времени издать в свет сие замечательное по всем отношениям сочинение.

[5] Малолеток, не достигший 14-летнего возраста.

[6] Илецкая Защита находится от Оренбурга в 62 верстах, в степи, за рекою Уралом, на самом том месте, где добывается

славная илецкая соль. «Добывание оной соли,— пишет Рычков,— уже издавна на том месте, сперва от башкирцев, а потом и от крепостных обывателей, чинилось, но о построении сей крепости определение учинено уже в прошлом 1753 году октября 26 числа, по состоявшемуся в Правительствующем сенате того ж 1753 года мая 24 числа указу, коим в Оренбурге и в принадлежащих к оному новых крепостях и селениях учредить казенные соляные магазины и продажу илецкой и эбелейской соли чинить по тогдашней указной цене по 35 коп. пуд; для чего тогда ж и Соляное правление в городе Оренбурге учреждено. Явившийся тогда подрядчик, оренбургских казаков сотник Алексей Углицкий, обязался той соли заготовлять и ставить в оренбургский магазин четыре года, на каждый год по пятидесяти тысяч пуд, а буде вознадобится, то и более, ценою по 6 коп. за пуд, своим коштом, а сверх того в будущий 1754 год, летом, построить там своим же коштом, по указанию от Инженерной команды, небольшую защиту оплотом с батареями для пушек, тут же сделать несколько покоев и казарм для гарнизону и провиантский магазин и на все жилые покои в осеннее и зимнее время ставить дрова, а провиант, сколько б там войсковой команды ни случилось, возить туда из Оренбурга на своих подводах, что всё и учинено, и гарнизоном определена туда из Алексеевского пехотного полку одна рота в полном комплекте; а иногда по случаям и более военных людей командируемо бывает, для которых, яко же и для работающих в добывании той соли людей (коих человек ста по два и более бывает), имеется там церковь и священник с церковными служителями. *(Топография Оренбургская)*.

[7] Тоцкая крепость, при устье реки Сороки, в 206 верстах от Оренбурга. Выстроена при Кириллове, в 1736 году.— Сорочинская крепость, главная на Самарской дистанции, в 176 верстах от Оренбурга и в 30 от Тоцкой.

[8] Крепость Новосергиевская от Сорочинской в 40, а от Оренбурга в 136 верстах. Выстроена при тайном советнике Татищеве под именем *Тевкелева Брода* и переименована при Неплюеве в Новосергиевскую.

[9] Переволоцкая, большою дорогою в 78 верстах от Оренбурга, а прямо степью в 60. Выстроена в верховье реки Самары.

[10] Les rebelles restèrent si tranquilles à Tatitscheva, que le Prince lui-même doutait qu'ils fussent dans cette place. Pour en apprendre des nouvelles, il envoya trois cosaques qui s'approchèrent de la forteresse, sans rien apercevoir. Les rebelles leur envoyèrent une femme, qui leur présenta du pain et du sel, selon l'usage des Russes, et qui, interrogée par les cosaques, les assura que les rebelles après

avoir été dans la place, en étaient tous sortis. Lorsque Pougatschef crut avoir trompé les cosaques par cette ruse, il fit sortir de la forteresse quelques centaines d'hommes pour s'emparer d'eux. L'un des trois fut tué et le second pris; mais le troisième s'échappa et vint rendre compte à Galitzin de ce qu'il venait de voir. Aussitôt le Prince résolut de marcher sur la place dans le jour même et d'attaquer l'ennemi dans ses retranchements. (*Histoire de la révolte de Pougatschef*).

[11] Бибиков в письме от 26 марта:

«Мы потеряли: 9 офицеров и 150 рядовых убито; 12 офицеров ранено и 150 рядовых. Вот какая была пирушка! А бедный мой Кошелев * тяжело в ногу ранен; боюсь, чтоб не умер, хотя Голицын и пишет, что не опасно».

[12] Рычков пишет, что Шигаев велел связать Пугачева и Хлопушу. Показание невероятное. Увидим, что Пугачев и Шигаев действовали заодно несколько времени после бегства их из-под Оренбурга.

[13] Пугачев, вопреки общему мнению, никогда не бил монету с изображением государя Петра III и с надписью Redivivus et ultor (как уверяют иностранные писатели). Безграмотные и полуграмотные бунтовщики не могли вымышлять замысловатые латинские надписи и довольствовались уже готовыми деньгами.

[14] La victoire que Votre Altesse vient de remporter sur les rebelles rend la vie aux habitants d'Orenbourg. Cette ville bloquée depuis six mois et réduite à une famine affreuse retentit d'allégresse et les habitants font des vœux, pour la prospérité de leur illustre libérateur. Un poude de farine coutait déjà 16 roubles et maintenant l'abondance succède à la misère. J'ai tiré un transport de 500 четверть de Kargalé et j'attends un autre de 1000 d'Orsk. Si le détachement de Votre Altesse réussit de captiver Pougatschef, nous serons au comble de nos souhaits et les Baschkirs ne manqueront pas de chercher grâce. *(Письмо Рейнсдорпа к кн. Голицыну, от 24 марта 1774.)*

[15] Слобода Сеитовская (она же и Каргалинская), часто упоминаемая в сей Истории, находится в 20 верстах от Берды, а от Оренбурга в 18-ти. Названа по имени казанского татарина Сеита-Хаялина, первого, явившегося в оренбургскую канцелярию с просьбой об отводе земель под поселение. В Сеитовской слободе числилось до 1200 душ, состоящих на особых правах.

[16] По своем разбитии Чика с Ульяновым остановились ночевать в Богоявленском медиплавиленном заводе. Приказчик угостил их и, напоив допьяна, ночью связал и представил в Табинск.

---

* Р. А. Кошелев, впоследствии обер-гофмейстер.

Михельсон подарил 500 рублей приказчиковой жене, подавшей совет напоить беглецов.

[17] Разина.

[18] Следующие любопытные подробности взяты мною из весьма замечательной статьи («Оборона Яицкой крепости от партии мятежников»), напечатанной в «Отечественных записках» П. П. Свиньина. В некоторых показаниях следовал я журналу Симонова, предполагая более достоверности в официальном документе, нежели в воспоминаниях старика. Но вообще статья неизвестного очевидца носит драгоценную печать истины, неукрашенной и простодушной.

[19] Слова сии сохранены Державиным в оде его на смерть Бибикова.— Последняя строфа должна была быть вырезана на его гробе:

Он был искусный вождь во брани,
Совета муж, любитель муз,
Отечества подпора тверда,
Блюститель веры, правды друг;
Екатериной чтим за службу,
За здравый ум, за добродетель,
За искренность души его.
Он умер, трон обороняя.
Стой, путник! стой благоговейно.
Здесь Бибикова прах сокрыт.

[20] Императрица велела спросить у вдовы покойного, чего она собственно для себя желала; супруга Бибикова просила обеспечить судьбу одного из родственников ее мужа, служившего под его начальством.

[21] Державин, до конца своей жизни чтивший память первого своего покровителя, узнав, что сын А. И. Бибикова намерен был издать записки о жизни и службе отца, написал о нем следующие строки:

«Посвятив краткую, но наполненную славными деяниями жизнь свою на службу отечеству, Александр Ильич Бибиков по всей справедливости заслужил уважение и признательность соотечественников; они не престанут воспоминать с почтением полезные обществу дела сего знаменитого мужа и благословлять его память.

Читая о службе и переменах в оной сего примерного государственного человека, всякий легко усмотрит необыкновенные его способности, мужество, предусмотрение, предприимчивость и

расторопность, так, что он во всех родах налагаемых на него должностей с отличием и достоверностию был употребляем; везде показал искусство свое и ревность, не токмо прежде, в царствование императрицы Елисаветы, но и во многих поручениях от Екатерины Великой, ознаменованные успехами. Он был хороший генерал, муж в гражданских делах проницательный, справедливый и честный; тонкий политик, одаренный умом просвещенным, всеобщим, гибким, но всегда благородным. Сердце доброе его готово было к услугам и к помощи друзьям своим, даже и с пожертвованием собственных своих польз; твердый нрав, верою и благочестием подкрепленный, доставлял ему от всех доверенность, в которой он был неколебим; любил словесность и сам весьма хорошо писал на природном языке; знал немецкий и французский язык и незадолго пред смертию выучил и английский; умел выбирать людей, был доступен и благоприветлив всякому; но знал, однако, важною своею поступью, соединенною с приятностию, держать подчиненных своих в должном подобострастии. Важность не умаляла в нем веселия, а простота не унижала важности. Всякий нижний и высший чиновник его любил и боялся. Последний подвиг к защите престола и к спасению отечества соверша, кончиною своею увенчал добродетельную жизнь, к сожалению всей империи тогда пресекшуюся».

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ШЕСТОЙ

[1] См. Рычкова Историю Оренбургскую.

[2] Histoire de la révolte de Pougatschef.

[3] Троицко-Саткинский завод, один из важнейших в Оренбургской губернии, на речке Сатке, в 254 верстах от Уфы.

[4] Зелаирская крепость находится в самом центре Башкирии, в 229 верстах от Оренбурга. Она выстроена в 1755 году после последнего башкирского бунта (перед Пугачевским).

[5] Державин в примечаниях к своим сочинениям говорит, что князь Щербатов, князь Голицын и Брант перессорились, друг к другу не пошли в команду, дали скопиться новым злодейским силам и расстроили начало побед.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ СЕДЬМОЙ

[1] В сентенции сказано было, что Пугачев ворвался в город изменою суконщиков. Следствие доказало, что суконщики не изменили; напротив, они последние бросили оружие и уступили превосходной силе.

[2] Впоследствии Вениамин был оклеветан одним из мятежников (Аристовым) и несколько времени находился в немилости. Императрица, убедясь в его невинности, вознаградила его саном митрополитским и прислала ему белый клобук при следующем письме:

«Преосвященнейший митрополит,
Вениамин Казанский!

По приезде моем, первым попечением было для меня рассматривать дела бездельника Аристова; и узнала я, к крайнему удовольствию моему, что невинность вашего преосвященства совершенно открылась. Покройте почтенную главу вашу сим отличным знаком чести; да будет оный для всякого всегдашним напоминанием торжествующей добродетели вашей; позабудьте прискорбие и печаль, кои вас уязвляли; припишите сие судьбе божией, благоволившей вас прославить по несчастных и смутных обстоятельствах тамошнего края; принесите молитвы господу богу; а я с отменным доброжелательством есмь

Екатерина».

Ответ Вениамина, митрополита Казанского.
«Всемилостивейшая государыня!

Милость и суд беспримерные вашего императорского величества, кои на мне соизволили удивить пред целым светом, воскресили меня от гроба, возвратили жизнь, которую я от младых ногтей посвятил на службу по бозе в непоколебимой верности вашему монаршему престолу и отечественной пользе, сколько от меня зависит; а продолжалась она пятьдесят три года; но которую клевета, наглость и злоба против совести и человечества исторгнуть покушались. Неоцененным монарших ваших щедрот залогом, который с несказанным чувствованием моего сердца сподобихся прияти на главу мою, покрыся, и отъяся поношение мое, поношение мое в человецех. Что ж воздам тебе, правосуднейшая в свете монархиня, толико попечительному о спасении моем господеви? Истощение всей дарованной мне вашим высоко-монаршим великодушием жизни в возблагодарение не довлеет; разве до последнего моего издыхания вышнего молить не престану день и нощь, да сохранит дражайшую жизнь вашу за толь сердобольное сохранение моей до позднейших человеку возможных лет; да ниспошлет с высоты святыя своея на венце-

носную главу вашу вся благословения, коими древле благословен был Соломон. Крепкая десница господа сил да отвращает во вся дни живота от превожделенного здравия вашего недуги, от неусыпных трудов утомление, от возрастающей и процветающей славы зависть и злобу; да будет дом, держава и престол ваш яко дние неба. С таковым моим усердствованием и всеподданническою верностию, пока дух во мне пребудет, есмь

вашего императорского величества
всеподданнейший раб и богомолец,
смиренный Вениамин, митрополит Казанский».

[3] Генерал-майор Нефед Никитич Кудрявцев, сын Никиты Алферьевича, пользовавшегося доверенностью Петра Великого, в чине поручика гвардии Преображенского полка участвовал в первом Персидском походе; в царствование Анны Иоанновны сражался противу турков и татар, а при императрице Елисавете противу пруссаков; вышел в отставку при императрице Екатерине II. Тело его погребено в той церкви, где он был убит. *(Извлечено из неизданного Исторического словаря, составленного Д. Н. Бантыш-Каменским.)*

[4] Так говорит автор исторической записки «Histoire de la révolte de Pougatschef»; в официальных документах, бывших у меня в руках, я ничего о том не отыскал. Достоверно, однако ж, то, что семейство Пугачева находилось при нем до 24 августа 1774 года.

[5] Иван Иванович Михельсон, генерал от кавалерии и главнокомандующий Молдавскою армиею, родился около 1735 года, умер в 1809. Под его начальством находился в начале славной службы своей князь Варшавский. Михельсон в глубокой старости сохранял юношескую живость, любил воинские опасности и еще посещал передовые перестрелки.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ОСЬМОЙ

[1] Их было три брата. Старший, известный дерзким покушением на особу короля Станислава Понятовского; меньшой с 1772 года находился в плену и жил в доме губернатора, которым был он принят как родной.

[2] Слышано мною от К. Ф. Фукса, доктора и профессора медицины при Казанском университете, человека столь же ученого, как и любезного и снисходительного. Ему обязан я многими любопытными известиями касательно эпохи и стороны, здесь описанных.

[3] Пред сим цена соли, установленная Пугачевым, была по 5 коп. за пуд; подушный оклад по 3 коп. с души; жалованье военным чинам обещал он утроить, а рекрутский набор производить через каждые 5 лет.

[4] За сообщение бумаг, обнаруживающих сношения Перфильева с правительством (обстоятельство вовсе не известное), обязаны мы благодарностию А. П. Галахову, внуку капитана гвардии, на коего правительством возложены были в то время важные поручения.

[5] Граф Петр Иванович Панин, генерал-аншеф, орденов св. Андрея и св. Георгия первой степени кавалер, и проч., сын генерал-поручика Ивана Васильевича, родился в 1721 году. Начал службу свою под начальством фельдмаршала графа Миниха; в 1736 году находился при взятии Перекопа и Бахчисарая. Во время семилетней войны служил генерал-майором и был главным виновником успеха Франкфуртского сражения. 1762 года пожалован он в сенаторы. 1769 назначен он был главнокомандующим Второй армии. 1770 взяты им Бендеры; в том же году вышел он в отставку. Возмущение Пугачева вызвало снова Панина из уединения на поприще трудов политических. Он скончался в Москве в 1789 году, на 69 году от рождения.

[6] См. приложения, II.

[7] Показания казаков Фомина и Лепелина. Они не знают имени гвардейского офицера, с ними отряженного к Петровску; но Бошняк в своем донесении именует Державина.

[8] В то время издан был список (еще не весьма полный) жертвам Пугачева и его товарищей; помещаем его здесь:

Описание, собранное поныне из ведомостей разных городов, сколько самозванцем и бунтовщиком Емелькою Пугачевым и его злодейскими сообщниками осквернено и разграблено божиих храмов, также побито дворянства, духовенства, мещанства и прочих званий людей, с показанием, кто именно и в которых местах.

В городе Казани: Ворвавшись они в город и входя во храмы божии в шапках, со оружием, грабили и выгоняли укрывающихся тамо людей.

А именно: в Казанском богородицком соборе, во Владимирском соборе, в церкви Московских чудотворцев, в церкви Николая чудотворца, именуемого Тольского, в церкви Николая чудотворца, именуемого Низкого, в церкви Живоначальныя троицы, в церкви Воскресения Христова, в церкви Варламия Хутынского, в церкви Пресвятыя богородицы грузинския, в церкви Вознесения господня, в церкви Тихвинския пресвятыя богородицы, в церкви Четырех евангелистов, в церкви Алексея человека божия, в Тро-

ицком Федоровском монастыре, в церкви Рождества пресвятыя богородицы, в Петропавловском соборе, не могши отбить дверей, стреляли с паперти в окошки.

В городе Цивильске, в церкви Казанския богородицы.

В Чебоксарском уезде, в приходских церквах: в селе Сретенском, в селе Богоявленском, в селе Успенском, в селе Введенском. В оных церквах злодеи не только грабили и убивали, но и святые иконы кололи и утварь церковную раздирали.

То ж самое делали Пензенской провинции: в городе Петровске, церкви Казанския богородицы, в селе Чардыме, в приходской церкви.

Нижегородской губернии, в Арзамасском уезде: в селе Черковском, в приходской церкви. Алатырского уезда: в селе Сутяжном, в приходской церкви, в селе Семеновском, в приходской церкви, в городе Курмыше, в соборной церкви Николаевской и Троицкой. Курмышского уезда, в приходских церквах: в селе Шуматове, в селе Шумшевашах, в селе Больших Туванах, в селе Алменеве, в селе Усе.

Воронежской губернии, в Нижнем Ломове: в Богородском казанском монастыре.

Оренбургской губернии: в Оренбургском предместии, в церкви Георгиевской. На Меновом дворе, в церкви Захария и Елисаветы, святые иконы вынуты из мест своих и повержены на землю, и некоторые расколоты. В загородном губернаторском доме, в церкви святого Иоанна Предтечи то ж учинено.

В Сакмарском городке, в Татищевой крепости, в Рассыпной крепости, в Сорочинской крепости, в Тоцкой крепости, в Магнитной крепости, в Карагайской; в приходских сих крепостей церквах, входя, злодеи оклады с икон и всю утварь церковную грабили. Бугульминского ведомства, в селе Спасском, в приходскую церковь въезжали на лошадях и грабили церковную утварь. В селе Борисоглебском и в Канжинской слободе, в приходских церквах то ж делали.

Пермской провинции: в разных церквах делали грабежи, а в некоторых и в царские двери входили, как-то: на Юговском Осокина заводе, в селе Крестовоздвиженском, селе Дубенском, на Ижевском казенном заводе, в селе Березовке, в селе Троицком, Олшина тож, Осинского уезда в селе Крылове, на Юго-Камском заводе, в селе Николаевском, в Троицкой крепости. Да сожжены церкви: на Саткинском заводе, в пригороде Осе, на Петропавловском и Воткинском заводах, в Икосове винокуренном заводе, в Златоустовском и Сатковском заводах, в Ав-

зяно-Петровском заводе. Сверх того, по Оренбургской линии злодеи, шед даже до Троицкой крепости, церкви божии сожигали, и образа находили после разбросаны, а иные и расколоты.

В городе Казани убито до смерти: генерал-майор Нефед Кудрявцев, полковник Иван Родионов, сын его артиллерии отставный капитан Александр Родионов, коллежский советник Казимир Гурской, коллежские асессоры: Петр Брюховской, Федор Попов с женою, премьер-майор Данила Хвостов, капитаны: Василий Онучин, Лука Ефимов, поручик Александр Маслов. Подпоручики: Иван Богданов, Иван Носов, Гаврила Нармоцкий. Прапорщики: Павел Лелин, Андрей Герздорф, Алексей Тарбеев. Комиссары: Лука Ефимов, Иван Пономарев, лекарский ученик Иван Михайлов. При гимназии информаторы: немецкого класса: Аарон Тих, рисовального: Иван Кавелин, ученик Иван Петров, часовой мастер Шильд, отставный секретарь Александр Голдобин. Регистраторы: Иван Ворохов, Григорий Овсяников. Канцеляристы: Иван Карпов, Александр Акишев, Герасим Андроников, подканцелярист Степан Попов. Унтерофицеры: сержант Иван Белобородов, вахмистр Онисим Нармоцкий, подпрапорщики: Степан Реутов, Иван Неудашнов; каптенармус Дмитрий Стрелков. Солдаты: Степан Печищев, Леонтий Чекалин. Счетчики: Онисим Колотов, Никита Спиридонов, Федор Калашников. Инвалидные: Денис Ерофеев, Гаврила Юдин, слесарь Фризиус, седельник Гросман, конюх Иван Красногоров. Купцы: Максим Васильев, Иван Назарьев, сын его Гаврила Назарьев, Кирила Ларионов, Иван Котельников, Козма Игнатьев, Григорий Мордвинов, Борис Ростовцев, Иван Пирожников, Михайла Естифеев, Федор Тюленев, Яков Нижегородов, Роман Федоров, Михайла Сухоруков, Василий Рыбников, Филип Кашкин. Цеховые: Иван Коренев, Петр Ильин, Михайла Росторгуев, Иван Фролов, Петр Белоусов, Петр Хочанов, Илья Петров, Григорий Смирнов, Алексей Андреев, Иван Сапожников, Василий Киселев, Василий Федосеев, Федор Востряков. Дворовые люди: управителя Петра Кондратьева: Прокофий Алексеев; капитана Аристова: Федор Вербовский; архитектора Кафтырева: Гаврила Васильев; секретаря Аристова: Козма Яковлев; майора Хвостова: Петр Степанов; майорши Ивановой: Данила Ильин; капитана Левашова: Алексей Никифоров, Никифор Федоров, Петр Григорьев, Антип Андреев, Данила Власов, Денис Григорьев, Петр Афанасьев; купца Каменева: Михайла Иванов; бригадира Люткина: Прокофий Шелудяков. Экономические крестьяне: Иван Данилов, Иван Прокофьев, Иван Кондратьев. Казанской суконной фабрики мастеровые и ра-

ботники: Степан Шумихин, Давыд Пономарев, Яков Герасимов, Кондратий Петров, Петр Самойлов. Да сгорели в Казанском магистрате: ратман Афанасий Шапошников, копиист Федор Копылов. В Свияжском уезде убито до смерти: инвалидной команды полковой обозный Палкин, копиист Федоров. В Цивильске убито до смерти в городе: воевода, коллежский асессор Петр Копьев, штатной команды прапорщик Алексей Абаринов, секретарь Попов и его жена Татьяна Степанова, дворовых людей мужеского пола шесть, женского два, канцелярист один, купец один. В уезде: священников четыре, дьячок один, пономарь один, матросов три, новокрещенных два. В Чебоксарском уезде убито до смерти: Чебоксарской морской инвалидной команды: капитан с сыном, прапорщиков два, подпрапорщик один, штатной команды солдат один, прапорщик Иван Тихомиров с женою его, экономического правления копиист один, престарелых матросов четыре, да молодой один, священников двенадцать, дьяконов пять, дьячков два, купец один. В Царевококшайском уезде убито до смерти: Свияжской провинции отставной канцелярист Андрей Дмитриев, священник один, полковой обозный один, подьячий один, малолетный один.

В городе Пензе убито до смерти: воевода Андрей Всеволожский, товарищ Петр Гуляев. Подпоручики: Михайла Суровцов, Федор Слепцов. Секретари: Степан Дудкин, жена его, да сын, подпоручик Игнатий Дудкин; Сергей Григорьев, с женою, с сыном и с двумя дочерьми. Приказные служители: Андрей Петров, Гаврила Елисеевский, Федор Иконников, Василий Терехов с женою, Иван Дмитриев, Семен Терехов, Иван Аврамов. В уезде: генерал-майор Алексей Пахомов, с женою, секунд-майор Иван Веревкин, с женою, поручик Флор Слепцов, капитаны: Алексей Тутаев, Гаврила Юматов; помещик Скуратов, майорша Дарья Селивачева, поручик Петр Иванов, подпоручик Борис Яковлев и дети Романовы, сержант Петр Неклюдов, с женою и с сыном, секунд-майор Иван Стяшкин, жена его Татьяна Степанова, майорша Федосья Назарьева, с сестрою Марьею Даниловою, с двумя дочерьми, с племянницею Федосьею Шемяковою; поручик Иван Пилюгин, с женою и с дочерью девицею Ольгою, отставной драгун князь Михайла Звенигородский, квартирмистр Ермолай Стяшкин, с женою и с сыном Иваном; майор Егор Мартынов, с женою Афимьею Яковлевою, с сыном Сергеем и с женою его; полковник Никифор Хомяков, майор Иван Стяшкин, жена его Татьяна Степанова, поручик Степан Башен, прапорщик Евдоким Степанов, прапорщика Александра Стромилова

дети: сыновья — Михайла, Николай, дочь Авдотья, да брат родной Сергей; прапорщик Фаддей Зеленской с женою, прапорщик Сергей Грязев с женою, вдова майорша Анисья Безобразова, капитанша Елена Романова, капитан Григорий Раков, майор Василий Кологривов с женою, прапорщик Козма Бартенев, майора Михайла Мартынова дети: Николай, Савва; надворная советница Грабова, помещица Анна Репьева, регистратор Алексей Дертев, прапорщик Кадышев, надворная советница Прасковья Ермолаева с сыном, помещица Дарья Халабурдина, поручик Иван Лунин, поручика князя Павла Борятинского жена Прасковья Гаврилова с малолетнею дочерью, прапорщик Андрей из дворян, да однодворец Михайла Слепцовы, секретарь Сергей Сверчков, с женою его Настасьею Ивановою, вахмистр Яков Жмакин, с дочерью его, девкою Мариною, прапорщик Николай Агафонников, с женою и с матерью, секунд-майор Лев Дубенский с женою, подьячий из дворян Василий Агафонников, с женою, капитанши Марфы Киреевой дочь, девица Анна, майор Иван Веревкин, с женою, сержант Тимофей Авксентьев, поручик Максим Дмитриев, капитан Михайла Киреев, с дочерью, поручик Андрей Пансырев, капитан Иван Дмитриев, прапорщик Иван Тутаев, поручик Егор Морев, с женою Анною Петровою, граф Гаврила Головин, майорша Елена Варыпаева, подпоручик Александр Гладков, дворянская жена Прасковья Проскуровская, архитектор, смоленский шляхтич Федор Яковлев, поручик Жмакин, капитан Иван Именников, вдова Елена Юрасова, дворянская жена Наталья Бекетова, вдова Пелагея Шахмаметева и дочь ее, девица, однодворец Иван Юрасов. Прапорщики: Иван Буланин, Иван Нетесев, Степан Романов; подпоручик Лев Ергаков с женою, капитан Алексей Козлов, секунд-майор Ивашев, подпоручик Николай, да гвардии капрал Василий Киселевы, поручик Гаврила Алферьев, майор Никита Костяевский с женою, капитан Тутаев с женою, подпоручика Василья Митькова дочери: Наталья, Марья; сыновья: Алексей и Михайла, да своячина его, девица Пелагея Квашнина; саранский воевода Василий Протасьев, с женою и с сыном, поручик Федор Левин, с женою и с сыном Алексеем, экономический казначей секунд-майор Федор Григоров с женою, майорша Авдотья Возницына, с дочерью, вдовы дворянки: Анна и Прасковья Проскуровские; помещик Семен Литомгин с женою, поручик Иван, да подпоручик Максим Тоузаковы, вдова подполковница Марфа Агарева, однодворческая жена Пелагея Метлина, майор Григорий Зубарев, с женою и с детьми, двумя сыновьями, с дочерью девицею; поручик Федор Бекетов, с женою Марьею Егоровою, майорша Катерина Конабеева, дворянская жена Варвара Тургенева, княгиня

Анна Мустафина, подпоручика Гаврилы Левина жена с детьми, сыновьями: Дмитрием, Николаем, да с дочерью; гвардии капральша Федосья Ермолаева с дочерью вдовою, прапорщицею Авдотьею Юрьевою; подпрапорщик Степан Пересекин с женою, сыном Гаврилом, дочерьми: Катериною, Аграфеною, Анною, Авдотьею; майор Федор Кашкаров, жена его с дочерьми, малолетными детьми, и одна француженка; протоколист Петр Иванов с женою Татьяною Дмитриевою и с детьми, премьер-майором Семеном Ивановым, с женою Елисаветою Михайловою и с сыном Петром; недоросль Дмитрий Иванов, майорша Лукерья Ивина с сыном Алексеем, с дочерью Пелагеею; вахмистр Михайла Брюхов, с женою, прокурорша Марфа Агарева, секунд-майор Николай Степанов, с женою, дворянская жена Пелагея Ховрина, поручик Алексей Зубецкий, с женою, помещица Авдотья Жедринская, вахмистр Никита Никифоров, помещик Никита Подгорнов, титулярный советник Иван Ползамасов, с сыном Сергеем, подпоручика Василья Золотарева жена, камер-лакей Яков Выдрин, с женою, подпоручик Алексей Слепцов, с женою Аграфеною Сергеевою, подпоручица Катерина Платцова, прапорщица Анна Чуфарова, легкой полевой команды подпоручик Иван Обухов, вахмистр Яков Жмакин, с дочерью Мариною, сержант Иван Кашкаров, с зятем, асессором Никитою Иевлевым, с женою его Матреною Михайловою и с их дочерью Марьею, титулярный советник Иван Алферьев с женою, однодворческая жена Дарья Чарыкова, однодворцы: Семен Федорчуков, Петр Митюрин, легкой полевой команды солдат один, штатной команды два солдата, вахмистр Иван Симонов, однодворцев четыре, пахотных солдат три, четыре священника, и один из них с женою, пономарь один, прапорщика Ивана Буланина приказчик, капитана Ивана Осоргина приказчик, графа Гаврила Головкина приказчик, вахмистра Якова Якушкина приказчик, лейб-гвардии капитана князя Михайла Долгорукова приказчик, полковника Петра Волконского приказчик, капитана Николая Загоскина приказчик, вдовы Анны Смагиной два старосты, вдовы Пелагеи Грецовой приказчик, с женою и дочерью, княжны Марьи Долгоруковой приказчик, с женою, кадета Петра Загряжского приказчик, капитана Василья Новикова приказчик, подпоручика Николая Зыбина приказчик, сержанта Сергея Мартынова дворовый человек, бригадирши Аграфены Киселевой приказчик, архитектора, смоленского шляхтича Яковлева дворовых два человека, поручика Сергея Тухачевского приказчик, прапорщика Ивана Буланина дворовый человек, прапорщика Афанасья Сумарокова дворовый человек, графа Андрея Шувалова староста один, выборных два, статского советника Афанасья Зубова дворовый человек, майора

Нилы Акинфиева два приказчика и один кучер, коллежской асессорши Катерины Бахметевой дворовый человек, штык-юнкера Аблязова управитель, полковника Степана Ермолаева приказчик, капитана Николая Владимирова дворовый человек, статского советника Ивана Ермолаева приказчик, секунд-майора Александра Соловцова дворовый человек, иноземец Иван Миллер, архитектора Василья Баженова земский, генеральши Екатерины Левашевой приказчик, сержантов Андрея и Ивана Левиных приказчик, с женою, девиц Анны и Марьи Языковых приказчикова жена, новокрещенных два, надворной советницы Прасковьи Ермолаевой крестьянин, коллежского асессора Петра Хлебникова крестьянин, капитана Василья Новикова крестьянин, подполковника Степана Ермолаева крестьянин один, женки две, статского советника Афанасья Зубова крестьянин, девицы Ольги Назарьевой крестьянин.

В Симбирском уезде убито до смерти: полковница, вдова Марья Теплова, помещица, вдова Домна Поспелова, сестра ее, милитинского дворянина Якова Агненова жена Ульяна Александрова, подпоручик Иван Манахтин, майор Василий Аристов, с дочерью девицею, помещицы, вдовы Прасковья и Анна, Петровы дочери, Насакины, Симбирского баталиона полковник и комендант Андрей Рычков; экономический казначей, поручик Тишин с женою и два малолетных сына, экономический крестьянин Александр Васильев, подполковник Василий Языков, майор Александр Родионов, подполковника Никиты Философова приказчик Василий Ерофеев, подполковника Петра Зимнинского приказчик Тимофей Михайлов, фабриканта Воронцова формовальщик Алексей Адрианов.

В городе Петровске убито до смерти: воеводской товарищ, секунд-майор Буткевич, теща его Марья Иванова, секретарь Лука Яковлев, с женою Марьею Михайловою и с сыном Петром, штатной команды барабанщик Иван Хомутинников, пахотный солдат Игнатий Ношкин, солдата Хрулева жена Авдотья Васильева. В уезде: подполковница, вдова Ирина Никитина, дочь Дурасова, капитана Николая Коптева сын, младенец Лев, корнет Михайла Шильников, с женою Прасковьею Макаровою и малолетный сын Григорий; сержанта Самсона Каракозова жена Екатерина, майорша вдова Анисья Безобразова, помещики: Николай да Василий Киселевы, приказчик их Афанасий Семенов; помещиков Григория и Игнатия Киселевых приказчик Степан Матвеев, прапорщик Иван Яковлев, прапорщик Гаврила Власьев, прапорщик Николай Чемодуров, подпоручик Федот Бекетов, с женою Марьею, капитан-поручика Федора Меиса жена Софья, поручика

Николая Бахметева крестьянин Иван Иванов, пахотный солдат Фаддей Скапинцов, малороссиянин Иван Озерецкий.

В Козмодемьянском уезде убито до смерти: священников два, дьяконов два, дьячок один, семинарист один.

В Пермском уезде убито до смерти: Екатеринбургского ведомства: капитан Воинов, подпоручик Посохов, солдат один; Юговских заводов управитель, шихтмейстер Яковлев, унтершихтмейстер Бахман, князь Михайла Михайловича Голицына приказчик Михайла Ключников, подьячий Василий Клестов, питейной продажи целовальник один, графа Романа Ларионовича Воронцова Ягошихинского завода унтер-шихтмейстер Манаков. Священники: Василий Козмин, Аникий Борисов, Родион Леонтьев; дьячок Иван Попов, дьячок Илья Петров, экономических дел копиист Петр Курбатов, атаман Колесников, отставной капрал Лукиан Омельянов, Юговских заводов плавильщик Козма Орлов. Пушкари: Демид Сочин и Никифор Совин, экономический крестьянин Алимпий Карманов, крестьянин Гаврила Трегубов, князя Голицына крестьян четырнадцать человек, графа Строганова крестьян три человека. Государственных: крестьянин Егор Зуев, и еще семь человек, сотник Яков и крестьянин Михайла Поповы, крестьянин Софронов, Ермолай Меденииков, Федор Бурков, Иван Осетров, крестьянин Ермаков, и еще два человека, крестьянская девка.

В городе Ставрополе убито до смерти: бригадир и ставропольский комендант Иван фон-Фегезак, воеводский товарищ, надворный советник Сергей Милкович, секретарь Семен Микляев. Ставропольского баталиона секунд-майоры: Павел Алашеев, Алексей Карачев, Никита Семенов. Капитаны: Григорий Калмыков, Петр Лабухин. Поручики: Афанасий Семенов, Дмитрий Новокрещенов. Прапорщики: Яков Дворянинов, Василий Трофимов, Федор Попков, Василий Плешивцов; лекарь Иван Финк. В уезде отставные: секунд-майор Артемий Бережнев. Прапорщики: Филат Струйский, Петр Поляков; подпрапорщик Петр Тургенев, с сыном Иваном, сержант Михайла Кулыгин. Ставропольского баталиона сержанты: Иван Свешников, Василий Гущин, Яков Петров, Михайла Савушкин, Семен Львов; подпрапорщик Иван Фомин, капрал Лука Матвеев. Солдаты: Игнатий Буторин, Фрол Бердняков, Петр Вагин, Митрофан Мухановский, Никита Козлов, Василий Григорьев, Григорий Колесников, Афанасий Кондуков, Гурий Ульянов, денщик Максим Андреев, Ставропольского духовного правления копиист Василий Татлин. Дворовые люди: прапорщика Филата Струйского: Елизар Семенов, помещицы Аграфены

Стрекаловой: Егор Горох, Осип Александров; помещицы Прасковьи Чемесовой: Иван Михайлов, ясачный крестьянин Осип Звонарев, разночинец Михайла Васильев. Ставропольского калмыцкого корпуса: ротмистр Никанор Буратов, солдат Иван Шонбо.

Нижегородской губернии, в Нижегородском уезде убито до смерти: графа Николая Головина приказчик Алексей Тетеев, с женою Настасьею, брат его Иван Тетеев, с сыном Васильем. Выборные: Андрей Киреев, Иван Фаддеев, крестьянин Павел Кордюков, немец один, француз один, артиллерии капитана, князь Петра Дадияна, приказчик Петр Кучин, с женою Дарьею.

В городе Алатыре убито до смерти: премьер-майор Роман Грабов, с женою Катериною, коллежский асессор Галактион Кляпиков, землемер, подпоручик Федор Вишняков, с женою Анною и братом его двоюродным, Федором Прокофьевым; секретарь Василий Попов, с женою Авдотьею Ивановою, с детьми, с дочерьми: Варварою, Глафирою, с сыном Алексеем и матерью Матреною Васильевою; протоколист Матвей Леонтьев с женою Марьею, с детьми, сыном Николаем, дочерьми: Анною и Александрою; капитан Иван Недоростков, с женою. Штатной команды солдаты: Алексей Зенкин, Тимофей Запылихин. В уезде: прокурор Василий Кривский, капитан Николай Лихутин, с женою Анною Ивановою, сержант Иван Любовцов, майорша Федосья Назарьева, капитан Петр Зубатов, из дворян капрал Александр Зиновьев, майор Семен Марков, из дворян каптенармус Афанасий Ананьин, прапорщик Василий Мещеринов, помещица Прасковья Телегина, помещица, вдова Авдотья Тимашева, полковника Федора Волкова свояченица Татьяна Иванова, прапорщик Василий Мертваго, с женою Пелагеею Ивановою, майор Борис Мертваго, вахмистр Андрей Назарьев, капитан Алексей Матцынев с женою Мариною Алексеевою, коллежского асессора Ивана Мачавариянова свояченица Нина Егорова, экономического казначея, князь Василья Туркистанова, жена Ирина Борисова. При экономическом винокуренном заводе: прапорщики: Алексей Гедеев с женою Еленою Романовою, Василий Дуров с женою Авдотьею Васильевою, помощник Сергей Бедауров с женою Александрою Петровою; поручика Саввы Остренева жена Анна Егорова, асессора Мачавариянова дочь, девица Фаина Иванова, племянник его Николай Гаврилов, инвалидного секунд-майора Чеботарева жена Анна Иванова, мать ее Авдотья Гедеева, племянница ее, девица Марья Туркманова; Ардатовской дворцовой волости управитель, секунд-майор Михаил Нелидов, по-

ручик Иван Смолков с женою Афимьею Ивановою, мать его, майорша Дарья Никитина, прапорщика Дмитрия Жмакина жена Анисья Андреева, майора Растригина жена Авдотья Козмина, мать его Прасковья Михайлова; дети его, дочери: Ирина, Федосья, Фекла, поручик Андрей Саврасов с женою Афимьею Матвеевою, теща его Анна Кириллова; дворянин Егор Пазухин с женою Марьею Алексеевою; дети его, сын Алексей, дочери: Анна, Елисавета, дворянина Федота Захарина дочь, девица Татьяна, помещика Ивана Салманова теща Авдотья Афанасьева, жена Акулина Лукианова, сын его Николай, дворянин Афанасий Яхонтов с женою Домною Никитиною; дети их, сын Степан, дочери: Пелагея, Дарья; дворянин Феопемпт Яхонтов с женою Екатериною Семеновою; дети их, сыновья: Дмитрий, Павел, дочери: Авдотья, Акулина; теща Авдотья Антонова; капрал Иван Салманов, капитанша, вдова Анна Брюхова, дворянская жена Прасковья Телегина, поручик Иван Алабин, солдат Василий Шебалин, прапорщик Григорий Куроедов с женою Анною Ивановою, дворянка Прасковья Апраксина, капитанша, вдова Ирина Аленина, помещица Варвара Василисова, капитан Николай Страхов, мать его, вдова поручица Домна Данилова, помещик Василий Апраксин с женою Анисьею Дмитриевою, сын его, прапорщик Алексей, прапорщик Иван Ашанин с женою Авдотьею Семеновою, вдова помещица Агафья Тахтарова, капитан Иван Ляхов, капитана Ивана Полумордвинова сын Михайла, прапорщик Иван Анцыфоров с женою Анною Романовою, девка Вера Данилова, вдова Марья Данилова, подполковница вдова Прасковья Кишенская, сын ее, майор Николай, малолетный Аврам, дворянская жена вдова Анисья Неронова, сын ее, поручик Иван, с женою Прасковьею Андреевою, гвардии прапорщик Иван Стечкин, с женою Василисою Петровою, помещик Ефим Неронов, дети его: сын Алексей, дочери: Наталия, Анна, Мавра; помещица Федосья Лаптева, прапорщик Григорий Неверов, прапорщик Григорий Нагаткин, с женою Феклою Васильевою; дети: сын Петр, дочь, девица Акулина; прапорщик Андрей Теренин, помещица Авдотья Варыпаева, прапорщик Василий Теренин, сержант Козма Теренин, дворянка Прасковья Григорьева, дворянка Прасковья Иванова, солдатская жена Анна Осипова, помещик князь Артамон Чегодаев, с женою Натальею Ивановою. Прапорщики: Федор и Борис Брюховы, поручица, вдова Прасковья Брюхова, сержант Сергей Ананьин, с женою Марьею Васильевой, дочь его Надежда; канцелярист Федор Крюковской, прапорщик Александр Грязнов, дворянин Зураб Давыдов, служитель его Яков Андреев, прапорщик из грузин Евсевий Семенов, канцелярист Михайла Со-

коловский, писарь Никита Верин, прапорщик Василий Тимашев, с женою Катериною Антоновою, дочь его девица Елисавета; помещица Марья Пучкова, капитан Яков Бурцов, подпоручик Василий Шалимов, с женою Акулиною Ильиною, приемыш, девка Анна, университетского учителя Грачевского дочь Вера, дворянин Дмитрий Пасмуров, с женою Ириною Федоровою; капитан Михайла Ашанин, капитанша Прасковья Павлова, сын ее, капитан Василий, его сын, сержант Федор, прапорщик Василий Шишкин, фурьер Василий Бабушкин, с женою Марфою Ивановою, и дочь его Елисавета; поручик Александр Зимнинский, с женою Авдотьею Григорьевою, прапорщик Василий Кошкин, прапорщик Василий Зимнинский, с женою Мариамою Васильевою, майор Никифор Юрасов, прапорщик Семен Юрасов, с женою Татьяною Моисеевою, дворян два человека: один мужеского, а другой женского пола; князь Борис Дивеев, подпрапорщик Ефим Шукин, протоколиста Матвея Леонтьева мать Ирина, Данилы Куткина жена Анна Федорова, староста Тимофей Федотов, секунд-майора Андрея Кикина староста Федор Гаврилов, десятский Федор Агафонов, помещика Алексея Сеченова приказчик Захар Андреев, майора Ивана Протасьева приказчик Петр Васильев, помещика Петра Пазухина староста Андрей Алексеев, помещика Ивана Ананьина староста Федор Иванов. Крестьяне: Макар Федоров, Андрей Николаев, помещицы Варвары Языковой дворовый человек Евдоким Фирсов, помещика Нилы Панова крестьянин Авдей Федоров, секунд-майора Афанасья Давыдова дворовые люди: Прокофий Прохоров, Степан Данилов, Арзамасская купецкая жена Марья Федорова, полковника Федора Волкова приказчик Иван Козмин, сын его Евграф; помещика Алексея Бахметева приказчик Иван Петров, с женою Федосьею Романовою, генерал-майора и кавалера Михайлы Кречетникова дворовый человек Максим Леонтьев, староста Карп Иванов, артиллерии подполковника Льва Пушкина дворовый человек Семен Иванов, генерал-поручика Ивана Левашева приказчик Федор Логинов, с женою Татьяною Федоровою и с дочерью Елисаветою; Ефим Иванов, Аверьян Борисов, подполковника Григорья Бахметева выборный Алексей Игнатьев, гвардии капрала Егора Кроткого человек Михайла Егоров, капитана Алексея Матцынева приказчик Дементий Дмитриев, секунд-майора Петра Акинфиева приказчик Александр Васильев. Экономического ведомства крестьяне: Прокофий Афанасьев, Иван Володимиров, Михей Яковлев; полковника князь Александра Одоевского приказчик Григорий Лебедев, помещика Александра Зимнинского приказчик Никита Моисеев, с женою Прасковьею Андреевою, бригадира Иевлева приказчик Степан Семенов, солдатская жена

Фекла Семенова. Графа Ивана Петровича Салтыкова: штуцмейстер Иван Штепсин, приказчик Антон Дроздов, староста Анкудин Феклистов, приказчик Никита Алымов, с женою и с дочерью, приказчик Алексей Головлев, земский Иван Вернеев, крестьянин Иван Трофимов, приказчик Петр Протопопов, крестьянин Федор Вайцов. Графа Андрея Петровича Шувалова: приказчик Тимофей Щепотев, с женою Настасьею Ивановою, земский Филипп Петров, экономический крестьянин Михей Яковлев, приказчик Михайла Савельев, с женою Авдотьею Федоровою, приказчик Борис Турченинов, приказчик Кондратий Филиппов. Священники: Яков Федоров, Василий Алексеев, Афанасий Иванов, Иван Прохоров, Антип Борисов, Иван Борисов, диакон Федор Михайлов.

В Арзамасском уезде убито до смерти: гвардии конного полка секунд-ротмистр Иван Исупов, с женою Ириною Петровою и с дочерьми Еленою и вдовою Настасьею; титулярного советника Ивана Бахметева дочь, священник Василий Алексеев, поручика Николая Языкова служитель Сергей Борисов, капитана Петра Ермолова дворовый человек Егор Васильев, приказчик Парфен, секунд-майора князь Ивана Кольцова-Масальского земский Семен Алексеев, прапорщика Алексея Дубенского приказчик Кондратий Андреев, служитель Иван Гуняев.

В городе Курмыше убито до смерти: секунд-майоры: Василий Юрлов, Дмитрий Маковнев; вдова Наталья Ульянина. Курмышской канцелярии: квартирмистр Александр Филиппов, канцелярист Михайла Еремеев. В уезде священники: Афанасий Дмитриев, Алексей Семенов, Василий Антонов, Гаврила Евтропов, Гаврила Михайлов, Андрей Степанов, Михайла Дмитриев, Петр Иванов, Андрей Алексеев, Григорий Матвеев, Михайла Васильев, Федор Алексеев. Диаконы: Андрей Федоров, Василий Гаврилов, Григорий Гаврилов, Константин Васильев, Иван Михайлов, Иван Никифоров, Иван Андреев, Михайла Иванов, Алексей Андреев, Иван Андреянов. Дьячки: Петр Иванов, Иван Григорьев, Корнил Васильев, Иван Васильев, Василий Никитин, Петр Афанасьев, Василий Иванов, Сергей Григорьев. Пономари: Петр Иванов, Матвей Иванов, Василий Тимофеев, Егор Антонов, Петр и Агафон Федоровы, Дмитрий Федоров, Илья Михайлов, Семен Кузьмин, статского советника Ивана Ермолаева приказчик Яков Реутов. Курмышской инвалидной команды: поручик Тимофей Муромцов, солдат Дмитрий Гусев, подпоручик Иван Мантуров, с детьми Кириллом и Николаем, помещика Лариона Любятинского староста Афанасий Васильев; коллежской советницы Прасковьи Стражиной человек Федор Тимофеев; прапор-

щик Андрей Крашев, Цивильской канцелярии секретарь Никита Попов, и жена его Татьяна Степанова. Дворовых людей: мужеского пола четыре, женского два, малолетных два, матрос Абрам Васильев, духовных дел копииста Павла Попова сын Василий, матрос Иван Львов, священника Семена Иванова жена Прасковья Степанова, сотник Иван Илдеряков. Крестьяне: Дмитрий Перфильев, Петр Никитин.

Города Ядринска в разных местах убито до смерти: священников и причетников с их женами тридцать восемь.

Города Оренбурга в крепостях убито до смерти: В Черноречентской крепости: капитан Нечаев. В Татищевой: комендант, полковник Елагин с женою. В Рассыпной: комендант, секунд-майор Веловский с женою, капитан Савинич, поручик Кирпичев, прапорщик Осипов, священник один, воинских нижних чинов, регулярных и нерегулярных, двенадцать. В Сорочинской: регулярных шесть, разночинцев пять. В Бузулукской: майора Племянникова приказчик и староста, регистратора Арапова работник. В Борской: отставной капитан Петр Рогов, помещичьих крестьян два человека. В Пречистенской: отставных двенадцать человек. В Зелаирской: адъютанта Бурунова жена Матрена Иванова с прочими отставных с женами ж в числе четырех человек, с пятью обоих полов младенцами. В Магнитной: священник один, капитан Сергей Тихановский с женою, отставных солдат двое. В Нижней Озерной: комендант секунд-майор Харлов с женою и братом ее. В состоящей на Самарской дистанции деревне Милоховой: отставной капитан Трофим Милохов.

В городе Троицке убито до смерти: воевода, секунд-майор Варфоломей Сталповский, товарищ, капитан князь Алексей Чегодаев, с приписью Михайла Скорняков, Троицких дворцовых управительских дел управитель гоф-фурьер Андрей Половинкин. В уезде: Троицкой штатной команды солдаты: Савелий Волов, Степан Федоров, Петр Горбунов, разночинец Трофим Образцов, дворцовый крестьянин Григорий Павлов, канцеляриста Ивана Григорьева дворовый человек Антон Яковлев.

В городе Краснослободске убито до смерти: воевода, секунд-майор Иван Селунский, секретарь Василий Тютрюмов, помещик, капитан Данила Сталыпин. В уезде оного: поп Иван Яковлев, казенного дворцового Троицко-Острожского винокуренного завода сержант Никита Голов. Дворцовых управительских дел: в должности стряпчего канцелярист Сте-

пан Снежницкий, канцелярист Семен Дубровский, дворянин Никита Степанов, дворянин Юдин.

В городе Наровчате убито до смерти: воевода Афанасий Ценин, в должности секретаря регистратор Семен Корольков, капрал Степан Кашин, священник Иван Иванов, города Инсары воеводского товарища Юматова дворовый человек Савелий Иванов, проезжавший человек один, Наровчатской канцелярии отставной копиист Александр Соколов, помещика Арапова дворовый человек Василий Аникеев, дворцовый крестьянин Иван Сорокин.

В городе Инсаре убито до смерти: священники: Козма Семионов, Андрей Миронов. Инсарской инвалидной команды секунд-майоры: Василий Денисьев и жена его Наталья Петрова, Андрей Кузмин и жена его Фекла Емельянова. Капитаны: Дмитрий Куприн, жена его Татьяна Григорьева; Иван Щербаков, жена его Марфа Иванова; Петр Кресников. Поручик Михайла Юрлов, жена его Прасковья Юдина. Подпоручики: Алексей Пьянкин, жена его Меланья Евсевьева, сестра его Меланья Тимофеева; Алексей Корнилов, Нефед Онуфриев, Андрей Каряпин, жена его Ирина Иванова; подпоручика Андрея Турмышева жена Пелагея Петрова. Прапорщики: Прокофий Соколов, жена его Настасья Тимофеева; Николай Козлов, Савва Агафонов, жена его Степанида Степанова; ротный квартирмистр Иона Ступетов, сержант Гаврила Маклаков, каптенармуса Прокофья Страхова жена Аксинья Васильева. Капралы: Иван Васильев, Игнатий Салынин, жена его Февронья Филиппова; Михайла Матвеев, жена его Авдотья Федорова; Василий Теплов, жена его Прасковья Игнатьева; Павел Филимонов. Солдаты: Агап Голубчиков, Захар Крылов, Данила Прокофьев, Авдей Мелехов, Иван Юдин, Никита Бельянинов, Василий Ногин, Владимир Иванцов, Федор Трофимов, Степан Евсигнеев, Алексей Пирожков, Иван Вилкин, Александр Караулов, Козма Паршин, Михайла Бакаев, Федор Назаров, Иван Букаев, Тит Хомов, Осип Леонтьевский, Петр Шадрин, Яков Мадрыгин, Федот Федоров, жена его Агафья Григорьева, Гаврила Лосев, жена его Прасковья Васильева, Василий Петин, жена его Устинья Артемьева, Елисей Чеканов, жена его Настасья Иванова, солдата Герасима Киселева жена Ненила Титова, солдата Григорья Иконникова жена Федосья Степанова, канцелярист Иван Андреев. Инсарской штатной команды солдаты: Борис Шульгин, Антон Камшилин, сторож Перфил Герасимов, купец Филипп Соснин. Подпоручики: Алексей Голосеин, Федор Голосеин, сестра его Анна Иванова, корнет

Дмитрий Голосеин, жена его Матрена Никитина, московского купца Рюмина приказчик Максим Евстратов.

Пензенского уезда: из дворян отставной драгун Егор Ульянин, жена его Настасья Михайлова, сестра ее Катерина Михайлова ж.

Алатырского уезда: поручик Прокофий Лукин, жена его Пелагея Никифорова.

Наровчатского уезда: прапорщик Николай Ермолов.

Темниковского уезда: татар шестнадцать человек, помещика Платона Орлова приказчик, а как его звали неизвестно.

В Инсарском уезде: поручика Василья Губарева крестьянин Тимофей Гаврилов, секунд-майор Василий Ягодинский, жена его Татьяна Иванова, недоросль князь Онисим Чюрмантеев, жена его Авдотья Данилова, артиллерии майор Николай Нечаев. Инсарской инвалидной команды секунд-майоры: Гаврила Помелов, Кирила Муратов; поручик Петр Долгов, частный смотритель, капитан князь Максим Чюрмантеев; помещицы Елисаветы Шепелевой приказчик Андрей Карпов, коллежский асессор Иван Кожин, жена его Татьяна Сергеева, дочери их, девицы: Аграфена, Авдотья, Варвара, мать его Кожина, Авдотья Николаева; премьер-майор Семен Мерзлятьев, жена его Анна Петрова; управитель, прапорщик Перфилий Унковский, подполковника Дмитрия Чуфаровского приказчик Яков Никифоров, жена его Афимья Матвеева, поручика Андрея Мневского жена Катерина Михайлова, отставной солдат Павел Енолеев, поручик Ермолаев, дворянин Веденяпин, помещица Мещеринова.

В Шацком уезде убито до смерти: поп Осип, диакон Василий, дьячок, пономарь Михайла, прапорщица Анна Мальцова, помещица Александра Ханыкова, приказчик Фома Никифоров, питейных сборов служитель, однодворец Игнат Белозерцов, поручик Яков Огалин с сыном Львом, помещицы княгини Дашковой приказчик Тимофей Федоров, питейных сборов служитель, кунгурский купец Яков Носков, однодворческие дети: Степан и Петр Подъяпольские, генерал-майора Никиты Смирнова приказчик Иван Петров, жена его Улита Иванова, титулярной советницы Анны Посниковой приказчик Андрей Родионов, целовальник один, помещика Николая Колычева приказчик Михайла Андреев с женою, помещица вдова Татьяна Пятова, помещица Агафья Якутина, корнет Евстрат Евсюков, писчики: Иван Кучуров, Степан Дивеев, помещика Кольцова-Масальского приказчик Восков, подполковник Осип Кузмищев, однодворец Матвей Тверитинов, поручики: Филипп Тенишев, Николай Реткин, вахмистр Козма Марков, помещика Александра Васильчикова приказчик, полковни-

ка Василья Измайлова приказчик Семен Мартынов, полковника князь Александра Большаго-Черкасского сотский Степан Федоров.

В городе Темникове убито до смерти: питейных сборов поверенный Яков Кленов, поручица вдова Прасковья Ребинина, капитан Дмитрий Кочеев, подпоручик князь Михайла Мансырев, прапорщик Николай Ермолов, гвардии капрал, князь Илья Еникеев, жена его Матрена Давыдова, гвардии капрал, князь Василий Девлеткильдеев, капитана Александра Мошкова приказчик Терентий Иванов, татарин Аися Халеев.

В Тамбовском уезде убито до смерти: поручика Афанасья Сатина приказчик, из дворян отставной ротный квартирмистр Максим Дасекин, из однодворцев отставной капрал Василий Мишин, надворного советника Ивана Мосолова крестьянин Семен Бирюков.

В городе Нижнем-Ломове убито до смерти: священник Иван Иванов, поручик Петр Анучин, секунд-майор Степан Евсюков, капитан Яков Калмыков, поручик Иван Симаков, прапорщик Тихон Маслов, прапорщик Василий Клишов, майор Иван Соколов.

В уезде: секретарь Никита Григорьев сын Подгорнов, жена его Ирина Степановна, сноха его Авдотья Петрова, прапорщик Иван Слепцов, жена его Акулина Алексеева, подпоручик Алексей Слепцов, жена его Аграфена Сергеева, капитан Лаврентий Слепцов, каптенармус Федор Слепцов, жена его Марья Степанова, прапорщик Василий Лепунов, сержант Александр Микешин, жена его Анна Андреева, князь Михайла Мансырев, прапорщик Петр Скорятин, капитан князь Семен Мамлеев, прапорщик князь Спиридон Мамлеев, поручик князь Михайла Ишеев, прапорщика Василья Гедеева жена Анна Филатьева, поручица Авдотья Малахова, поручица Евгения Исаева, подпрапорщик Иван Малахов, жена его Марья Михайлова, дочь девица Агафья; князь Василий Петров сын Кугушев, майор Федор Никифоров, надворный советник Василий Иванчин, жена его Авдотья Родионова, сын их поручик Аким Иванчин, жена его Ирина Федорова; протоколист Михайла Дедекин.

В городе Верхнем-Ломове убито до смерти: премьер-майор Иван Болоцкой, капитаны: Иван Степанов, Иван Дьяконов, подпоручик Никита Суколенов, поручик Нефед Евлахов, солдат Федор Лепилин, из дворян, канцелярист Михайла Смирнов, жена его Афимья Иванова, воеводского товарища Нетецкого дворовый человек Дмитрий Никитин, воеводский товарищ титулярный советник Петр Нетецкий, дворянская жена вдова Ульяна Сурина, надворный советник Никифор Хомяков, подпоручик Ка-

питон Вышеславцов, помещика Василья Титова, приказчикова жена Ульяна Козмина, надворный советник Иван Богданов, жена его Наталья Иванова, прапорщик Ефим Юматов, жена его Ирина Леонтьева, дочь их малолетняя Марья, прапорщик Пантелей Трунин, жена его Прасковья Ефимова, поручик Федор Мосолов, фурьер Иван Мещеринов, канцелярист Никифор Смирнов, секунд-майора Ивана Вышеславцова жена Лукерья Иванова, вахмистр Максим Хомяков, дворянин Петр Веденяпин, сын его поручик Кондратий, помещика Матвея Дубасова крестьянин Спиридон Анофриев, капитанша Анна Болкошина, инвалидный солдат Лукиан Курочкин, корнет Иван Мещеринов, прапорщик Артамон Шмаков, поручика Константина Веденяпина жена Пелагея Леонтьева, подпоручика Михайла Веденяпина жена Марья Алексеева, майор Иван Григоров, племянница его Авдотья Иванова, экономический казначей, поручик Андрей Молчанов, подпоручика Алексея Вышеславцова жена Матрена Иванова, прапорщик Григорий Евсюков, прапорщика Пантелея Трунина крестьянин, а как зовут неизвестно, помещика Языкова приказчик Егор Григорьев, вдова поручица Татьяна Врацкая, татарин Бикмай Дубин, незнаемый офицер, помещица Авдотья Волженская, подпоручик Василий Вышеславцов, поручика Фоки Исаева жена Евгения Андреева, генерал-поручика и кавалера Амплея Шепелева служитель Иван Уланов.

Самарской дистанции, в Борской крепости, убито до смерти: переводчик Арапов, отставной капитан Петр Рогов, хилковских крестьян два человека, отставных конной гвардии два, тайного советника Обухова крестьян два.

В городе Саратове убито до смерти: отставной прапорщик Артамон Шахматов, полевой артиллерии сержант Павел Шахматов, отставной прапорщик Козма Рахманинов, поручика Матвея Селезнева жена, вдова Марья Иванова, отставной прапорщик Алексей Протопопов, отставной прапорщик Афанасий Толпыгин, из дворян коллежский регистратор Иван Аврамов, жена его Ирина Иванова, бывшего саратовского коменданта Томаса Юнгера жена, вдова Шарлотта Крестьянова, корнет Гаврила Болотин, жена его Фекла Алексеева, дети: Федор, Григорий, дочь Степанида, теща того Болотина, Марфа Ильина; дворянина Алексея Болотина жена Авдотья Степанова, дети: сын Никифор, дочери: Меланья, Марфа; дворянин Степан Родионов, отставной прапорщик Михайло Ахматов, дворянин Яков Болотин, отставной прапорщик Григорий Автамонов сын Быков. Саратовского батальона секунд-майоры: Петр Астафьев, Иван Мосолов. Капитаны: Семен Агишев, Василий Портнов, Андрей Маматов, Алек-

сей Тагаев. Поручики: Иван Пирогов, Михайла Меренков. Прапорщики: Иван Уланов, Евдоким Портнов, лекарь Иоган Рамелов, бывший в городе Петровске смотритель над межевщиками коллежский асессор Борис Наикул; команды его: подпоручик Федор Спижарнов, прапорщик Петр Скуратов, корнет Петр Калмыков. Ведомства Конторы опекунства иностранных поручики: Михайла Ермолаев с женою, Иван Широков с женою, прапорщик Иван Ушаков, протоколист Иван Образцов, регистратор Иван Винш, аптекарь Иван Аменде. Артиллерийского первого фузелерного полку: капитан князь Андрей Баратаев, поручик Михайла Буданов, подпоручик Василий Хотяинцов, штык-юнкер Адриан Федоров, лекарь Семен Рудзевич.

В городе Дмитриевске, что на Камышенке, убито до смерти: полковник и Дмитриевский комендант Каспар Меллин, капитан Семен Агишев, городовой лекарь Степан Беляев, жена его Катерина Федорова, дочь девица Матрена. Бывшие в Николаевской слободе при соляном комиссарстве: присутствующий, титулярный советник Илья Башилов, поручик Сергей Богатырев.

В городе Царицыне убито до смерти: легкой полевой команды командир, секунд-майор барон фон Диц. Капитаны: Дмитрий Шеншин, Иван Шилов. Поручики: Дмитрий Денисьев, Александр Рокотов, адъютант Семен Романов. Прапорщики: Александр Палчевский, Илья Булашев, Иван Буткевич, лекарь Даниель Амброзиус. Царицынских баталионов, первого: поручик Иван Климов, второго: подпоручик Алексей Книгин. В Волском войске убито до смерти: войсковой старшина Григорий Поляков, депутат Андрей Дьячонков, Московского легиона казачьей команды отставной прапорщик Иван Хуторсков. Казаки: Петр Зайченков, Петр Греков, Яков Греков.

В Новохоперском уезде: частный смотритель Новохоперского баталиона подпоручик Павел Еглевский, подпоручик Филипп Тенишев, однодворец Матвей Тверитинов, господ Нарышкиных приказчик Лука Неверов, малороссиянин Николай Ракитинов; означенных же господ Нарышкиных приказчик Иван Евреинов, жена его Наталия, теща его Татьяна Григорьева.

[9] См. Benjamin Bergmann's nomadische Streifereien u. s. w.

[10] Маврин с 1773 года находился при Бибикове; он отряжен был от Секретной комиссии в Яицкий городок, где и производил следствие. Маврин отличился умеренностию и благоразумием.

[11] Императрица 22 октября 1774 года писала Вольтеру: Volontiers, monsieur, je satisferai votre curiosité sur le compte de Pougatschef: ce me sera d'autant plus aisé, qu'il y a un mois qu'il est pris, ou pour parler plus exactement qu'il a été lié et garotté par ses propres gens dans la pleine inhabitée entre le Volga et le Jaïck, où il avait été chassé par les troupes envoyées contre eux de toutes parts. Privés de nourriture et de moyens pour se ravitailler, ses compagnons excédés d'ailleurs des cruautés qu'ils commettaient et espérant obtenir leur pardon, le livrèrent au commandant de la forteresse du Jaïck qui l'envoya à Simbirsk au général comte Panine. Il est présentement en chemin pour être conduit à Moscou. Amené devant le comte Panine, il avoua naïvement dans son interrogatoire qu'il était cosaque du Don, nomma l'endroit de sa naissance, dit qu'il était marié à la fille d'un cosaque du Don, qu'il avait trois enfants, que dans ces troubles il avait épousé une autre femme, que ses frères et ses neveux servaient dans la première armée, que lui-même avait servi, les deux premières campagnes, contre la Porte, etc. etc.

Comme le général Panine a beaucoup de cosaques du Don avec lui, et que les troupes de cette nation n'ont jamais mordu à l'hameçon de ce brigand, tout ceci fut bientôt vérifié par les compatriotes de Pougatschef. Il ne sait ni lire, ni écrire, mais c'est un homme extrêmement hardi et déterminé. Jusqu'ici il n'y a pas la moindre trace qu'il ait été l'instrument de quelque puissance, ni qu'il ait suivi l'inspiration de qui que ce soit. Il est à supposer que m-r Pougatschef est maître brigand, et non valet d'âme qui vive.

Je crois qu'après Tamerlan il n'y en a guère un qui ait plus détruit l'espèce humaine. D'abord il faisait pendre sans rémission, ni autre forme de procès toutes les races nobles, hommes, femmes et enfants, tous les officiers, tous les soldats qu'il pouvait attraper; nul endroit où il a passé n'a été épargné, il pillait et saccageait ceux même, qui pour éviter ses cruautés, cherchaient à se le rendre favorable par une bonne réception: personne n'était devant lui à l'abri du pillage, de la violence et du meurtre.

Mais ce qui montre bien jusqu'où l'homme se flatte, c'est qu'il ose concevoir quelque espérance. Il s'imagine qu'à cause de son courage je pourrai lui faire grâce et qu'il ferait oublier ses crimes passés par ses services futurs. S'il n'avait offensé que moi, son raisonnement pourrait être juste et je lui pardonnerais. Mais cette cause est celle de l'empire qui a ses loix.

[12] Le marquis de Pougatschef dont vous me parlez encore dans votre lettre du 16 décembre, a vécu en scélerat et va finir en lâche. Il a paru si timide et si faible en sa prison qu'on a été obligé de le

préparer à sa sentence avec précaution, crainte qu'il ne mourût de peur sur le champ. *(Письмо императрицы к Вольтеру, от 29 декабря 1774 года).*

[13] «В скором времени по прибытии нашем в Москву я увидел позорище для всех чрезвычайное, для меня же и новое: смертную казнь; жребий Пугачева решился. Он осужден на четвертование. Место казни было на так называемом *Болоте.*

В целом городе, на улицах, домах, только и было речей об ожидаемом позорище. Я и брат нетерпеливо желали быть в числе зрителей; но мать моя долго на то не соглашалась. Наконец, по убеждению одного из наших родственников, она вверила нас ему под строгим наказом, чтоб мы ни на шаг от него не отходили.

Это происшествие так врезалось в память мою, что я надеюсь и теперь с возможною верностию описать его, по крайней мере, как оно мне тогда представлялось.

В десятый день января тысяча семьсот семьдесят пятого года, в восемь или девять часов пополуночи, приехали мы на Болото; на середине его воздвигнут был эшафот, или лобное место, вкруг коего построены были пехотные полки. Начальники и офицеры имели знаки и шарфы сверх шуб по причине жестокого мороза. Тут же находился и обер-полицеймейстер Архаров, окруженный своими чиновниками и ординарцами. На высоте, или помосте, лобного места увидел я с отвращением в первый раз исполнителей казни. Позади фрунта всё пространство болота, или, лучше сказать, низкой лощины, все кровли домов и лавок, на высотах с обеих сторон ее, усеяны были людьми обоего пола и различного состояния. Любопытные зрители даже вспрыгивали на козлы и запятки карет и колясок. Вдруг всё восколебалось и с шумом заговорило: *везут, везут!* Вскоре появился отряд кирасир, за ним необыкновенной высоты сани, и в них сидел Пугачев; насупротив духовник его и еще какой-то чиновник, вероятно секретарь Тайной экспедиции, за санями следовал еще отряд конницы.

Пугачев с непокрытою головою кланялся на обе стороны, пока везли его. Я не заметил в чертах лица его ничего свирепого. На взгляд он был сорока лет, роста среднего, лицом смугл и бледен, глаза его сверкали; нос имел кругловатый, волосы, помнится, черные и небольшую бороду клином.

Сани остановились против крыльца лобного места. Пугачев и любимец его Перфильев в препровождении духовника и двух чиновников едва взошли на эшафот, раздалось повелительное

слово: *на караул,* и один из чиновников начал читать манифест. Почти каждое слово до меня доходило.

При произнесении чтецом имени и прозвища главного злодея, также и станицы, где он родился, обер-полицеймейстер спрашивал его громко: ,,Ты ли донской казак Емелька Пугачев?" Он столь же громко ответствовал: ,,Так, государь, я донской казак, Зимовейской станицы, Емелька Пугачев". Потом, во всё продолжение чтения манифеста, он, глядя на собор, часто крестился, между тем как сподвижник его Перфильев, немалого роста, сутулый, рябой и свиреповидный, стоял неподвижно, потупя глаза в землю.[1] По прочтении манифеста духовник сказал им несколько слов, благословил их и пошел с эшафота. Читавший манифест последовал за ним. Тогда Пугачев сделал с крестным знамением несколько земных поклонов, обратясь к соборам, потом с уторопленным видом стал прощаться с народом; кланялся на все стороны, говоря прерывающимся голосом: ,,Прости, народ православный; отпусти мне, в чем я согрубил пред тобою; прости, народ православный!" — При сем слове экзекутор дал знак: палачи бросились раздевать его; сорвали белый бараний тулуп; стали раздирать рукава шелкового малинового полукафтанья. Тогда он сплеснул руками, опрокинулся навзничь, и вмиг окровавленная голова уже висела в воздухе: палач взмахнул ее за волосы. С Перфильевым последовало то же». *(Из неизданных записок И. И. Дмитриева).*

Подробности сей казни разительно напоминают казнь другого донского казака, свирепствовавшего за сто лет перед Пугачевым почти в тех же местах и с такими же ужасными успехами. См. Rélation des particularités de la rébellion de Stenko-Razin contre le grand Duc de Moscovie. La naissance, le progrès et la fin de cette rébellion; avec la manière dont fut pris ce rebelle, sa sentence de mort et son exécution, traduit de l'Anglais par C. Desmares. MDCLXXXII. — Книга сия весьма редка; я видел один экземпляр оной в библиотеке А. С. Норова, ныне принадлежащей князю Н. И. Трубецкому.

---

[1] По словам других свидетелей, Перфильев на эшафоте одурел от ужаса; можно было принять его бесчувствие за равнодушие.

ЗАМЕЧАНИЯ О БУНТЕ

1

Стр. 16 (117). Пугачев был уже пятый самозванец, приявший на себя имя императора Петра III. Не только в простом народе, но и в высшем сословии существовало мнение, что будто государь жив и находится в заключении. Сам великий князь Павел Петрович долго верил или желал верить сему слуху. По восшествии на престол первый вопрос государя графу Гудовичу был: «Жив ли мой отец?»

2

Стр. 18 (118). Пугачев говорил, что сама императрица помогла ему скрыться.

3

Стр. 20 (119). Первое возмутительное воззвание Пугачева к яицким казакам есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного. Оно тем более подействовало, что объявления, или *публикации*, Рейнсдорпа были писаны столь же вяло, как и правильно, длинными обиняками, с глаголами на конце периодов.

4

Стр. 25 (122). Бедный Харлов накануне взятия крепости был пьян; но я не решился того сказать из уважения его храбрости и прекрасной смерти.

5

Стр. 34 (127). Сей Нащокин был тот самый, который дал пощечину Суворову (после того Суворов, увидя его, всегда прятался и говорил: боюсь, боюсь! он дерется). Нащокин был один из самых странных людей того времени. Сын его написал его записки: отроду не читывал я ничего забавнее. Государь Павел Петрович любил его и при восшествии своем на престол звал его в службу. Нащокин отвечал государю: «Вы горячи и я горяч; служба в прок мне не пойдет». Государь пожаловал ему деревни в Костромской губернии, куда он и удалился. Он был крестник императрицы Елисаветы и умер в 1809 году.

6

Стр. 54 (135). Чернышев (тот самый, о котором государыня Екатерина II говорит в своих записках) был некогда камер-лакеем. Он был удален из Петербурга повелением императрицы Елисаветы Петровны. Императрица Екатерина, вступив на престол, осыпала его и брата своими милостями. Старший умер в Петербурге комендантом крепости.

7

Стр. 55 (136). Кар был пред сим употребляем в делах, требовавших твердости и даже жестокости (что еще не предполагает храбрости, и Кар это доказал). Разбитый двумя каторжниками, он бежал под предлогом лихорадки, лома в костях, фистулы и горячки. Приехав в Москву, он хотел явиться с оправданиями к князю Волконскому, который его не принял. Кар приехал в Благородное собрание, но его появление произвело такой шум и такие крики, что он принужден был поспешно удалиться. Ныне общее мнение если и существует, то уж гораздо равнодушнее, нежели как бывало в старину. Сей человек, пожертвовавший честью для своей безопасности, нашел, однако ж, смерть насильственную: он был убит своими крестьянами, выведенными из терпения его жестокостию.

8

Стр. 56 (137). Императрица уважала Бибикова и уверена была в его усердии, но никогда его не любила. В начале ее царствования был он послан в Холмогоры, где

содержалось семейство несчастного Иоанна Антоновича, для тайных переговоров. Бибиков возвратился влюбленный без памяти в принцессу Екатерину (что весьма не понравилось государыне). Бибикова подозревали благоприятствующим той партии, которая будто бы желала возвести на престол государя великого князя. Сим призраком беспрестанно смущали государыню, и тем отравляли сношения между матерью и сыном, которого раздражали и ожесточали ежедневные, мелочные досады и подлая дерзость временщиков. Бибиков не раз бывал посредником между императрицей и великим князем. Вот один из тысячи примеров: великий князь, разговаривая однажды о военных движениях, подозвал полковника Бибикова (брата Александра Ильича) и спросил, во сколько времени полк его (в случае тревоги) может поспеть в Гатчину? На другой день Александр Ильич узнает, что о вопросе великого князя донесено и что у брата его отымают полк. Александр Ильич, расспросив брата, бросился к императрице и объяснил ей, что слова великого князя были не что иное, как военное суждение, а не заговор. Государыня успокоилась, но сказала: «Скажи брату своему, что в случае тревоги полк его должен идти в Петербург, а не в Гатчину».

9

Стр. 73 (146). Густав III, изъясняя в 1790 году все свои неудовольствия, хвалился тем, что он, несмотря на все представления, не воспользовался смятением, произведенным Пугачевым. «Есть чем хвастать,— говорила государыня,— что король не вступил в союз с беглым каторжником, вешавшим женщин и детей!»

10

Стр. 78 (148). Уральские казаки (особливо старые люди) доныне привязаны к памяти Пугачева. «Грех сказать,— говорила мне 80-летняя казачка,— на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал».— «Расскажи мне,— говорил я Д. Пьянову,— как Пугачев был у тебя посажёным отцом».— «Он для тебя Пугачев,— отвечал мне сердито старик,— а для меня он был великий государь Петр

Федорович». Когда упоминал я о его скотской жестокости, старики оправдывали его, говоря: «Не его воля была; наши пьяницы его мутили».

11

Стр. 82 (150). И. И. Дмитриев уверял, что Державин повесил сих двух мужиков более из поэтического любопытства, нежели из настоящей необходимости.

12

Стр. 84 (151). Казни, произведенные в Башкирии генералом князем Урусовым, невероятны. Около 130 человек были умерщвлены посреди всевозможных мучений. «Остальных, человек до тысячи (пишет Рычков) простили, отрезав им носы и уши». Многие из сих прощеных должны были быть живы во время Пугачевского бунта.

13

Стр. 93 (155). Князь Голицын, нанесший первый удар Пугачеву, был молодой человек и красавец. Императрица заметила его в Москве, на бале (в 1775) и сказала: «Как он хорош! настоящая куколка». Это слово его погубило. Шепелев (впоследствии женатый на одной из племянниц князя Потемкина) вызвал Голицына на поединок и заколол его, сказывают, изменнически. Молва обвиняла Потемкина...

14

Стр. 135 (176). Замечательна разность, которую правительство полагало между дворянством личным и дворянством родовым. Прапорщик Минеев и несколько других офицеров были прогнаны сквозь строй, наказаны батогами и проч. А Шванвич только ошельмован преломлением над головою шпаги. Екатерина уже готовилась освободить дворянство от телесного наказания. Шванвич был сын кронштадтского коменданта, разрубившего некогда палашом, в трактирной ссоре, щеку Алексея Орлова (Чесменского).

15

Стр. 137. (177). Кто были сии смышленые сообщники, управлявшие действиями самозванца? — Перфильев? Шигаев?..— Это должно явствовать из процесса Пугачева, но, к сожалению, я его не читал, не смев его распечатать без высочайшего на то соизволения.

16

Стр. 138 (178). Молодой Пулавский был в связи с женою старого казанского губернатора.

17

Стр. 145 (181). В Саранске архимандрит Александр принял Пугачева со крестом и евангелием и во время молебствия, на ектении упомянул государыню Устинию Петровну. Архимандрит предан был гражданскому суду в Казани. 13 октября 1774 года, в полдень, приведен он был в оковах в собор. Его повели в алтарь и возложили на него полное облачение. Солдаты с примкнутыми штыками стояли у северных дверей. Протопоп и протодиакон поставили его посреди церкви, во всем облачении и в оковах. После обедни был он выведен на площадь; ему прочли его вины. После того сняли с него ризы, обрезали волоса и бороду, надели мужицкий армяк и сослали на вечное заточение. Народ был в ужасе и жалел о преступнике. В указе велено было вывести Александра в одежде монашеской. Но Потемкин (Павел Сергеевич) отступил от сего, *для большего ефекта.*

18

Стр. 157 (187). Настоящая причина, по которой Румянцов не захотел отпустить Суворова, была зависть, которую питал он к Бибикову, как вообще ко всем людям, коих соперничество казалось ему опасным.

19

Стр. 164 (190). Падуров, как депутат, в силу привилегий, данных именным указом, не мог ни в каком случае быть казнен смертию. Не знаю, прибегнул ли он к защите

сего закона; может быть, он его не знал; может быть, судьи о том не подумали; тем не менее казнь сего злодея противузаконна.

Общие замечания

Весь черный народ был за Пугачева. Духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противуположны. (NB. Класс приказных и чиновников был еще малочислен и решительно принадлежал простому народу. То же можно сказать и о выслужившихся из солдат офицерах. Множество из сих последних были в шайках Пугачева. Шванвич один был из хороших дворян).

Все *немцы,* находившиеся в средних чинах, сделали честно свое дело: Михельсон, Муфель, Меллин, Диц, Деморин, Дуве etc. Но все те, которые были в бригадирских и генеральских, действовали слабо, робко, без усердия: Рейнсдорп, Брант, Кар, Фрейман, Корф, Валленштерн, Билов, Декалонг etc. etc.

Разбирая меры, предпринятые Пугачевым и его сообщниками, должно признаться, что мятежники избрали средства самые надежные и действительные к достижению своей цели. Правительство с своей стороны действовало слабо, медленно, ошибочно.

Нет худа без добра: Пугачевский бунт доказал правительству необходимость многих перемен, и в 1775 году последовало новое учреждение губерниям. Государственная власть была сосредоточена; губернии, слишком пространные, разделились; сообщение всех частей государства сделалось быстрее, etc.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЗАПИСИ УСТНЫХ РАССКАЗОВ, ПРЕДАНИЙ, ПЕСЕН

I

ПОКАЗАНИЯ КРЫЛОВА (ПОЭТА)

Отец Крылова (капитан) был при Симанове в *Яицком городке.* Его твердость и благоразумие имели большое влияние на тамошние дела и сильно помогли Симанову, который вначале было струсил. Иван Андреевич находился тогда с матерью в Оренбурге. На их двор упало несколько ядер, он помнит голод и то, что за куль муки заплачено было его матерью (и то тихонько) 25 р.! Так как чин капитана в Яицкой крепости был заметен, то найдено было в бумагах Пугачева в расписании, кого на какой улице повесить, и имя Крыловой с ее сыном. Рейнсдорп был человек очень глупый. Во время осады вздумал он было ловить казаков капканами, чем и насмешил весь город, хоть было и не до смеху. После бунта Ив. Крылов возвратился в Яицкий городок, где завелася игра в пугачовщину. Дети разделялись на две стороны: городовую и бунтовскую, и драки были значительные. Крылов, как сын капитанский, был предводителем одной стороны. Они выдумали, разменивая пленных, лишних сечь, отчего произошло в ребятах, между коими были и взрослые, такое остервенение, что принуждены были игру запретить. Жертвой оной чуть было не сделался некто Анчапов (живой доныне). Мертваго, поймав его в одной экспедиции, повесил его кушаком на дереве.— Его отцепил прохожий солдат.

11 апреля 1833

II

ИЗ ДОРОЖНОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Чугуны — Кар etc.

Васильсурск — предание о Пугачеве. Он в Курмыше повесил майора Юрлова за смелость его обличения — и мертвого секли нагайками.— Жена его спасена ее крестьянами. Слышал от старухи, сестры ее — живущей милостынею.

Пугачев ехал мимо копны сена — собачка бросилась на него. Он велел разбросать сено. Нашли двух барышень — он их, подумав, велел повесить.

Слышал от смотрителя за Чебоксарами.

В Берде Пугачев жил в доме Кондратия Ситникова, в Озерной у Полежаева.

Харлова расстреляна.

Василий Плотников, Пугачев у него работником.

Карницкий. Илецкий городок.

Из Гурьева городка
Протекла кровью река.
Из крепости из Зерной
На подмогу Рассыпной
Выслан капитан Сурин
Со командою один.
Он нечаянно в крепость въехал
Начальников перевешал
Атаманов до пяти
Рядовых сот до шести.

Уральски казаки
Были дураки,
Генерала убили
Госуд. . . . .
. . . .

Пугачев повесил академика Ловица в Камышине. Иноходцев убежал.

Оцюш кайбас, бог. Панин. Дом Пустынникова, Смышляевка.

III

КАЗАНСКИЕ ЗАПИСИ

Казань 6 сентября В. Петр. Бабин.

Пугачев с Арского поля послал сволочь свою на третью гору или на немецкое кладбище. Там находилась суконная слобода. Фабриканты разного были звания, стрельцы, мещане etc. Иные в башмаках с пряжками, в шляпах *на три угла* etc. Башкирцы пустили в них стрелами, словно хмелем. Тут была одна чугунная пушка, ее разорвало, канонера убило — едва успели раз выпалить. Суконщики, ободряемые преосв. Вениамином, хотели защищаться рычагами и чем ни попало, но башкирцы зажгли слободу и бросились в улицы. Пугачев запретил колоть народ, но башкирцы его не слушались. Мать Бабина, бросяво ржи двух дочерей и неся в подоле годового сына, бросилась в ноги казаку. «Матушка,— сказал он ей,— ведь башкирец убьет же тебя». Казанка запружена была телами жителей, гонимых в лагерь. Кудрявцев, стодесятилетний старик, на носилках вынесен был в церковь, близ его загородного дома находившуюся. Он был забит нагайками.

Народ, пригнанный в лагерь Пугачева, поставлен был на карачки перед пушками, бабы и дети подняли вой. Им объявили прощение государево. Все закричали ура! и кинулись к его ставке. Потом спрашивали: кто хочет в службу к государю Петру Федоровичу.— Охотников нашлось множество.

Против Шарной горы у Горлова кабака поставлена была пушка. Пугачев к горе подошел лесом и, рассыпавшись по Арскому полю и по третьей горе, ворвался в Казань.

Казни после Пугачева были ужасные, вешали за ребро, сажали на кол (?) etc. Рели стояли лет 10 после Пугачева, и петли болтались.

Фабриканты, кулачные бойцы, приняли было худо вооруженную сволочь в рычаги, в ружья и сабли, но Пугачев, заняв Шарную гору, пустил по них картечью. Вениамин успел уехать в крепость из архиерейского дома.

Народ, возвратясь из плена, нашел всё вверх дном. Кто был богат, очутился нищим, кто был скуден, разбогател.

Казак при Пугачеве стал сымать башмаки с отца Бабинова — и как они пришлись не впору, бросил их ему в лицо.

IV

ОРЕНБУРГСКИЕ ЗАПИСИ

Бунтовщики 1771 года посажены были в лавки Менового двора. Около Сергиева дня, когда наступил сенокос, их отпустили на Яик. Садясь в телеги, они говорили при всем торжище: «То ли еще будет? так ли мы тряхнем Москвою?» — «Молчать, курвины дети»,— говорили им оренбургские казаки, их сопровождавшие, но они не унимались. *Папков в (Переволоцкой) Сорочинской.*

Он привел кн. Голицына к Сорочинской крепости, но она уже была выжжена. Голицын насыпал ему рукавицу полну денег.

В Татищевой Пугачев, пришед вторично, спрашивал у атамана, есть ли в крепости провиант. Атаман, по предварительной просьбе старых казаков, опасавшихся голода, отвечал, что нет. Пугачев пошел сам освидетельствовать магазины и, нашед их полными, повесил атамана на застрехе.

Елагину взрезали грудь и кожу задрали на лицо.

Лиз. Фед. Елагина выдана была в Озерную за Харлова весною. Она была красавица, круглолица и невысока ростом. *Матрена в Татищевой.*

Из Озерной Харлов выслал жену свою 4 дня перед Пугачевым, а пожитки свои и всё добро спрятал в подвале у Киселева. Пугачева пошли казаки встречать за десять верст. Харлов (хмельной) остался с малым числом гарнизонных солдат. Он с вечеру начал палить из пушек. Билов услышал пальбу из Чесноковки (15 в.) и воротился, полагая, что Пугачев уже крепость взял. Поутру Пугачев пришел. Казак стал остерегать его.— «Ваше царское величество, не подъезжайте, неравно из пушки убьют».— «Старый ты человек,— отвечал ему Пугачев,— разве на царей льются пушки». Харлов приказывал стрелять — никто его не слушал. Он сам схватил фитиль и

выстрелил по неприятелю. Потом подбежал и к другой пушке, но в сие время бунтовщики ворвались. Харлова поймали и изранили. Вышибенный ударом копья глаз у него висел на щеке. Он думал откупиться и повел казаков к избе Киселева. «Кум, дай мне 40 рублей,— сказал он.— Хозяйка всё у меня увезла в Оренбург». Киселев смутился. Казаки разграбили имущество Харлова. Дочь Киселева упала к ним в ноги, говоря: «Государи, я невеста, этот сундук мой». Казаки его не тронули. Потом повели Харлова и с ним 6 чел. вешать в степь. Пугачев сидел перед релями — принимал присягу. Гарнизон стал просить за Харлова, но Пугачев был неумолим. Татарин Бикбай, осужденный за шпионство, взошед на лестницу, спросил равнодушно: какую петлю надевать?— «Надевай какую хочешь»,— отвечали казаки (не видал я сам, а говорили другие, будто бы тут он перекрестился). Пугачев был так легок, что когда он шел по улице к магазинам, то народ не успевал за ним бегом. Он, проезжая по Озерной к жене в Яицк, останавливался обыкновенно у казака Полежаева, коего любил за звучный голос, большой рост и проворство.

Под Илецким городком хотел он повесить Дмит. Карницкого, пойманного с письмами от Симанова к Рейнсдорпу. На лестнице Карницкий, обратясь к нему, сказал: «Государь, не вели казнить, вели слово молвить».— «Говори»,— сказал Пугачев. «Государь, я человек подлый, что прикажут, то и делаю; я не знал, что написано в письме, которое нес. Прикажи себе служить, и буду тебе верный раб».— «Пустить его,— сказал Пугачев,— умеешь ли ты писать?» — «Умею, государь, но теперь рука дрожит».— «Дать ему стакан вина,— сказал Пугачев.— Пиши указ в Рассыпную». Карницкий остался при нем писарем и вскоре стал его любимцем. Уральские казаки из ревности в Татищевой посадили его в куль да бросили в воду.— «Где Карницкий?» — спросил Пугачев.— «Пошел к матери по Яику»,— отвечали они. Пугачев махнул рукою и ничего не сказал. Такова была воля яицким казакам!

В Озерной.

В Берде Пугачев был любим; его казаки никого не обижали. Когда прибежал он из *Татищевой,* то велел

разбить бочки вина, стоявшие у его избы, *дабы драки не учинилось*. Вино хлынуло по улице рекою. Оренбурцы после него ограбили жителей.

Старуха в Берде.

Пугачев на Дону таскался в длинной рубахе (турецкой). Он нанялся однажды рыть гряды у казачки и вырыл 4 могилы. В Озерной узнал он одну дончиху и дал ей горсть золота. Она не узнала его. По наговору яицких казаков велел он расстрелять в Берде Харлову и 7-летнего брата ее. Перед смертью они *сползлись* и обнялися. Так и умерли и долго лежали в кустах.— Когда Пугачев ездил куда-нибудь, то всегда бросал народу деньги.— Когда под Татищевой разбили Пугачева, то яицкие прискакали в Озерную израненные,— кто без руки, кто с разрубленной головою — человек 12, кинулись в избу Бунтихи.— «Давай, старуха, рубашек, полотенец, тряпья» — и стали драть да перевязывать друг у друга раны. Старики выгнали их дубьем. А гусары голицынские и Корфа (?) *так и ржут по улицам, да мясничат их.* Когда разлился Яик, тела поплыли вниз. Казачка Разина, каждый день прибредши к берегу, пригребала палкою к себе мимо плывущие трупы, переворачивая их и приговаривая: — «Ты ли, Степушка, ты ли мое детище? Не твои ли черны кудри свежа вода моет?» Но видя, что не он, тихо отталкивала тело и плакала.— К Пугачеву приводили ребят. Он сидел между двумя казаками, из коих один держал серебряный топорик, а другой булаву. У Пугачева рука лежала на пелене — подходящий кланялся в землю, а потом, перекрестясь, целовал его руку.— Пугачев в Яицке сватался за..., но она за него не пошла. Устинью Кузнецову взял он насильно, отец и мать не хотели ее выдать: она-де простая казачка, не королевна, как ей быть за государем. *(В Берде от старухи).*

Федулев, недавно умерший, вез однажды Пугачева пьяного и ночью въехал было в Оренбург.

Когда казаки решились выдать Пугачева, то он подозвал Творогова, велел ему связать себе руки, но не назад, а вперед.— «Разве я разбойник»,— говорил Пугачев (?).

В Татищевой Пугачев за пьянство повесил яицкого казака.

V

ДМИТРИЕВ, ПРЕДАНИЯ

Дмитриев услышал о Пугачеве от слуги, ездившего в Симбирскую воеводскую канцелярию с его отцом. Возвратясь, слуга рассказывал о важном преступнике, казаке, отосланном в Казань в оковах с двумя солдатами, которые сели на облучки кибитки с обнаженными тесаками.

Пугачев сбирал милостыню, скованный с другим колодником. На улице Замочной Решетки стояла кибитка etc.

Полковник Чернышев был тот самый, о котором говорит Екатерина в своих записках. Он и брат его были любимцы Петра III, который сделал одного полковником и дал ему полк и второго подполковником. Екатерина пожаловала первого бригадиром и сделала петербургским комендантом, а брата его полковником и комендантом симбирским. Петербургский комендант в старости своей был в связи с Травиной — он целый день проводил в ее доме, сидя под окном: и к зоре отправлялся в крепость.

Белобородов был казнен в Москве прежде поимки Пугачева.

Генерал Потемкин имел связь с Устиньей, второй женою Пугачева.

Панин вырвал клок из бороды Пугачева — рассердясь на его смелость.

Кар был человек светский и слыл умником.

Дурнов лежал между трупами.

(Слышал от сенатора Баранова.) Державин, приближаясь к одному селу близ Малыковки с двумя казаками, узнал, что множество народу собралось и намерены идти к Пугачеву. Он приехал прямо к сборной избе и требовал от писаря Злобина (впоследствии богача) изъяснения, зачем собрался народ и по чьему приказанию. Начальники выступили и объявили, что идут соединиться с государем Петром Федоровичем — и начали было наступать на Державина. Он велел двух повесить, а народу велел принести плетей и всю деревню пересек. Сборище разбежалось. Державин уверил их, что за ним идут три полка.

Дмитриев уверял, что Державин повесил их из поэтического любопытства.

VI

ЗАПИСЬ СО СЛОВ Н. СВЕЧИНА

Немецкие указы Пугачева писаны были рукою Шванвича.

Отец его, Александр Мартынович, был майором и кронштадтским комендантом — после переведен в Новгород. Он был высокий и сильный мужчина. Им разрублен был Алексей Орлов в трактирной ссоре. Играя со Свечиным в ломбр, он имел привычку закуривать свою пенковую трубочку, а между тем заглядывать в карты. Женат был на немке. Сын его старший недавно умер.

Слышано от Н. Свечина.

ОБ «ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКОГО БУНТА»

(Разбор статьи, напечатанной в «Сыне отечества» в январе 1835 года)

Несколько дней после выхода из печати «Истории Пугачевского бунта» явился в «Сыне отечества» разбор этой книги. Я почел за долг прочитать его со вниманием, надеясь воспользоваться замечаниями неизвестного критика. В самом деле, он указал мне на *одну* ошибку и на *три* важные опечатки. Статья вообще показалась мне произведением человека, имеющего мало сведений о предмете, мною описанном. Я собирался при другом издании исправить замеченные погрешности, оправдаться в несправедливых обвинениях и принести изъявление искренней моей благодарности рецензенту, тем более, что его разбор написан со всевозможной умеренностию и благосклонностию.

Недавно в «Северной пчеле» сказано было, что сей разбор составлен покойным Броневским, автором «Истории Донского войска». Это заставило меня перечесть его критику и возразить на оную в моем журнале, тем более, что «История Пугачевского бунта», не имев в публике никакого успеха, вероятно, не будет иметь и нового издания.

В начале своей статьи критик, изъявляя сожаление о том, что «История Пугачевского бунта» писана вяло, холодно, сухо, а не пламенной кистию Байрона и проч.. признает, что эта книга «есть драгоценный материал и что будущему историку и без пособия не распечатанного еще дела о Пугачеве нетрудно будет исправить *некоторые поэтические вымыслы, незначащие недосмотры* и дать сему мертвому материалу жизнь новую и блистательную». За сим г. Броневский отмечает сии поэтические вымыслы

и недосмотры не «в суд и осуждение автору, а единственно для пользы наук, для его и общей пользы». Будем следовать за каждым шагом нашего рецензента.

Критика г. Броневского

«На сей-то реке (Яике),— говорит г. Пушкин,— в XV столетии явились донские казаки».

Выписанное в подтверждение сего факта из «Истории уральских казаков» г. Левшина (см. прим. 1, 3—8 стр.) долженствовало бы убедить автора, что донские казаки пришли на Яик в XVI, а не в XV столетии и именно около 1584 года.

Объяснение

Есть разница между *появлением* казаков на Яике и *поселением* их на сей реке. В русских летописях упоминается о казаках не прежде как в XVI столетии; но предание могло сохранить то, о чем умалчивала хроника. Наша летопись в первый раз о татарах упоминает в XIII столетии, но татаре существовали и прежде. Г-н Левшин неоспоримо доказал, что казаки поселились на Яике не прежде XVI столетия. К сему же времени должно отнести и существование полубаснословной Гугнихи. Г-н Левшин, опровергая Рычкова, спрашивает: как могла она (Гугниха) помнить происшествия, которые были *почти* за сто лет до ее рождения? Отвечаю: так же, как и мы помним происшествия времен императрицы Анны Иоанновны,— по преданию.

Критика г. Броневского

Вся первая глава, служащая введением к «Ист. Пуг. бун.», как краткая выписка из сочинения г. Левшина, не имела, как думаем, никакой нужды в огромном примечании к сей главе (26 стр. мелкой печати), которое составляет почти всю небольшую книжку г. Левшина. Книжка эта не есть древность или такая редкость, которой за деньги купить нельзя; посему почтенный автор мог и должен был ограничить себя одним указанием, откуда первая глава им заимствована.

Объяснение

Полное понятие о внутреннем управлении яицких казаков, об образе жизни их и проч. необходимо для совершенного объяснения Пугачевского бунта; и потому необходимо и *огромное* (т. е. пространное) примечание к 1-й главе моей книги. Я не видел никакой нужды пересказывать по-своему то, что было уже сказано как нельзя лучше г-м Левшиным, который, по своей благосклонной снисходительности, не только дозволил мне воспользоваться его трудом, но еще и доставил мне свою книжку, сделавшуюся довольно редкою.

Критика г. Броневского

«Известно,— говорит автор,— что в царствование Анны Иоанновны Игнатий Некрасов успел увлечь за собою множество донских казаков в Турцию». Стр. 16.

Некрасовцы бежали с Дона на Кубань в царствование Петра Великого, во время Булавинского бунта, в 1708 году. См. Историю Д. войска, Историю Петра Великого Берхмана и другие.

Объяснение

Что Булавин и Некрасов бунтовали в 1708 году, это неоспоримо. Неоспоримо и то, что в следующем сей последний оставил Дон и поселился на Кубани. Но из сего еще не следует, чтоб при императрице Анне Иоанновне не мог он с своими единомышленниками перейти на турецкие берега Дуная, где ныне находятся селения некрасовцев. В истории Петра I-го в последний раз об них упоминается в 1711 году, во время переговоров при Пруте. Некрасовцы поручены *покровительству крымского хана* (к великой досаде Петра I-го, требовавшего возвращения беглецов и наказания их предводителя). Положившись на показания рукописного «Исторического словаря», составленного учеными и трудолюбивыми издателями «Словаря о святых и угодниках», я поверил, что некрасовцы перешли с Кубани на Дунай во время походов графа Миниха, в то время, как запорожцы признали снова владычество русских государей.* *Но это показание несправед-*

* Изменник Орлик, сподвижник Мазепы, современник Некрасова, был тогда еще жив и приезжал из Бендер уговаривать старинных своих товарищей.

ливо: некрасовцы оставили Кубань гораздо позже, именно в 1775 году. Г-н Броневский (автор «Истории Донского войска») и сам не знал сих подробностей; но тем не менее благодарен я ему за дельное замечание, заставившее меня сделать новые успешные исследования.

Критика г. Броневского

«Атаман Ефремов был сменен, а на его место избран Семен *Силин.* Послано повеление в Черкасск сжечь дом Пугачева... Государыня не согласилась по просьбе начальства перенесть станицу на другое место, хотя бы и *менее выгодное:* она согласилась только переименовать Зимовейскую станицу Потемкинскою». Стр. 74.

В 1772 году войсковой атаман Степан Ефимов за недоставление отчетов об израсходованных суммах был арестован и посажен в крепость; вместо его пожалован из старшин в наказные атаманы Алексей Иловайский. Силин не был донским войсковым атаманом. Из Донской истории не видно, чтобы правительство приказало сжечь дом Пугачева; а видно только, что по прошению донского начальства Зимовейская станица перенесена *на выгоднейшее место* и названа Потемкинскою. См. «Историю Д. войска», стр. 88 и 124 части I.

Объяснение

В 1773 и 74 году войсковым атаманом Донского войска был *Семен Сулин* (а не Силин). Иловайский был избран уже на его место. У меня было в руках более пятнадцати указов на имя войскового атамана Семена Сулина и столько же докладов от войскового атамана Семена Сулина. В «Русском инвалиде», в нынешнем 1836 году, напечатано несколько донесений от полковника Платова к войсковому атаману Семену Никитичу Сулину во время осады Силистрии в 1773 году. Правда, что в «Истории Донского войска» (сочинении моего рецензента) не упомянуто о Семене Сулине. Это пропуск важный и, к сожалению, не единственный в его книге.

Г-н Броневский также несправедливо оспоривает мое показание, что послано было из Петербурга повеление сжечь дом и имущество Пугачева, ссылаясь опять на свою «Историю Донского войска», где о сем обстоятельстве опять не упомянуто. Указ о том, писанный на имя атама-

на Сулина, состоялся 1774 года января 10 (NB казнь Пугачева совершилась ровно через год, 1775 года 10 января). Вот собственные слова указа:

«Двор Ем. Пугачева, в каком бы он худом или лучшем состоянии ни находился, и хотя бы состоял он в развалившихся токмо хижинах, имеет Донское войско, при присланном от обер-коменданта крепости св. Димитрия штаб-офицере, собрав священный той станицы чин, старейшин и прочих оной жителей, при всех их сжечь и на том месте через палача или профоса пепел развеять; потом это место огородить надолбами или рвом окопать, оставя на вечные времена без поселения, как оскверненное жительством на нем все казни лютые и истязания делами своими превосшедшего злодея, которого имя останется мерзостию навеки, а особливо для донского общества, яко оскорбленного ношением тем злодеем казацкого на себе имени,— хотя отнюдь таким богомерзким чудовищем ни слава войска Донского, ни усердие оного, ни ревность к нам и отечеству помрачаться и ни малейшего нарекания претерпеть не может».

Я имел в руках и донесение Сулина о точном исполнении указа (иначе и быть не могло). В сем-то донесении Сулин от имени жителей Зимовейской станицы просит о дозволении перенести их жилища с земли, оскверненной пребыванием злодея, на другое место, *хотя бы и менее удобное.* Ответа я не нашел; но по всем новейшим картам видно, что Потемкинская станица стоит на том самом месте, где на старинных означена Зимовейская. Из сего я вывел заключение, что государыня не согласилась на столь убыточное доказательство усердия и только переименовала Зимовейскую станицу в Потемкинскую.

Критика г. Броневского

Автор не сличил показания жены Пугачева с его собственным показанием; явно, что свидетельство жены не могло быть верно: она, конечно, не могла знать всего и, конечно, не всё высказала, что знала. Собственное же признание Пугачева, что он скрывался в Польше, должно предпочесть показанию станичного атамана Трофима Фомина, в котором сказано, что будто бы Пугачев, отлучаясь из дому в разное время, кормился *милостинею!!* и в 1771 был на Куме.— Но Пугачев в начале 1772 года

явился на Яик с польским фальшивым паспортом, которого он на Куме достать не мог.

На Дону по преданию известно, что Пугачев до Семилетней войны промышлял, по обычаю предков, на Волге, на Куме и около Кизляра; после первой Турецкой войны скрывался между польскими и глуховскими раскольниками. Словом, в мирное время иногда приходил в дом свой на короткое время; а постоянно занимался воровством и разбоем в окрестностях Донской земли, около Данкова, Таганрога и Острожска.

Объяснение

Показания мои извлечены из официальных, неоспоримых документов. Рецензент мой, укоряя меня в несообразностях, не показывает, в чем оные состоят. Из показаний жены Пугачева, станичного атамана Фомина и, наконец, самого самозванца, в *конце* (а не в начале) 1772 года приведенного в Малыковскую канцелярию, видно, что он в 1771 году отпущен из армии на Дон, по причине болезни; что в конце того же года, уличенный в возмутительных речах, он успел убежать и, тайно возвратясь домой в начале 1772 года, был схвачен и бежал опять. Здесь прекращаются сведения, собранные правительством на Дону. Сам Пугачев показал, что весь 1772 год скитался он за польской границею и пришел оттуда на Яик, кормясь милостынею (о чем Фомин не упоминает ни слова). Г-н Броневский, выписывая сие последнее показание, подчеркивает слово *милостыня* и ставит несколько знаков удивления (!!); но что ж удивительного в том, что нищий бродяга питается милостынею? Г-н Броневский, не взяв на себя труда сличить мои показания с документами, приложенными к «Истории Пугачевского бунта», кажется, не читал и манифеста о *преступлениях казака Пугачева,* в котором именно сказано, что он *кормился от подаяния.* (См. манифест от 19 декабря 1774 года, в «Приложении к Истории Пугачевского бунта»).

Г-н Броневский, опровергая свидетельство жены Пугачева, показания станичного атамана Фомина и официально обнародованное известие, пишет, что *Пугачев в начале 1772 года* явился на Яике *с польским фальшивым паспортом, которого он на Куме достать не мог.* Пугачев в *начале* 1772 года был на Кубани и на Дону; он явился на Яик в *конце* того же года не с польским *фальшивым* паспор-

том, но с русским, данным ему от начальства, им обманутого, с Добрянского форпоста. Предание, слышанное г. Броневским, будто бы Пугачев, *по обычаю предков* (!), промышлял разбоями на Волге, на Куме и около Кизляра, ни на чем не основано и опровергнуто официальными, достовернейшими документами. Пугачев был *подозреваем* в воровстве (см. показание Фомина); но до самого возмущения яицкого войска *ни в каких разбоях не бывал.*

Г-н Броневский, оспоривая достоверность неоспоримых документов, имел, кажется, в виду оправдать собственные свои показания, помещенные им в «Истории Донского войска». Там сказано, что природа одарила Пугачева *чрезвычайной живостию* и *с неустрашимым мужеством дала ему и силу телесную и твердость душевную;* но что, *к несчастию, ему недоставало самой лучшей и нужнейшей прикрасы — добродетели;* что отец его был убит в 1738; что двенадцатилетний Пугачев, *гордясь своим одиночеством, своею свободою, с дерзостию и самонадеянием вызывал детей равных с ним лет на бой, нападал храбро, бил их всегда;* что в одной из таких забав убил он предводителя противной стороны; что по пятнадцатому году *он уже не терпел никакой власти;* что на двадцатом году *ему стало тесно и душно на родной земле;* что честолюбие мучило его; что вследствие того он сел однажды на коня и *пустился искать приключений в чистое поле;* что он поехал на восток, *достигнул Волги и увидел большую дорогу;* что, встретив четырех удальцов, начал он с ними грабить и разбойничать; что, *вероятно,* он занимался разбоями только во время мира, а во время войны служил в казачьих полках; что генерал Тотлебен, во время Прусской войны, увидев однажды Пугачева, сказал окружавшим его чиновникам: *«Чем более смотрю на сего казака, тем более поражаюсь сходством его с великим князем»,* и проч. и проч. (См. «Историю Донского войска», ч. II, гл. XI). Всё это ни на чем не основано и заимствовано г. Броневским из пустого немецкого романа «Ложный Петр III», не заслуживающего никакого внимания. Г-н Броневский, укоряющий меня в каких-то *поэтических вымыслах,* сам поступил неосмотрительно, повторив в своей «Истории» вымыслы столь нелепые.

Критика г. Броневского

«Шигаев, думая заслужить себе прощение, задержал Пугачева и Хлопушу и послал к оренбургскому губернатору сотника Логинова с предложением о выдаче самозванца». Но в поставленном тут же под № 12 примечании автор говорит, что сие показание Рычкова невероятно: ибо Пугачев и Шигаев, после бегства их из-под Оренбурга, продолжали действовать заодно.

Если показание Рычкова невероятно, то в текст и не должно было его ставить; если же Шигаев только в крайнем случае в самом деле думал предать Пугачева, то это обстоятельство не мешало продолжать действовать заодно с Пугачевым: ибо беда еще не наступила. Историку, конечно, показалось трудным сличать противоречивые показания и выводить из них следствия; но это его обязанность, а не читателей.

Объяснение

Выписываю точные слова текста и примечание на оный:

«После сражения под Татищевой Пугачев с 60 казаками пробился сквозь неприятельское войско и прискакал сам-пят в Бердскую слободу с известием о своем поражении. Бунтовщики начали выбираться из Берды кто верхом, кто на санях. На воза громоздили заграбленное имущество. Женщины и дети шли пешие. Пугачев велел разбить бочки вина, стоявшие у его избы, опасаясь пьянства и смятения. Вино хлынуло по улице. Между тем Шигаев, видя, что всё пропало, думал заслужить себе прощение и, задержав Пугачева и Хлопушу, послал от себя к оренбургскому губернатору с предложением о выдаче ему самозванца, и прося дать ему сигнал двумя пушечными выстрелами.

Примечание. Рычков пишет, что Шигаев велел связать Пугачева. Показание невероятное. Увидим, что Пугачев и Шигаев действовали заодно несколько времени после бегства их из-под Оренбурга».

Шигаев, человек лукавый и смышленый, мог под каким ни есть предлогом *задержать* нехитрого самозванца; но не думаю, чтоб он его *связал:* Пугачев этого ему бы не простил.

Критика г. Броневского

Стр. 97. «Уфа была освобождена. Михельсон, нигде не останавливаясь, пошел на Тибинск, куда после Чесноковского дела прискакали Ульянов и Чика. Там они были схвачены *казаками* и выданы победителю, который отослал их скованных в Уфу». В примечании же 16-м (стр. 51), принадлежащем к сей V главе, сказано совсем другое, именно: «По своем разбитии, Чика с Ульяновым остановились ночевать в Богоявленском медноплавильном заводе. Приказчик угостил их и, напоив допьяна, ночью связал и представил в *Тобольск.* Михельсон подарил 500 руб. приказчиковой жене, подавшей совет напоить беглецов».

Место действия находилось в окрестностях Уфы, а посему приказчик не имел нужды отсылать преступников в Тобольск, находящийся от Уфы в 1145 верстах.

Объяснение

Если бы г. Броневский потрудился взглянуть на текст, то он тотчас исправил бы опечатку, находящуюся в примечании. В тексте сказано, что Ульянов и Чика были выданы Михельсону в *Табинске* (а не в *Тобольске,* который слишком далеко отстоит от Уфы, и не в *Тибинске,* который не существует).

Критика г. Броневского

«Солдатам начали выдавать в сутки только по четыре фунта муки, т. е. десятую часть меры обыкновенной». Стр. 100.

Солдат получает в сутки два фунта муки, или по три фунта печеного хлеба. По означенной выше мере выйдет, что солдаты во время осады получали двойную порцию, или что весь гарнизон состоял из 20 только человек. Тут что-нибудь да не так.

Объяснение

Очевидная опечатка: вместо *четыре фунта* должно читать *четверть фунта,* что и составит около *десятой части* меры обыкновенной, т. е. двух фунтов печеного хлеба. Смотри статью «Об осаде Яицкой крепости», откуда заимствовано сие показание. Вот собственные слова неизвестного повествователя: «Солдатам стали выдавать в сутки только по четверти фунта муки, что составляет десятую часть обыкновенной порции».

Критика г. Броневского

В примечании 18, стр. 52, сказано, что оборона Яицкой крепости составлена по статье, напечатанной в «Отечественных записках», и по журналу коменданта полковника Симонова. Как автор принял уже за правило помещать вполне все акты, из которых он что-либо заимствовал, то журнал Симонова, нигде до сего не напечатанный, заслуживал быть помещенным в примечаниях также вполне, как Рычкова — об осаде Оренбурга, и архимандрита Платона — о сожжении Казани.

Объяснение

Я не мог поместить *все* акты, из коих заимствовал свои сведения. Это составило бы более десяти томов: я должен был ограничиться любопытнейшими.

Критика г. Броневского

Стр. 129. «Михельсон, оставя Пугачева вправе, пошел прямо на Казань и 11 июля вечером был уже в 15 верстах от нее.— Ночью отряд его тронулся с места. Поутру, в 45 верстах от Казани, услышал пушечную пальбу!..» Маленький недосмотр!

Объяснение

Важный недосмотр: вместо *в 15 верстах* должно читать: *в пятидесяти.*

Критика г. Броневского

«Пугачев отдыхал сутки в Сарепте, оттуда пустился вниз к Черному Яру. Михельсон шел по его пятам. Наконец, 25 августа на рассвете он настигнул Пугачева в *ста пяти* верстах от Царицына. Здесь Пугачев, разбитый в последний раз, бежал, и в семидесяти верстах от места сражения переплыл Волгу *выше* Черноярска». Стр. 155—156.

Из сего описания видно, что Пугачев переплыл Волгу в 175 верстах *ниже* Царицына; а как между сим городом и Чернояром считается только 155 верст, то из сего выходит, что он переправился через Волгу *ниже* Чернояра в 20 верстах.— По другим известиям, Пугачеву нанесен последний удар под самым Царицыном,

откуда он бежал по дороге к Черняру, и в сорока верстах от Царицына переправился через Волгу, то есть верстах в десяти ниже Сарепты.

Объяснение

Выписываю точные слова текста:

«Пугачев стоял на высоте, между двумя дорогами. Михельсон *ночью обошел его* и стал противу мятежников. Утром Пугачев опять увидел перед собою своего грозного гонителя; но не смутился, а смело пошел на Михельсона, отрядив свою пешую сволочь противу донских и чугуевских казаков, стоящих по обоим крылам отряда. Сражение продолжалось недолго. Несколько пушечных выстрелов расстроили мятежников. Михельсон на них ударил. Они бежали, брося пушки и весь обоз. Пугачев, переправясь через мост, напрасно старался их удержать; он бежал вместе с ними. Их били и преследовали сорок верст. Пугачев потерял до четырех тысяч убитыми и до семи тысяч взятыми в плен. Остальные рассеялись. Пугачев в семидесяти верстах от места сражения переплыл Волгу выше Черноярска на четырех лодках и ушел на луговую сторону, не более как с тридцатью казаками. Преследовавшая его конница опоздала четвертью часа. Беглецы, не успевшие переправиться на лодках, бросились вплавь и перетонули».

Рецензент пропустил без внимания главное обстоятельство, поясняющее действие Михельсона, который *ночью обошел* Пугачева, и, следственно, разбив его, погнал *не вниз, а вверх* по Волге, к Царицыну. Таким образом мнимая нелепость моего рассказа исчезает. Не понимаю, каким образом военный человек и военный писатель (ибо г. Броневский писал военные книги) мог сделать столь опрометчивую критику на место столь ясное само по себе!

Критика г. Броневского

К VI главе 6 примечания недостает. См. 123 и 55 стр.

На карте не означено многих мест и даже городов и крепостей. Это чрезвычайно затрудняет читателя.

Объяснение

Цифр, означающий ссылку на замечание, есть опечатка.

Карта далеко не полна; но оная была необходима, и я не имел возможности составить другую, более совершенную.

Г-н Броневский заключает свою статью следующими словами:

«Сии немногие недостатки нимало не уменьшают внутреннего достоинства книги, и если бы нашлось и еще несколько ошибок, книга, по содержанию своему, всегда останется достойною внимания публики».

Если бы все замечания моего критика были справедливы, то вряд ли книга моя была бы достойна внимания публики, которая вправе требовать от историка если не таланта, то добросовестности в трудах и осмотрительности в показаниях. Знаю, что оправдываться опечатками легко; но, надеюсь, читатели согласятся, что *Тобольск* вместо *Табинск; в пятнадцати верстах* вместо *в пятидесяти верстах* и наконец *четыре фунта* вместо *четверти фунта* более походят на опечатки, нежели следующие errata, которые где-то мы видели: *митрополит* — читай: *простой священник, духовник царский; зала в тридцать сажен вышины* — читай: *зала в пятнадцать аршин вышины; Петр I из Вены отправился в Венецию* — читай: *Петр I из Вены поспешно возвратился в Москву.*

Рецензенту, наскоро набрасывающему беглые замечания на книгу, бегло прочитанную, очень извинительно ошибаться; но автору, посвятившему два года на составление ста шестидесяти осьми страничек, таковое небрежение и легкомыслие были бы непростительны. Я должен был поступать тем с большею осмотрительностию, что в изложении военных действий (предмете для меня совершенно новом) не имел я тут никакого руководства, кроме донесений частных начальников, показаний казаков, беглых крестьян, и тому подобного,— показаний, часто друг другу противоречащих, преувеличенных, иногда совершенно ложных. Я прочел со вниманием всё, что было напечатано о Пугачеве, и сверх того 18 толстых томов in folio разных рукописей, указов, донесений и проч. Я посетил

места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикою.

Сказано было, что «История Пугачевского бунта» не открыла ничего нового, неизвестного. Но вся эта эпоха была худо известна. Военная часть оной никем не была обработана; многое даже могло быть обнародовано только с высочайшего соизволения. Взглянув на «Приложения к Истории Пугачевского бунта», составляющие весь второй том, всякий легко удостоверится во множестве важных исторических документов, в первый раз обнародованных. Стоит упомянуть о собственноручных указах Екатерины II, о нескольких ее письмах, о любопытной летописи нашего славного академика Рычкова, коего труды ознаменованы истинной ученостию и добросовестностию — достоинствами столь редкими в наше время, о множестве писем знаменитых особ, окружавших Екатерину: Панина, Румянцова, Бибикова, Державина и других... Признаюсь, я полагал себя вправе ожидать от публики благосклонного приема, конечно, не за самую «Историю Пугачевского бунта», но за исторические сокровища, к ней приложенные. Сказано было, что историческая достоверность моего труда поколебалась от разбора г. Броневского. Вот доказательство, какое влияние имеет у нас критика, как бы поверхностна и неосновательна она ни была!

Теперь обращаюсь к г. Броневскому уже не как к рецензенту, но как к историку.

В своей «Истории Донского войска» он поместил краткое известие о Пугачевском бунте. Источниками служили ему: вышеупомянутый роман «Ложный Петр III», «Жизнь А. И. Бибикова» и наконец предания, слышанные им на Дону. О романе мы уже сказали наше мнение. «Записки о жизни и службе А. И. Бибикова» по всем отношениям очень замечательная книга, а в некоторых и авторитет. Что касается до преданий, то если оные с одной стороны драгоценны и незаменимы, то с другой, я по опыту знаю, сколь много требуют они строгой поверки и осмотрительности. Г-н Броневский не умел ими пользоваться. Предания, собранные им, не дают его рассказу печати живой современности, а показания, на них основанные, сбивчивы, темны, а иногда и совершенно ложны.

Укажем и мы на *некоторые вымыслы* (к сожалению,

не поэтические), на некоторые *недосмотры* и явные несообразности.

Приводя вышеупомянутый анекдот о Тотлебене, будто бы заметившем сходство между Петром III и Пугачевым, г. Броневский пишет: «Если анекдот сей справедлив, то можно согласиться, что слова сии, просто сказанные, хотя в то время не сделали на ум Пугачева большого впечатления, но впоследствии могли подать ему мысль называться императором». А через несколько страниц г. Броневский пишет: «Пугачев принял предложение яицкого казака Ивана Чики, более его дерзновенного, называться Петром III».— Противоречие!

Анекдот о Тотлебене есть вздорная выдумка. Историку не следовало о нем и упоминать и того менее — выводить из него какое бы то ни было заключение. Государь Петр III был дороден, белокур, имел голубые глаза; самозванец был смугл, сухощав, малоросл; словом, ни в одной черте не сходствовал с государем.

Стр. 98. «12 генваря 1773 раскольники (в Яицком городке) взбунтовались и убили как генерала (Траубенберга), так и своего атамана».

Не в 1773, но в 1771. См. Левшина, Рычкова, Ист. Пугач. бунта, и пр.

Стр. 102. «Полковник Чернышев прибыл на освобождение Оренбурга и 29 апреля 1774 года сражался с мятежниками; губернатор не подал ему никакой помощи» и проч.

Не 29 апреля 1774 г., а 13 ноября 1773; в апреле 1774 года разбитый Пугачев скитался в Уральских горах, собирая новую шайку.

Г-н Броневский, описав прибытие Бибикова в Казань, пишет, что в то время (в январе 1774) *самозванец в Самаре и Пензе был принят народом с хлебом и солью*.

Самозванец в январе 1774 года находился под Оренбургом и разъезжал по окрестностям оного. *В Самаре он никогда не бывал, а Пензу взял уже после сожжения Казани,* во время своего страшного бегства, за несколько дней до своей собственной погибели.

Описывая первые действия генерала Бибикова и медленное движение войск, идущих на поражение самозванца к Оренбургу, г. Броневский пишет: «Пугачев, умея грабить и резать, не умел воспользоваться сим выгодным для него положением. Поверив распущенным нарочно слухам,

что будто от Астрахани идет для нападения на него несколько гусарских полков с донскими казаками, он долго простоял на месте, потом обратился к низовью Волги и чрез то упустил время, чтобы стать на угрожаемом нападением месте».

Показание ложное. Пугачев всё стоял под Оренбургом и не думал обращаться *к низовью Волги.*

Г-н Броневский пишет: «Новый главноначальствующий граф Панин не нашел *на месте* (на каком месте?) всех нужных средств, чтобы утишить пожар мгновенно и не допустить распространения оного за Волгою».

Граф П. И. Панин назначен главноначальствующим, когда уже Пугачев переправился через Волгу и когда пожар уже распространился от Нижнего-Новагорода до Астрахани. Граф прибыл из Москвы в Керенск, когда уже Пугачев разбит был окончательно полковником Михельсоном.

Умалчиваю о нескольких незначащих ошибках, но не могу не заметить важных пропусков. Г-н Броневский не говорит ничего о генерал-майоре Каре, игравшем столь замечательную и решительную роль в ту несчастную эпоху. Не сказывает, кто был назначен главноначальствующим по смерти А. И. Бибикова. Действия Михельсона в Уральских горах, его быстрое, неутомимое преследование мятежников оставлены без внимания. Ни слова не сказано о Державине, ни слова о Всеволожском. Осада Яицкого городка описана в трех следующих строках: «Он (Мансуров) освободил Яицкий городок от осады и избавил жителей от голодной смерти: ибо они уже употребляли в пищу землю».

Политические и нравоучительные размышления,* ко-

---

* Например: «Нравственный мир, так же как и физический, имеет свои феномены, способные устрашить всякого любопытного, дерзающего рассматривать оные. Если верить философам, что человек состоит из двух стихий: добра и зла, то Емелька Пугачев бесспорно принадлежал к редким явлениям, к извергам, вне законов природы рожденным; ибо в естестве его не было и малейшей искры добра, того благого начала, той духовной части, которые разумное творение от бессмысленного животного отличают. История сего злодея может изумить порочного и вселить отвращение даже в самых разбойниках и убийцах. Она вместе с тем доказывает, как низко может падать человек и какою адскою злобою может быть преисполнено его сердце. Если бы деяния Пугачева подвержены были малейшему сомнению, я с радостию вырвал бы страницу сию из труда моего».

ими г. Броневский украсил свое повествование, слабы и пошлы и не вознаграждают читателей за недостаток фактов, точных известий и ясного изложения происшествий.

Я не имел случая изучать историю Дона и потому не могу судить о степени достоинства книги г. Броневского; прочитав ее, я не нашел ничего нового, мне не известного; заметил некоторые ошибки, а в описании эпохи мне знакомой — непростительную опрометчивость. Кажется, г. Броневский не имел ни средств, ни времени совершить истинно исторический памятник. «Тяжкая болезнь,— говорит он в начале „Истории Донского войска",—принудила меня отправиться на Кавказ. Первый курс лечения пятигорскими минеральными водами хотя не оказал большого действия, но, по совету медиков, я решился взять другой курс. Ехать в Петербург и к весне назад возвращаться было слишком далеко и убыточно; оставаться на зиму в горах слишком холодно и скучно; итак, 15 сентября 1831 года отправился я в Новочеркасск, где родной мой брат жил по службе с своим семейством. Осьмимесячное мое пребывание в городе Донского войска доставило мне случай познакомиться со многими почтенными особами Донского края» и проч. «Впоследствии уверившись, что в словесности нашей недостает истории Донского войска, имея досуг и добрую волю, я решился пополнить этот недостаток» и проч.

Читатели г. Броневского могли, конечно, удивиться, увидя вместо статистических и хронологических исследований о казаках подробный отчет о лечении автора; но кто не знает, что для больного человека здоровье его не в пример занимательнее и любопытнее всевозможных исторических изысканий и предположений! Из добродушных показаний г. Броневского видно, что он в своих исторических занятиях искал только невинного развлечения. Это лучшее оправдание недостаткам его книги.

ЗАПИСКИ БРИГАДИРА МОРО де БРАЗЕ,

КАСАЮЩИЕСЯ ДО ТУРЕЦКОГО ПОХОДА 1711 ГОДА

В числе иноземцев, писавших о России, Моро де Бразе заслуживает особенное внимание. Он принадлежал к толпе тех наемных храбрецов, которыми Европа была наводнена еще в начале XVIII столетия и которых Вальтер Скотт так гениально изобразил в лице своего капитана Dalgetty.

Моро был родом французский дворянин. Вследствие какой-то ссоры принужден он был оставить полк, в котором служил офицером, и искать фортуны в чужих государствах. В начале 1711 года, услыша о выгодах, доставляемых Петром I иностранным офицерам, приехал он в Россию и принят был в службу полковником. Он был свидетелем несчастному походу в Молдавию и после Прутского мира был отставлен от службы с чином бригадира. Он скитался потом по Европе, предлагал свои услуги то Австрии, то Саксонии, то Венецианской республике, получал отзывы и вспоможения; сидел в тюрьме и проч.

Он был женат на вдове, женщине хорошей дворянской фамилии, и которая для него переменила свое вероисповедание. Она, как кажется, была то, что французы называют une aventurière. В 1714 году г-жа Моро де Бразе была при дворе государыни великой княгини, супруги несчастного царевича, но не ужилась с молодым графом Левенвольдом и была выслана из Петербурга.

В 1735 году Моро издал свои записки под заглавием: Mémoires politiques, amusants et satiriques de messire J. N. D. B. C. de Lion, colonel du régiment de dragons Casanski et brigadier des armées de Sa M. Czarienne à Veritopolis chez Jean Disant-vrai. 3 volumes. В сих записках слишком часто принужден он оправдывать то себя, то свою жену. Они не имеют ни прелести Гамильтона, ни

оригинальности Казановы; слог их столь же тяжел, как и неправилен. Впрочем, Моро писал свои сочинения с небрежной уверенностию дворянина, а смотрел на их успех с философией человека, знающего цену славе и деньгам. «Qui que vous soyez, ami lecteur, — говорит он в своем предисловии, — quelque élevé que soit votre génie, quelques supérieures que soient vos lumières, quelque délicate enfin que soit votre manière de parler et d'écrire, je ne vous demande point de grâce et vous pouvez vous égayer en critiquant ces amusements, que je laisse à la censure publique; mais en vous donnant carrière à mes dépens et aux vôtres, car il vous en coûtera votre argent pour lire mes ouvrages, souvenez-vous qu'un galant homme qui se trouve au fond du nord, avec des gens la plupart barbares dont il n'entend pas la langue, serait bien à plaindre, s'il ne savait pas se servir d'une plume pour se désennuyer en écrivant tout ce qui se passe sous ses yeux. Vous savez qu'il n'est pas donné à tout le monde de penser et d'écrire finement. Sur ce pied vous m'excuserez, s'il vous plaît, s'entend, par la raison qu'il y aurait bien des gens desoeuvrés et inutiles, s'il n'y avait que ceux qui pensent et qui écrivent dans le goût raffiné qui s'en mêlassent; vous y perdriez les nouvelles de ces pays perdus, que je vous donne, où les bonnes plumes ne sont pas familières. Adieu, lecteur mon ami, critiquez; plus il y aura de censeurs, mieux mon libraire s'en trouvera. Ce sera une marque qu'il débitera mon livre et qu'il retirera les fruits de son travail.

Sunt sanis omnia sana».

Записки Моро перемешаны с разными стихотворениями, иногда чрезвычайно вольными, большею частию собранными им, ибо он, вероятно по своей драгунской привычке, располагал иногда чужою литературной собственностию, как неприятельскою.

Впрочем, он и сам написал множество стихов. Выпишем несколько строф из его оды к королю Августу, как образец его поэтического таланта.

En quittant le Brabant j'épousai la querelle
Du Czar votre allié, je crus le bien servir,
J'ai même cru longtemps pouvoir lui convenir.
Et quoiqu'il agréât mon zèle,
Je fus contraint de revenir.

*

Le sang que j'ai versé, les pertes que j'ai faites
D'un équipage entier que je n'ai point gagné,
Qui fut par le Turban dans le combat pillé,
Furent les tristes interprètes
Qui m'annoncèrent mon congé.

*

Renvoyè sans argent du fond de la Russie,
Étranger, sans patron et toujours malheureux,
Je cherche le secours d'un prince généreux
A qui je viens offrir ma vie
Egalement comme mes vœux.

*

Ne croyez pas, grand Roi, qu'ardent en espérance,
J'ose vous demander plus que mon entretien,
Dans mon état présent, que je ne me sais rien,
Un peu d'honneur pour ma naissance,
Un peu de bien pour mon soutien.

Эти стихи доказывают, что финансы отставного бригадира находились не в цветущем состоянии. Впрочем, Август велел выдать ему триста гульденов, и Моро был очень доволен; должно признаться, что ода и того не стоила.

Рассказ Моро де Бразе о походе 1711 года, лучшее место изо всей книги, отличается умом и веселостию беззаботного бродяги; он заключает в себе множество любопытных подробностей и неожиданных откровений, которые можно подметить только в пристрастных и вместе искренних сказаниях современника и свидетеля.

Renvoyé sans argent du fond de la Russie,

Моро не любит русских и недоволен Петром; тем замечательнее свидетельства, которые вырываются у него поневоле. С какой простодушной досадою жалуется он на Петра, предпочитающего своих полудиких подданных храбрым и образованным иноземцам! Как живо описан Петр во время сражения при Пруте! С какой забавной ветренностию говорит Моро о наших гренадерах, qui, quoique Russes, c'est à dire peu pitoyables, voulaient monter à cheval pour secourir ces braves Hongrois,*

* Тринадцать венгерцев, кинувшихся в средину турецкой конницы.

на что чувствительные немцы, их начальники, не хотели, однако, согласиться. Мы не хотели скрыть или ослабить и порицания и вольные суждения нашего автора, будучи уверены, что таковые нападения не могут повредить ни славе Петра Великого, ни чести русского народа. Предлагаем «Записки бригадира Моро» как важный исторический документ, который не должно смешивать с нелепыми повествованиями иностранцев о нашем отечестве.

Начинаю с замечательнейшего и самого блестящего из событий, коим был я свидетель в этой глухой стороне: именно с войны, объявленной султаном Петру Алексеевичу, императору Великой и Малой России. Но дабы представить ее в истинном виде, мне должно будет описать предшествовавшие обстоятельства. Позвольте мне * обратиться к тому времени, как шведский король Карл XII, восторжествовав над Фридериком-Августом (королем Польским и курфирстом Саксонским) и над его царским величеством,** бросился в Саксонию, возвел на польский престол Станислава и принудил Августа отказаться от короны с сохранением единого королевского титула. В это время шведский король мог заключить честный и выгодный мир, предлагаемый ему царем. Положение его было самое счастливое: у него было до 40 000 прекрасного войска, обыкшего к боям и целые десять лет избалованного победами; у войска всего было вдоволь: оно обогатилось в Саксонии, не без обиды и притеснений обывателям. Главная цель шведского короля была им достигнута. Фридерик-Август был низвержен. Он мог отделаться от прочих своих неприятелей миром, которого они сами домогались. Вспомним, что Карл XII был главным посредником при заключении Ризвицкого мира. Он мог обезоружить Европу, воюющую за испанское наследство, если бы только объявил себя противником стороне, не согласной на общий мир. Даже было о том и предположение, устроенное г-ном де Бонаком, французским чрезвычайным послом при его дворе; но герцог Марлбруг отвра-

---

* Моро де Бразе относится в своих записках к неизвестной даме.

** Должно было прибавить: и над датским королем Фридериком IV, который начал Северную войну и первый почувствовал когти шведского льва.

тил удар, прибыв в Саксонию и успев задарить г-на Пипера английским и голландским золотом.* Сей министр из благодарности разрушил меры, уже принятые для утверждения общего мира, и завлек Карла XII в преследование Петра в пределы областей его царского величества. Роковое предприятие, дорого ему стоившее!

Шведский король вышел из Саксонии со всеми своими полками. Он оставил в Польше для поддержания Станислава, им коронованного, 20 000 войска (в том числе 9000 новоприбывшего из Швеции) под начальством генерала графа Крассау; а сам пошел к Днепру, переправился через него, несмотря на все препятствия, и приблизился к самой Полтаве, где его царское величество остановился и укреплялся, предав огню и разорению собственную землю, дабы отнять у неприятеля способы к пропитанию.

Вся Европа видела конец несчастного похода и падение короля, дотоле непобедимого. Войско его было уничтожено или захвачено в плен. Его совет, чиновники, за ним последовавшие, имели ту же участь; сам король, дабы не попасться в руки своим врагам, пробился с тремястами конных в турецкую землю, за Днестр, в соседство буджацких татар, и искал убежища в Бендерах.

Это удивительное поражение изменило все его дела не только в Польше, но и в собственном его государстве. Крассау, получив о том известие и не будучи в состоянии держаться долее в Польше, поспешно удалился в Померанию. Станислав за ним последовал, страшась попасться в руки приверженцам Августовым.

Польский король обнародовал манифест, в котором отказывался от мира, им заключенного с Карлом XII, объявляя, что принужден был на оный согласиться, дабы избавить свои наследственные области от насилия шведских войск, разорявших Саксонию, и что министры, им употребленные для переговоров, не кстати обязали его и преступили его предписания. Потом явился он в Польше, и, поддерживаемый великим гетманом Синявским, имея в своей власти коронное войско и множество приверженцев,

* Так вообще думали в Европе. Вольтер с этим не согласен: Il est certain que Charles était inflexible dans le dessein d'aller détrôner l'empereur des Russes, qu'il ne recevait alors conseil de personne et qu'il n'avait pas besoin des avis du comte Piper pour prendre de Pierre Alexiowitz une vengeance qu'il cherchait depuis si longtemps. *Histoire de Charles XII.*

он снова вступил на престол и по-прежнему признан законным королем.

С другой стороны, король датский, видя, что Карл в Турции, а что войско его уничтожено, и полагая, что ему легко будет завоевать Сканию * и далее вступить в Швецию, обратил туда свои войска. Генералы его вторгнулись в сию соседственную область, предмет всегдашней его зависти. Но шведы, большею частию кое-как и кой-где набранные люди, разбили их наголову. Датское войско бежало, подрезав жилы ног у лошадей, дабы не могли они служить неприятелю, и бросив казну, обоз и артиллерию.

Его царское величество, пользуясь разбитием неприятеля, двинул поспешно полки свои в Лифляндию. Между тем короли датский и польский должны были в одно время войти в Померанию, дабы произвести диверсию и облегчить царю завоевание провинции, которой он давно добивался и от которой он уже успел *отлупить* ** Нарву, дабы защитить Петербург — новый укрепленный городок, выстроенный им на реке *Нерве* (Nerva) в начале войны.

Сего не довольно; новое бедствие поразило Швецию, где в отсутствие короля учрежден был Совет из лучших и благоразумнейших голов всего государства: явилась чума в Стокгольме, в Скании, в Померании и во всей Лифляндии, где свирепствовала во всей своей силе. В сие-то время его царское величество вознамерился овладеть Лифляндией и начал свои завоевания осадою Риги. Город принужден был к сдаче более чумою, нежели силою оружия и бомбами, которые без сего божьего наказания не принесли бы царю великой пользы.

Около сего времени прибыл я в Ригу проситься в службу к его царскому величеству, твердо решившись скорее умереть с голоду, нежели воевать противу отечества моего и вредить его пользе.

Царь после взятия Риги поручил князю Меншикову взять Ревель и Пернау, города укрепленные, имеющие гавани на Балтийском море.

Князь Меншиков завоевал их тем же средством, каким взята была Рига: чума предала их в его руки и увенчала его лаврами, меж тем как осыпáла кипарисом несчастную Лифляндию, Курляндию, Литву и Пруссию.

---

* Шоны.

** Dont il avait déjà écorné Narva.

После Ревеля и Пернау князь Меншиков, не нашед Выборга достойным своего личного присутствия, отрядил к оному генерал-лейтенанта Брекольса (Brecols) * с достаточным числом войска, а сам отправился в Петербург отдать во всем отчет его царскому величеству.** Он принят был как победитель; его пожаловали губернатором Лифляндии (он уже был герцогом Ингерманландским).

Порта испугалась быстроте сих завоеваний. Султан и его сановники предвидели, что сосед их, если усилится, то нанесет им со временем большие огорчения. Завоевание Азова *** лежало у них на сердце, тем более, что царь в укреплении оного сделал значительные улучшения и содержал в нем морское войско, притесняя тем турецкую торговлю на Черном море, если уж не вовсе ее уничтожая. Сверх того для защиты Азова и окрестностей оного Петр выстроил новые крепости. Всё это при помощи происков шведского короля понудило Порту объявить войну его царскому величеству. Царь получил о том известие по прибытии князя Меншикова и по распределении войск по квартирам после столь многотрудной кампании. Он стал не на шутку заботиться о приготовлениях к будущему походу, дабы предупредить, буде возможно, опасного неприятеля, который на него навязывался.

Генерал-лейтенант Беркгольц взял Выборг, но не без потери и не без труда. Царь, однако ж, в знак благоволения, прислал ему свой портрет, осыпанный алмазами, и повелел войска, осаждавшие Выборг, Ревель и Пернов (кроме конницы), распределить по сим городам. Всей же коннице, кроме нескольких драгун, приказано идти в Верхнюю Польшу и в Польскую Россию (dans la Haute Pologne et dans la Russie Polonaise), где легче было ее продовольствовать, нежели в Лифляндии, коей все почти селения опустошены были чумою.****

Около ноября месяца курьер от князя Меншикова привез уполномоченному генерал-комиссару лифляндскому

---

* Беркгольц, генерал-майор.

** Все это писано наобум. Выборг взят был не Беркгольцем, но сдался генерал-адмиралу графу Апраксину в присутствии самого царя 11 июля 1710 года. Пернау взят 14 августа того же года не князем Меншиковым, а генералом Боуром, отряженным из-под осажденной Риги. Ревель взят им же, Боуром, 29 сентября, и проч.

*** Azof, sur la Mer-Noire, пишет Моро.

**** Отселе рассказ Моро становится достоверным.

барону Левенвольду приказание собрать рижских дворян и объявить им, что князь через месяц прибудет в Ригу для принятия от них присяги в верности и подданстве его царскому величеству. Между разными новостями князь прислал Левенвольду и условия, недавно предложенные Портою царю во избежание войны, неминуемой в случае несогласия с его стороны. Я жил у Левенвольда. Мы провожали вместе часы веселия на досуге. Он показал мне эти условия; они состояли из семи статей:

I. Возвратить Азов, а укрепления, вновь приложенные к прежним, также и новые крепости, выстроенные по берегам *Черного моря,—* разорить.

II. Расторгнуть совершенно союз, заключенный с Фридериком-Августом, курфирстом Саксонским, и признать Станислава королем Польским.

III. Возвратить всю Лифляндию и вообще всё завоеванное русскими шведскому королю, а Петербург разорить и срыть до основания.

IV. Заключить наступательный и оборонительный союз с королями Карлом XII и Станиславом противу Фридерика-Августа, курфирста Саксонского, если курфирст возобновит притязания свои на Польский престол, им уступленный Станиславу.

V. Казакам возвратить их прежнюю вольность и преимущества.

VI. Возвратить *натурой или иначе* всё, что король шведский потерял через Полтавское сражение.

VII. Морское войско и флот отвести к Воронежу и с ним к Черному морю не приближаться.

Если бы его царское величество находился в положении шведского короля, то и тут Порта не могла бы предложить ему условия, более притеснительные. Зато их и не приняли. Стали сильно готовиться к войне, дабы доказать Порте, что его величество не дошел еще до того, чтобы мог выслушивать таковые предложения.

Между тем как царь созывал совет за советом для определения мер, нужных противу столь опасного неприятеля, повсюду приготовляли войско к выступлению в поход по первому приказанию. Посреди сих приуготовлений и в самое то время, как государь более всего казался озабоченным, курляндский герцог женился в Петербурге на племяннице государя. Брак сей праздновал князь Меншиков и праздновал по-царски. Но молодой герцог так был

невоздержан на пирах, данных по тому случаю, и так много пил венгерского (к чему русские привыкли), что шесть дней после свадьбы он занемог на обратном пути в свои владения на первом ночлеге и умер через пять дней. Об нем очень жалели его подданные и все те, которые имели честь быть с ним знакомы. Многие полагали, что не одно венгерское было причиною его смерти, но и наслаждения брачные. Герцог был любезный молодой человек и много обещал.

Несколько времени спустя после погребального его шествия через Ригу в Митаву, столицу курляндского герцогства, где должен был он быть похоронен между гробами герцогов, его предков, князь Меншиков из Ревеля и Пернова, где принимал он присягу дворянства, прибыл в Ригу для той же церемонии. В три дня князь привел к концу препоручение, на него возложенное, и возвратился в Петербург.

Его царское величество отправил из Петербурга своих генералов, каждого к своей дивизии, и повелел генерал-фельдмаршалу графу Шереметеву вывести в поле полки, назначенные к походу, и самому следовать за ними к Днестру, где вся армия должна была собраться.

С другой стороны, повелел он адмиралу и виц-адмиралу, находившимся при его особе, ехать в Азов, а сам отправился в Москву. Там осмотрел он рекрутов, набранных по его повелению, и отправил их к Смоленску, где их ожидал отряд, дабы препроводить в Подолию для распределения по полкам. Царь потом занялся последними приуготовлениями, отправил казну и сам наконец поехал в Польшу, поручив князю Меншикову надзор над неприятелем в Лифляндии.

24 февраля 1711 года дивизия князя Репнина, стоявшая около Ревеля и Пернова, выступила в поход к Подолии, назначенной сборным местом для всех войск. Барон Алларт, один из искуснейших генералов его царского величества, выступил из Литвы со своею дивизией; то же сделали генералы Вейде и барон Денсберг.

Имев честь быть приняту полковником Казанского драгунского полка и бригадиром войска его царского величества, получил я приказание ехать в свой полк и к своей бригаде, находившейся в Польской России на зимних квартирах. Я имел дозволение взять из Курляндии драгунов, сколько мне их понадобится, для доставления

всего нужного мне и людям моим во всё время столь долгого пути: от Риги до Сороки, что на Днестре, к стороне Молдавии, где соединилась армия, считается 266 немецких миль, или 532 французских льё. Я повиновался данному мне приказанию и отправился в эту дальнюю дорогу с двадцатью только драгунами. Я ехал на Митаву, Вильну, Новогрудек, Слуцк, Давидогродек (от коего в шести французских льё переправился через Днепр, реку опасную, не имеющую берегов и разливающуюся направо и налево, на расстояние нескольких льё), потом на Полон, Острог, Мазибуш, Леополь, Замосц, Тарнополь, Станоп и Шарград (Разград?), где настиг я армию. Сей последний город был некогда весьма обширен и имел знатную торговлю. Но во время войн Польши с Портою турки его опустошили; теперь одни развалины свидетельствуют о том, чем был он прежде.

Генерал-фельдмаршал граф Шереметев, вследствие своих повелений, нашел в Бродах всю свою кавалерию, собранную начальником оной генералом Янусом. Фельдмаршал пошел к Могилеву с нею и с пехотными полками Ингерманландским и Астраханским, сопровождавшими его от самой Риги. Тут и переправился он через Днестр в трех разных местах и занял Молдавию. Господарь отложился от Порты, передался фельдмаршалу и привел к нему до шести тысяч плохой молдавской конницы: их всадники большею частию вооружены стрелами или полупиками, подобно казакам; все они ужасные воры.

Дивизия генерала Алларта достигла Днестра, первая изо всей пехоты. Вслед за ним прибыли в тот же день генералы Брюс и Гинтер со всею артиллерией и своими полками. Барон Алларт переправился через Днестр на понтонах и поспешил занять укрепление в Сороке, чему никто и не думал воспротивиться.

Сорок пять лет перед тем крепость эта выдержала славную осаду. 40 000 турок и 40 000 татар под предводительством сераскира принуждены были после шестимесячных тщетных усилий со стыдом отступить, покинув лагерь и всю артиллерию, за что сераскир заплатил своею головою.

Генерал Алларт нашел хорошие подземельные погреба, несколько сабель, несколько бочонков пороху, но мало съестных припасов. Il y ordonna des ouvrages extérieurs, qu'il traça lui-même, et un pont sur le Niester qui eut

pour tête le château fort bon pour le pays et deux doubles tenailles en queue. Генерал Алларт, сверх многих других достоинств, есть один из лучших инженеров своего времени. Он умеет искусно разведать местные обстоятельства, расположиться лагерем, воспользоваться выгодами и начертать верную карту театру войны.

Покамест по его приказанию войско занималось работами, генерал-лейтенант Брюс переправил артиллерию под прикрытием неразлучных с нею полков канонерских и бомбардирских; он расположил свой парк влево от укрепления, на полуострове, образуемом рекою.

30 мая дивизия генерала Адама Вейде заняла днестровские высоты в получасе от Сороки, в прекрасной долине, куда прибыл в тот же день генерал барон Денсберг. На другой день, 31 мая, генерал князь Репнин стал там же, на левой стороне линии.

Его царское величество из Москвы отправился в польский Ярослав, где по просьбе его собраны были королем польские сенаторы с тем, чтобы принудить, если возможно, Республику соединиться с Россиею противу неверных. Но сенаторы решили иначе: положено было Республике, держась условий Карловицкого мира, никаким образом не мешаться в эту новую войну, ибо довольно было ей и своих междуусобий.

Не успев в своем намерении, государь отправился в армию в сопровождении генерала Рене, остававшегося в окрестностях Ярослава с частию конницы для охранения особы его величества.

12-го июня * (ст. ст.) государь прибыл на берег Днестра с императрицею, с своими министрами, с казною, с преображенцами и семеновцами (les Brebresenski et Simonowski), своею гвардиею; полки сии, хотя пехотные, но в походе садятся на конь и идут с литаврами, штандартами и трубами (тож и Ингерманландский и Астраханский). В лагере или в городе им возвращают барабаны.

13-го июня поутру его величество делал смотр пехоте; после обеда посетил он мост, уже оконченный попечени-

* У Моро поставлено здесь 2 июня: ошибка или опечатка. В журнале Петра Великого сказано: «во 12 день (июня) прибыли (их величества) с гвардией к реке Днестру, где случились с пехотными дивизиями генерала Вейде и Алларта»; отселе и от того же числа Петр написал несколько писем.

ями генерала Алларта, также и новые укрепления Сороки. Государь был очень доволен. Потом осмотрел он артиллерию и возвратился в свой лагерь.

14-го был у его величества большой военный совет; на нем присутствовали все генералы, которые могли только приехать. И на сем-то совете предприняты были государем по внушению его министров и русских генералов меры, произведшие бедствия, которые можно было избежать, если б обратили порядочное внимание на положение, в коем находилось войско, на местные обстоятельства и на состояние земли, в которую готовились вступить; одним словом, если бы его величество согласился с мнением своих *немецких* генералов,* которые, кроме его славы и пользы, ничего в виду не имели.

Прежде нежели опишу то, что произошло на знаменитом этом совете, я должен дать вам понятие о состоянии армии. Трудно поверить, чтобы столь великий, могущественный государь, каков, без сомнения, царь Петр Алексеевич, решившись вести войну противу опасного неприятеля и имевший время к оной приготовиться в продолжение целой зимы, не подумал о продовольствии многочисленного войска, приведенного им на турецкую границу! А между тем это сущая правда. Войско не имело съестных запасов и на восемь дней и могло, если оных не находилось в Молдавии, быть уничтожено не неприятелем, а голодом. Это затруднительное положение известно было всем; генералы, министры, сам государь это знал: комиссары посланы были им в Венгрию для закупки быков, а в Украйну для забрания баранов и муки.

Совет, собранный его величеством на берегу Днестра и который решил судьбу всей кампании, составляли: великий канцлер граф Головкин, барон Шафиров и господин *Сава* (Рагузинский) — все трое тайные советники (то же, что во Франции министры); генерал Рене, князь Репнин, Адам Вейде, князь Долгорукий и Брюс (всё генералы или лейтенант-генералы). Они составляли партию *русских*. Партию *немцев* составляли генералы: барон Алларт и барон Денсберг и лейтенант-генералы барон Остен и Беркгольц. Это разделение на две партии в России признано всеми. Русские, когда им везет, и слушать не хотят

* Иностранных. См. далее объяснение самого Моро. Как заметно, что здесь говорит иностранец, приверженный к своей партии.

о немцах; но коль скоро по своей неопытности попадут они в беду, то уже ищут помощи и советов у одних немцев, а русская партия прячется со стыдом и унынием; ее не видать и не слыхать.

Стали рассуждать о том, что́ надобно было делать? Войско было собрано, а о турках было не слыхать, как будто бы в мирное время. Правда, несколько тысяч буджацких татар несколько времени пред сим учинили набег на русскую Украйну и на Землю казаков (en Cozaquie), где они пожгли и ограбили селения, отогнали скот и захватили людей; но при приближении наших полков они уже не смели показываться, и лагерь наш был в совершенном спокойствии. Генерал-фельдмаршал граф Шереметев, стоявший близ Ясс, в самой Молдавии, был точно в том же положении.

Совет начался. Немецкие генералы первые имели честь предложить свое мнение. Они полагали нужным оставаться на берегах Днестра по двум важным причинам: во-первых, для узнания неприятельских намерений; во-вторых, дабы дать армии отдохнуть после долгого похода. Они представили, что съестные запасы, без которых никакая армия не может существовать, могут быть без больших расходов доставляемы по Днестру; что можно будет устроить магазины в Польше; что, занимая берега Днестра, не должно, однако, оставаться в бездействии, но что, напротив того, надобно идти к Бендерам, которые взять можно в скором времени, укрепить и сделать из них и крепость и военный магазин, en y établissant un pont (?)de communication; что Сорока, находясь уже во власти его величества и будучи укреплена, есть также крепость и магазин; что то же самое можно сделать и в Могилеве (на Днестре), и что таким образом его величество будет иметь три входа в Молдавию при всех трех переправах через Днестр и три магазина для своих войск; что турки, будучи принуждены проходить степью, потеряют лошадей, прежде нежели до нас достигнут; что им почти невозможно будет взять наши крепости, защищаемые многочисленным и исправным войском; что, вероятно, не решатся они их осадить и того менее переправляться через Днестр и строить мосты в присутствии войск его величества; что если его величество в настоящих обстоятельствах захочет ввести армию свою в Молдавию, то он может ее лишиться и помрачить славу свою; что по показанию сорокинских

жителей должно по крайней мере пять дней проходить необитаемую степь, где нельзя найти ни воды, ни хлеба; что сторона, находящаяся за степью, не изобилует хлебом, ибо оного недостаточно даже на продовольствие жителей, хотя та часть Молдавии мало заселена; что если в Яссах и по ту сторону сего города и было чем продовольствоваться, то наша конница, стоящая там, в три недели, вероятно, всё уже потребила; что пример шведского короля слишком еще свеж, и что не должно отваживаться сделать ошибку еще важнейшую, углубляясь в незнакомую землю, о коей все доселе получаемые сведения ничего благоприятного не предвещают.

В заключение немцы просили его величество быть уверену, что, представляя ему дело, каково оно есть, они не имели ничего в виду, кроме его собственной славы; что, когда займем мы берега Днестра и устроим магазины, турки, покусясь на что бы то ни было, утратят свои силы все или отчасти; между тем как его величество, имея тыл свой свободным, усилит свои войска, будет в состоянии с пользою употребить полки, оставленные в Польше, и после кампании уже безо всякого препятствия проводит неприятеля в его собственную землю и там расположится по своей воле и приготовится к завоеваниям, прежде нежели турки успеют выйти из зимних своих квартир.

Мнение сие было самое здравое; но русские ему воспротивились. Генерал Рене, хотя родом и курляндец, но по положению своему придерживающийся стороны министров, возразил, что неприлично было бы его величеству защищать реку с такими прекрасными войсками; что в случае истощения запасов должно будет их достать в самой неприятельской земле; что области греческие, по примеру молдавского господаря, готовы были возмутиться при первом вступлении наших полков в турецкие границы; что по донесениям генерал-фельдмаршала графа Шереметева за степью до Дуная армию можно будет продовольствовать; что стыдно было бы тратить деньги на построение магазинов, когда можно делать это на счет неприятеля; что надобно войти и углубиться в турецкие земли; что турки будут полууничтожены уже и тем, что увидят сильное войско его величества посреди их областей, готовое предписывать им законы; что пример шведского короля здесь вовсе нейдет; что полки наши те же самые, которые разбили его и готовы разбить турков; что

таково его мнение и что славнейшего и полезнейшего способа его царскому величеству избрать невозможно.

С сим мнением согласились русские министры и генералы, и как оно льстило и честолюбивым видам государя, ему охотно последовали, и, вопреки благоразумному мнению немцев, положено было переправиться через Днестр и войти в степи.

Рассуждая об сем движении, все мы сильно обвиняли тех, которые его присоветовали его величеству. Ясно было, что государь принужден будет отступиться от своих намерений. Но зная, что русский народ склонен к спокойствию, ленив и не любит военных трудов, мы уверены были, что царские министры, опасаясь слишком продолжительной войны, нарочно завлекали государя в неудачу, дабы уменьшить в нем пыл воинский и принудить его к покою. Таково было, по крайней мере, мнение почти всех иностранцев.

16-го июня, рано утром, дивизии генералов Алларта и Денсберга выступили в поход. 17-го его величество с преображенцами, семеновцами, своими министрами и всею свитою пошел в авангард и вступил в степи. За ним следовал генерал-поручик Брюс с артиллерией. Арьергард составляли дивизия генерала Вейде и конница, приведенная из Ярослава генералом Рене и которую его величество поручил в мое начальство, приказав мне следовать за ним. Дивизия князя Репнина осталась в Сороке для окончания работ и для принятия запасов, которые по приказанию его величества должны были быть туда доставлены.*

Генералы Алларт и Денсберг, вышед из степей, прибыли в лагерь генерал-фельдмаршала, который находился в трех милях от Ясс на выгодном местоположении.

Его величество недолго томился в пустынях: маршируя днем и ночью, достигнул он прекрасной долины, орошаемой Прутом, где и расположил свой лагерь тылом к реке. Он тотчас отправил бочки с водою на собственных подводах и на лошадях свиты своей полкам, идущим по степям. Но сие пособие принесло им более вреда, нежели пользы. Солдаты бросились пить с такою жадностию, то многие перемерли. Мы лишились множества людей от безводицы. Жары нестерпимы в сих местах, где видно только небо да

* В Журнале Петра Великого сказано: «и стояли тут (при городке Сороке) Аллартова дивизия до 20-го (июня), а Вейдева и князя Репнина до 22».

горы раскаленного песку, без деревьев, без жителей и без воды.*

Дивизия Вейдова и артиллерия после шестидневного перехода через ужасные сии пустыни соединилась с лагерем его величества. 23 июня государь ездил осматривать лагерь генерал-фельдмаршала и принял в подданство молдавского господаря. С ним было только триста рейтаров. Он пожаловал господарю свой портрет, осыпанный алмазами (что в последствии времени пригодилось сему турецкому даннику). В тот же вечер его величество возвратился в свой лагерь, а на другой день приказал наводить два моста на Пруте.

Здесь спокойно оставались мы от 22 до 29 июня, как будто в самое мирное время, ожидая запасов, которые князь Репнин должен был доставать и привезти. 26-го фельдмаршал и господарь посетили его императорское величество. Войско стояло в строю. Им отдали честь по всему фрунту, и сам государь салютовал саблею, стоя перед Преображенским полком, как генерал-поручик своей армии.

Они приглашены были на торжество, празднуемое ежегодно его величеством в память Полтавского сражения, случившегося 27 июня по старому стилю.

Все генералы с утра явились к его величеству, дабы вслед за ним отправиться в артиллерийскую церковь, где отслушал он обедню и где придворный священник ** целых полтора часа говорил проповедь, им сочиненную на случай сего счастливого дня.

Полки выстроены были в боевом порядке и составляли три фаса одного карея; артиллерия занимала четвертый. После обедни стрельба началась с правой стороны артиллерии и продолжалась по всем фасам; полки стреляли по мере приближения к ним огня. После того все генералы следовали за его величеством к его палаткам, где в земле был утвержден стол необыкновенной длины, и за которым насчитал я до ста десяти кувертов с каждой стороны.

---

* Степи Буджацкие не песчаные: они стелются злачной, зеленой равниною, усеянною курганами. Моро здесь пользуется правом рассказчика. Правда, что в 1711 году эти степи были голы: трава съедена была саранчою.

** Феофан Прокопович.

Его величество находился в центре стола. По правую руку сидел молдавский господарь, по левую граф Головкин, министры, барон Шафиров и Сава (Сава Владиславович Рагузинский) на углах стола. Генералы, генерал-поручики, генерал-майоры, бригадиры и полковники и прочие, каждый по своему чину, поместились за этим же столом. Кроме венгерского вина ничто мне не понравилось. Оно было отличное, то есть то, которое доходило до меня, ибо полковники, сидевшие ниже, пили другое, а подполковникам подносили особливое, капитанам еще хуже, и так далее (что показалось мне скупостию, недостойной великого государя). Капитаны преображенские и семеновские разносили вина: каждый прислуживал шести персонам, имея в своем распоряжении трех слуг для перемены стаканов и бутылок.

Тут-то, милостивая государыня, вино льется, как вода; тут-то заставляют бедного человека за грехи его напиваться, как скотину. Во всякой другой службе пьянство для офицера есть преступление; но в России оно достоинство. И начальники подают тому пример, подражая сами государю.*

Императрица с своей стороны угощала армейских дам. Почти все иностранные генералы имели с собою своих жен и детей, по той причине, что в случае разлуки срок свидания неизвестен и что по недостатку почты никто от своих не получает известия. Если же и придут письма, то генералы и министры имеют похвальную привычку никогда их не отдавать. Можно переписываться только чрез министров иностранных, но не всегда можно быть с ними в сношении. Я говорю по собственному опыту: в течение четырнадцати месяцев я только мог однажды писать к моей милой графине (которая оставалась в Данциге), и то через барона Лоца, посланника короля польского при дворе его царского величества.

Мало дам явилось к императрице. Генеральша Алларт и генерал-майорша Гинтер одни представились к ее величеству и были милостиво приняты.

---

* В старину пили не по-нашему. Предки наши говаривали: пьян да умен — два угодья в нем. Впрочем, пьянство никогда достоинством не почиталось. Петр I, указав содержать при монастырях офицеров, отставленных за болезнями, именно исключает больных от пьянства и распутства.

Обед государя продолжался целый день, и никому не позволено было выйти из-за стола прежде одиннадцатого часу вечера. Пили, так уж пили (on y but ce qui s'appelle boire). Всякое другое вино наверно меня убило бы, но я пил настоящее токайское, то же самое, какое подавали и государю, и оно дало мне жизнь.

Около пяти часов вечера один из адъютантов князя Репнина привез письма к его величеству. Генерал давал знать, что 4000 быков, 8000 баранов и 300 маленьких польских тележек с рожью, мукой (et de grit) отправлены были к нам. Государь тут же распределил, что куда доставить, и приказал тот же час отправить часть в лагерь генерал-фельдмаршалу.

28 июня мосты были готовы. Артиллерия потянулась через Прут по мосту, назначенному для двора. Вейдова дивизия переправилась по другому, назначенному для войск, и расположилась лагерем в ясской долине, в двух милях от прежнего лагеря.

29 июня (по-нашему приходится 10-го июля, ибо русские держатся еще старого стиля) в день святого Петра, в именины его царского величества, я, следуя обычаю, со всеми генералами пришел поздравить государя. Он принял милостиво наши приветствия и всех нас оставил у себя обедать. Государь празднует и этот день и обедает с своими министрами и офицерами, когда находится в своей армии.

Около пяти часов генерал-фельдмаршал граф Шереметев приказал мне, чтоб я послал моего адъютанта, стоявшего за мною, посадить кавалерию мою на́ конь, и велел ей идти вперед к своему лагерю с моим экипажем. Фельдмаршал сказал мне, что мне нужны будут только мои лошади, что я останусь при нем и что он берется быть моим вожатым. Я отдал приказ адъютанту. Кавалерия была в порядке, а экипаж мой заложен. У русских обыкновенно употребляются телеги, ибо вьючные лошади и лошаки не могли бы выдержать обыкновенные походы их войск (5 à 600 lieues).

Накануне знали, что близ лагеря фельдмаршальского произошло маленькое сражение. 20 000 татар показались на утренней заре и ударили (врассыпную, по своему обычаю) на передовой пикет, составленный из 600 человек конницы, под начальством подполковника Ропа (de Roop) конно-гренадерского полка моей бригады. Неприятель про-

бился сквозь отряд, несмотря на все старания командира. Число превозмогло, отряд был окружен отовсюду. Один капитан, родом из Лотарингии, наделал тут чудеса и был убит, к сожалению всех офицеров, знавших его. Подполковник взят был в плен, и убито 250 рядовых. Все это произошло в виду бригадира Шенсова* (Chensof), родом русского, который был отряжен с 2500 человек конницы на подкрепление Ропа и не сделал ни малейшего движения.

Генерал Янус, начальствовавший в отсутствие фельдмаршала, при сем случае сделал всё, что только было возможно, чтоб исправить сию неудачу и предупредить большее несчастие. Он велел выехать четырем конногренадерским полкам и всячески старался уговорить бригадира Шенсова, чтоб он по крайней мере хоть показался неприятелю. Но офицер сей отвечал, что он получил приказание охранять лагерь, а не искать неприятелей. Наши конногренадеры рассеяли эту сволочь и освободили лагерь (le front du camp).

Никогда генерал Янус не говорил мне без бешенства об этом происшествии и о маневре бригадира Шенсова. А еще должно глотать такие пилюли, не морщась и не жалуясь, потому что его величество и фельдмаршал неохотно выслушивают жалобы и не любят видеть ясные доказательства, чтобы у кого-нибудь из русских недоставало ума или храбрости.**

Как войска скоро соединятся, то позвольте, милостивая государыня, исчислить вам их силы и познакомить вас с генералами, которые начальствовали полками.

Главнокомандующий — генерал-фельдмаршал граф Шереметев. (Его величество во время дела занимает место генерал-лейтенанта.)

Дивизия Вейдова состояла из 8 пехотных полков, каждый из 1400 человек состоящий. Всего 11 200 человек; начальниками оной были: генерал Вейде, генерал-лейтенант Беркгольц (Brecols), генерал-майоры Голосин (Goloccin) и де Буш, и бригадиры граф Ламберти и Боэ.

---

* Таковой фамилии нет ни в книгах нашего дворянства (старинного), ни в списках офицеров того времени. Кажется, дело идет о Шневищеве, одном из начальников драгунских полков, набранных в 1699 году.

** Благодарим нашего автора за драгоценное показание. Нам приятно видеть удостоверение даже от иностранца, что и Петр Великий и фельдмаршал Шереметев принадлежали партии *русской*.

Дивизия Репнина, состоящая из такого же числа полков и людей; начальники оной: генерал князь Репнин, генерал-лейтенант князь Долгорукий, генерал-майоры Альфендель и Бом и бригадиры Буш и Голицын.

Дивизия барона Алларта, во всем равная двум первым, была под начальством генерала Алларта, генерал-лейтенанта барона Остена и бригадиров Стафа и Лессе.

Дивизия барона Денсберга, также равная другим, находилась в команде генерала барона Денсберга и бригадира барона Ремкимга (Remquimgue), его зятя.

Не худо заметить, что русские дивизионные начальники имели комплектное число подчиненных им генералов; немцы же оного не имели; особенно барон Денсберг, у которого не было ни генерал-лейтенанта, ни генерал-майоров, а только один бригадир, зять его. Это происходило от черного коварства генерал-фельдмаршала, не любившего иностранцев, какой бы нации ни были, и не подававшего им никакой помощи, нарочно для того, чтоб вводить их в ошибки и чтоб иметь случай упрекать его царское величество за привязанность его к иноземцам. Однако ж барон Денсберг есть тот самый, который с таким великодушием и храбростию защищал Кельскую крепость, осаждаемую герцогом Вилларом в начале прошедшей войны. Он доказал, что был достоин начальствовать не только двенадцатитысячным отрядом, но и целыми армиями.

Полки Преображенский, Семеновский, Ингерманландский и Астраханский составляли 15 батальонов, всего 15 000 человек, и были под начальством самого его царского величества, генерал-лейтенанта князя Голицына и бригадира графа Шереметева (сына фельдмаршала); сюда же принадлежали полки канонерский и бомбардирский, каждый из 1500 человек состоявший.

Дивизия генерала Януса, составленная из 8 полков, каждый из 1000 человек, была под начальством помянутого генерала, генерал-майоров Волконского и Вейсбаха и бригадиров Моро де Бразе, графа Лионского, и Шенсова.

Дивизией Рене, равной по числу полков и людей, начальствовали генерал Рене, генерал-майоры Витман и Шариков (Cherikof), самый образованный, вежливый и любезный изо всех мне знакомых русских, и два бригадира.

Еще один драгунский полк, составлявший гвардию князя Меншикова, не соединился с армией и остался в Яссах с 2000 избранных фузиляров, между тем как войско двинулось в Молдавию.

Гвардейский эскадрон его царского величества, состоящий из 300 рейтаров (maîtres, reîtres?), сопровождал государя в его поездках и другой службы не нес.

Все сии отряды составляли на Днестре 79 800 наличного войска. Каждый полк был укомплектован пригнанными рекрутами.

Артиллерия состояла из 60 пушек разного калибра, от двенадцати- до четырехфунтовых, из 16 понтонов на телегах и из 200 подвод с ящиками пороховыми, не считая телег, нагруженных бомбами и ядрами.

Кроме сей артиллерии, в каждом полку пехотном и конном находились четыре малые орудия, двух- и трехфунтовые. Они всегда следуют за полком с малыми своими ящиками и с нужными офицерами. Их зовут корпусными детьми (ce qu'ils appellent les enfants des corps).*

При каждом полке находятся также малые телеги с амуницией, которая в случае нужды всегда под рукою, что очень хорошо придумано и достойно похвалы.

Таковы были силы его царского величества. Здесь не считаю 10 000 казаков и 6000 молдаван, годных только для опустошения земли, как и татаре. Сей армии было бы весьма достаточно, чтобы управиться с турками, если б ею хорошо предводительствовали, если б вовремя ввели ее в неприятельские земли и если б ее не разделили, как вы впоследствии увидите.

29 июня его царское величество сидел за столом до семи часов вечера. Встав из-за стола, держал он совет. Генерал Рене предложил отрядить 15 000 человек в Валахию, хорошую сторону, в которой всего было много и которая могла продовольствовать армию. Он утверждал, что валахский воевода, будучи одной нации и одного исповедания с молдавским господарем, не замедлит покориться, соединит войско свое с войсками его величества и доставит нам жизненные запасы. **

---

* Кадеты?

** Бранкован, господарь валашский, еще прежде Кантемира, был с Петром в переговорах и обещал ему с ним соединиться.

Генерал-поручик Беркгольц был единственный немец на сем совете. Он сильно воспротивился предложению генерала Рене, по причине той, что турки побеждали всякий раз, как против них войска действовали отдельно. Он привел в пример принца Карла V (Лотарингского), который во второй поход после снятия Венской осады разделил на четыре отряда свое войско, дабы удобнее оное продовольствовать, и видел, как турки разбили все четыре отряда один за другим, не могши подать им никакой помощи. Но все его рассуждения пропали втуне. Было положено отрядить войско, а начальство поручено генералу Рене, как подавшему первый на то совет. Кроме сих 15 000, отряженных в Валахию,* 4000 должны были оставаться в Сороке, дабы сберегать нам отступления и для сопровождения провианта в случае, если б мы остались в Молдавии; 2000 в Могилеве, через который можно было бы воротиться в случае неудачи, да 3000 в Яссах для охранения Молдавии и для удержания жителей в повиновении.

Фельдмаршал в 9 часов вечера сел верхом, и я вслед за ним прибыл в его лагерь. Господарь остался с его царским величеством. Он был среднего роста, сложен удивительно стройно, прекрасен собою, важен, и с самой счастливой физиономией. Он был учтив и ласков; разговор его был вежлив и свободен. Он очень хорошо изъяснялся на латинском языке, что было весьма приятно для тех, которые его разумели.

Мы догнали мою конницу в версте от фельдмаршальского лагеря, куда и прибыли в 4 часа утра. Тут увидел я в первый раз летучих кузнечиков (саранчу). Воздух был ими омрачен: так густо летали они! Не удивляюсь, что они разоряют земли, через которые проходят, ибо в Молдавии видел я иссохшее болото, покрытое высоким тростником, который съеден был ими на два вершка от земли.

Остальной лагерь его величества перешел через Прут 30 июня. Мост, через который переправился государь со своею свитою, был тотчас разобран; другой оставлен под охранением 500 гренадеров для дивизии князя Репнина, которую ожидали.

---

* У Рене было восемь драгунских полков (5056 ч.), батальон ингерманландцев да 5000 молдаван.

Фельдмаршал, возвратясь в свой лагерь, велел призвать бригадира Шенсова и высказал ему всё, что заслуживало его гнусное поведение, о котором донесено ему было при его приезде одним драгунским полковником моей бригады. Он приказал бригадным майорам отрядить по 20 человек с каждой бригады для устроения двух мостов, находившихся в тылу нашего лагеря, дабы ему беспрепятственно можно было в случае нужды идти соединиться с его величеством. Это стоило труда, потому что мосты наведены были на малых челнах из выдолбленных пней, кое-как собранных по берегам Прута. Медные понтоны оставались при его величестве для надобностей его собственных.

Того же самого числа (30 июня) генерал Рене прибыл к фельдмаршальскому лагерю и собрал полки, долженствовавшие идти в Валахию под его начальством. Он выступил на другой день поутру и уже в армию не возвращался. Он соединился с кавалерией уже в Польской России после кампании, когда армия там отдыхала.

В лагере его царского величества и в фельдмаршальском оставались в бездействии до самого 7 июля. В сей день фельдмаршал получил от государя приказание оставить постепенно лагерь и перевести свою малочисленную армию за реку, находившуюся у него в тылу. Фельдмаршал ездил осматривать долину, назначенную им для нового лагеря, и, возвратясь, в тот же день отдал в приказе, что полки станут переправляться один после другого во избежание смятения, могущего произойти на мостах в случае, если войска выступят все в одно время.

Генерал Янус, на которого возложено было исполнение сего, взял с собою бригадира Шенсова, дабы в случае нападения от неприятеля во время переправы иметь достаточную причину не употреблять офицера столь ненадежного. Он оставил его у моста с двумя майорами и 20-ю драгунами для надзирания за исправностию в исполнении приказов.

8-го июля на утренней заре экипажи барона Денсберга с несколькими полками переправились по мосту, назначенному для пехоты. Между тем экипажи генерала Януса потянулись было по мосту, назначенному для кавалерии. Но фельдмаршал, сам за благо рассудив оставить лагерь, приказал переправить прежде свои; а остальным экипажам генерала Януса не позволил перепра-

виться прежде полков Астраханского и Ингерманландского с их обозами. Фельдмаршал во всяком случае рад был делать неприятность иностранным генералам.

9-го июля с утра войско и обозы потянулись, и только малая часть успела переправиться, как более 30 000 татар явились перед лагерем. Войско остановили и тотчас выстроили в боевом порядке под прикрытием рогаток. Пикет отозвали: по приказанию генерала Януса два баталиона гренадер поставлены были на оба фланга и в сем расположении стали ожидать приближения татар, дабы угостить их картечью из тридцати орудий. Фельдмаршал, генерал барон Денсберг, генерал-лейтенант барон Остен и бригадир барон Ремкимг приехали из нового лагеря, где они находились с прошедшего дня. Фельдмаршал был очень доволен мерами, принятыми генералом Янусом для защищения старого лагеря в случае нечаянного нападения. Он отослал генерала Денсберга с его бригадиром к новому лагерю для охранения оного, а в старом оставил только генерал-лейтенанта Остена под начальством генерала Януса с полками, не успевшими еще переправиться. Их было довольно против и вдвое большего числа татар.

Но как они час от часу умножались, то фельдмаршал приказал казакам и молдаванам (находившимся в новом лагере) прогнать и преследовать неприятеля. Они пустились с быстротою неимоверною, но которая час от часу более и более ослабевала. С обеих сторон всё кончилось скаканием да кружением.

Один капитан, родом венгерец, вступивший в службу его царского величества, так же как и многие из его соотечественников, после падения его светлости принца Рогоци, находился в лагере с несколькими венгерцами в надежде быть употребленными в дело. Он уговорил отряд казачий поддержать его, обещаясь доказать, что не так-то мудрено управиться с татарами. Казаки обещались от него не отставать. Он бросился с своими двенадцатью венгерцами в толпу татар и множество их перерубил, пробиваясь сквозь их кучи и рассевая кругом ужас и смерть. Но казаки их не поддержали, и они уступили множеству. Татары их окружили, и все тринадцать пали тут же, дорого продав свою жизнь: около их легло 65 татар, из коих 14 были обезглавлены. Всех менее раненный из сих храбрых венгерцев имел 14 ран. Все бывшие, как

и я, свидетелями их неуместной храбрости сожалели о них. Даже наши конные гренадеры, хоть и русские, т. е. хоть и не очень жалостливые сердца, однако ж просились на коней, дабы их выручить; но генерал Янус не хотел взять на себя ответственность и завязать дело с неприятелем. *

Пока татаре привлекали на себя наше внимание, генерал Янус, предвидя, что наше отступление могло быть обеспокоено еще большим числом татар и даже самими турками, приказал переправить все корпусные экипажи, всех лошадей драгунских и прочей кавалерии и остальные экипажи офицеров, дабы тем удобнее отступать до нового лагеря теснинами, ведущими к мостам, что и производилось во весь тот день и в ночи.

Между тем татаре, не видя никакого движения в лагере, где полки наши стояли всё еще в боевом порядке за рогатками, ожидая смело их нападения, около третьего часа пополудни отступили, наскакавшись вдоволь, и таким образом дали генералу Янусу возможность безопасно переправиться в новый лагерь, куда вступил он самый последний (10 июля).

Он приказал разобрать оба моста и караулить лодки по нашу сторону реки: они могли пригодиться. К ним нарядили капитана с двумястами гренадер.

Того же дня фельдмаршал отдал приказ отрядить по 200 человек с бригады для делания фашинных мостов через большой и глубокий ручей, называемый Малым Прутом и протекавший во сте шагах от нашего нового лагеря, дабы в случае нужды можно было тотчас выступить.

Мосты поспели к полудню 11-го июля. В 5 часов вечера один из генерал-адъютантов его царского величества привез фельдмаршалу приказ, вследствие коего мы 12 июля оставили лагерь и в одной миле от оного нашли его царское величество. Вся армия там соединилась и, таким образом, расположилась вся на одной линии. Царь с полками Преображенским, Семеновским, Астраханским и Ингерманландским стоял по левую сторону и, следственно, в авангарде. Дивизии Алларта, Денсберга, Януса со всею остальною кавалерией, Брюс с артиллерией и

---

* Кажется, русские варвары в этом случае оказались более жалостливыми, нежели иностранцы, ими предводительствовавшие.

Вейде стояли на правой руке лицом к горе и имея Прут у себя в тылу.

13-го армия пошла в поход, принимая влево. Экипажи составляли вдоль Прута вторую колонну. Мы прошли три мили до ночи и расположились лагерем, приняв вправо (en faisant à droite). Пространство между рекою и горами не позволяло нам расширяться и составить две линии. Мы стали в том порядке, как стояли накануне и как целый день маршировали (т. е. в одну линию).

14-го мы продвинулись еще на три мили, не видав ни города, ни деревни, но кое-где близ лесов рассеянные лачужки, которые показались нам жалкими обителями. Это нас удивило, тем более, что на наших картах по берегам Прута назначено было множество городов и деревень. Мы стали лагерем так же, как и в предыдущие два дни.

15-го армия прошла еще три мили; но переход через крутую гору, находящуюся на самом берегу реки, остановил войско. Мы достигли места, назначенного для лагеря, не прежде как в три часа пополуночи. Мы в тот день видели за сей горою старинную могилу одного молдавского государя. Она имела вид четвероугольной пирамиды, будучи гораздо шире в основании, нежели в высоте (car elle allait en diminuant à mesure qu'elle prenait de la hauteur). Молдаване, следовавшие за армиею, из коих многие хорошо говорили по-латыни, рассказали нам о ней следующее предание:

Государь, покоящийся в сей могиле, был великий воин, но несчастный во всех своих предприятиях. Учинив нападение на земли одного из своих соседей, он привлек его в свои собственные владения. Оба войска сошлись и сразились в той долине. Кровопролитная битва длилась два дня. Молдавский государь остался победителем; неприятельское войско было им истреблено или захвачено в плен, а противник его найден был между мертвых тел, пронзенный одиннадцатью стрелами. Но победитель в то самое время, как приносил богу благодарения, умер от раны, полученной им в том сражении и которой он сгоряча не почувствовал. Он не имел детей, и войско избрало себе в государи одного из своих начальников. Первым повелением нового государя было каждому воину, каждому молдавскому жителю и каждому рабу принести на три фута земли на сие место. Он после того воздвигнул

эту земляную пирамиду, в средине коей находится комната со сводом. Там похоронено тело его предшественника, а комната наполнена сокровищами, принадлежавшими его врагу.— Потом вход в комнату был заделан, и пирамида окончена. На вершине ее находилась площадка, сохранившаяся доныне; на ней возвышался трофей из оружия убитых, ныне уже не существующий. Повествователь присовокупил, что все из государей, властвовавших потом, которые хотели проникнуть в сокровенную комнату, умерли прежде, нежели могли вынуть хоть один камень загражденного входа. Курган показался нам тщательно покрытым дерном. Мы спросили у нашего молдавана: кто смотрит за могилою? Он отвечал, что жители, поселенные кругом в трех милях отселе, ежегодно в марте и в сентябре месяце приходят стричь могилу ножницами, подобными тем, кои употребляются нашими садовниками. Он прибавил, что когда того не делают, тогда бывает неурожай. В заключение он нас уверял, что с тех пор, как саранча напала на их землю, всё было ею разорено, кроме пространства, заключенного в этих трех милях окружности, куда она не залетала, хотя была везде, и с боков и сзади.

Этой истории и ее последствиям мы поверили только отчасти, хотя повествователь и хвалился быть дворянином и военным человеком.

16-го его царское величество приказал выслать 1000 человек конных гренадер под начальством г. полковника Ропа с двумя вожатыми, данными царю самим господарем, следовавшим за его величеством со всем своим молдавским двором. Полковник Роп имел повеление изъездить всю сторону, находившуюся влево от армии вдоль Прута, дабы удостовериться, возможно ли неприятелю напасть на нас с тыла. Он возвратился вечером и объявил нам, что капитан, наряженный с двумястами гренадерами для охранения лодок, составлявших мосты фельдмаршальского лагеря, и который подвигался вместе с армией, был убит, а с ним и все его люди. Жители, бывшие при полковнике, видели его за две мили от лагеря и показали ему побоище. Они сказывали, что татаре в числе 20 000 переправились через реку, каждый держась за хвост своей лошади, и неожиданно напали на капитана в одной теснине, где он и погиб с своим отрядом.

Это заставило его царское величество расположить вдоль реки гренадерские взводы в некотором расстоянии один от другого, имевшие между собою коммуникацию и начальствуемые одним подполковником, двумя капитанами и четырьмя поручиками.

В тот же день генерал князь Репнин, сделав усиленный переход, стал на той же линии и занял правую руку или арьергард.

Армия наша, вся вместе состоявшая из 79 800 человек, не считая казаков и молдаван, и, по отряжении войск в Валахию и на охранение Сороки, Могилева и Ясс, всё еще составлявшая 55 000, уже не составляла и 47 000, как то оказалось на смотру, сделанном 17 июля по приказанию государя: следствие беспрестанных трудов, перенесенных полками, из коих пехотные шли без отдыха от самого 24 февраля (нов. ст.). По счастию, смертность пала по большей части на одних рекрут, которые видимо таяли. Это могу я доказать моими табелями, которые я сохранил. Из всех четырех полков моей бригады, составлявших 4000 человек на сем смотру, 724 оказались убывшими, из коих только 56 убиты в помянутом сражении при пикете.

17-го генералу Янусу повелено быть готову выступить рано утром со всею нашею конницею и с генералами, ею начальствовавшими, и явиться за час перед светом в палатки его царского величества, дабы получить от него приказания касательно того похода. Как я имел честь приносить ему приказы и всякий день приходить узнавать от него, не было ли чего прибавить для бригады, то я явился к нему. Он просил меня приехать за ним на другой день за полтора часа до свету и сопроводить его к царю, к чему я с охотою и приготовился. Итак, 18-го перед светом явились мы к его царскому величеству. Государь отдал генералу свои повеления, и как ни он, ни я по-русски не разумели, то его величество повелел их объяснить на французском и немецком языке и вручил нам тот же приказ, писанный по-русски с латинским переводом на обороте.

Приказ состоял в том, чтобы нам идти по реке Пруту восемь миль (или 16 льё) до того места, где турки, по донесениям скороходов или шпионов (coureurs ou espions), должны были наводить свои мосты. Если бы генерал их нашел, то должен он был на них ударить и

уничтожить их работу, коли только мосты не могли нам пригодиться и остаться в наших руках. Во всяком случае он должен был известить обо всем государя через четырех драгун, посланных полчаса один после другого. В случае же, если турков не встретим, то идти к Дунаю и там остановиться, о чем также донести.

Выслушав приказ и хорошо его поняв, мы приступили к исполнению оного, хотя генерал и я не без смеха видели, что употреблены были драгуны и кавалерия на атаку укрепленных мостов (tête-de-pont). Мы выступили из лагеря в 5 часов и пошли по одной линии, эскадрон за эскадроном. Экипажи наши тянулись в другую линию вдоль берега Прута. Во избежание нечаянного нападения мы отрядили вперед на довольно большое расстояние двух конных гренадеров с обнаженными палашами, за ними шестеро других с одним унтер-офицером и подкрепили их двумястами рейтаров (*? maîtres*), дабы могли они выдержать первые выстрелы и дать нам время с выгодою атаковать неприятеля. В таком порядке как мы, так и наш обоз шли без помешательства и довольно скоро. Около 11 часов утра, прошед не более как 2 мили (или 4 французских льё), вдруг очутились мы совсем неожиданно в теснине весьма узкой, ибо река протекала ближе к горе, около которой мы всё еще тянулись. Генерал Янус, г. Видман (генерал-майор) и я поехали к передовому отряду гренадеров, которые остановились и дали нам знать, что чем далее они ехали, тем ýже становилась дорога. Генерал Янус приказал войску остановиться для отдыха, и мы отправились высматривать местоположение. Земля, неприметно возвышаясь, закрывала от нас сторону, находившуюся перед нами. Когда достигли мы последней точки сего возвышения, мы увидели перед собою широкую долину и, казалось, весьма гладкую; а вдали множество белых голов, скачущих по долине с большою ловкостию и быстротою. Мы тотчас съехали влево в густоту дерев, растущих на берегу Прута. Мы подъехали как можно ближе к неприятелю и наконец усмотрели два укрепления (deux têtes-de-ponts fraisées et palissadées en forme de demi-lune), защищаемые множеством пехоты, которую признали мы впоследствии по ее колпакам за янычаров. За ними увидели мы два готовые моста, через которые крупной рысью пере-

правлялась конница и соединялась с тою, которая находилась уже в долине.

Высмотрев всё добрым порядком, все вместе и каждый особо, генерал Янус, Видман и я возвратились рысью тою же дорогою и соединились с нашими полками. Тут мы держали совет все трое между собою, ибо генерал не имел никакой доверенности к князю Волконскому и к Вейсбаху (генерал-майорам), а того менее к бригадиру Шенсову.

Нечего было терять времени. Мы решились спе́шить нашу конницу и выстроить ее в каре, поставя экипажи в средине. Генерал написал письмо к государю. Мы перенесли нашу маленькую артиллерию в арьергард и на оба фланга между третьим и четвертым рядом (войско выстроено было в 4 шеренги). Мы приказали артиллерийским офицерам зарядить пушки картечью, а конным гренадерам, составлявшим наш арьергард (или фронт карея со стороны турок), не стрелять без приказания, что бы ни случилось, и лечь на брюхо при первой команде. Когда наши 32 орудия были уставлены, тогда мы вывели из рядов слабых и больных солдат, большею частию рекрут, и приказали им держать лошадей, находившихся, как и экипажи, в центре карея. Мы препоручили авангард князю Волконскому, правый фланг авангарда Вейсбаху, величайшему трусу во всей Германии, а левый бригадиру Шенсову. Видман и я по воле генерала остались при его особе.

Отроду мы не видывали офицеров столь смущенных, как наших трех авангардных генералов. Беспокойство их очень забавляло нас в арьергарде и вселяло в нас истинную к ним жалость.

В сем порядке мы двинулись, дабы возвратиться туда, отколе мы пришли (?). Генерал Янус, Видман и я дивились исправности сведений, доставляемых его царскому величеству его шпионами; в двух милях от лагеря находили мы два моста, наведенные и укрепленные, когда предполагали найти их еще только начатыми в 8-ми милях, и то не наверное. Вдруг драгун, оставленный нами в тылу, выстрелил вместо сигнала и прискакал к нам. Мы скомандовали полуоборот направо арьергарду, полуоборот вправо и влево флангам и таким образом составили фронт со всех четырех сторон. Только что успели выстроиться, как увидели мы две толпы

в чалмах, скачущие треугольником и ревущие во всё горло как бешеные, думая нас уничтожить. Но как скоро они приблизились, первый ряд наших гренадеров лег наземь, и мы встретили их залпом из 12 орудий миниатюрной нашей артиллерии, что удержало их стремление, охладило их пылкость и лишило их очень многих товарищей. Однако ж это не помешало им нас окружить. Но, встретя со всех сторон отпор и видя, что нападать на нас опасно, они довольствовались тем, что издали досаждали нам и огнестрельным оружием и своими стрелами.

Здесь, милостивая государыня, должен я вам чистосердечно признаться, что, будучи приучен к огню шестью генеральными сражениями и четырнадцатью осадами, при коих присутствовал я с тех пор как служу, между прочими при осаде Монмелиана в 1691 и Намюра в 1692, я столько опасаюсь огня, сколько то надлежит человеку доброму и твердому; но мысль о стрелах была для меня столь ужасна, что я внутренне боялся их, того не показывая. Однако ж, когда я увидел их малое действие, я к ним привык и стал смотреть на них, как на чучела, стыдясь моего панического страха.

Было два часа пополудни на наших часах, как турки к нам приблизились и с нами поздравствовались. С той поры до десяти часов вечера более пятидесяти тысяч их сидели у нас на шее, не смея ни ударить на нас, ни расстроить нас. Единственный их успех состоял в замедлении нашего марша. Они так часто нас останавливали, что от двух часов до десяти прошли мы не более как четверть мили. Ночью, однако, сделали они важную ошибку, которой мы и воспользовались, не имея никакой охоты пропустить случай соединиться с нашим центром, т. е. со всею армией: они все без изъятия при наступлении ночи ретировались в ту сторону, откуда явились. Заметив сие, генерал отправил адъютанта на лучшей своей лошади с донесением государю обо всем, что произошло с тех пор, как имел он честь писать его величеству. Он решился идти ночью как можно поспешнее, и мы прошли более мили довольно скоро и безо всякого препятствия. Теперь признайтесь, что, если бы господа Белые Колпаки отрезали нам дорогу, выставя перед нами толпу своей конницы и оста-

вя таковую же и у нас в тылу, то мы принуждены были б ночью стоять и, может быть, не успели бы на другой день соединиться с нашей армией и были бы принуждены уступить усталости, если уж не силе.

Турки догнали нас на рассвете в большей силе, нежели накануне; но всё без пехоты и без артиллерии. Они беспокоили нас стрельбою беспрерывною. Около 5 часов утра увидели мы пехоту, приближающуюся к нам на помощь и которая гордым и медленным своим движением вселила робость в скакунах и наездниках: генерал барон Денсберг со своею дивизией шел на обеспечение нашего отступления. Корпус его соединился с нашим; он сменил наших конных гренадер, находившихся беспрестанно в арьергарде, двумя своими гренадерскими батальонами и дал почувствовать неприятелю беспрерывным и сильнейшим огнем, что не так-то легко было нас смять и помешать нам соединиться с армиею. *

Армия его царского величества не ожидала, когда мы выступали, чтобы мы к ней возвратились с таким прекрасным и многочисленным обществом. Однако так случилось, к величайшему нашему сожалению, и едва вступили мы в лагерь, как увидели противуположную гору покрытою неприятельскими полками.

Генерал-фельдмаршал тремя пушечными выстрелами дал сигнал всей линии выстроиться в боевом порядке, что и было тотчас исполнено. Как турки подступали с левой стороны, то преображенцы, семеновцы и полки Ингерманландский и Астраханский вытерпели по большей части огонь неприятельский и во весь тот день почти не имели покоя.

Я не говорил, милостивая государыня, о потере, претерпенной нами во время отступления, и, может быть, полагаете вы, что мы никого не потеряли. Это было бы слишком счастливо. Довольно уж и того, что мы не погибли под усилиями пятидесяти тысяч человек, сражавшихся противу восьми и менее. Мы лишились од-

---

* Петр негодовал на генерала Януса; в журнале его сказано: «и конечно мог оный Янус их задержать (турков), ежели б сделал так, как доброму человеку надлежит». Но, как замечает генерал Бутурлин в истории русских походов, ничто не могло помешать визирю перейти Прут повыше того места и стать в тыл русской армии.

ного подполковника, двух капитанов, трех поручиков. Ранены были: подполковник моего полка, два поручика и триста с чем-то драгунов и других конных рядовых; раны большею частию были легкие. Генерал барон Денсберг потерял одного пехотного полковника, о котором весьма сожалели, семь или восемь раненых офицеров, 160 рядовых убитыми и 246 ранеными — всё это менее чем в два часа с половиною времени. Нет сомнения, что весь наш отряд был бы истреблен, если бы неприятель ранее мог нас заметить. Но он дал нам время выстроиться в каре, что и способствовало нам удержаться и спасло нас от смерти или рабства.

Около пяти часов вечера 19 июля его царское величество приказал призвать своих генералов, дабы советоваться с ними о том, на что надлежало решиться. Генералы Янус, Алларт, Денсберг, генерал-поручики Остен и Беркгольц явились, но ни один из генералов русских, ни из министров его величества не показались. Даже и генерал-фельдмаршала тут не было. Генерал Янус взял меня с собою, и таким образом был я свидетелем всему, что ни происходило. На сем-то совете генерал Янус упрекнул его величество в небрежении, оказываемом иностранным его генералам, к которым прибегали только тогда, как дела были уже в отчаянном положении. Он сказал, что неслыханное дело, чтобы он, будучи начальником всей кавалерии и первым генералом армии, не был заранее уведомлен о предположениях всего похода. Он жаловался потом на неуважение министров и русских генералов и в заключение сказал его царскому величеству, что те же самые люди, которые завлекли армию в лабиринт, должны были и вывести ее. Все иностранные генералы с большим удовольствием слушали генерала Януса. Царь всячески старался обласкать его и так убедительно просил от него советов, что стали не на шутку думать об исправлении запутанного положения, в котором находилась армия.

Турок, слишком приблизившийся к нашему левому флангу во время нашего отступления, схвачен был шестью нашими конными гренадерами и приведен к генералу Янусу, который приставил к нему строгий караул и тотчас по вступлении в лагерь отослал его к государю.

Пленного допросили. Он показал, что турецкая армия состояла изо ста пятидесяти тысяч, т. е. из 100 000 конницы и 50 000 пехоты, что вся конница должна была к вечеру соединиться, но что пехота, при которой находилось 160 артиллерийских орудий, не могла прибыть прежде, как к завтрашнему дню около полудня.

По сим известиям, после оказавшимся достоверными, приняты были в совете следующие меры: положено было армии воротиться назад, устроясь в каре и оградясь рогатками; экипажи, конница и артиллерия должны были оставаться в центре, и в таком порядке надлежало было стараться по возможности совершить небесславное отступление. Недостаток конницы более всего мог нам повредить. Наши лошади были совсем изнурены, а турецкие свежи и сильны.

Отдан был приказ вследствие сих положений. Армия всё еще находилась в боевом порядке, на одной линии с своими рогатками перед собою. Повелено было всем генералам и офицерам уменьшить по возможности свои экипажи и жечь всё ими бросаемое.

При наступлении ночи государь, государыня-императрица, министры и весь двор перенеслись на правую сторону с левой, которая стала авангардом. Между тем готовились устроить батальон-каре, что и сделано было в ночь. Гора, по которой рассеяна была турецкая конница, явилась нам вся в огнях, разложенных неприятелем.

Не нужно сказывать вам, что ночь эта прошла в смятении и беспорядке. Мы видели, что турки на горе то подвигались вперед, то шли назад, и не могли судить о их намерении иначе как наугад. Генерал барон Алларт, генерал барон Остен и я занимали тот же пост и находились близко друг от друга. И как главным предметом была для нас гора, занимаемая неприятелем, то мы только и старались понять, что́ происходило там и к чему клонились эти марши и контрмарши, замеченные нами перед наступлением ночи. Мы подумали, что намерение неприятеля было окружить нашу армию и напасть на нее со всех сторон. Это казалось нам очевидно по движению полков, которые возвращались к тому месту, откуда пришли, дабы обойти левый наш фланг и растянуться вдоль берега Прута, с коего имели предосторожность снять все наши посты.

Неприятелю легче было судить о наших движениях.

Он стоял над нами на высоте, и лагерь наш был освещен, как среди белого дня, бесчисленным множеством фур и телег, сожигаемых вследствие повеления.

В эту ночь не прошли мы четверти мили. Мы осмотрелись уже на рассвете, и тогда только увидели опасность, в которой находились. Постарались исправиться, каждый на своем посту. Одной только важной ошибки, сделанной князем Репниным, не могли исправить прежде целых шести часов.

Генерал сей начальствовал правым флангом нашего каре и не рассудил, что, как ни медленно подвигалась голова отряда, хвост его непременно должен следовать за нею рысью и вскачь, дабы не отставать; он прошел усиленным маршем, думая, что всё дело состояло в том, чтоб уйти как можно далее. Таким образом разрезал он фланг, и чем далее подвигался, тем шире становился промежуток, им оставленный.

Экипажи, заключенные в центре, растянулись на просторе, полагая себя огражденными рогатками, и так-то растянулись, что большая часть отделилась от батальона-каре и шла в степи безо всякого прикрытия. Турки, заметив оплошность и видя, что экипажи составляли угол, не защищенный никаким отрядом, скользнули вдоль правого фланга под нашим огнем, отрезали все экипажи, вышедшие из батальона, и захватили их. Экипажей было тут довольно: более двух тысяч пятисот карет, колясок, телег малых и больших попались в руки неприятелю. Здесь-то, милостивая государыня, потерял я свою карету и весь свой обоз. Я успел спасти только une petite paloube с моим бельем и платьем довольно порядочным, que je faisais marcher à la hauteur de mon poste afin de pouvoir changer de linge la nuit. Несколько дам были умерщвлены с детьми своими в каретах. Жена подполковника Ропа, взятого в плен в сражении при пикете, погибла с тремя своими детьми. Почти все слуги, управлявшие экипажами или тут же замешавшиеся, имели ту же участь.

Ошибка князя Репнина была замечена, но слишком поздно. Послан был к нему один из адъютантов его величества с повелением остановиться. Между тем выставили несколько артиллерийских орудий в промежуток правого фланга, дабы отогнать неприятеля и воспрепятствовать ему прорваться. Целых пять часов употреб-

лено было на исправление ошибки, непростительной для генерала. Турки, окружавшие нас со всех сторон и с утра самого не оставлявшие нас в покое, усилили огонь во время долгого нашего растаха. Это было причиною тому, что турецкая пехота и артиллерия в течение дня успела нас догнать.

Генерал барон Алларт был легко ранен в руку; зять его подполковник Лиенро (Lienrot) ранен был смертельно близ него; генерал-майор Волконский также. Все трое были на левом фланге, на углу фронта арьергарда (près de l'angle du front de l'arrière-garde). Генерал-лейтенант барон Остен ранен был в правое плечо, что не помешало ему надзирать за безопасностию своего поста, где чрезвычайно стало жарко, когда догнала нас турецкая пехота.

Около пяти часов вечера фронт нашего батальон-каре дошел до реки Прута. Его величество приказал остановиться и выстроиться. Арьергард, сделав полуоборот направо, стал нашим правым флангом, а правый фланг левым. Едва успели мы произвести сие нужное движение, как турки уперлись своими обоими флангами к реке и заключили нас с трех сторон двойною линией, расположенной полукружием. Несколько времени спустя горы, находящиеся по той стороне реки, заняты были шведами, поляками киевского палатина и буджацкими татарами.

Выстроенные в батальон-каре и со всех сторон обращенные лицом к неприятелю, мы завалили землею наши рогатки; и пока часть полков погребала нас, остальная производила беспрестанный огонь на неприятеля, который с своей стороны также укреплялся.

Около семи часов, как я возвращался к генералу Янусу, начальствовавшему на правом фланге, где находился и мой пост, исполнив данное им поручение, я был ранен пулею в правую руку, но довольно легко, и мог остаться на своем месте, где люди падали в числе необыкновенном, ибо неприятельская артиллерия почти не давала промаха. В восемь часов вечера три орудия были у меня сбиты. Его величество, посетивший мой пост, как и прочие, приказал их исправить в ночь и к ним присовокупить двенадцатифунтовое орудие.

Могу засвидетельствовать, что царь не более себя берег, как и храбрейший из его воинов (le tsar ne s'épar-

gnait pas plus que le plus brave soldat de son armée). Он переносился повсюду, говорил с генералами, офицерами и рядовыми нежно и дружелюбно (avec tendresse et amitié), часто их расспрашивая о том, что происходило на их постах.

При наступлении ночи роздали нам, по 800 на каждый полк, новоизобретенных ножей, с трех сторон острых как бритвы, которые, будучи сильно брошены, втыкались в землю; нам повелели их бросать не прежде, как когда неприятель вздумает нас атаковать. В эту ночь неприятель сделал только два покушения: одно при свете фейерверка на пост, занимаемый генерал-поручиком Остен-Сакеном, а другое на пост генерал-майора Буша. Их отразили с той и другой стороны. Они приблизились снова уже на рассвете и дали знать о себе беспрерывным огнем из ста шестидесяти пушек, поддержанных беспрестанной стрельбою их конницы и пехоты.

Будем справедливы: генералы Янус, Алларт и Денсберг, генерал-поручики Остен и Беркгольц, генерал-майоры Видман и Буш и бригадир Ремкимг сделали более, нежели можно пересказать. Между тем как русские начальники показывались только ночью, а днем лежали под своими экипажами, генералы иностранные были в беспрестанном движении, днем поддерживая полки в их постах, исправляя урон, нанесенный неприятелем, давая отдыхать солдатам наиболее усталым и сменяя их другими, находившимися при постах, менее подверженных нападению неприятеля. Должно, конечно, отдать им эту справедливость, и не лишнее будет, если признаемся, что его царское величество им обязан своим спасением, как и спасением своей царицы, своих министров, своей казны, своей армии, своей славы и величия. Из русских же генералов отличился один князь Голицын, ибо если князь Волконский и был ранен, то так уж случилось от его несчастия, а не через его собственную храбрость.

Коли ночь показалась нам коротка, потому что не были мы обеспокоены, то утро зато показалось нам очень долгим, по причине быстрого и беспрестанного неприятельского огня, от которого много мы терпели, по крайней мере на правом нашем фланге со стороны

фронта. Войско, приближенное к реке, было совсем безопасно.

Около девяти часов утра его величество, коему не безызвестно было, что иностранные генералы одни могли спасти его армии, приказал позвать их в центр экипажей, где находилась его палатка. Генерал Янус, которого царь приглашал особенно вместе с бароном Остеном, взял меня с собою к его величеству. Государь милостиво осведомился о моей ране, которая очень меня беспокоила, потому что я только еще промывал ее вином, данным мне генерал-майором Бушем. У меня не было ни капли. Телеги мои были в числе тех, которыми овладели турки.

Государь, генерал Янус, генерал-поручик Остен и фельдмаршал держали долгое тайное совещание. Потом они все подошли к генералу барону Аллларту, лежавшему в карете по причине раны, им полученной, и тут между каретою сего генерала и каретою баронессы Остен, в которой находилась г-жа Буш, положено было, что фельдмаршал будет писать к великому визирю, прося от него перемирия, дабы безопасно приступить к примирению обоих государей.

Трубач генерала Януса отправился с письмом, и мы ожидали ответа, каждый на своем посту, как объявили нам о смерти генерал-майора Видмана.

Это была невозвратная потеря для царя. Видман был человек достойный и честный, прямой, правдивый, добрый товарищ и хороший кавалерийский офицер, основательно знавший свое дело. Все об нем сожалели тем более, что он находился не на своем посту: он служил в дивизии генерала Рене и должен был бы с ним отправиться в Валахию, если б его царское величество не оставил его в своей армии из уважения к нему.

Не прошло двух часов по отъезде трубача, как увидели мы, что он возвращается с агою янычаров. Турок прибыл на пост, где находился генерал-поручик Беркгольц, и сказал ему на франкском языке, на котором Беркгольц изъяснялся хорошо, что великий визирь соглашался на требуемое перемирие и давал нам знать, чтоб мы прекратили наш огонь (что́ и с их стороны будет учинено) и чтобы мы присылали комиссаров для переговоров о мире.

Мы не дождались повелений генерал-фельдмаршала

и остановили огонь, каждый на своем посту, и в минуту на той и другой стороне водворилось спокойствие.

Не прошло и двух часов со времени, что перемирие было объявлено и что барон Шафиров отправился в лагерь великого визиря в качестве комиссара с препоручением трактовать о мире, как увидели мы всю турецкую армию около наших рогаток; турки приехали нас навестить и полюбоваться нами в нашей клетке. Наконец они так приблизились, что генералы наши возымели подозрение, особенно генерал Янус, который послал г. Беркгольца к великому визирю, прося его приказать войску своему возвратиться в окопы и учредить караулы для удержания турок в повиновении, что с нашей стороны должны были сделать и мы.

Генерал-лейтенант Беркгольц возвратился с тем же янычарским агою, который одним словом погнал всю турецкую армию в ее окопы. Он расставил потом караулы (vedettes) со стороны их, а мы с нашей.

Признаюсь, милостивая государыня, изо всех армий, которые удалось мне только видеть, никогда не видывал я ни одной прескраснее, величественнее и великолепнее армии турецкой. Эти разноцветные одежды, ярко освещенные солнцем, блеск оружия, сверкающего наподобие бесчисленных алмазов, величавое однообразие головного убора, эти легкие, но завидные кони, всё это на гладкой степи, окружая нас полумесяцем, составляло картину невыразимую, о которой, несмотря на всё мое желание, я могу вам дать только слабое понятие.

Когда увидели, что дело клонилось к миру не на шутку, мы отдохнули, переменили белье и платье; вся наша армия, начиная с царя, походила на трубочистов; пот, пыль и порох так покрывали нас, что мы друг друга уж не узнавали. Менее, нежели через три часа, все явились в золоте, всякий оделся как можно великолепнее.

22-го вечером узнали через барона Шафирова, прибывшего из турецкого лагеря для объяснений с его величеством о некоторых спорных пунктах и через час уехавшего обратно, что всё шло хорошо и что, конечно, мир будет заключен.

Не могу, милостивая государыня, здесь не упомянуть о благоразумном поступке, который заставил нас уважать турецкий народ. Какой-то спаги, или, что всё равно, всадник, перешел за указанную черту и явился близ моего

поста, где прогуливался я с сыном барона Денсберга, подполковником в Белозерском полку, и с генерал-майором Вейсбахом. Этот спаги говорил что-то нашим драгунам, находившимся за рогатками, размахивая своею саблею и полагая, видно, что мы понимали его наречие. Офицер, разъезжавший около их лагеря, заметил, что спаги перешел за положенную черту, и, давая знак возвратиться в лагерь, с твердостию выговаривал ему. Спаги его не послушался; офицер, после двукратного требования, приблизился к нему молча и махом своей сабли чисто отрубил руку, которая упала с саблею к нашим ногам; потом, продолжая путь свой с тем же хладнокровием, простился с нами, коснувшись рукою чалмы своей. Спаги не стал тратить времени и ускакал во весь опор, оставя руку и саблю у ног молодого Денсберга. Сей поступок неверного служит уроком для христиан, с какою строгостию должно хранить свое слово, данное и неприятелям.

22 и 23 числа прошли в нетерпеливом ожидании столь нужного и столь желаемого мира. Положение, в котором мы недавно находились, того требовало. Оно было ужасно. Смерть или рабство — не было средины. Нам должно было выбрать из двух одно, если бы великий визирь сделал свое дело и служил с усердием государю своему. Надлежало ему только быть осторожным, укрепляться в окопах и оставаться в бездействии. Армия наша не имела провианта; пятый день большая часть офицеров не ели хлеба; тем паче солдаты, которые пользуются меньшими удобностями. Лошади были изнурены (étaient depuis le même temps au filet); некоторые генералы имели при себе несколько кулей овса и кое-как поддерживали своих лошадей; остальные же кони лизали землю и были так изнурены, что когда пришлось употребить их в дело, то не знали, седлать ли, запрягать ли их или нет.

Вечером 23 июля (по старому стилю) бригадиры получили приказ отобрать розданные ножи, по 800 на каждый полк, и побросать их ночью в реку через надежных офицеров. Узнали также, что в артиллерийском парке зарыто было множество пороху, бомб, гранат и ядер, также и оружия, предварительно сломанного, что предвещало нам конец нашим бедствиям.

Наконец, милостивая государыня, 24 увидели мы одну из придворных повозок (paloube), в которой везли на 200 000 червонцев золота и вещей, обещанных бароном

Шафировым в подарок великому визирю. В полдень его царское величество чрез своего генерал-адъютанта объявил всем генералам, что он заключил с Портою твердый, неколебимый и вечный мир, и приказал дать знать о том всем офицерам и рядовым своей армии.

Если бы сказали нам 22 июля утром, что мир заключен будет таким образом 24-го, то всякий почел бы, конечно, мечтателем и сумасшедшим того, кто б осмелился ласкать нас надеждою на такое несбыточное счастие. Я помню, что когда трубач генерала Януса отправился с письмом фельдмаршала, в котором просил он перемирия, генерал сказал нам, возвращаясь к нашим постам, что тот, кто завел его царское величество в это положение, должен был быть величайшим безумцем всего света; но что если великий визирь примет наше предложение в настоящих обстоятельствах, то это первенство принадлежит ему. Богу угодно было, чтоб генерал неверных ослеплен был блеском двухсот тысяч червонцев, для спасения великого множества честных людей, которые, поистине, находились в руках турков.

В час пополудни оттоманы обнародовали мир, и почти в то же время фельдмаршал отдал приказ армии выступить в поход в шесть часов вечера в новом боевом порядке, коего план роздан был всем генералам, дабы каждый из них занял свое место. Войско должно было выступить из лагеря с распущенными знаменами, с барабанным боем и с флейтами перед каждым полком.

Не нужно было приказывать офицерам, у коих оставались еще экипажи, их облегчить: необходимость и так уж того требовала. Множество добра побросали в лагере, ибо лошади едва таскались, изнуренные и чуть живые.

Прежде нежели оставим лагерь, вы позволите, милостивая государыня, исчислить вам потерю обеих армий в эти четыре дня. Достоверно, что его царское величество лишился не более, как 4800 человек убитыми. Из генералов убит один г. Видман; два полковника, пять подполковников, 18 капитанов и 26 нижних чинов разделили с ним ту же участь. Турки чистосердечно признались нам, что они потеряли убитыми 8900 человек, между прочим одного любимца их султана и множество офицеров.

24-го в 6 часов вечера армия выступила в поход центром правого фланга. Четыре батальона, в нем находившиеся, составляли фронт под командою генерала барона

Денсберга, генерал-майора Альфенделя и бригадира Моро де Бразе (Moreau de Brasey, Comte de Lion en Beauce). Прочие генералы следовали по старшинству; Адам Вейде и князь Голицын составляли арьергард, а солдаты несли рогатки, как и во время сражения. Армия, составляя батальон-каре, гордо прошла мимо турков, выстроенных в одну линию в долине по левую нашу руку. Мы шли до самой ночи по берегу Прута, который был от нас вправо, а горы влево.

Один французский инженер, по имени Терсон, человек самый честный, уважаемый царем и русскими, приятель всего света, удостоверил меня, что есть люди, имеющие верные предчувствия о своей смерти. Сей француз подружился со мною в Риге, где я узнал его; и когда шесть месяцев после встретились мы в той же армии, он часто делал мне честь навещать меня и довольствоваться моей хлеб-солью. В тот день, как возвратились мы в лагерь, в сопровождении неприятелей, он ко мне пришел поздравить меня с достославным нашим отступлением и с тем, что генерал Янус благосклонно отзывался ему обо мне, радуясь, что в сем случае имел меня при себе. Я отвечал, что генерал Янус отдавал свои приказания с такою ясностию, что офицеру, как бы тупо ни было его понятие, невозможно было их не выполнить. Умирая с голоду, я ел с большим аппетитом то, что мог еще найти годного в моих запасах, и Терсон последовал моему примеру. Тут открыл он мне за тайну, что ему из Молдавии не выйти и что он оставит в ней свои кости. Я всячески старался рассеять его мрачное предчувствие, но тщетно. Заключили мир, армия выступила. Терсон прибыл к моему посту и довольно долго со мною разговаривал. Я стал смеяться над его предчувствием, доказывая его ложность, ибо мир был заключен. Он отвечал, что генерал Янус, которому также он открылся, делал ему то же рассуждение, но что он и мне даст тот же ответ, как и генералу, именно, что он из Молдавии еще не вышел и что мы успеем над ним посмеяться, когда войско перейдет за Днестр. Несколько времени спустя он меня оставил и поехал к генералу Янусу, который страдая подагрой, ехал в карете вдоль правого фланга во сте шагов от фронта. Поговорив с ним немного, он оставил его по некоторой нужде. Один из татар, следовавших за нашей армией в намерении что-нибудь подцепить, проскакав ми-

мо его, воткнул в него копье и оставил его мертвым, не сняв даже с него шляпы. Генерал Янус послал за мною своего адъютанта и показал мне его тело, принесенное к батальону гренадерами и которое было еще тепло. Мы жалели об нем от всего сердца и дивились между тем предчувствиям, которые оспоривал я с упрямством. Фельдмаршал послал трубача к великому визирю с жалобою на нарушение условий. Трубач возвратился ночью с предписанием вешать всех татар, которые попадутся нам в руки, гоняясь за нашей армией.

При совершенном наступлении ночи его царское величество велел остановиться батальону-каре. Мы выстроились как можно исправнее. Мы расположились на биваках. Ночлег был краток, и ночь чрезвычайно дождлива.

Не правда ли, что вы находите меня нечувствительным в отношении к вашему полу, ибо до сих пор не говорил я вам о всем, что претерпели дамы, находившиеся в нашей армии? Вообразите их себе, милостивая государыня, посреди ужасов четырехдневного сражения, подверженных тем же опасностям, как и мы; кареты их прострелены были пулями, разбиты пушечными ядрами; и эти милые дамы должны были попасться в плен, если не погибнуть в нечаянном нападении, коего мы только и опасались. Не знаю, более ли они страдали во время битвы, нежели радовались о своем избавлении; но знаю, что генерал-майорша Буш три недели после не могла еще оправиться от страха, ею претерпенного в те четыре дня, как мы имели дело с турками.

Как об условиях мира хранили глубокое молчание, то мы (иностранцы) никого и не расспрашивали, а рассуждали о них между собою, не сомневаясь, чтоб они не были весьма тягостны для его царского величества. Однако мы узнали обо всем в походе (25-го июля), и совсем неожиданным для нас образом.

Армия выступила в поход на рассвете с экипажем, уменьшенным по крайней мере двумя третями. В полдень пришли мы в теснину, где мы так долго простояли в начале нашего похода. Я был один из начальников авангарда или фронта нашего батальон-каре, который для большей удобности экипажей разделился при входе в теснину. Мы первые прибыли в долину, находящуюся за тесниною: место приятное, окруженное густыми деревьями и огражденное слева высокими лесистыми горами, а

справа рекою Прутом, разливающим на свои берега прохладу, которой мы и воспользовались. Там настигли меня сначала генерал-майор Буш, а вслед за ним генерал барон Остен. Все трое мы проголодались. Карета госпожи Буш ехала невдалеке. Муж ее послал спросить, нет ли у ней чем бы нам пообедать. Эта милая дама прислала нам бутылку венгерского вина, четыре холодных цыпленка, хлеба довольно черствого, но всё ж хлеба, и мы, при приближении такого сильного сикурса, избрали местоположение и стали работать с одинаковою жадностию. Бутылка нашлась недостаточной для утоления нашей жажды: мы послали за подкреплением, которое и было нам доставлено с тою же любезностию. Только что мы кончили наш обед, фельдмаршал на нас наехал и попросил нас угостить трех пашей, присланных от великого визиря к его царскому величеству, покамест государь не даст им ответа. Мы к ним отправились. Один из них говорил хорошо по-немецки и еще лучше по-латыни. Он достался на мою долю; друзья мои довольствовались оба одним из остальных, говорившим только по-немецки. В минуты первых приветствий слуги фельдмаршальские разбили шатер, постлали наземь ковер турецкий, на который усадили мы наших трех пашей. Они сели, сложив ноги крестом, и велели принести себе трубки, коих чубуки столь были длинны, что головки их лежали на земле.

Сначала разговор наш был общий. Они сказали нам, что великий визирь послал их предложить его царскому величеству 2000 человек спаги для отогнания татар, нас преследующих, и из коих шестеро ночью были пойманы, не считая тридцати убитых нашими конными гренадерами. Наконец, паша, говоривший по-латыни, коль скоро узнал, что я француз, подозвал меня к себе и громко объявил, что французы были приятели туркам. Тогда, вступив в частные рассуждения, я спросил у него, по какой причине и на каких условиях заключили они мир? Он отвечал, что твердость наша их изумила, что они не думали найти в нас столь ужасных противников, что, судя по положению, в котором мы находились, и по отступлению, нами совершенному, они видели, что жизнь наша дорого будет им стоить, и решились, не упуская времени, принять наше предложение о перемирии, дабы нас удалить. Он объявил, что в первые три дня артиллерия наша истребила и изувечила множество из их единоземцев, что

у них было 8000 убитых и 8000 раненых и что они поступили благоразумно, заключив мир на условиях, почетных для султана и выгодных для его народа.

Вы чувствуете, милостивая государыня, что, увидя случай отозваться с похвалою о нашей армии, я не стал скромничать и, признаюсь, отроду не хвастал я с таким усердием и не встречал подобной доверенности. Потом я сказал ему, что, будучи доволен изъяснением причин, по которым заключили они мир, я хотел бы знать и условия оного; он охотно исполнил мое желание, выпивая кофе, который между тем им подносили. И вот они, сии условия, которые тем более изумили меня, что, основываясь на предложениях, показанных мне в Риге Левенвольдом, я полагал короля шведского истинною причиною войны.

1) Его царское величество возвратит туркам Азов, срыв новые укрепления оного, также и крепости, выстроенные им по берегу.

2) Флот свой и морское войско переведет он в Воронеж и не будет иметь другой, ближайшей пристани к Черному морю, кроме как Воронежской.

3) Казакам возвратит их старинную вольность, а Польше Украйну Польскую, так же как и Эльбинг и другие города, им захваченные.

4) Выведет без изъятия все полки, находящиеся в разных частях Польши, и впредь ни под каким предлогом и ни в каком случае не введет их обратно, сам или через своих генералов.

5) Наконец, его царское величество даст королю шведскому свободный пропуск в его государство, даже в случае нужды и через свои владения, с конвоем, который дан будет от султана; также не станет никаким образом тревожить короля во время проезда его через польские владения, обязуясь в то же время удержать и Фридерика-Августа, курфирста Саксонского, от всякого неприязненного покушения как на особу короля, так и на конвой, его сопровождающий.

Таковы были условия мира, столь полезного и столь нужного для славы его царского величества. Прибавьте к тому и 200 000 червонцев, подаренных великому визирю (что подтверждено мне было моим пашою). Он сказал мне, что спустя час по отступлении армии нашей шведский король переехал через Прут на челноке, сде-

ланном из выдолбленного пня, пустив лошадь свою вплавь, и сам-шест прискакал в лагерь великого визиря; что король говорил ему с удивительною гордостию и между прочим сказал, что «если один из его генералов вздумал бы только заключить таковой мир, то он отрубил бы ему голову и что ему, визирю, должно то же самое ожидать от султана». На всю эту брань великий визирь отвечал только то, что он имел от султана приказание и что он ничего не сделал без согласия одного министра (de sa hautesse), находящегося в его лагере, и своего военного совета.

Мы разговаривали обо всем этом, как фельдмаршал пришел им объявить, что его величество принимает учтивое предложение великого визиря. Паши откланялись, взяв с собою шестерых татар, схваченных нами ночью, и отослали их связанных к великому визирю для примерного наказания.

Я всегда воображал себе турков людьми необыкновенными; но мое доброе о них мнение усилилось с тех пор, как я на них насмотрелся. Они большею частию красивы, носят бороду не столь длинную, как у капуцинов, но снизу четыреугольную и холят ее, как мы холим лошадей. Эти паши, хотя все трое разного цвета, имели красивейшие лица. Тот, с кем я разговаривал, признался мне, что ему было 63 года, а на взгляд нельзя было ему дать и сорока пяти.

Армия наша, расстроившая батальон-каре при входе в теснину, разделилась в долине, находящейся при выходе из оной. Его царское величество с преображенцами, семеновцами, астраханцами и ингерманландцами стал в авангарде в двух милях от теснины. Генерал-лейтенант Брюс с артиллерией и дивизия князя Репнина следовали за его величеством и расположились лагерем в полуторе мили, генерал барон Денсберг в одной миле, генерал барон Алларт в полумиле с кавалерией, которою командовал он по приказанию его величества, ибо г. Янус страдал в это время подагрою. Дивизия же Адама Вейде осталась при выходе из теснины. Двухтысячный турецкий отряд разделился на три части: одна осталась в тылу армии, а две другие расположились по ее флангам. В таком расположении и наблюдая всё те же дистанции, мы пошли на Яссы, где надеялись найти все запасы, нужные для обратного нашего похода через степи. Мы достигли сего

города в шесть переходов, каждый в четырех милях состоявший. Там оставались мы четыре дня и запаслися всем, что могли только найти.

Много претерпел бы я во время сего перехода, если бы генерал барон Алларт, зная, что я потерял весь мой экипаж, не снабдил меня великодушно повозкою, четверкою лошадей и прекрасной палаткой, с ее *маркизою*. А как в повозочке моей (paloube) с одеждой и бельем находилась и постеля, то я в своем несчастии почитал себя счастливейшим из смертных.

Дав четырехдневный отдых своей армии и собрав запасы для перехода через степи, его царское величество повел нас вдоль Прута до (Stanope) Станопа, по дороге не столь трудной и дальней, как Сороцкая. В Станопе мы стояли опять четыре дня по той причине, что его величество приказал навести один только мост для переправы всей армии.

Здесь расстались мы с тремя пашами и с их отрядом. Дорогой имел я честь несколько раз с ними разговаривать, а однажды и обедать вместе у генерал-лейтенанта барона Остена. Они попросили рису вареного на молоке и наелись им, насыпав кучу сахара. Мы никак не могли заставить их пить венгерского вина, как ни просили: они предпочитали кофей, сваренный по их обычаю и который пили они целый день.

От Станопы армия в четыре дня пришла к Могилеву на Днестре, куда прибыл уж Сороцкий гарнизон, истребив мост и наружные укрепления городка. Новый мост, который должно было навести на Днестре, задержал нас тут еще восемь дней. Буджацкие татаре вздумали было нас беспокоить. Казачий полковник заманил их по-своему в засаду. 160 были убиты, шестеро взяты в плен, и фельдмаршал велел их повесить всех на одном дереве на самой высокой из соседних гор, дабы устрашить тех, которые вздумали бы опять нас беспокоить в нашем лагере или фуражировке, что не переставали они чинить с нами от самой Станопы.

Мост был готов, и армия спокойно переправилась в трое суток. Шесть батальонов гренадер остались в арьергарде лагеря из опасения, чтоб татаре, кроющиеся в горах, не потревожили переправы наших последних полков. Но они оказались более благоразумными, нежели мы предполагали; проученные последнею своею неудачей, они

уже не показывались, и отступление наше совершилось со всевозможным спокойствием.

Во время нашего пребывания в лагере за Днестром в Подолии его царское величество пожелал узнать в точности потерю, им понесенную в сей краткий, но трудный поход. Приказано было каждому бригадиру представить к следующему утру подробную опись своей бригаде, определив состояние оной в первый день вступления нашего в Молдавию и то, в котором находилась она в день отданного приказа. Воля его царского величества была исполнена: из 79 800 людей, состоявших налицо при вступлении нашем в Молдавию, если вычесть 15 000 находящихся в Валахии с генералом Рене, оставаться надлежало 64 800; но оказалось только 37 515. Вот всё, что его царское величество вывел из Молдавии. Прочие остались на удобрение сей бесплодной земли, отчасти истребленные огнем неприятельским, но еще более поносом и голодом.

На третий день нашего пребывания в новом лагере, куда припасы стекались изобильно из Каменца и других городов подольских, государь, императрица, свита их и министры (за исключением барона Шафирова и графа Шереметева, оставленных в лагере турецком заложниками мира) отправились incognito в 10 часов вечера, под прикрытием одного только гвардейского эскадрона, к Ярославу. Там по приказанию государя приготовлены были суда, на которых он Вислою отправился в Торн, где императрица, в то время брюхатая на седьмом месяце, располагалась родить. Это был первый ее ребенок с того времени, как она признана была императрицей: честь, коей она достойна более многих принцесс, которые должны бы краснеть от стыда, видя, что женщина ничтожного происхождения (une femme de rien), безо всякого образования, не воспитанная в чувствах величия и душевной возвышенности, свойственных высокому рождению, поддерживает сан императорский со всею честию, величием и умом, которые можно было бы только ожидать от самой знатнейшей крови.

На другой день отъезда его величества фельдмаршал со всею армией выступил в поход и остановился лагерем в Шарграде, куда по его приказанию съехались все генералы из разных мест, где они находились, ибо армия

была распределена по разным направлениям для удобства продовольствия и фуражировки.

Когда генералы собрались в палатках фельдмаршала, он объявил им, что его царское величество, заключив мир с турками, не имел уже надобности в столь великом числе генералов, что он имел повеление от государя отпустить тех из них, которые по их большому жалованию наиболее были ему тягостны, что он именем его царского величества благодарит их за услуги, ими оказанные, особенно в сей последний поход; потом он роздал абшиды генералам, коим прилагаю здесь список, включая в том числе тех, которые оставили службу его величества с 1 января 1711 года.

Список генералам, отпущенным его царским величеством или оставившим его службу без отпуску.

Фельдмаршал генерал-лейтенант Гольц отошел без отпуску, не получив 60 000 экю и более должного ему жалованья.

Генерал Янус отошел без отпуску по той же причине.

Генерал барон Денсберг отпущен с абшидом.

Генерал-лейтенант барон Остен отпущен с абшидом.

Генерал-лейтенант Беркгольц отпущен с абшидом.

Генерал-лейтенант Ностиц, эльбингский комендант, отошел без абшида, самовольно удовлетворив себя 50 000 экю, которые считал за государем.

Бригадир граф де Фриз отошел без отпуска.

Бригадир Моро де Бразе (comte de Lion en Beauce) отпущен с абшидом.

Бригадир Боэ отпущен с абшидом.

Бригадир барон Ремкимг отпущен с абшидом.

Бригадир граф Ламберти отпущен с абшидом.

Барон Денсберг, кавалерийский полковник, отпущен также с абшидом.

Полковник от инфантерии Меегорs отпущен также с абшидом.

На следующий же 1712 год отпущены с абшидом генерал барон Алларт и генерал-лейтенант Флюгель.

14 иностранных полковников отпущено с абшидом; некоторые же отошли сами.

22 подполковника отпущены с абшидом, отчасти отошли.

156 капитанов отпущены или отошли сами.

Фельдмаршал не слишком много истратил денег, отпуская всех сих офицеров, ибо никому ничего не заплатил; и до сих пор за ним пропадает жалования моего за 13 месяцев, * по 130 рублей на месяц (рубль стоит 5 французских ливров); я получал 70 рублей как бригадир, 40 как полковник и 20 как капитан.

Генерал барон Денсберг имел ужасную схватку с фельдмаршалом касательно денег; но это ни к чему не послужило. Делать было нечего; мы решились терпеть; генерал барон Денсберг, генерал-лейтенант барон Остен и я отправились вместе через Stanope, Тарнополь (где мы встретили полки генерала Рене, возвращающиеся из Валахии, и которые там обогатились в той же мере, как мы обнищали) и потом через Замосц в Леополь, где целый месяц отдыхали от трудов нашего сумасбродного похода. В сем-то городе познакомился я с госпожою коронною старостихой и ее сестрою, госпожою великой хорунжихою. Обе они сестры великому коронному гетману Синявскому. Сии дамы оказали мне множество вежливостей; между прочим получил я от старостихи прекрасного испанского табаку, который оживил мой нос, совсем изнемогавший без сей благодетельной помощи, для меня необходимой.

Из Леополя мы сухим путем приехали в Варшаву, где отдыхали еще один месяц. Оттуда Вислою отправился я с бароном Остеном и его супругою в Данциг, где нашел я свою жену и семейство свое, умноженное одною наследницею, милым и прекрасным ребенком.

---

* Кажется, слышишь храброго капитана Dalgetty, жалующегося на недоимки и неисправность в платеже жалованья.

ИЗ РАННИХ РЕДАКЦИЙ

ВООБРАЖАЕМЫЙ РАЗГОВОР С АЛЕКСАНДРОМ I

(Стр. 51)

В черновой рукописи сохранился зачеркнутый Пушкиным текст перед фразой: «Скажите, как это вы могли ужиться с Инзовым, а не ужились с графом Воронцовым?» (стр. 51):

«Скажите, неужто вы всё не перестаете писать на меня пасквили? Вы не должны на меня жаловаться, это нехорошо, если я вас и не отличал, еще дожидая случая, то вам всё же жаловаться не на что. Признайтесь: любезнейший наш товарищ король гишпанский или император австрийский с вами не так бы поступили. За все ваши проказы вы жили в теплом климате; что вы делали у Инзова и у Воронцова?» — «Ваше величество, Инзов меня очень любил и за всякую ссору с молдаванами объявлял мне комнатный арест и присылал мне, скуки ради, ,,Франкфуртский журнал". А его сиятельство граф Воронцов не сажал меня под арест, не присылал мне газет, но, зная русскую литературу, как герцог Веллингтон, был ко мне чрезвычайно...» *

О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(Стр. 96)

В черновой рукописи после слов «дворянству, соединенному с духовенством» (стр. 97) следовало: «Народные сеймы под именем собраний генеральных штатов составили коренное народное право французов. Они постановляли законы, вследствие коих короли правили при содействии парламентов».

Эти слова были намечены к перенесению в другое место статьи, но в рукописи нет указания, куда именно.

---

* Не дописано.— *Ред.*

ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВА

ПРЕДИСЛОВИЕ (стр. 109)

Из первой редакции

История Пугачева мало известна: при Екатерине запрещено было о нем говорить. При Александре написан глупый роман, краткое известие о взятии Казани и жизнь генерала Бибикова. Иностранцы говорили о нем гораздо более, резиденты очень им занимались, но их незнание России завлекало их в большие заблуждения; иные видели в Пугачеве великого человека, другие — орудие злоумышленников, и их подозрения не пощадили никого... Незнание наших историков удивительно. Г-н Сумароков в «Истории Екатерины» пишет: «неистовства Пугачева быстро распространялись. Правительство переменило мнение, уверилось в важности обстоятельства, отрядили против его полки и вручили начальство генералу Бибикову. Начало не соответствовало ожиданию; Кар и Мансуров не устояли, изверг овладел Оренбургом и, прогнанный оттуда князем Голицыным, устремился на Уфу, наконец к Казани, жег, опустошал их предместия и окрестности».

Что слово, то несправедливость. В начале бунта прибыл не Бибиков, а Кар; Мансуров никогда не был разбит; Оренбург не был взят Пугачевым; самые первые распоряжения Бибикова были увенчаны успехом.

Исторический отрывок, мною издаваемый, составлял часть труда, мною оставленного. Я собрал всё, что было обнародовано в свет в трудах писателей, писавших о Пугачеве. Я пользовался изустными преданиями и свидетельством живых, так же всем, что правительством было обнародовано.

Из второй редакции

Село Болдино 2 ноября 1833

Сей исторический отрывок составлял часть труда, мною оставленного. В нем собрано всё, что было обнародовано правительством касательно Пугачева. Я пользовался многими рукописями, преданиями, показаниями и свидетельствами живых. Также выбрал из иностранцев, говоривших о Пугачеве, всё, что казалось мне достоверным.

Прискорбная судьба следовала по сему делу. Во время самого бунта запрещено было черному народу говорить о Пугачеве; по усмирении бунта и казни главных преступников императрица,

прекратив судебное следствие по сему делу, повелела предать оное забвению. Сего последнего выражения не поняли, а подумали, что о Пугачеве запрещено было вспоминать. Таким образом временная полицейская мера и худо понятое выражение возымели силу закона. О Пугачеве не напечатано было ни единой строки до самого восшествия на престол Александра. В его царствование издан был ничтожный роман о Пугачеве, также известие о взятии Казани и наконец жизнь генерала Бибикова, писанная сыном его, покойным сенатором. Книга весьма замечательная. Вот всё, что доселе имеем напечатанного касательно сего эпизода царствования Екатерины II.

Трудолюбивый Рычков, автор «Оренбургской топографии» и многих других умных и полезных изданий, оставил любопытную рукопись о сем времени. Я имел случай ею пользоваться. Она отличается смиренной добросовестностию в развитии истины, добродушным и дельным изложением оной, которые составляют неоцененное достоинство ученых людей того времени. В сей же рукописи помещены (не менее любопытные) журналы генерал-поручика Рейнсдорпа, игравшего важную роль в бедственную годину, и князя Голицына, победившего Пугачева, и письмо о взятии Казани.

ИЗ ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ

Глава I (стр. 110)

О походах Нечая и Шамая

Он отправился вверх по Яику и, отъехав несколько верст, вышел на берег и в горах, по казацкому обычаю составя *круг*, или совет, объявил товарищам о своем предприятии и предложил рассуждать о средствах исполнить оное. Дьяк, или писарь, тут находившийся, осмелился говорить о предстоящих опасностях.

Нечай, озлобленный противуречием, велел его повесить как малодушного. Место казни доныне называется Дьяковой горою. Казаки отправились в трудный путь и достигли Хивы. Счастие благоприятствовало Нечаю. Хивинский хан с войском своим находился тогда на войне, в Хиве оставались одни жены, старики да дети. Нечай овладел городом безо всякого препятствия. Казаки разделили между собою ханских жен и сокровища, зажились в Хиве и поздно выступили в обратный поход. Обремененные тяжелой добычею, они были настигнуты возвратившимся ханом на берегу Сыр-Дарьи в самое то время, как Нечай готовился к пере-

праве. Казаки оборонялись храбро, но наконец были разбиты и истреблены.

Не более трех казаков возвратилось в яицкое войско и объявило о погибели храброго Нечая. Но долго молва о богатстве Хивы носилась между казаками, подстрекая корыстолюбое их молодечество, и несколько лет после один из их атаманов по прозванию Шамай, набрав до трехсот человек товарищей, пустился по следам Нечая. Но сей поход был несчастливее еще первого. Казаки зимовали на реке Илеке и весной отправились по степи. Не зная дороги, они захватили двух молодых калмыков, рывших ямы для ловли зверей, и употребили их в провожатые. Калмыки, кочевавшие по степи, озлобились и решились их погубить. Они скрылись в низкой долине, окруженной высотами, на которых нарочно высланные люди рыли землю и бросали ее вверх. Казаки, увидя их издали, почли их за охотников и толпою поскакали за ними в погоню к тому самому месту, где калмыцкое войско их ожидало. Шамай, скакавший впереди, был захвачен с несколькими казаками. Калмыки освободили всех, кроме атамана, требуя вместо выкупа выдачи двух молодых пленников. Но наказной атаман, заступивший место Шамая, отвечал, что атаманов у них много, а без вожатых быть им нельзя, и с тем они отправились далее. Но, пришед к Сыр-Дарии, сбились с дороги, на Хиву не попали и пришли к Аральскому морю, на котором и принуждены были зимовать.

Глава V (стр. 149)

Текст одной из первых редакций рассказа об осаде Яицкого городка

На следующий день, поутру, появились мятежники у так называемых Горок, в пяти верстах от города, растянулись по степи, дабы увеличить в глазах неприятеля свои силы и, спустясь с горы, поскакали к городу во весь опор. В крепости ударили в набат. Никто не явился. Симонов поспешил зажечь строения, находившиеся близ крепости. Но мятежники успели их занять, засели в избах и срубах и через четверть часа открыли сильную стрельбу. Жители, вооружась чем ни попало, спешили с ними соединиться. Выстрелы (говорит один свидетель) сыпались подобно дроби, битой десятью барабанщиками. В крепости падали люди, не только стоявшие на виду, но и те, которые на мгновение подымали голову из-за заплота. Мятежники, безопасные в десяти саженях от крепости и большею частию гулебщики (охотники), попадали даже в щели, из которых стреляли осажденные, но их

пало тут до ста человек. Бомбы, метаемые из крепости, падали в снег и угасали или тотчас были залиты. Ни одна изба не загорелась. Наконец трое рядовых шестой команды вызвались зажечь ближайший двор, высокий дом Синельникова, что им и удалось. Пожар быстро распространился; из крепости начали стрелять картечью, и мятежники побежали, унося убитых и раненых. К вечеру ободренный гарнизон сделал удачную вылазку и успел зажечь еще несколько домов.

На другой день мятежники стреляли издали и из долгих пищалей. Против них сделана еще вылазка и еще сожжено несколько домов, что и повторялось три дня сряду. Около крепости очистилась площадь с одной стороны сажень на сто, с другой на 40, с третьей на 25. Причем убито около ста человек мятежников.

Бунтовщики обгорелую площадь и улицы, к ней ведущие, завалили бревнами, поделали батареи, расставили пикеты. Стрельба продолжалась беспрерывно целую неделю. В одну минуту насчитать можно было до десяти выстрелов. Вскоре после приведены были им из-под Оренбурга пушки, единорог и две гаубицы, но их артиллерия действовала безуспешно, и убило одного только солдата.

Негодуя на медленность осады, Пугачев из-под Оренбурга прибыл сам в Яицкий городок. Под одну из фланговых батарей подведен был подкоп. Пугачев вооружил всех жителей поголовно, даже двенадцатилетних детей. Всего набралось до 4000 человек. В крепости на всех четырех стенах (с резервом и с нестроевыми) могло набраться надежных людей до 400. 20 января ночью взорван был подкоп; стена и батарея уцелели, но часть контр-эскарпы осела, так что в ров и изо рва входить и выходить стало возможно.

Еще пыль от взрыва не улеглася, как мятежники с криком и визгом бросились в ров и наполнили оный. Мужики явились с лестницами (числом до 100). Из амбразур крепости грянула картечь. Мятежники, бывшие на площади, бежали и скрылись за строениями, но те, которые были во рву, остались там, удержанные самим Пугачевым, и начали подкапываться под батарею, подрубать заплотные столбы и, влезши на лестницы, стрелять по гарнизону. Осажденные робели; подпоручик Толстованов решился сделать вылазку и собрал 45 человек охотников. С высоты батареи начали бросать горячую золу и лить вар на бунтовщиков, и в сие время из-за угла батарейного рва Толстованов стремительно на них ударил в штыки. Бунтовщики бежали, давя друг друга и беззащитно убиваемые солдатами. Те, которые успели выбраться изо рва, подвергались картечи. Пугачев потерял до 500 убитыми и ранеными.

Около первого февраля раздалась в городке пушечная пальба и колокольный звон, не умолкавшие целый день. Пугачев праздновал свою свадьбу с Устиньей Кузнецовой.

На яру старицы в 20 саженях от крепости мятежники взвели низкую батарею. Надлежало ее уничтожить. Девятого февраля осажденные сделали вылазку и зажгли батарею и ближнее строение. Бунтовщики ударили *в сполох* (в набат) и под предводительством Пугачева принудили их отступить. Однако и батареи и ближайшие дворы сгорели, и место очистилось на 50 сажень.

При сей вылазке седьмой команды унтер-офицер Сапугальцев, находившийся первый на всех вылазках, в жару битвы не заметил отступления своих и остался сам-третей посреди мятежников. Товарищей его убили; он сам, тяжело раненный, вошел в избу и лег с ружьем под лавку, противу дверей, дабы последним выстрелом поразить первого, кто войдет. Вошел Пугачев; Сапугальцев выстрелил, но пуля пролетела мимо злодея, задев только полу его кафтана. Храбрый Сапугальцев тут же был изрублен. В крепости церковь соборная и колокольня составляли одну линию с фасом переднего вала. Над самыми колоколами были два подмоста; на высшем — восемь окон на все стороны. Колоколы были сняты, и там стояла пушка, другая — на высшем подмосте (9 сажень и 13 сажень от земли).— Неулыбин донес *и проч.*— Гарнизон получил повеление быть в готовности. В то же время разобрали кирпичный пол и стали подрываться под неприятельский подкоп. Мятежники поспешили и, не дождавшись 70 пудов пороху, ожидаемого из Гурьева, подложили, сколько случилось, завалили камору и бросили огонь. Колокольня, зашатавшись, с удивительною тихостью начала валиться. Хотя паденье было тихо и камни, не быв разбросаны, свалились в груду, однако около 45 человек было убито (егеря седьмой полевой команды, стоявшие наверху колокольни на стене, между оной и церковью, в шалаше и кибитке). Также один канонер, казаки и погонщики, рывшие борозду, и несколько любопытных. Лишь только раздался взрыв и колокольня еще валилась — на всех фасах крепости загремела артиллерия, и казалось, обоюдно хотели атаковать нечаянно. Бунтовщики, не ожидавшие таковой встречи, остановились, не смея показаться из-за валов. Через несколько минут они подняли свой визг. Но никто не шел, хотя начальники их и кричали: «на слом! на слом! атаманы молодцы». Никто не слушался, иные говорили: «ступайте сами». Осажденные умалили стрельбу и умолкли, лежа на прикладе. Визг продолжался до свету, но приступу не было. Мятежники разошлись, ропща на Пугачева, который обещал им, что при взрыве колокольни на крепость упадет

каменный град и передавит весь гарнизон. Неулыбин награжден был деньгами.

19 февраля Пугачев уехал...

Замечания о бунте (стр. 249)

Из черновой редакции

Ив. Ив. Дмитриев описывал мне Корфа как человека очень простого, а жену его как маленькую и старенькую дуру; муж и жена открывали всегда губернаторские балы менаветом à la reine. Он в старом мундире времен Петра I-го, она в венгерском платье и в шляпе с перьями.

Показание некоторых историков, утверждавших, что ни один дворянин не был замешан в Пугачевском бунте, совершенно несправедливо. Множество офицеров (по чину своему сделавшиеся дворянами) служили в рядах Пугачева, не считая тех, которые из робости пристали к нему. Из хороших фамилий был Шванвич; он был сын кронштадтского коменданта, разрубившего палашом щеку графа Алексея Орлова.

Хотя дворянство не было еще освобождено от телесного наказания, но уже правительство намеревалось обнародовать о том указ.

Анекдот о разрубленной щеке слишком любопытен. Четыре брата Орловы (потомки стрельца Адлера, пощаженного Петром Великим за его хладнокровие перед плахою) были до 1762 году бедные гвардейские офицеры, известные своей буйною и беспутною жизнью. Народ их знал за силачей — и никто в П. Б. с ними не осмеливался спорить, кроме Шванвича, такого же повесы и силача, как и они. Порознь он бы мог сладить с каждым из них, но вдвоем Орловы брали над ним верх. После многих драк они между собою положили, во избежание напрасных побоев, следующее правило: один Орлов уступает Шванвичу и, где бы его ни встретил, повинуется ему беспрекословно. Двое же Орловых, встретя Шванвича, берут перед ним перёд, и Шванвич им повинуется. Таковое перемирие не могло долго существовать. Шванвич встретился однажды с Федором Орловым в трактире и, пользуясь своим правом, овладел бильярдом, вином и, с позволения сказать, девками. Он торжествовал, как вдруг, откуда ни возьмись, является тут же Алексей Орлов, и оба брата по силе дого-

вора отымают у Шванвича вино, бильярд и девок. Шванвич уже хмельной хотел воспротивиться. Тогда Орловы вытолкали его из дверей. Шванвич в бешенстве стал дожидаться их выхода, притаясь за воротами. Через несколько минут вышел Алексей Орлов, Шванвич обнажил палаш, разрубил ему щеку и ушел; удар пьяной руки не был смертелен. Однако ж Орлов упал. Шванвич долго скрывался, боясь встретиться с Орловыми. Через несколько времени произошел переворот, возведший Екатерину на престол, а Орловых на первую степень государства. Шванвич почитал себя погибшим. Орлов пришел к нему, обнял его и остался с ним приятелем. Сын Шванвича, находившийся в команде Чернышева, имел малодушие пристать к Пугачеву и глупость служить ему со всеусердием. Г. А. Орлов выпросил у государыни смягчение приговора.

ПРИМЕЧАНИЯ

ДНЕВНИКИ

(Стр. 7)

На протяжении своей жизни Пушкин неоднократно пытался вести дневники. Однако политическая обстановка не способствовала запискам поэта. После событий 14 декабря 1825 г. он вынужден был уничтожить свою автобиографию, начатую в 1821 г.

Нами собраны не только дневники в собственном смысле слова (Лицейский дневник, Кишиневский дневник, дневник 1833—35 гг.), но и отдельные записи и пометы автобиографического содержания, если они поддаются расшифровке. Не включены в основной текст те пометы, смысл которых остается недостаточно понятным, например:

1821 г.: 31 mars. Harting.[1]
1822 г.: Мая Кишинев Pouschkin, Alexeeff. Пушкин.
1823 г.: 3 novembre 1823. Un billet de M. R[2].
1826 г.: 23 novembre С. Казакоково. E. W.[3]
1827 г.: 2 août 1827 journée heureuse.
4 août R. J. P. Jichareff en songe
Décembre 12 Premier billet
13 Joukoffsky
14 Semenov
15 Corbeilles
16 Magasin Anglais[4]
18 2 lettres
1828 г.: 18 мая у княгини Голицыной.
1833 г.: 5 августа 1833 Черн. реч. в с. сс. Schw.
1835 г.: Куплена 17 июля 1835 года, день Демидовского праздника, в годовщину его смерти.[5]

---

[1] Harting — вероятно, Елена Григорьевна Гартинг, рожд. Стурдза, по первому браку княгиня Гика. Ее второй муж — Мартын Николаевич Гартинг (1785—1824), генерал-квартирмейстер I армии (1816 г.), знакомый Раевских.

[2] Расшифровывается одними как madame Riznic (т. е. Амалия Ризнич), другими как Marie Rayevska (Мария Раевская).

[3] E. W.— Елизавета Воронцова.

[4] Английский магазин Никольса и Плинка, в котором Пушкин делал хозяйственные покупки.

[5] На обложке английской книги «Specimens of the Table Talk of the late Samuel Taylor Coleridge».

1815

Стр. 7. *Партизан* — Денис Васильевич Давыдов (1784—1839).

Стр. 7. *Бенигсен* — граф Леонтий Леонтьевич (1745—1826), генерал-от-кавалерии, в 1812 г. начальник штаба армии.

Стр. 7. *Багратион* — князь Петр Иванович (1765—1812), генерал-от-инфантерии; в 1812 г. командовал 2-й Западной армией.

Стр. 7. «Жуковский дарит мне...» В. А. Жуковский подарил Пушкину первую часть издания «Стихотворений Василия Жуковского», СПб., 1815, вышедшую в свет около 7 декабря 1815 г., т. е., очевидно, один из первых экземпляров, полученных автором до 28 ноября.

Стр. 7. *Бунина* — Анна Петровна (1774—1828), поэтесса, член «Беседы любителей русского слова», пользовавшаяся покровительством А. С. Шишкова.

Стр. 7. «Венчанье Шутовского», т. е. драматурга князя Александра Александровича Шаховского. «Венчанье» его происходило в доме А. П. Буниной 24 сентября 1815 г., на следующий день после первого представления его пьесы «Урок кокеткам, или Липецкие воды». Комедия, в которой был осмеян В. А. Жуковский, дала повод для основания общества «Арзамас», деятельность которого была направлена против А. С. Шишкова и «Беседы любителей русского слова». Автор гимна «Венчанье Шутовского» — Д. В. Дашков.

Стр. 7. *Творец затей* — намек на комедию А. А. Шаховского «Полубарские затеи».

Стр. 7. *Гроза баллад.*— А. А. Шаховской в комедии «Липецкие воды» высмеивал баллады В. А. Жуковского.

Стр. 8. *Хлыстов* — граф Д. И. Хвостов, член шишковской «Беседы», бездарный поэт-эпигон.

Стр. 8. *«Шубы»* — «Расхищенные шубы», «ироикомическая поэма» А. А. Шаховского.

Стр. 8. *Старик седой* — А. С. Шишков.

Стр. 8. *Поэтов бледный строй,* т. е. поэтов — членов «Беседы».

Стр. 9. «И *воды* я пишу водой», т. е. «Липецкие воды» А. А. Шаховского.

Стр. 9. «Еврей мой написал „Дебору“». Речь идет о Л. Н. Неваховиче, драматурге и переводчике (1776—1831), жившем в доме А. А. Шаховского. Для пьесы Шаховского «Дебора, или Торжество веры», в 5 действиях (1811), часть сцен Невахович написал прозой, а Шаховской переложил их стихами.

Стр. 9. *Макар* — слуга А. А. Шаховского.

Стр. 9. *Ежова* — Екатерина Ивановна, петербургская комическая актриса, сожительница А. А. Шаховского.

Стр. 9. Запись 29 ноября касается юношеской любви Пушкина к сестре его лицейского товарища Екатерине Павловне Бакуниной (1795—1869).

Стр. 9. Цитата — из стихотворения В. А. Жуковского 1811 г. «Певец» («В тени дерев, над чистыми водами...»).

Стр. 10. «Фатам, или Разум человеческий» — несохранившийся роман Пушкина.

Стр. 10. С. С.— надзиратель по учебной и нравственной час-

ти в Лицее Степан Степанович Фролов или, вероятнее, товарищ Пушкина С. С. Есаков.

Стр. 10. «Жизнь Вольтера» — вероятно, написанная Антуаном Кондорсе (1787).

Стр. 10. «Начал я комедию...». Несохранившаяся комедия Пушкина «Философ».

Стр. 10. «Игорь и Ольга». Эта поэма, вероятно, не была написана Пушкиным.

Стр. 10. *Эпиграмма* направлена против членов «Беседы», в том числе против поэта князя С. А. Ширинского-Шихматова (1785—1837).

Стр. 10. «...пели куплеты...» Так назывались в Лицее «национальные песни», коллективное творчество лицеистов; некоторые приведены в лицейском дневнике.

Стр. 10. «Бери себе повесу» — пародия на стихотворение И. И. Дмитриева «Карикатура» («Сними с себя завесу»).

Стр. 11. *Георгиевский.* — Петр Егорович (1791—1852), адъюнкт-профессор русской и латинской словесности в Лицее.

Стр. 11. *Кайданов* — Иван Кузьмич (1780—1843), адъюнкт-профессор в Лицее; преподавал историю, географию и статистику.

Стр. 11. *Борнгольм* — остров в Балтийском море. Ср. повесть Н. М. Карамзина «Остров Борнгольм» (1793).

Стр. 11. *Карцев* — Яков Иванович Карцов (1785—1836), адъюнкт-профессор физических и математических наук в Лицее.

Стр. 11. *Вольховский* — Владимир Дмитриевич (1796—1841), товарищ Пушкина по Лицею. По свидетельству М. А. Корфа, успешно учился математике.

Стр. 11. *Наш доктор* — Франц Осипович Пешель (1784—1842), доктор в Лицее.

Стр. 12. *Камараж* — Илья Антонович Камараш, надзиратель в Лицее по хозяйственной части.

Стр. 12. *Роспини* — петербургский механик. *Фридебург, Шумахер* — лица неустановленные.

Стр. 12. *Гакен* — Август-Фридрих, гувернер в Лицее в 1813 г.

Стр. 12. *Владиславлев* — Александр Андреевич, отставной капитан, гувернер в Лицее в 1813—1815 гг.

Стр. 12. *Матвеюшка* — Матвей Алексеевич Золотарев, в 1811—1817 гг. помощник надзирателя по хозяйственной части в Лицее.

Стр. 12. *Левашов* — Василий Васильевич (1783—1848), в 1815—1822 гг. командир л.-гв. Гусарского полка, стоявшего в Царском Селе; руководил обучением лицеистов верховой езде.

Стр. 13. *Вильмушка* — Вильгельм Карлович Кюхельбекер, часто служивший мишенью насмешек товарищей.

Стр. 13. *Зябловский и Петров* — Зябловский Евдоким Филиппович (1764—1846), Петров Василий Владимирович (1761—1834).

Стр. 13. *Иконников* — Алексей Николаевич (1789—1819). В 1811—1812 гг. состоял гувернером в Лицее; писал стихи и пьесы, поощрял литературные занятия и школьные спектакли лицеистов, в которых и сам принимал участие. Уволен был из Лицея за пьянство.

Стр. 13. *Куницын* — Александр Петрович (1782—1840). В 1811—1816 гг. был адъюнкт-профессором, а с 1816 по 1820 г. профессором нравственных наук в Лицее.

Стр. 14. «Новый Стерн» — комедия А. А. Шаховского (1807), высмеивающая Карамзина.

Стр. 14. «Ломоносов» — «Ломоносов, или Рекрут-стихотворец», опера-водевиль в 3 действиях его же, ставившаяся на сцене с 1814 г.

Стр. 15. *Казак-стихотворец* — «Козак-стихотворец», опера-водевиль в 1 действии его же (поставлена в 1812 г.).

Стр. 15. *Встреча незваных* — «Крестьяне, или Встреча незваных», водевиль в 2 действиях его же (1814).

Стр. 15. «Шубы» — «Расхищенные шубы» (см. прим. к стр. 8).

Стр. 15. *Кокетка* — «Урок кокеткам, или Липецкие воды», комедия в 5 действиях в стихах А. А. Шаховского (1815).

Стр. 15. *Владимиреско* — Теодор Владимиреску (1770—1821), вождь румынского национально-крестьянского восстания против молдавско-валахских бояр и князей-фанариотов; одно время был в союзе с А. Ипсиланти, но затем был им схвачен и расстрелян.

Стр. 15. *Митрополит* — Гавриил Бакулеско Бодони (ум. 1821). Кишиневский митрополит.

Стр. 15. *Послание князя Вяземского* — послание к В. А. Жуковскому «О ты, который нам явить с успехом мог...», опубликованное в «Сыне отечества» (март 1821 г., № 10).

Стр. 15. *Баратынский.* Имеются в виду помещенные в том же номере «Сына отечества» стихотворение Е. А. Баратынского «Лиде» («Твой детский вызов мне приятен...») и русская песня «Страшно воет, завывает...».

Стр. 16. *Пестель* — Павел Иванович (1793—1826), декабрист, возглавлявший Южное тайное общество. В 1821 г. был командирован в Бессарабию для собирания сведений о греческом восстании и в Кишиневе встречался с Пушкиным 9 апреля и 26 мая 1821 г.

Стр. 16. «Получил письмо от Чаадаева». От П. Я. Чаадаева. Письмо это не сохранилось, как и письма Пушкина к Чаадаеву за это время.

Стр. 16. «...письмо мое к Василию Львовичу», т. е. В. Л. Пушкину, дяде поэта. Речь идет о напечатанном в «Сыне отечества» (12 марта 1821 г., № 11) без ведома Пушкина его послании к В. Л. Пушкину («Тебе, о Нестор Арзамаса»), написанном 22 декабря 1816 г. (см. т. I).

Стр. 16. *Официальное письмо* Н. И. Гречу не сохранилось.

Стр. 16. *Дм. Ипсиланти* — князь Дмитрий Константинович, брат Александра Ипсиланти; был адъютантом у генерала Н. Н. Раевского-старшего; переданный им Пушкину слух был неверен.

Стр. 16. «4 мая был я принят в масоны».— Пушкин был членом масонской ложи в Кишиневе, носившей название «Овидий», № 25. Существуя фактически, ложа, однако, утверждена не была. Начальник Пушкина И. Н. Инзов по запросу правительства отрицал существование в Кишиневе этой масонской ложи, очевидно, основываясь на том, что она юридически не была оформлена. У Пушкина сохранились счетные книги ложи, остававшиеся незаполненными. Ими поэт пользовался с 1823 г. как своими черновыми тетрадями (так наз. тетради 836, 834, 835).

Стр. 16. *9 мая.* Пушкин выехал из Петербурга в южную ссылку 6 мая 1820 г.

Стр. 16. «...писал я к князю Ипсиланти...» Писем Пушкина к князю А. К. Ипсиланти не сохранилось.

Стр. 16. *Суццо* — князь Михаил (1784—1864), молдавский господарь, хорошо знавший Пушкина. Он был участником гетерии и жил в это время в Кишиневе в качестве агента князя А. Ипсиланти.

Стр. 16. *Баранов* — Александр Николаевич (1793—1821). С 1819 г. по день смерти (2 апреля 1821) был таврическим губернатором. Пушкин познакомился с ним в сентябре 1820 г. в Симферополе.

Стр. 16. *Алексеев* — Николай Степанович, приятель Пушкина. См. о нем в примечаниях к стихотворению «Алексееву», т. II, стр. 361—362.

Стр. 16. *Инзов* — Иван Никитич (1768—1845), генерал-лейтенант, главный попечитель и председатель Комитета об иностранных поселенцах Южного края России. С 15 июня 1820 по 7 мая 1823 г. исполнял обязанности наместника Бессарабской области. Он являлся непосредственным начальником Пушкина и относился к нему в высшей степени доброжелательно. Пушкин платил ему искренним дружеским расположением.

Стр. 16. *Пущин* — Павел Сергеевич, организатор масонской ложи в Кишиневе. О нем см. в стихотворении Пушкина «Генералу Пущину» («В дыму, в крови...») 1821 г. Посещение П. С. Пущина, Н. С. Алексеева и П. И. Пестеля вызвано было, очевидно, поздравлением Пушкина в связи с днем его рождения (26 мая).

Стр. 16. *Тарас Кирилов* — один из уголовных преступников, заключенных в кишиневском остроге. Сохранился рассказ о том, что один из арестантов острога, полюбивший поэта, часто навещавшего заключенных и беседовавшего с ними, признался ему в намерении бежать из тюрьмы и действительно на другой день удачно совершил побег. Возможно, что этот заключенный и был именно Т. Кирилов.

Стр. 16. *Крупенские* — семья кишиневского вице-губернатора Матвея Егоровича Крупенского (р. 1781 — ум. после 1823), полугрека-полумолдаванина по происхождению, жившего открытым домом. Пушкин часто посещал этот дом и хорошо знал как самого Крупенского, так и его жену Екатерину Христофоровну.

Стр. 16. *M-r Deguilly* — г. Дегильи, француз, уклонившийся от дуэли с Пушкиным. Помимо начала записки Пушкина к нему, приведенной в дневнике, сохранился более полный текст самого письма к Дегильи (см. в т. X). Сохранилась также карикатура Пушкина на Дегильи с такой подписью под нею: «Ma femme... ma culotte... et mon duel donc!.. ah ma foi, qu'elle s'en tire comme llee voudra, puisque c'est elle qui porte culotte...».

Стр. 16 «Nouvelle de la mort de Napoléon». — Наполеон умер на острове св. Елены 5 мая нов. стиля (23 апреля) 1821 г. Таким образом, известие об этом дошло до Пушкина лишь спустя почти три месяца.

Стр. 16. *L'archevêque Arménien* — армянский архиепископ Григорий Захарьянов.

1824

Стр. 17. *Schachovskoy* — вероятно, адъютант графа М. С. Воронцова, князь Валентин Михайлович Шаховской (1801—1850).

Стр. 17. *Siniavin* — адъютант графа М. С. Воронцова, Иван Григорьевич Сенявин (1801—1851).

Стр. 17. *Comtesse Elise Woronzoff* — жена графа М. С. Воронцова — графиня Елизавета Ксавериевна Воронцова.

Стр. 17. Дата смерти лорда Д. Г. Байрона (ум. 19 апреля нового ст. 1824 г.) занесена Пушкиным в тетрадь по старому и новому стилю.

Стр. 17. «Mai 26» — день рождения Пушкина. 22 мая 1824 г. Пушкин получил предписание графа М. С. Воронцова отправиться в командировку на обследование саранчи в Херсонский, Елизаветградский и Александровский уезды, а 28 мая возвратился в Одессу.

Стр. 17. *Juillet 30*.— Накануне своего отъезда в ссылку в с. Михайловское, 30 июля 1824 г. Пушкин был в Одесском театре на опере-буфф Россини «Il Turco in Italia».

Стр. 17. «31 — départ. Отъезд Пушкина в Михайловское.

Стр. 17. *Août* 9. Приезд Пушкина в Михайловское.

Стр. 17. «Une lettre de Elise Woronzoff». — Эта запись касается получения письма от Е. К. Воронцовой из Одессы, не сохранившегося. Сестра поэта О. С. Павлищева свидетельствует, что, получая письма из Одессы с такой же печатью, какая имелась у него на перстне, Пушкин запирался в своей комнате и никого не принимал.

Стр. 17. «Вышед из Лицея...» Пушкин окончил Лицей 9 июня 1817 г., а в с. Михайловское выехал 8—10 июля и находился там до конца августа.

Стр. 17. «...деревня est le premier» — недописанная цитата из Вольтера (какая именно, не установлено).

Стр. 17. *Старый Арап* — Петр Абрамович Ганнибал (1742—1826), родной дядя матери Пушкина Надежды Осиповны Ганнибал и сын известного «арапа Петра Великого» Ибрагима Ганнибала. Пушкин навещал своего двоюродного деда в его имении с. Петровском близ Михайловского.

1826

Стр. 17. *Ризнич* — Амалия, умерла за границей в начале 1825 г. До Пушкина известие о ее смерти дошло только через полтора года, 25 июля 1826 г.

Стр. 17. *Р., П., М., К., Б.*— Декабристы К. Ф. Рылеев, П. И. Пестель, С. И. Муравьев-Апостол, П. Г. Каховский и М. П. Бестужев-Рюмин были казнены в Петербурге 13 июля 1826 г. Пушкин узнал об этом в Михайловском на 11-й день.

Стр. 17. Коронация Николая I, отложенная до окончания следствия и суда над декабристами, состоялась в Москве 22 августа 1826 г. Пушкин узнал об этом в Михайловском на 10-й день.

1827

Стр. 18. *Шиллеров «Духовидец»* — в русском переводе был издан под заглавием: «Духовидец, история, взятая из записок графа О*** и изданная Фридрихом Шиллером» (1807 г.; второе издание 1818 г.).

Стр. 18. «Вероятно, поляки?». Имевшие связи с декабристами поляки — члены национального патриотического товарищества.

Стр. 18. Встреча Пушкина с В. К. Кюхельбекером произошла на ст. Залазы на пути Пушкина из Михайловского в Петербург. В. К. Кюхельбекер в это время препровождался с фельдъегерем Подгорным из Шлиссельбургской крепости в Динабургскую, куда он 12 октября 1827 г. был отправлен вместо каторжных работ в Сибири сроком на 20 лет. О встрече Пушкина и Кюхельбекера сохранился следующий рапорт фельдъегеря:

«Господину дежурному генералу Главного Штаба его императорского величества генерал-адъютанту и кавалеру Потапову

Фельдъегеря Подгорного

Рапорт

Отправлен я был сего месяца 12-го числа в гор. Динабург с государственными преступниками, и на пути, приехав на станцию Залазы, вдруг бросился к преступнику Кюхельбекерю ехавший из Новоржева в С.-Петербург некто г. Пушкин, начал после поцелуя с ним разговаривать, я, видя сие, наипоспешнее отправил как первого, так и тех двух за полверсты от станции, дабы не дать им разговаривать, а сам остался для прописания подорожной и заплаты прогонов. Но г. Пушкин просил меня дать Кюхельбекеру денег, я в сем ему отказал. Тогда он, г. Пушкин, кричал и, угрожая мне, говорит, что „по прибытии в С.-Петербург в ту же минуту доложу его императорскому величеству, как за недопущение распроститься с другом, так и дать ему на дорогу денег,— сверх того, не премину также сказать и генерал-адъютанту Бенкендорфу“. Сам же г. Пушкин между прочими угрозами объявил мне, что он был посажен в крепости и потом выпущен, почему я еще более препятствовал иметь ему сношение с арестантом; а преступник Кюхельбекер мне сказал: это тот Пушкин, который сочиняет. Фельдъегерь Подгорный. 28 октября 1827 г.».

1828

Стр. 18. *Фанни* — лицо неустановленное.

Стр. 18. *Няня* — Арина Родионовна; крестик после ее имени означает ее кончину; она умерла в Петербурге 31 июля 1828 г. 70 лет от роду, а погребена на Смоленском кладбище.

Стр. 18. *Elisa e Claudio* — опера итальянского композитора Меркаданте (1797—1870). Ставилась на сцене Петербургского Большого театра 15 и 22 июня, а затем 27 июля 1828 г. Пушкин видел оперу Меркаданте 27 июля.

Стр. 18. «Письмо к царю». Письмо Пушкина к Николаю I, содержавшее его признание в том, что он является автором «Гав-

риилиады». Пушкину было позволено написать свой ответ на вопрос, кто автор поэмы, и переслать в запечатанном виде непосредственно Николаю I. Письмо это Пушкин препроводил через главнокомандующего в Петербурге и Кронштадте графа П. А. Толстого. Николай I удовлетворился признанием Пушкина. Письмо до нас не дошло, но содержание его известно по воспоминаниям А. Н. Голицына.

Стр. 18. *Dorliska* — опера Россини «Torvaldo e Dorliska»; была поставлена в Петербурге 15 сентября, 2 и 23 октября 1828 г.

Стр. 18. *Кн. Dolgorouky* — князь или княгиня Долгоруковы.

Стр. 18. *Граф Толстой* — Петр Александрович (1761—1844). Речь идет об ответе Николая I, переданном через Толстого, Пушкину в связи с его письмом о «Гавриилиаде». Из этого устного ответа Пушкин узнал, что следствие о «Гавриилиаде» прекращено.

1829

Стр. 19. Записи 1829 года дают точные даты поездки Пушкина через Кавказ в армию.

Стр. 19. Посещение в Арзруме бани 14 июля описано в пятой главе «Путешествия в Арзрум».

Стр. 19. *Паскевич* — граф Иван Федорович Паскевич-Эриванский (1782—1856). Запись отмечает обед у него в день отъезда Пушкина, 21 июля.

Стр. 19. *Харем* — запись о редком событии, посещении гарема Османа-паши. Этот эпизод описан в «Путешествии в Арзрум», см. т. VI, стр. 473—474.

1830

Стр. 19. *Natalie* — невеста поэта, Н. Н. Гончарова. Письма ее к Пушкину, полученные им 9 и 25 сентября 1830 г., как и большая часть других, неизвестны.

Стр. 19. *Кистеневские крестьяне* — крестьяне с. Кистенева, Сергачского уезда, Нижегородской губ., лично принадлежавшие Пушкину с 1830 г. и полученные им от отца.

Стр. 19. «Сожжена X песнь». Десятая глава «Евгения Онегина».

1831

Летом 1831 г. Пушкин жил на даче в Царском Селе, где и вел свои записи.

Записи 1831 года были обработаны Пушкиным в качестве образца политической информации, которую он хотел ввести в своей газете «Дневник», предполагавшейся к изданию. Как образцы они были представлены Бенкендорфу. Однако проект издания газеты не осуществился.

Стр. 19. *Гр. Орлов* — граф Алексей Федорович (см. о нем в т. I, стр. 457), приехавший в новгородские поселения 20 июля в связи с холерным бунтом.

Стр. 21. *Государыня* — Александра Федоровна (1798—1860), жена Николая I.

Стр. 21. *Великий князь Николай* — Николай Николаевич старший (1831—1891).

Стр. 21. *Россети* — Александра Осиповна Россет; была помолвлена с Николаем Михайловичем Смирновым 26 июля 1831 г.; свадьба состоялась 11 января 1832 г. в Петербурге.

Стр. 21. *Арнт* — Николай Федорович Арендт (1785—1859), крупный врач-практик, хирург; став с 1829 г. лейб-медиком Николая I, сопровождал его в разъездах.

Стр. 21. *Суворов* — граф Александр Аркадьевич Суворов-Рымникский, князь Италийский (1804—1882), внук знаменитого полководца. Варшава была взята русскими войсками еще 26 августа, но известие об этом достигло Царского Села — императорской резиденции — лишь 4 сентября.

Стр. 21. *Паскевич* — граф Иван Федорович Паскевич-Эриванский, главнокомандующий армией против восставших поляков (см. прим. к стр. 22).

Стр. 21. *Мартынов* — Николай Петрович (1794—1856), генерал-майор, командир Астраханского и Суворовского полков, при штурме Воли 25 августа был тяжело ранен с потерею глаза, но остался жив.

Стр. 21. *Ефимович* — Матвей Яфимович, командир 1-й бригады 4-й пехотной дивизии; убит в сражении 26 августа 1831 г. при взятии Варшавы.

Стр. 21. *Гейсмар* — барон Федор Клементьевич (1783—1848), командир 2-й конно-егерской дивизии; участвовал в штурме Варшавы 26 августа и был ранен пулею в левую лопатку навылет.

Стр. 21. «Наших пало 6000». Общая потеря русских 26 августа при штурме Варшавы по официальным данным составляла до 10 500 человек; урон поляков составлял до 11 000 человек.

Стр. 21. «Приступ начался 24 августа». Штурм Воли и передовых укреплений Варшавы начался 25 августа, а 26 августа состоялся решительный штурм Варшавы, окончившийся ее капитуляцией.

Стр. 22. *Скржнецкий* — Ян-Сигизмунд Скржинецкий (1787—1860), польский генерал, главнокомандующий польской армией; был отстранен от командования после неудачных действий под Остроленкой, приведших к поражению поляков, и вследствие общей тактики выжидания.

Стр. 22. *Лелевель* — Иоахим (1786—1861), польский историк, профессор Варшавского и Виленского университетов, деятель польского восстания 1830—1831 гг. Был президентом Польского национального комитета. После взятия Варшавы жил в эмиграции в Брюсселе и Париже, продолжая революционную деятельность.

Стр. 22. *Раморино Джеролaмо* (1792—1849), итальянец, командовал польским корпусом. После падения Варшавы ушел с войском в австрийскую Галицию.

Стр. 22. *Montebello* (*Lannes*) — герцог Гюстав Монтебелло (1804—1875), младший сын маршала Франции, с 1830 г. служил в кавалерии; вместе с другими французами (преимущественно из числа наполеоновских офицеров) сражался в рядах восставших поляков.

Стр. 22. *Высоцкий* — Петр (1799—1837), польский офицер, один из организаторов восстания в Варшаве 29 ноября 1830 г.

в последних сражениях командовал войсками, защищавшими редут Волю. После взятия Варшавы сослан в Сибирь, где и умер.

Стр. 22. *А. Потоцкий* — граф Александр Станиславович (1776—1845); служил в русской службе сперва полковником Курляндского драгунского полка, а затем сенатором и обер-шталмейстером Царства Польского. Во время польского восстания находился в Варшаве, а после ее падения эмигрировал за границу. Позже вновь вернулся на русскую службу.

Стр. 22. *Фон-Фок* — Максим Яковлевич (1777—1831), управляющий III отделением, правая рука шефа жандармов графа А. Х. Бенкендорфа, организатор агентурной разведки; под его надзором состоял и Пушкин. Умер 27 августа 1831 г. Запись о фон Фоке, конечно, не отражает настоящего мнения о нем Пушкина.

Стр. 22. *Жомини* — барон Антон-Генрих Вениаминович (1779—1869), известный военный писатель, французский генерал, перешедший в русскую службу генерал-лейтенантом; впоследствии возвратился во Францию, но часто приезжал в Россию, давая русскому правительству консультации по военным вопросам.

Стр. 22. *Дибич* — граф Иван Иванович Дибич-Забалканский (1785—1831), генерал-фельдмаршал, командовавший армией во время польской кампании 1830—1831 гг.; умер 29 мая 1831 г. от холеры; на его место был назначен И. Ф. Паскевич.

Стр. 22. *Пален* — граф Петр Петрович фон дер Пален (1778—1864), генерал-от-кавалерии, сын П. А. Палена, организатора убийства Павла I, генерал-адъютант; в 1831 г. командовал 1-м пехотным корпусом на театре военных действий против поляков и принял участие в штурме Варшавы. Сражение под Остроленкой 9/21 мая 1831, в котором разбиты были войска Скржинецкого, явилось поворотным в кампании; русские войска перешли в наступление.

1832

Стр. 22. *Bibliothéque de Voltaire* — запись, сделанная под собственным наброском статуи Вольтера, работы Гудона, стоявшей в Эрмитажной библиотеке, где тогда хранилась личная библиотека Вольтера, купленная Екатериной II. Сохранились сделанные Пушкиным в этот день выписки из каталога библиотеки Вольтера. Желание поэта ознакомиться с этой библиотекой было связано с началом работы над историей Петра I (см. письмо Бенкендорфу от 24 февраля 1832 г.).

1833

Стр. 23. «Смоленская гора...» — Запись сделана под пейзажем г. Симбирска, набросанным Пушкиным карандашом с натуры во время проезда через Симбирск на Урал для собирания сведений о Е. И. Пугачеве. Внизу спуска с Смоленской горы к Волге была деревянная церковь (разрушена оползнем в 1900-х годах). Дома Н. М. Карамзина в Симбирске не было. Пушкин ошибочно принял за дом историографа дом его брата Василия Михайловича Карамзина (ум. в 1827 г.). Дата 15 сентября точно фиксирует пребывание Пушкина в Симбирске, откуда он выехал далее на юг в тот же день.

В 1833 г. Пушкин возобновил свой дневник в специальной тетради и вел его довольно регулярно до начала 1835 г. Начальные три листа тетради вырезаны; на их краях остатки записей, до нас не дошедших (слово «бантом» и др.).

Стр. 23. *Карамзина* — Екатерина Андреевна (1780—1851), вдова историографа Н. М. Карамзина. Пушкин был у нее на именинном обеде (24 ноября, в Екатеринин день). После смерти Карамзина дом Е. А. Карамзиной стал литературным салоном, который посещали русские писатели и ученые.

Стр. 23. *Жуковский* — В. А. Жуковский в сентябре вернулся из заграничного путешествия, проведя 1833 год в Швейцарии, затем жил в Царском Селе. Пушкин не встречался с ним с лета 1832 года.

Стр. 23. *Фикельмонт* — граф Карл-Людвиг Фикельмон (1777—1857), австрийский посланник в Петербурге; был женат на дочери Е. М. Хитрово — графине Д. Ф. Тизенгаузен.

Стр. 23. *Суццо* — кн. Михаил (см. прим. к стр. 16).

Стр. 23. *Пестель* — Павел Иванович (см. прим. к стр. 16).

Стр. 23. «...каким образом Пестель... отраслию карбонаризма». Эта запись — результат какого-то недоразумения. В своем донесении о греческих событиях 1821 года Пестель как раз отрицал сходство греческой этерии с итальянским карбонаризмом и сопоставлял дело греков с борьбой русских князей, свергнувших татарское иго. Александр I действительно считал этеристов карбонариями, но не на основании донесений Пестеля.

Стр. 23. *Энгельгардт* — Василий Васильевич, приятель Пушкина в 1817—1820 гг.

Стр. 23. *Сухозанет* — Иван Онуфриевич (1788—1861), генерал-лейтенант, начальник всей артиллерии во время Отечественной войны 1812 г. Командуя артиллерией, открыл 14 декабря 1825 г. картечный огонь по декабристам на Сенатской площади; после польской кампании 1831 года, когда ему оторвало ядром ногу, оставил строевую службу и 4 сентября 1833 г. был назначен главным директором Пажеского и всех сухопутных корпусов.

Стр. 23. *Дамские мундиры* — особый вид национальных русских сарафанов для придворных дам и фрейлин, установленный по приказу Николая I.

Стр. 23. *С. В. Салтыков* — Сергей Васильевич (1777—1846), петербургский богач, библиофил. По вторникам устраивал танцевальные вечера.

Стр. 23. *Гр. Орлов* — граф Алексей Федорович (см. прим. к стр. 19).

Стр. 23. *Турецкий посланник* — Мушир-Ахмет-Паша, прибывший в Петербург 22 ноября 1833 г. для разрешения с русским правительством вопроса о взаимоотношениях Молдавии, Турции и России. А. Ф. Орлов познакомился с ним в Константинополе, куда был послан в составе дипломатической миссии.

Стр. 23. *Яшвиль* — князь Лев Михайлович (1768—1836), начальник артиллерии 1-й армии; при нем И. О. Сухозанет был адъютантом в начале своей военной карьеры. Служил при Аракчееве.

Стр. 23. *Мартынов* — либо Савва Михайлович (1780—1864), дядя убийцы М. Ю. Лермонтова, известный в Москве и Петербурге игрок, у которого бывал Сухозанет, либо Павел Петрович; о нем см. стр. 25 с примечанием к ней и 46.

Стр. 23. *Никитин* — либо Павел Ефимович (1785—1842), сенатский чиновник и игрок, наживший карточной игрой миллионное состояние, либо Алексей Петрович (1777—1858), граф, генерал конной артиллерии, представитель аракчеевской военной системы.

Стр. 24. *Бринкен* — Р. Е. фон ден Бринкен, подпоручик л.-гв. Семеновского полка, произведший в Петербурге несколько краж в английском и русских магазинах; был судим по распоряжению Николая I курляндским дворянством, но приговор вынес Николай I в особом необнародованном указе, которым Бринкен лишался чинов, дворянства и ссылался в Оренбург рядовым без выслуги с запрещением навсегда носить свою фамилию.

Стр. 24. *Штакельберг* — графиня Аделаида Павловна (1807 — ум. 7 ноября 1833), племянница Е. М. Хитрово и двоюродная сестра графини Д. Ф. Фикельмон.

Стр. 24. *Les enfants d'Edouard* — трагедия Казимира Делавиня, посвященная изображению жизни и убийства сыновей английского короля Эдуарда IV, совершенного по приказанию их дяди герцога Глостерского. Впервые была поставлена французской труппой в только что открытом 8 ноября 1833 г. Михайловском театре в Петербурге. Зрители сближали сюжет пьесы с убийством Павла I, однако она не была снята с репертуара.

Стр. 24. *Экерн* — барон Луи Борхард ван Геккерен де Беверваард (1791—1884), нидерландский поверенный в делах в Петербурге с 1823 г. и посланник с 1826 г., приемный отец Жоржа Дантеса.

Стр. 24. *Блай* — Джон, в течение четырех лет английский поверенный в делах в России.

Стр. 24. *Бутурлин* — Дмитрий Петрович (1790—1849), военный писатель, автор ряда исторических трудов по русской военной истории. *Жомини* — см. прим. к стр. 22.

Стр. 24. *Карта распространения России.* Была приложена к книге Д. П. Бутурлина «Военная история походов россиян в XVIII столетии», 4 тома, 1819—1823.

Стр. 24. *Великий князь* — Михаил Павлович (1798—1849), младший брат Николая I.

Стр. 24. *Александровская колонна* — памятник Александру I на площади Зимнего дворца в Петербурге; сооружался по проекту архитектора Монферрана; открытие его состоялось лишь 30 августа 1834 г., в день именин Александра I.

Стр. 25. «Как Иван Иванович поссорился с Иваном Тимофеевичем» — «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Повесть Гоголя была напечатана в 1834 г. (в сборнике «Новоселье», кн. II).

Стр. 25. *Загряжская* — Наталья Кирилловна, рожд. графиня Разумовская (1747—1837), дочь президента Академии наук и гетмана Малороссии графа К. Г. Разумовского, фрейлина императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II. Н. Н. Пушкина приходилась ей внучатой племянницей. Пушкин познакомился с ней

во время сватовства к Н. Н. Гончаровой и впоследствии (1835), по совету В. А. Жуковского, записывал ее рассказы.

Стр. 25. *Дашкова* — княгиня Екатерина Романовна, рожд. графиня Воронцова (1744—1810), директор Академии наук и президент Российской академии. Сын ее — князь П. М. Дашков (1763—1807).

Стр. 25. *Кочубей* — княгиня Мария Васильевна, рожд. Васильчикова (1779—1844), воспитанница Н. К. Загряжской, жена В. П. Кочубея (см. стр. 26).

Стр. 25. *Храповицкий* — Александр Васильевич (1749—1801), переводчик и поэт, статс-секретарь Екатерины II и автор дневника за вторую половину ее царствования (1782—1793), который Пушкин читал в копии, полученной от П. П. Свиньина в 1833 г.

Стр. 25. *Будакова* — Прасковья Григорьевна, фрейлина, выданная замуж в 1761 г. за бригадира барона С. Н. Строганова (1738—1777).

Стр. 25. *Елисавета Алексеевна* — императрица (1779—1826), жена Александра I; вела дневники за всё время пребывания своего в России и читала отрывки из них Н. М. Карамзину; по распоряжению Николая I они были сожжены.

Стр. 25. *Мария Федоровна* — вдова Павла I.

Стр. 25. *Мартынов* — Павел Петрович (1782—1838), начальник 2-й гвардейской пехотной дивизии; 6 декабря 1833 г. был назначен С.-Петербургским комендантом; известен как сторонник Аракчеева.

Стр. 25. «4 полных генералов». Генерал Е. Я. Савоини, В. С. Кайсаров, А. П. Никитин (впоследствии граф) и граф В. В. Левашов. Произведены были в полные генералы 6 декабря 1833 г.

Стр. 25. *Перовский* — Василий Алексеевич (1795—1857), оренбургский военный губернатор, знакомый Пушкина; у Перовского он останавливался во время своей поездки на Урал в 1833 г.

Стр. 25. *Меншиков* — светлейший князь Александр Сергеевич (1787—1869), начальник Главного морского штаба. 6 декабря 1833 г. был произведен в полные адмиралы.

Стр. 26. *Скобелев безрукий* — Иван Никитич (1778—1849), генерал-лейтенант. После ранения в 1809 г. лишился двух пальцев на правой руке, а после ранения в 1831 г. в сражении при Минске левая рука его была ампутирована. Известен был как реакционный писатель, автор рассказов из солдатского быта. В 1824 г. сделал на Пушкина донос, приведя стихи его «На вольность», причем рекомендовал немедленно содрать «несколько клочков шкуры» с сочинителя «сих вредных пасквилей».

Стр. 26. *В-ая* — либо княгиня Александра Николаевна Волконская (1756—1834), мать декабриста С. Г. Волконского, либо княгиня В. Ф. Вяземская.

Стр. 26. *Бобринский* — граф Алексей Алексеевич (1800—1868), внук Екатерины II; основатель свеклосахарной промышленности в России, пропагандист устройства железных дорог, добычи каменного угля и торфа, развития сельского хозяйства и садоводства; приятель Пушкина.

Стр. 26. *Мятлев* — Иван Петрович (1796—1844), поэт, автор «Сенсаций и замечаний госпожи Курдюковой за границею, дан

л'этранже» (1840—1844, 3 части), культивировавший макаронические стихи (смесь русского и французского языков).

Стр. 26. *Смирнова* — Александра Осиповна, рожд. Россет (см. прим. к стр. 21).

Стр. 26. *Смирдин* — Александр Филиппович (1795—1857), известный книгопродавец и издатель.

Стр. 26. *Кочубей* — князь Виктор Павлович (1768—1834), председатель Государственного совета и Комитета министров, с 1834 г.— государственный канцлер.

Стр. 26. *Нессельроде* — граф Карл Васильевич (1780—1862), вице-канцлер, член Государственного совета, министр иностранных дел, начальник Пушкина по его службе в этом министерстве.

Стр. 26. «...голодных крестьян...». Голод в 1833 г. достигал значительных размеров вследствие неурожая в центральных и южных губерниях России.

Стр. 26. «Вчера не было обыкновенного бала...» Бал 14 декабря, посвященный годовщине вступления Николая I на престол.

Стр. 26. *Шувалова* — графиня Фекла (Текла) Игнатьевна, рожд. Валентинович (1801—1873), жена графа П. А. Шувалова.

Стр. 26. «...ученик Тиков...». Людвиг Тик (1773—1853), немецкий поэт-романтик.

Стр. 26. *В. Долгорукий* — князь Василий Васильевич (1787—1858), и. д. президента Придворной конюшенной конторы, петербургский губернский предводитель дворянства.

Стр. 27. *Аничков* — Аничков дворец.

Стр. 27. *Сухтельн* — граф Константин Петрович Сухтелен (1790—1858), генерал-майор в отставке, впоследствии вице-президент Придворной конюшенной конторы.

Стр. 27. *Блудов* — Дмитрий Николаевич.

1834

Стр. 27. «...я пожалован в камер-юнкеры...» Этот придворный чин, оскорбивший Пушкина, был присвоен ему 31 декабря 1833 г.

Стр. 27. *Dangeau* — Филипп де Курсильон, маркиз де Данжо (1638—1720), автор мелочной придворной хроники последних лет царствования французского короля Людовика XIV.

Стр. 27. *Безобразов* — Сергей Дмитриевич (1801—1879), адъютант великого князя Константина Павловича, флигель-адъютант, отличавшийся необыкновенной красотой; за него была выдана замуж фрейлина княжна Л. А. Хилкова (1811—1859). По рассказам современников, Николай I воспользовался перед их свадьбой «правом первой ночи», чем и объясняется бешеная ревность Безобразова. По некоторым свидетельствам, Безобразов дал пощечину Николаю I. Чтобы замять скандал, Безобразов был сослан на Кавказ. Впоследствии, однако, супруги съехались.

Стр. 27. *Сперанский* — Михаил Михайлович (1772—1839), крупнейший государственный деятель царствования Александра I.

Стр. 27. *Ермолов* — Алексей Петрович (1777—1861), герой Отечественной войны 1812 г. и Кавказа.

Стр. 27. *Вигель* — Филипп Филиппович (1786—1856), автор известных «Записок», знакомый Пушкина по «Арзамасу» и по кишиневской жизни.

Стр. 28. «Жена его...» — Л. А. Безобразова уехала в Москву к своему брату князю С. А. Хилкову (1786—1854), генерал-лейтенанту. С. Д. Безобразов не был лишен флигель-адъютантского звания.

Стр. 28. *Вяземская* — княгиня Вера Федоровна.

Стр. 28. *Великий князь* — Михаил Павлович.

Стр. 28. *Сестра Пугачева* — не сестра Пугачева, а последняя из его дочерей Аграфена, умершая «от болезни и старости лет» 5 апреля 1833 г. в Кексгольме, где жила под надзором полиции. Эрлингфос — так иногда в рукописях Пушкина называется Гельсингфорс.

Стр. 28. «...осведомилась о Перовском...» Василий Алексеевич Перовский (см. прим. к стр. 25). Его хорошо знала императрица Александра Федоровна еще с 1818 г., когда он состоял адъютантом при Николае I, тогда еще великом князе.

Стр. 28. *Трубецкой* — князь Василий Сергеевич (1776—1841), один из героев Отечественной войны.

Стр. 28. «...траур по каком-то князе...» По умершем 9/21 января 1834 г. в Висбадене герцоге Фердинанде Вюртембергском, родственнике императрицы Марии Федоровны.

Стр. 28. *Старуха гр. Бобринская* — графиня Анна Владимировна, рожд. баронесса Унгерн-Штернберг (1769—1846), мать графа А. А. Бобринского (см. прим. к стр. 26).

Стр. 28. *Барон д'Антес* — барон Жорж Дантес (1812—1895), убийца Пушкина, французский роялист, эмигрант, принятый в русскую службу по экзамену 8 февраля 1834 г. корнетом в Кавалергардский полк.

Стр. 28. *Маркиз де Пина* — Эммануил Иванович, французский роялист и эмигрант; был принят в русскую службу в один из армейских полков и 1 апреля 1834 г. получил чин прапорщика.

Стр. 28. *Шуаны* — участники контрреволюционного восстания в Бретани во время французской революции. В 1832 г. так называли сторонников герцогини Беррийской, пытавшейся поднять восстание против правительства Луи-Филиппа в пользу своего сына, представителя старой линии Бурбонов, свергнутой революцией 1830 года.

Стр. 29. «...моя рукопись...» Рукопись «История Пугачева» Пушкин представил Николаю I 16 декабря 1833 г. и получил ее обратно через В. А. Жуковского 29 января 1834 г.

Стр. 29. *Гр. Шувалов* — граф Андрей Петрович, церемониймейстер.

Стр. 29. *Цареубийца Скарятин* — Яков Федорович (ум. 1850), родственник Шувалова, принимал участие в убийстве Павла I (11 марта 1801 г.); он задушил его шарфом, висевшим на постели.

Стр. 29. *Великий князь* — Михаил Павлович.

Стр. 29. *Австрийский посланник* — граф К. Л. Фикельмон (см. прим. к стр. 23).

Стр. 29. «Царь дал мне взаймы...» 26 февраля Пушкин обратился к гр. А. Х. Бенкендорфу с просьбой о выдаче ему ссуды в 20 000 рублей на печатание «Истории Пугачева», сроком на два года. 4 марта Пушкину было сообщено о согласии Николая I.

Стр. 29. *Суворова* — княгиня Любовь Васильевна Суворова-Рымникская, рожд. Ярцова (1811—1867), жена А. А. Суворова.

Стр. 29. *Витгенштейн* — граф Лев Петрович (1799—1866), флигель-адъютант.

Стр. 30. *Соболевский* — Сергей Александрович (1803—1870), друг Пушкина, острослов, эпиграмматист, библиофил.

Стр. 30. *Вельгорский* — граф Михаил Юрьевич (1788—1856), друг Пушкина, композитор, в доме которого собирались композиторы, литераторы, ученые.

Стр. 30. *Одоевский* — князь Владимир Федорович (1803—1869), писатель, музыкант, друг Пушкина. У него по субботам собирались писатели.

Стр. 30. *Ланская* — Надежда Николаевна, по первому мужу Полетика.

Стр. 30. *Le ciel n'est pas plus pur...* — измененный стих из «Федры» Расина (Le jour n'est pas plus pur que le fond de mon cœur.

Стр. 30. *Одоевская* — княгиня Ольга Степановна, рожд. Ланская (1797—1872).

Стр. 30. *13 июля 1826 г.* — день казни пятерых декабристов в Петербурге, в Петропавловской крепости.

Стр. 30. «Фр...» может означать баронессу Цецилию Владиславовну Фредерикс, рожд. графиню Гуровскую (1794—1851), статс-даму, подругу императрицы Александры Федоровны. Однако, по рассказу А. О. Смирновой, именно она, Смирнова (Россет) подняла платок в этот день; в таком случае «Фр...» надо читать «фрейлина».

Стр. 30. *Смирнова* — Александра Осиповна (см. прим. к стр. 21).

Стр. 30. *Ц. н.* — Эта запись не поддается расшифровке (может быть: «царские наложницы»).

Стр. 30. *Туркистанова* — княжна Варвара Ильинична Туркестанова (1775—1819), фрейлина императрицы Марии Федоровны, известная своим романом с князем В. С. Голицыным (1794—1861). Современники утверждали, что князь В. С. Голицын был только ширмой, за которой скрывался император Александр I, от которого она имела дочь Марию. Туркестанова после родов отравилась.

Стр. 30. *Уваров* — Федор Петрович (1769—1824), генерал-адъютант Павла I, дежуривший в ночь на 11 марта 1801 г. во дворце и охранявший комнаты наследника, будущего императора Александра I.

Стр. 30. *Покойный государь* — Александр I.

Стр. 31. *Греч* — Николай Иванович (1787—1867), журналист.

Стр. 31. *Плюшар* — Адольф Александрович (1806—1865), издатель, предпринявший издание «Энциклопедического лексикона», рассчитанного на 24 тома. Первый том его вышел в июне 1835 г., а затем до 1841 г. было напечатано еще 16 томов. Издание закончено не было.

Стр. 31. *Шарлатан* — здесь в старинном значении: уличный торговец лекарствами. При таких торговцах когда-то состояли паяцы («пальяс»), потешавшие прохожих и привлекавшие их к приобретению лекарств.

Стр. 31. *Свиньин* — Павел Петрович (1787—1839), писатель, журналист, основатель журнала «Отечественные записки», слывший лжецом.

Стр. 31. *Гаевский* — Семен Федорович (1772—1862), доктор медицины и хирургии, почетный лейб-медик.

Стр. 31. *Галич* — Александр Иванович (1783—1848); сотрудничал в «Энциклопедическом лексиконе».

Стр. 31. *Устрялов* — Николай Герасимович (1805—1870), адъюнкт-профессор истории в Петербургском университете, затем академик.

Стр. 31. «...процесс Никонов». Документы следствия и суда над патриархом Никоном Устряловым не были изданы.

Стр. 31. «...государя наследника...». Александр Николаевич, будущий император Александр II.

Стр. 31. *Долгорукий* — князь Василий Васильевич (см. прим. к стр. 26).

Стр. 31. *Шувалов* — граф Андрей Петрович (см. прим. к стр. 29).

Стр. 31. *Нарышкин* — Кирилл Александрович (1786—1838), обер-гофмаршал, президент Придворной конторы, известный в свое время остряк и богач.

Стр. 32. *Графиня Полье* — графиня Варвара Петровна, рожд. княжна Шаховская (1796—1870), бывшая во втором браке за французом графом А. А. Полье (1795—1830); в 1836 году вышла замуж в третий раз за князя ди Бутера.

Стр. 32. *Мещерский* — князь Петр Иванович (1801—1876), муж дочери Н. М. Карамзина — Екатерины Николаевны.

Стр. 32. *Карцов* — Дмитрий, отставной поручик; описанный случай произошел в начале марта 1834 г.; выстрел Карцова не причинил его жене вреда.

Стр. 32. *Ник. Трубецкой* — князь Николай Иванович (1797—1874), богатый помещик, камергер.

Стр. 32. *Норов* — Авраам Сергеевич (1795—1869), участник Отечественной войны 1812 г., писатель.

Стр. 32. *Кукольник* — Нестор Васильевич (1809—1868), поэт и драматург, эпигон романтизма, автор драм: «Торквато Тассо», «Рука всевышнего Отечество спасла» и многих других. Драма Кукольника «Ляпунов» была им затем переименована в драму «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский».

Стр. 32. *Хомяков* — Алексей Степанович (1804—1860), поэт-славянофил, автор трагедии «Дмитрий Самозванец», изданной в 1833 г. Задуманная им новая трагедия «Прокопий Ляпунов» не была окончена.

Стр. 32. *Розен* — барон Егор Федорович (1800—1860), литератор, поэт, автор ряда исторических трагедий, впоследствии (1836) автор либретто для оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин».

Стр. 32. *Смирнов* — Николай Михайлович (1807—1870), камер-юнкер, служивший в Министерстве иностранных дел, приятель Пушкина, муж А. О. Смирновой, рожд. Россет. Был избран в члены Английского собрания в 1834 г.

Стр. 32. *Икскуль* — барон Александр Карлович (1805—1880), камер-юнкер, переводчик в канцелярии начальника Главного морского штаба князя А. С. Меншикова; состоял членом Английского собрания (клуба) в Петербурге с 1831 по 1866 г.

Стр. 32. *Чернышев* — граф (затем князь) Александр Иванович (1786—1857), генерал-адъютант, военный министр.

Стр. 32. *Гладков* — Иван Васильевич (1766—1832), генерал-лейтенант, московский (1808—1811) и петербургский (1821—1825) обер-полицеймейстер.

Стр. 33. *Зайцевский* — Ефим Петрович (1801—1860), моряк, поэт.

Стр. 33. *Оговорка* — письменная оговорка на общем листе, на котором расписывались приглашенные к участию в словаре Плюшара. См. том X, «Деловые бумаги» (подпись на листе сотрудников Энциклопедического словаря 16 марта 1834 г.).

Стр. 33. *Сперанский* — Михаил Михайлович (см. прим. к стр. 27).

Стр. 33. *«Телеграф»* — «Московский телеграф», журнал, издававшийся Н. А. Полевым (основан в 1825 г.); был запрещен 3 апреля за отрицательную рецензию Полевого на драму Н. В. Кукольника «Рука всевышнего Отечество спасла». Подлинной причиною закрытия журнала был собранный и представленный министру народного просвещения С. С. Уварову материал о политически неблагонадежном направлении его на протяжении ряда лет (1828—1834).

Стр. 33. *Брюнов* — барон Филипп Иванович Бруннов (1797—1875), член Главного управления цензуры от Министерства иностранных дел; действительно, по совету Д. Н. Блудова, бывшего тогда министром внутренних дел, он занимался просмотром «Московского телеграфа» и составлением из него выписок о «неблагонамеренном» его направлении.

Стр. 33. S. — А. О. Смирнова (см. прим. к стр. 37).

Стр. 33. *Наталья Петровна* — княгиня Н. П. Голицына, рожд. графиня Чернышева (1741—1837) («princesse Moustache»), статс-дама.

Стр. 33. «Гоголь по моему совету...». От замысла по истории русской критики не сохранилось никаких материалов.

Стр. 33. S. K.— София Николаевна Карамзина (1802—1856), старшая дочь Н. М. Карамзина.

Стр. 33. *Гр. Л.*** — граф Иван Степанович Лаваль (1761—1846), гофмейстер, член Главного правления училищ. Его семья, жена, Александра Григорьевна, рожд. Козицкая (1772—1850) и три дочери: Зинаида, гр. Лебцельтерн (жена австрийского посланника), Софья Борх и Александра — жена церемониймейстера графа С. О. Коссаковского (она названа Пушкиным гр. Кас.). Старшая дочь Лаваля, Екатерина, жена декабриста князя С. П. Трубецкого, разделяла в то время с ним его сибирскую ссылку.

Стр. 33. *Брат Паскевича* — брат генерал-фельдмаршала князя И. Ф. Паскевича-Эриванского, Степан Федорович Паскевич (1785—1840), назначенный 2 апреля 1834 г. курским губернатором.

Стр. 33. *Шереметев* — Василий Александрович (1795—1862), орловский губернский предводитель дворянства, получивший в 1834 г. звание камергера.

Стр. 33. *Болховской* — Яков Дмитриевич (1798—1851), служивший в Одессе начальником Таможенного округа.

Стр. 34. «...два Корфа...». Барон Модест Андреевич, учившийся в Лицее вместе с Пушкиным, 6 марта 1834 г. получивший звание статс-секретаря, и барон Федор Андреевич (1808—1839), брат предыдущего, камер-юнкер.

Стр. 34. *Вольховский* — Владимир Дмитриевич, лицейский товарищ Пушкина, в это время генерал-майор; служил на Кавказе и приехал ненадолго в Петербург 16 февраля 1834 года (ср. прим. к стр. 11).

Стр. 34. *Sa tante* — Екатерина Ивановна Загряжская, покровительствовавшая жене Пушкина и ее сестрам, благожелательно относилась и к самому поэту.

Стр. 34. *Воронцов* — граф Михаил Семенович (1782—1856).

Стр. 34. *Котляревский* (герой) — Петр Степанович Котляревский (1782—1851), известный генерал.

Стр. 34. *О. Нарышкина* — Ольга Станиславовна, рожд. графиня Потоцкая (1802—1861), известная в свое время красавица.

Стр. 34. *Воронцова* — графиня Елизавета Ксавериевна.

Стр. 34. *Бринкен* — Р. Е. фон ден Бринкен (см. прим. к стр. 24), судившийся судом курляндского (а не финляндского) дворянства. Слух о его казни был неверен.

Стр. 34. *Уваров* — Сергей Семенович (1786—1855), президент Академии наук, министр народного просвещения.

Стр. 34. *S* — Этой буквой Пушкин обозначал А. О. Смирнову (см. прим. к стр. 33 и 37).

Стр. 34. *Свиньин* — Павел Петрович (см. прим. к стр. 31). Собрание его рукописей было приобретено в 1834 г. Российской академией наук.

Стр. 34. *Полевой* — Николай Алексеевич. Слух об его аресте в связи с закрытием «Московского телеграфа» оказался ложным.

Стр. 34. *Строганов* — граф Григорий Александрович (1770—1857), двоюродный дядя жены Пушкина Натальи Николаевны.

На приведенную статью из «Франкфуртского журнала» Пушкин предполагал отвечать.

Стр. 34. *Речи.* Произносились в Брюсселе 25 января 1834 г. в «годовщину свержения Николая с польского престола, а также в память русского восстания 1825 года и гибели русских патриотов». В своей речи И. Лелевель два раза упоминал о Пушкине как выразителе политических убеждений русской молодежи; при этом Лелевель привел две сказочки революционного содержания, будто бы написанные Пушкиным и присланные им из своей ссылки Николаю I. На самом деле они не принадлежат Пушкину, а одна из них, известная в списках под заглавиями «Деспот» и «Бич», является басней гр. Л. Ф. Сегюра «Дитя, Зеркало и Река»; ее переложил в стихи Денис Давыдов под заглавием «Река и Зеркало»; она ходила в списках под именем Пушкина.

Стр. 34. *Лелевель* — Иоахим (см. прим. к стр. 22).

Стр. 34. *Пулавский* — ксендз, деятель польской революции 1830 г., член «Патриотического клуба».

Стр. 34. *Ворцель* — граф Станислав (1800—1856), эмигрант, польский политический деятель.

Стр. 35. «...концерт для бедных». Устроен был 13 апреля в зале Энгельгардта в пользу Патриотического общества.

Стр. 35. *К. Ф. Долгорукая* — княгиня Екатерина Федоровна Долгорукова, рожд. княжна Барятинская (1769—1849), статс-дама.

Стр. 35. *Шувалова* — графиня Фекла Игнатьевна (см. прим. к стр. 26).

Стр. 35. *Проводил Наталью Николаевну* — т. е. жену, которая с двумя детьми уехала в Москву, а затем в Ярополец к Н. И. Гончаровой.

Стр. 35. *Ижоры* — первая почтовая станция по Московской дороге.

Стр. 35. *Дворянский бал,* назначенный на 29 апреля в связи с совершеннолетием наследника.

Стр. 35. *Литта* — граф Юлий Помпеевич (1763—1839), старший обер-камергер, которому Пушкин был подчинен при дворе как камер-юнкер.

Стр. 36. *Суворова* — княгиня, Любовь Васильевна Суворова-Рымникская (см. прим. к стр. 29); ее сын князь Аркадий Александрович родился 2 октября 1834 г. Его отец князь А. А. Суворов уехал из Петербурга не раньше 20 января 1834 г.

Стр. 36. *Середа на святой неделе* — 25 апреля.

Стр. 36. *Праздник совершеннолетия.* 22 апреля праздновалось совершеннолетие наследника Александра Николаевича.

Стр. 36. *Филарет* — митрополит московский и коломенский Филарет (1782—1867). Текст присяги для наследника был выбран им не из Книги Царств, а из Книги Паралипоменон (кн. I, глава 28); в библейском тексте слово евнух означает *придворный;* отсюда и каламбур К. А. Нарышкина, сравнившего камергеров с евнухами.

Стр. 37. *Мердер* — Карл Карлович (1788—1834), воспитатель наследника Александра Николаевича, умер в Риме 24 марта 1834 г.

Стр. 37. *Аракчеев* — граф Алексей Андреевич, умер 21 апреля 1834 г. в с. Грузине Новгородской губ.

Стр. 37. «Губернатор новогородский...» — А. У. Денфер (1786—1860).

Стр. 37. *Клейнмихель* — Петр Андреевич (1794—1869); состоял управляющим Временным департаментом созданных Аракчеевым военных поселений.

Стр. 37. *Игнатьев* — Павел Николаевич (1797—1879), полковник л.-гв. Преображенского полка, с 23 мая 1834 г. директор Пажеского корпуса.

Стр. 37. *Минувшее торжество* — совершеннолетие наследника и церемония его присяги.

Стр. 37. *Смирнова* — Александра Осиповна (см. прим. к стр. 21), 18 июня 1834 г. у нее родились две дочери — одна, Ольга Николаевна (ум. 1893), и другая, вскоре же умершая; роды были очень трудные, как и предыдущие в октябре 1832 г., когда также опасались за ее жизнь (первый ребенок ее умер во время родов).

Стр. 37. «...бал, данный дворянством...». Дворянством Петербургской губернии, в зале обер-егермейстера Д. Л. Нарышкина, бал дан был 29 апреля.

Стр. 37. «...указ о русских подданных...». Указ от 17 апреля 1834 г., которым русским дворянам воспрещалось пребывание за границей долее пяти лет, а лицам других сословий — долее трех лет. По так называемой жалованной грамоте «о даровании вольности дворянству» Петром III (1762 г.) дворянам было предоставлено право свободного выезда за границу и проживание там впредь до того, «как только нужда потребует».

Стр. 37. *Гуляние 1-го мая* — традиционное гулянье в Екатерингофе (под Петербургом).

Стр. 37. *Хребтович* — графиня Елена Карловна (р. 1813), старшая дочь министра иностранных дел графа К. В. Нессельроде.

Стр. 37. *Милорадович* — граф Михаил Андреевич (1771—1825), петербургский военный генерал-губернатор; много сделал для украшения и благоустройства Екатерингофа.

Стр. 37. «Хвостовым некогда воспетая дыра!» Имеется в виду стихотворение графа Д. И. Хвостова «Майское гулянье в Екатерингофе 1824 года. Графу Милорадовичу».

Стр. 37. «Гоголь читал у Дашкова свою комедию». По-видимому, неоконченную комедию «Владимир 3-й степени».

Стр. 38. «Molière avec Tartuffe...» — цитата из 3-й сатиры Буало.

Стр. 38. *Ламбер* — граф Карл Осипович (1772—1843). Его жену Ульяну Михайловну, рожд. Дееву (1791—1838), хорошо знал Пушкин.

Стр. 38. *Лаваль* — графиня, Александра Григорьевна (см. прим. к стр. 33).

Стр. 38. *Лифляндское дворянство* — ошибочно; нужно: курляндское дворянство. О деле Бринкена см. в записи от 29 ноября 1833 г.

Стр. 38. *Скверные стихи* — очевидно, ходившее в списках и получившее большое распространение стихотворение «Первая ночь брака», фривольного характера (см. т. VI, стр. 504, «Отрывок», из ранних редакций).

Стр. 38. «Московская почта распечатала письмо...» Речь идет о письме Пушкина к жене от 20 и 22 апреля 1834 г. Письмо это было перлюстрировано московским почт-директором А. Я. Булгаковым и представлено в копии А. Х. Бенкендорфу, через которого и стало известно Николаю I, имевшему по поводу этого письма разговор с В. А. Жуковским. Жуковскому потребовалось немало усилий, чтобы отвести от Пушкина надвигавшуюся грозу. Пушкин очень глубоко переживал нанесенное ему оскорбление, повлекшее за собою даже попытку выхода в отставку, которая, однако, по вмешательству Жуковского, не состоялась (см. письмо Пушкина к А. Х. Бенкендорфу от 25 июня 1834 г.).

Стр. 38. «...но холопом и шутом не буду и у царя небесного». Пушкин имел в виду слова Ломоносова из его письма Шувалову (19 января 1761): «Не токмо у стола знатных господ, или у каких земных владетелей дураком* быть не хочу; но ниже у самого господа бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет».

Стр. 38. *Видок* — начальник парижской тайной полиции, с которым Пушкин сравнивал Ф. В. Булгарина (см. т. VII, стр. 147, «О записках Видока»).

Стр. 39. *Смирновы* — Александра Осиповна и Николай Михайлович (см. прим. к стр. 21 и 32).

Стр. 39. *Полетика* — Петр Иванович (1778—1849), в молодости член «Арзамаса», дипломат, сенатор.

---

* т. е. шутом.— *Ред.*

Стр. 39. *Чертков* — Евграф Александрович (ум. 1797), один из участников переворота 1762 г., способствовавших возведению Екатерины II на престол.

Стр. 39. *Зубов* — Платон Александрович (1767—1822), последний фаворит Екатерины II.

Стр. 39. *Константин* — великий князь Константин Павлович (1779—1831).

Стр. 39. *Laharpe* — Фридрих-Цезарь Лагарп (1754—1838), деятель Швейцарской революции 1797 г., воспитатель императора Александра I в 1782—1794 гг.

Стр. 39. *Ланжерон* — граф Александр Федорович (1763—1831), француз-эмигрант, вступивший в русскую службу в 1790 г.; был в 1822 г. новороссийским генерал-губернатором и жил в Одессе одновременно с Пушкиным. Письма Александра I к Ланжерону, которые читал Пушкин, неизвестны.

Стр. 39. *Медем* — граф Павел Иванович (1800—1854), дипломат, в июне 1834 г. назначенный в Лондон исправляющим должность поверенного в делах.

Стр. 39. *Суспиции* — французское слово suspicions (подозрения, сомнения).

Стр. 39. *Ливен* — светлейший князь Христофор Андреевич (1774—1838), многолетний (1812—1834) посол в Лондоне; в 1834 г. был назначен попечителем к наследнику престола.

Стр. 39. *Блай* — см. прим. к стр. 24.

Стр. 39. *Каннинг* — лорд Стратфорд Каннинг (1788—1880), английский дипломат; был назначен в 1833 г. послом в Петербург, но не был принят Николаем I. Сведений о столкновении Каннинга с Николаем I в единственную встречу их в Париже в 1815 г. не сохранилось. Непринятие Каннинга послом в Россию вызывалось, очевидно, общими натянутыми дипломатическими отношениями между Англией и Россией в то время.

Стр. 40. *Мещерские* — князь Петр Иванович Мещерский и его жена Екатерина Николаевна, рожд. Карамзина.

Стр. 40. *Великая княгиня* — Елена Павловна, рожд. принцесса Вюртембергская (1806—1873), жена великого князя Михаила Павловича.

Стр. 40. *Красовский* — Александр Иванович (1780—1857), цензор, получивший известность как тупой гаситель всякой живой и свободной мысли.

Стр. 40. *Катерина Андреевна* — Карамзина.

Стр. 40. *Тайцы* — мыза около Гатчины, под Петербургом, принадлежавшая Абраму Петровичу Ганнибалу (1697—1781).

Стр. 40. *Давыдов* — Дмитрий Александрович (1786—1851), помещик, сахарозаводчик, друг П. А. Вяземского.

Стр. 40. *Киселев* — граф Павел Дмитриевич (1788—1872).

Стр. 40. *Ермолов* — Алексей Петрович (см. прим. к стр 27).

Стр. 40. *Смирн.* — А. О. Смирнова.

Стр. 40. *Генерал Болховской* — Дмитрий Николаевич Бологовской (1775—1852), генерал-майор, в январе 1834 г. вышедший в отставку, старый знакомый Пушкина по Кишиневу. Бологовской участвовал в убийстве Павла I.

Стр. 40. *Elisa* — Елизавета Михайловна Хитрово, рожд. Голенищева-Кутузова (1783—1839), дочь знаменитого полководца,

приятельница Пушкина. Ее дочь была замужем за графом Фикельмоном.

Стр. 40. *Нащокин* — Павел Воинович (1800—1854), друг Пушкина.

Стр. 40. *Кочубей* — князь Виктор Павлович, умер 3 июня 1834 г.

Стр. 41. *Прусский кронпринц с женою* — Фридрих-Вильгельм (1795—1861), впоследствии (с 1840 г.) прусский король Фридрих-Вильгельм IV, и его жена Елисавета-Луиза (1801—1837), дочь баварского короля Максимилиана I.

Стр. 41. «Прошедший месяц был бурен». 25 июня Пушкин написал письмо А. Х. Бенкендорфу с просьбой об отставке от службы и получил в ответ извещение, что отставка принята, но разрешение, данное ему на занятия в архивах, тем самым отнимается. Под влиянием и воздействием В. А. Жуковского и вследствие раздумий о тягостных последствиях своей «ссоры» с Николаем I Пушкин взял свою просьбу об отставке обратно.

Стр. 41. *Мезон* — граф Жозеф (1771—1840), пэр Франции, маршал; был французским послом в Австрии, а затем с 1833 г. в России.

Стр. 41. *Арнт* — Н. Ф. Арендт (см. прим. к стр. 21).

Стр. 41. «Под Остерлицем...» Под Аустерлицем, в сражении 20 ноября 1805 г., Кавалергардский полк был расстроен и почти наполовину уничтожен.

Стр. 41. *Сенат*. Сенат в Москве помещался в здании Судебных мест, построенном в 1771—1785 гг. на месте дома князей И. Ю. и Ю. Ю. Трубецких.

Стр. 41. *Трощинский* — Дмитрий Прокофьевич (1749—1829), статс-секретарь Екатерины II: в 1800 г. был уволен Павлом I в отставку. В ночь на 12 марта 1801 г. Трощинский назначен был членом Государственного совета, министром уделов, а впоследствии (1814) министром юстиции.

Стр. 42. «Я был в отсутствии...» Открытие Александровской колонны состоялась 30 августа. С 16 или 17 августа по 18 октября 1834 г. Пушкин был в отъезде из Петербурга — сначала в Москве и Полотняном заводе Калужской губ. у жены, которая гостила у Н. И. Гончаровой, а затем, с середины сентября, в Болдине.

Стр. 42. *А. Раевский* — Александр Николаевич (1795—1868).

Стр. 42. *Тарутино* — село Тарутино в Боровском уезде Калужской губернии, где находилось имение графа С. П. Румянцева (1755—1838); место историческое по сражению с французами 6 октября 1812 г. С. П. Румянцев в память одержанной здесь русскими полками победы освободил всех крестьян села от крепостной зависимости, закрепив за ними землю, которою они тогда пользовались, с условием постановки в Тарутине за их счет памятника в виде обелиска. Памятник был открыт 25 июня 1834 г. На нем находится надпись: «На сем месте российское воинство, предводимое фельдмаршалом Кутузовым, спасло Россию и Европу».

Стр. 42. *В Заводе* — на Полотняном заводе Калужской губ., в имении Гончаровых — родителей Н. Н. Пушкиной.

Стр. 42. *Управители* — управляющие имением Болдиным — Михаил Иванович Калашников и Иосиф Матвеевич Пеньковский.

В Болдино приезжал также присланный от П. А. Осиповой управляющий Карл Рейхман, затем отказавшийся от ведения дел по имению. С весны 1834 г. Пушкин взял на себя главное управление Болдиным, почему и имел дело с управляющими.

Стр. 42. «Пугачев» — «История Пугачева», переименованная по повелению Николая I в «Историю Пугачевского бунта».

Стр. 42. «Я ждал всё возвращения царя из Пруссии». Николай I ездил в Берлин и вернулся в Петербург вечером 26 ноября. В его отсутствие не решались выпустить в продажу отпечатанный тираж «Истории Пугачевского бунта».

Стр. 42. *Бутурлин* — Дмитрий Петрович (см. прим. к стр. 24).

Стр. 42. «Завтра...», 6 декабря — день именин Николая I. Пушкину, как камер-юнкеру, надлежало явиться в присвоенном ему по придворному званию мундире.

Стр. 42. *Долгорукова* — княгиня Ольга Александровна (1814—1865), младшая дочь московского почтдиректора А. Я. Булгакова, жена камер-юнкера князя А. С. Долгорукова (1809—1873).

Стр. 42. *М. Голицын* — князь Иван Федорович (1792—1835), полковник, заведовавший Секретным отделением Канцелярии московского генерал-губернатора кн. Д. В. Голицына, которому он приходился племянником (Пушкин ошибся в инициале).

Стр. 43. *Лекс* — Михаил Иванович (1793—1856), в 1834 году состоял директором канцелярии Министерства внутренних дел, а ранее служил чиновником в штате И. Н. Инзова в Кишиневе.

Стр. 43. *Салтыков* — Сергей Васильевич (см. прим. к стр. 23).

Стр. 43. *M-me Yermolof* — Жозефина-Шарлотта Ермолова, дочь французского генерала, графа Лассаля, вышедшая замуж за М. А. Ермолова, участника Отечественной войны, писателя-переводчика.

Стр. 43. *Курваль* — графиня, дочь французского генерала Виктора Моро, противника Наполеона.

Стр. 43. *Бобринская* — графиня Анна Владимировна (см. прим. к стр. 28).

Стр. 43. *Бобринский* — граф Алексей Алексеевич (см. прим. к стр. 26).

Стр. 43. *Сыновья Каннинга и Веллингтона, Дуро.* 2 декабря Николаю I представлялась группа иностранцев, среди которых были французский путешественник граф де Курваль, английские путешественники маркиз де Дуро, сын герцога Веллингтона и Чарльз Каннинг.

Стр. 43. *Ленский* — Адам Осипович, помощник статс-секретаря Государственного совета по департаменту дел Царства Польского.

Стр. 43. *Великий князь* — Михаил Павлович.

Стр. 44. *S.* — А. О. Смирнова (см. прим. к стр. 21 и 37).

Стр. 44. *Нординг* — Густав Нордин, секретарь шведско-норвежского посольства в Петербурге.

Стр. 44. «...у Хитровой». Елизавета Михайловна Хитрово (см. прим. к стр. 40).

Стр. 44. *Великий князь* — Михаил Павлович. Он возмущался статьей, напечатанной в № 206 «Северной пчелы» от 13 сентября 1834 г., где был описан приезд Николая I в Москву 7 сентября.

Стр. 45. *Никитенко* — Александр Васильевич (1805—1877), цензор С.-Петербургского цензурного комитета, впоследствии акаде-

мик. 8 дней провел под арестом на гауптвахте за пропуск в печать для 12-й книжки «Библиотеки для чтения» следующего перевода стихотворения В. Гюго:

Красавице

Когда б я был царем всему земному миру,
Волшебница! тогда б поверг я пред тобой
Всё, всё, что власть дает народному кумиру:
Державу, скипетр, трон, корону и порфиру,
    За взор, за взгляд единый твой!
И если б богом был — селеньями святыми
Клянусь — я отдал бы прохладу райских струй,
И сонмы ангелов с их песнями живыми,
Гармонию миров и власть мою над ними
    За твой единый поцелуй!

Стр. 45. *Деларю* — Михаил Данилович (1811—1868), поэт, воспитанник Царскосельского лицея.

Стр. 45. *Митрополит* — митрополит новгородский и петербургский Серафим (1757—1843). В 1828 г. возбудил дело о «Гавриилиаде», а в 1833 г. при выборах Пушкина в члены Российской академии не дал своего голоса за Пушкина «единственно потому, что он ему неизвестен».

Стр. 45. *Крылов* — баснописец Иван Андреевич Крылов.

Стр. 45. *Глинка* — Федор Николаевич (1786—1880), поэт, декабрист.

Стр. 45. *Ухарский псалом* — по-видимому, стихотворение Ф. Н. Глинки 1832 г. «Слова Адонаи к мечу (из Исайи)», которое начинается следующими стихами:

Сверкай, мой меч! играй, мой меч!
Лети, губи, как змей крылатый!
Пируй, гуляй в раздолье сеч!
Щиты их в прах! в осколки латы!

Стр. 45. «...*он* пустился...» — *он*, т. е. бог.

1835

Стр. 45. «Бриллианты...». Принадлежавшие Н. Н. Пушкиной бриллианты были заложены Пушкиным вследствие денежных затруднений сразу же после свадьбы в 1831 г. и в связи с переездом из Москвы в Петербург в мае того же года. Он не смог их выкупить до конца своей жизни.

Стр. 45. *Волконский* — князь Петр Михайлович (1776—1852), министр двора и управляющий кабинетом, близкий человек и доверенный Николая I.

Стр. 46. *Великая княгиня* — Елена Павловна.

Стр. 46. *Записки Екатерины II.* Тогда были известны только в рукописных списках и считались секретными. Появились в печати лишь в 1859 г. в Лондоне (их издал А. И. Герцен). Пушкин снял с них копию в Одессе со списка, хранившегося в библиотеке графа М. С. Воронцова.

Стр. 46. *С. М. Смирнова* — Софья Михайловна, единственная сестра Н. М. Смирнова, горбатая девушка (1809—1835), которую очень любили Пушкин и Жуковский.

Стр. 46. *Свояченица* — Екатерина Николаевна Гончарова (1808—1843), старшая сестра Н. Н. Пушкиной, жившая в 1834 г. в доме у Пушкиных и вышедшая 10 января 1837 г. за Жоржа Дантеса Геккерена.

Стр. 46. *Великая княгиня* — Елена Павловна.

Стр. 46. *Мартынов* — Павел Петрович (см. прим. к стр. 25).

Стр. 46. *Панин* — граф Виктор Никитич (1801—1874), статс-секретарь, товарищ министра юстиции (при Д. В. Дашкове), камергер.

Стр. 46. *Бобринский* — граф Алексей Алексеевич (см. прим. к стр. 26).

Стр. 46. *Брызгалов* — Иван Семенович (1753—1838), комендант и кастелян Михайловского замка в Петербурге; пользовался доверием Павла I, а после его смерти продолжал носить форму одежды павловского времени, афишируя свою преданность памяти императора; разыгрывал роль чудака, но под этой маской ловко устраивал свои личные дела.

Стр. 46. *Bertrand* и *Raton* — «Bertrand et Raton, ou l'Art de conspirer», комедия в 5 действиях Скриба, появившаяся на сцене в Париже в конце 1833 г. В ней под видом истории датского первого министра Струензе дается картина революции применительно к обстоятельствам июльской революции 1830 г. во Франции.

Стр. 46. *Блум* — граф Оттон Бломе (1770—1849), датский посланник в Петербурге с 1804 по 1841 г.

Стр. 46. *Филарет* — митрополит московский и коломенский.

Стр. 46. *Павский* — Герасим Петрович (1787—1863), протоиерей, профессор Петербургской духовной академии, крупный филолог. Митрополит Филарет обвинил его в том, что в его двух книгах «Начертание церковной истории» и «Христианское учение в краткой системе» находятся неблагонамеренные места.

Стр. 46. *Великий князь* — наследник Александр Николаевич, у которого Павский был законоучителем.

Стр. 46. *Кочтов* — Иоаким Семенович (1787—1854), протоиерей Петропавловского собора в Петербурге, профессор Петербургской духовной академии, член Российской академии.

Стр. 47. *Другой* — Василий Борисович Бажанов (1800—1883), священник, законоучитель Петербургского университета, с 1837 г. член Российской академии наук.

Стр. 47. «Qui est-ce que...» — цитата из «Севильского цирюльника» Бомарше, вошедшая в пословицу.

Стр. 47. *Дундуков* — князь Михаил Александрович Дондуков-Корсаков (1794—1869), попечитель С.-Петербургского учебного округа (при С. С. Уварове — министре народного просвещения), председатель С.-Петербургского цензурного комитета и с 7 марта 1835 г. вице-президент Академии наук (при С. С. Уварове — президенте).

Стр. 47. *Канкрин* — граф Егор Францович (1776—1845), министр финансов.

Стр. 47. *Дашкова* — Е. Р. (см. прим. к стр. 25).

Стр. 47. *Дашков* — Дмитрий Васильевич (1784—1839), в то время министр юстиции.

Стр. 47. *Красовский* — А. И. (см. прим. к стр. 40).

Стр. 47. *Бируков* — Александр Степанович (1772—1844), цензор С.-Петербургского цензурного комитета.

ВОСПОМИНАНИЯ

ДЕРЖАВИН (Стр. 48)

Запись относится к концу 1835 г. Она находится в пачке «Table-talk», но, по-видимому, представляет собой выписку из «Записок», которые вел Пушкин и которые уничтожил после событий 14 декабря 1825 г. О чтении на лицейском экзамене стихотворения «Воспоминания в Царском Селе» см. во второй строфе VIII главы «Евгения Онегина».

КАРАМЗИН (Стр. 49)

Отрывок, по-видимому, представляет собой фрагмент тех воспоминаний, которые Пушкин писал в Михайловском и вынужден был уничтожить в 1826 г., после восстания декабристов.

Стр. 49. «...печатью вольномыслия». Речь перед этим шла, очевидно, о вольнолюбивых стихотворениях периода до ссылки 1820 г.

Стр. 49. *Болезнь.* Сильная болезнь Пушкина относится к январю — февралю 1818 г. *Гнилая горячка* — по-видимому, тиф.

Стр. 49. *Одна дама* — княгиня Евдокия Ивановна Голицына.

Стр. 49. *Каченовский* — Михаил Трофимович (1775—1842), профессор, историк, переводчик и журналист, редактор журнала «Вестник Европы». В своем журнале напечатал (1819 г.) статью «От киевского жителя к его другу», в которой подверг резкой критике два французских перевода предисловия к «Истории государства Российского».

Стр. 49. *Ноты Русской истории* — обширные примечания Карамзина к «Истории государства Российского».

Стр. 50. *Никита Муравьев* — Никита Михайлович Муравьев (1796—1843), декабрист, крупнейший деятель Северного тайного общества, автор проекта конституции; написал разбор предисловия к «Истории» Карамзина, получивший распространение в списках.

Стр. 50. *Мих. Орлов* — Михаил Федорович Орлов. Письмо его к П. А. Вяземскому неизвестно, но Вяземский в своей «Старой записной книжке», приведя рассказ Пушкина об отзыве кн. Е. И. Голицыной, вспоминает, что «другой приверженец княгини, умный и образованный Михаил Орлов, был также недоволен трудом Карамзина: патриотизм его оскорблялся и страдал ввиду прозаического и мещанского происхождения русского народа, которое выводил историк».

Стр. 50. *Одна из лучших эпиграмм* — «В его „Истории“ изящность, простота...»

Стр. 50. *Любимые парадоксы* — мысли Карамзина о том, что Россия должна существовать лишь как абсолютная монархия (см. т. VII, «Заметка при чтении т. VII, гл. 4 Истории государства Российского»).

С т р. 50. *Шихматов* — князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов (1783—1837).

С т р. 50. *Кутузов* — Павел Иванович Голенищев-Кутузов (1767—1829), сенатор, одописец и переводчик, член Российской академии, литературный и политический враг Карамзина.

С т р. 50. *Шестилетнее знакомство.* Если считать, что последний раз Пушкин встречался с Карамзиным в 1820 г. перед ссылкой на юг, то начало их знакомства нужно отнести к 1814 г. Однако настоящее общение их началось лишь с марта 1816 г., когда Карамзин приезжал из Петербурга в Царское Село, а летом 1816 г. поселился там на даче. Отправлялся Карамзин в Павловск (близ Царского Села) для посещения Марии Федоровны, вдовы Павла I.

ВООБРАЖАЕМЫЙ РАЗГОВОР С АЛЕКСАНДРОМ I (Стр. 51)

В рукописи эта запись не озаглавлена; она сохранилась в черновом виде и относится к концу 1824 — началу 1825 г., когда была отослана в печать первая глава «Евгения Онегина».

Текст записи сложный, испещренный многочисленными, иногда противоречивыми переделками. В тексте дано то окончательное чтение, какое получается в результате изучения всего процесса написания. Приводим здесь обычное чтение наиболее трудной части. После слов «Я читал вашу оду „Свобода“»:

«Прекрасно, хоть она писана немного сбивчиво, мало обдуманно (вам ведь было 17 лет, когда вы написали эту оду.— В. В., я писал ее в 1817 году).— Тут есть 3 строфы очень хорошие... Конечно, вы поступили неблагоразумно... Я заметил, вы старались очернить меня в глазах народа распространением нелепой клеветы; вижу, что вы можете иметь мнения неосновательные, но вижу, что вы не уважили правду, личную честь даже в царе».

В скобках — зачеркнутое Пушкиным.

С т р. 51. «Свобода» — ода «Вольность» (см. т. I).

С т р. 51. *Нелепая клевета* — т. е. распространение слухов о соучастии Александра I в убийстве своего отца Павла I (см. 11-ю строфу оды «Вольность»).

С т р. 51. *Ив. Андр. Крылов* — служил тогда библиотекарем в Публичной библиотеке.

С т р. 51. «...не ужились с графом Воронцовым...» Это место совпадает с письмом Пушкина к А. И. Тургеневу от 14 июля 1824 г. из Одессы: «Не странно ли, что я поладил с Инзовым, а не мог ужиться с Воронцовым» и т. д.

С т р. 51. *Цицианов* — князь Дмитрий Евсеевич.

С т р. 52. «...судить человека по письму, писанному товарищу...». Это свидетельствует о том, что Пушкин знал о перлюстрации своего письма из Одессы (от первой половины марта 1824 г.), в котором он писал, что «берет уроки чистого афеизма» и что «Святый дух иногда ему по сердцу, но предпочитает Гёте и Шекспира». Именно это письмо и послужило поводом для высылки Пушкина из Одессы.

С т р. 52. *Две пустые фразы* — фразы о «чистом афеизме» и «святом духе».

Стр. 52. *Карл X* — французский король, вступивший на престол 16 сентября 1824 г.

Стр. 52. *Последний поступок* — ссылка Пушкина в с. Михайловское.

Стр. 52. *Ермак* — Ермак Тимофеевич, завоеватель Сибири в XVI в.

Стр. 52. *Кочум* — Кучум, сибирский хан.

ХОЛЕРА
(Стр. 52)

Запись о холере, в рукописи не имеющая заглавия, относится, по всей вероятности, к 1831 г.

Стр. 52. *Один дерптский студент* — Алексей Николаевич Вульф (1805—1881), сын П. А. Осиповой; учился в Дерптском университете в 1822—1826 гг.

ЗАПИСЬ В АЛЬБОМЕ УШАКОВЫХ
(Стр. 54)

Запись сделана в 1829 г. в альбом сестер Ушаковых и в рукописи не имеет заглавия; представляет два списка имен женщин, которыми Пушкин увлекался до 1829 г.

Стр. 54. *Наталья I* — либо крепостная актриса известного театра графа В. В. Толстого в Царском Селе, либо графиня Н. В. Кочубей.

Стр. 54. *Катерина I* — Екатерина Павловна Бакунина (см. записи в дневнике 1815 г.).

Стр. 54. *Катерина II* — по-видимому, актриса Екатерина Семенова.

Стр. 54. *N. N.* — возможно, что Наталья II, т. е. графиня Н. В. Кочубей, если под Натальей I имеется в виду крепостная актриса.

Стр. 54. *Кн. Авдотия* — княгиня Евдокия Ивановна Голицына, рожд. Измайлова.

Стр. 54. *Настасья* — имя написано неясно. Есть предположение, что это «билетерша» в зверинце, которой увлекался Пушкин в 1819 г.

Стр. 54. *Катерина III* — Екатерина Николаевна Раевская, жена (с 1821 г.) М. Ф. Орлова.

Стр. 54. *Аглая* — Аглая Антоновна Давыдова (1787—1847), рожд. герцогиня де Граммон, жена А. Л. Давыдова, владельца Каменки, где гостил Пушкин.

Стр. 54. *Калипсо* — Калипсо Полихрони (р. 1803), гречанка, с которой Пушкин встречался в Кишиневе.

Стр. 54. *Пульхерия* — Пульхерия Егоровна Варфоломей (1802—1863).

Стр. 54. *Амалия* — Амалия Ризнич; увлечение ею относится к 1823—1824 гг., в Одессе.

Стр. 54. *Элиза* — графиня Елизавета Ксавериевна Воронцова, жена М. С. Воронцова.

Стр. 54. *Евпраксея* — Евпраксия Николаевна Вульф, которой Пушкин увлекался по приезде в Михайловское. Впоследствии (с 1831 г.) замужем за бароном Вревским.

Стр. 54. *Катерина* IV — лицо неустановленное.

Стр. 54. *Анна* — возможно, Анна Петровна Керн или Анна Алексеевна Оленина, к которой Пушкин сватался в 1828 г.

Стр. 54. *Наталья* — Наталья Николаевна Гончарова, будущая жена Пушкина.

Стр. 54. *Мария* (во втором списке) — лицо неустановленное.

Стр. 54. *Анна* — вероятнее всего Анна Николаевна Вульф, дочь П. А. Осиповой; увлечение относится ко времени ссылки в Михайловском.

Стр. 54. *Софья* — София Федоровна Пушкина (1806—1862), дальняя родственница Пушкина, вышедшая в 1827 г. замуж за В. А. Панина. Пушкин сватался к ней в 1826 г. после приезда из Михайловского в Москву.

Стр. 54. *Александра* — Александра Ивановна Осипова (ум. 1864), падчерица П. А. Осиповой, вышедшая замуж в 1833 г. за П. Н. Беклешова.

Стр. 54. *Варвара* — лицо неустановленное.

Стр. 54. *Вера* — возможно, княгиня Вера Федоровна Вяземская (1790—1876), с 1811 г. жена князя П. А. Вяземского. Пушкин был особенно близок с ней в Одессе, куда она приезжала в 1824 г.

Стр. 54. *Анна* — Анна Ивановна Вульф (ум. 1835), племянница П. А. Осиповой, была замужем (с 1834 г.) за В. И. Трувеллером.

Стр. 54. *Анна* — вероятно, Анна Петровна Керн.

Стр. 54. *Анна* — вероятно, Анна Алексеевна Оленина.

Стр. 54. *Варвара* — лицо неустановленное.

Стр. 54. *Елизавета* — по всей вероятности, Елизавета Михайловна Хитрово.

Стр. 54. *Надежда* — лицо неустановленное.

Стр. 54. *Аграфена* — графиня Аграфена Федоровна Закревская (1799—1879), рожд. графиня Толстая, жена графа А. А. Закревского.

Стр. 54. *Любовь* — лицо неустановленное.

Стр. 54. *Ольга* — Ольга Михайловна Калашникова (р. 1806), крепостная Пушкина в с. Михайловском, выданная замуж за чиновника П. В. Ключарева, который жил с женою в Болдине, а затем оставил ее и уехал в Москву.

Стр. 54. *Евгения* — лицо неустановленное.

Стр. 54. *Александра* — вероятно, Александра Александровна Римская-Корсакова, вышедшая в 1832 г. замуж за князя А. Н. Вяземского. Пушкин предполагал изобразить ее в неосуществленном «Романе на кавказских водах».

Стр. 54. *Елена* — лицо неустановленное.

Стр. 54. *Елена* — возможно, Елена Федоровна Соловкина, рожд. Бейн, жена полковника, командира Охотского полка.

Стр. 54. *Татьяна* и *Авдотья* — лица неустановленные.

ПЕРВАЯ ПРОГРАММА ЗАПИСОК

(Стр. 54)

Датируется 1830 годом предположительно.

Стр. 54. *Семья моего отца* — дед Пушкина Лев Александрович (1723—1790), его вторая жена Ольга Васильевна, рожд. Чичерина (1737—1802) и их дети: Василий, Сергей, Анна и Елисавета.

Стр. 54. *Отец и дядя в гвардии.* Сергей Львович Пушкин (1767—1848) служил в л.-гв. Измайловском, а затем в л.-гв. Егерском полку; Василий Львович Пушкин (1766—1830) также служил в л.-гв. Измайловском полку.

Стр. 54. *Бабушка и ее мать.* Мария Алексеевна Ганнибал, рожд. Пушкина (1745—1818), бабушка Пушкина по матери, была замужем за Осипом Абрамовичем Ганнибалом (1744—1806), который, оставив ее, женился на У. Е. Толстой. Брак этот был признан, однако, незаконным, и О. А. не получил развода. М. А. Ганнибал жила со своей дочерью Надеждой Осиповной Ганнибал (1775—1836) в Липецке у своей матери, Сарры Юрьевны Пушкиной, рожд. Ржевской.

Стр. 54. *Иван Абрамович* — брат Осипа Абрамовича Ганнибала, Иван Абрамович (1731—1801), генерал-лейтенант, строитель г. Херсона (см. о нем стихотворение «Воспоминания в Царском Селе», 1829 г.). Он устроил свадьбу Н. О. Ганнибал с С. Л. Пушкиным, которая состоялась 28 сентября 1796 года.

Стр. 54. *Смерть Екатерины.* Екатерина II умерла 6 ноября 1796 г.

Стр. 54. *Рождение Ольги.* Старшая сестра Пушкина Ольга Сергеевна родилась 20 декабря 1797 г. в Петербурге.

Стр. 54. *Отец выходит в отставку.* С. Л. Пушкин вышел в отставку из л.-гв. Егерского полка с чином коллежского асессора 16 сентября 1797 г. и переехал на жительство из Петербурга в Москву.

Стр. 54. *Рождение мое* — 26 мая 1799 года, в Москве, на Немецкой ул., в доме Скворцова (теперь д. № 10 по Бауманской ул.).

Стр. 54. *Юсупов сад* — сад в Москве около дома князя Н. Б. Юсупова в Б. Харитоньевском переулке (теперь д. № 22).

Стр. 54. *Землетрясение* — легкое землетрясение, происшедшее в Москве 14 октября 1802 г.

Стр. 54. *Няня* — Арина Родионовна (1758—1828), крепостная М. А. Ганнибал.

Стр. 54. *Гувернантки* — англичанка мадам Бэли, бывшая гувернантка О. С. Пушкиной и учившая Пушкина английскому языку была также гувернантка-немка, которая говорила обычно по-русски.

Стр. 54. *Ранняя любовь.* В рукописи эти слова зачеркнуты. Может быть, Пушкин имел в виду девочку Софию Николаевну Сушкову (см. «Послание к Юдину»), с которой встречался на детских балах танцмейстера Иогеля.

Стр. 54. *Рождение Льва.* Лев Сергеевич Пушкин родился в Москве 17 апреля 1805 года (ум. в 1852 г.).

Стр. 54. *Смерть Николая* — брат Пушкина Николай (род. в 1801 г.) умер 30 июля 1807 г. в имении М. А. Ганнибал с. Захарове под Москвой.

Стр. 54. *Монфор* — граф, французский эмигрант, по свидетельству О. С. Павлищевой «человек образованный, музыкант и живописец».

Стр. 54. *Русло* — француз-гувернер Пушкина и его сестры после Монфора.

Стр. 54. *Охота к чтению.* Пушкин рано пристрастился к чтению, пользуясь книгами из библиотеки своего отца, преимущественно из французских классиков. О. С. Павлищева свидетельствует, что Пушкин «уже девяти лет любил читать Плутарха или Илиаду и Одиссею». И. И. Пущин в своих воспоминаниях говорит, что Пушкин еще в Лицее «многое прочел, о чем мы и не слыхали; всё, что читал, помнил».

Стр. 54. *Меня везут в П. Б.,* т. е. в Петербург в середине июля 1811 г. Вез Пушкина его дядя Василий Львович, чтобы определить его в Лицей.

Стр. 54. *Езуиты.* Имеются в виду предварительные переговоры об определении Пушкина в «Иезуитский коллегиум» в Петербурге.

Стр. 54. *Тургенев* — Александр Иванович, который определял Пушкина в Лицей.

Стр. 55. *Дмитриев* — Иван Иванович.

Стр. 55. *Дашков* — Дмитрий Васильевич.

Стр. 55. *Блудов* — Дмитрий Николаевич.

Стр. 55. *Ан. Ник.* — Анна Николаевна Ворожейкина, с которой жил В. Л. Пушкин вне брака и от которой он имел тогда дочь Маргариту. И. И. Пущин в своих записках вспоминает: «Она подчас нас, птенцов, приголубливала; случалось, что и побранит, когда мы надоедали ей нашими ранновременными шутками. Именно замечательно, что она строго наблюдала, чтобы наши ласки не переходили границ».

Стр. 55. *Лицей. Открытие.* Официальное открытие Лицея в торжественной обстановке состоялось 19 октября 1811 г.

Стр. 55. *Малиновский* — Василий Федорович (1765—1814), первый директор Лицея, до этого назначения служил по дипломатической части и занимался литературным трудом.

Стр. 55. *Куницын* — Александр Петрович. Говорил при открытии Лицея речь.

Стр. 55. *Мы прогоняем Пилецкого.* Мартына Степановича Пилецкого-Урбановича (1780—1859), бывшего в 1811—1813 гг. надзирателем «по учебной и нравственной части» в Лицее; ханжа и мистик, он преследовал лицеистов, которые его ненавидели. Под их давлением он вынужден был оставить службу в Лицее в 1813 г.

Стр. 55. *Государыня в Сарском Селе* — императрица Елисавета Алексеевна, которая одиноко проживала в Царском Селе, покинутая Александром I.

Стр. 55. *Гр. Кочубей* — графиня Наталья Викторовна (1800—1855), дочь гр. В. П. Кочубея; в 1820 г. вышла замуж за барона Александра Григорьевича Строганова.

Стр. 55. *Смерть Малиновского.* Директор Лицея Василий Федорович Малиновский умер 23 марта 1814 г., и после него не был некоторое время назначен новый директор; с 1814 по 1816 г. временно исполнял обязанности директора профессор немецкой словесности Ф. М. Гауеншильд, не пользовавшийся популярностью; этот период в управлении Лицеем Пушкин и называет «безначалием».

Стр. 55. *Чачков* — Василий Васильевич (1779—1842), переводчик с немецкого языка; с 7 июня 1813 г. по 12 марта 1814 г. был надзирателем «по учебной и нравственной части» в Лицее.

Стр. 55. *Фролов* — Степан Степанович (см. прим. к стр. 10).

Стр. 55. *Смерть.* Очевидно, отмечена ошибочно под 1814 г. смерть Г. Р. Державина, последовавшая 16 июня 1816 года.

Стр. 55. *Известие о взятии Парижа.*— Париж был взят союзными войсками 19 марта 1814 г.

Стр. 55. *Больница.* Очевидно, речь идет о пребывании Пушкина в лицейском лазарете, во время простуды, 12—14 октября 1814 г.; в это время он читал посетившим его товарищам свое стихотворение «Пирующие студенты».

Стр. 55. *Приезд матери.* Н. О. Пушкина переехала на жительство из Москвы в Петербург в 1814 г. и впервые вместе с сыном и дочерью посетила Пушкина 12 апреля 1814 г.

Стр. 55. *Приезд отца.* С. Л. Пушкин возвратился в Петербург из Варшавы, где он до этого служил, также в 1814 г. и впервые посетил Пушкина в Лицее 11 октября 1814 г.

Стр. 55. *Экзамен.* Лицейский экзамен 8 января 1815 г. при переходе из младшего курса на старший. В этот день Пушкин читал свое стихотворение «Воспоминания в Царском Селе» в присутствии Г. Р. Державина.

ВТОРАЯ ПРОГРАММА ЗАПИСОК
(Стр. 55)

Эта программа относится к 1833 г., когда, живя в Болдине, Пушкин вновь пытался вернуться к писанию своих воспоминаний. Программа была брошена в самом начале.

Стр. 55. *Кишинев.* Пушкин приехал в Кишинев из Симферополя 21 сентября 1820 г., после того как побывал вместе с семьей Раевских на Кавказе и в Крыму.

Стр. 55. *Орлов* — Михаил Федорович.

Стр. 55. *Ипсиланти* — князь Александр.

Стр. 55. *Каменка.* Имение Каменка, Чигиринского уезда, Киевской губернии, принадлежало семье декабриста Василия Львовича Давыдова (1792—1855), здесь в ноябре 1820 г. происходил съезд членов Южного тайного общества. Пушкин прожил в Каменке с середины ноября 1820 г. по конец февраля 1821 г.

Стр. 55. *Фонт.* Вероятно, первые следы замысла поэмы «Бахчисарайский фонтан».

Стр. 55. *Греческая революция* — см. «Note sur la révolution d'Ipsylanti».

Стр. 55. *Липранди* — Иван Петрович (1790—1880), подполковник, приятель Пушкина периода кишиневской жизни; автор воспоминаний о Пушкине; впоследствии агент политической полиции, предатель петрашевцев.

Стр. 55. *12 год.* Рассказы И. П. Липранди об Отечественной войне 1812 г. как участника и очевидца военных событий.

Стр. 55. *Mort de sa femme* — смерть жены И. П. Липранди, о которой он, очевидно, рассказывал Пушкину.

Стр. 55. *Паша арзрумский.* Заметка, очевидно, связана с пребыванием в 1829 г. в Арзруме.

НАЧАЛО АВТОБИОГРАФИИ

(Стр. 55)

В рукописи заглавия нет. Печаталось после смерти Пушкина под неверным заглавием «Родословная Пушкиных и Ганнибалов». Датируется тридцатыми годами, но вероятнее всего написано в Болдине осенью 1834 г.

Стр. 55. *Ежедневные записки.* Не сохранились, дошли лишь фрагменты, начиная с 1815 г., собранные выше в разделе «Дневники».

Стр. 55. *Биография.* Не сохранилась; писалась преимущественно в 1824—1825 гг. в с. Михайловском, о чем Пушкин сообщал Л. С. Пушкину в ноябре 1824 г. В сентябре он переписывал свои «mémoires» из «скучной, сбивчивой черновой тетради», о чем писал П. А. Катенину, но после восстания декабристов тетрадь эту вынужден был сжечь.

Стр. 55. *Исторические лица.* Несомненно, имеются в виду декабристы, со многими из которых Пушкин был знаком.

Стр. 56. *Радша* — будто бы выходец из Пруссии («из немец»), от которого произошли в XII веке многие дворянские фамилии. Пушкин в данном случае повторил сведения из «Бархатной книги», изданной Н. И. Новиковым в 1787 г. На самом деле, как теперь установлено, Пушкины славянского происхождения, так как Радша был по происхождению серб, родом из города Петроварадина, и прибыл на Русь через Трансильванию («Седмиградье»).

Перечисленные далее фамилии соответствуют фамилиям «Бархатной книги», где помещены, помимо Пушкиных, также родословия Мусиных-Пушкиных, Кологривовых, Поводовых, Бобрищевых-Пушкиных, Шафериковых-Пушкиных (а не Шерефединовых), Товарковых, Бутурлиных, Мятлевых, Каменских и не упомянутых у Пушкина — Чёботовых, Чулковых, Жулебиных, Слизневых, Челядниных и Курицыных.

Стр. 56. «Имя предков моих...». Двадцать один раз говорится о них в «Истории государства Российского» (Карамзин), откуда главным образом получал Пушкин сведения о своих предках.

Стр. 56. *Григорий Гаврилович.* Имеется в виду Гаврила Григорьевич Пушкин, по прозвищу Слепой (ум. 1638), сторонник Лжедмитрия. Пушкин изобразил его в «Борисе Годунове» и упоминает в письме об этой драме от 30 января 1829 г. Ошибочно назван здесь у Пушкина Григорий Гаврилович (ум. 1656), сын предыдущего, деятель эпохи царствования Романовых, тульский воевода и дипломат.

Стр. 56. *Другой Пушкин* — Григорий Григорьевич Пушкин, по прозвищу Сулемша, старший брат Гаврилы. Цитированные Пушкиным слова Карамзина взяты из XII тома «Истории государства Российского» (глава I), где излагаются события 1607 г. Оба Пушкины упоминаются в «Моей родословной».

Стр. 56. «Четверо Пушкиных подписались...». В другом месте (в письме к Дельвигу от 8 июня 1825 г.) Пушкин говорит о шести подписавших грамоту об избрании на царство Михаила Федоровича Романова. На самом деле их было семь.

Стр. 56. *Матвей Степанович* Пушкин в 1682 г. подписался под соборным деянием об уничтожении местничества и в 1683 г.

пожалован был в бояре; в 1697 г. он был назначен воеводой в Азов, но не был послан туда, так как вскоре был сослан вместе с семьею, за участие его сына Федора в стрелецком бунте, в Енисейск, где и умер в 1706 г.

Федор Матвеевич Пушкин за участие в стрелецком бунте был казнен 4 марта 1697 г. вместе с полковником И. И. Циклером и окольничим А. П. Соковниным.

Стр. 56. *Александр Петрович* Пушкин (1686—1725) служил в л.-гв. Преображенском полку каптенармусом (1722) и владел с. Болдиным; был женат на дочери адмирала Е. И. Головиной; умер в «заточении».

Стр. 56. *Лев Александрович* Пушкин (1723—1790), подполковник артиллерии, вышедший в отставку в 1763 г. Женат был первым браком (около 1744 г.) на Марии Матвеевне Воейковой, после смерти которой во второй раз женился на Ольге Васильевне Чичериной.

Стр. 56. *Француз.* О расправе своего деда с французом Пушкин писал невесте из Болдина 30 сентября 1830 г. Рассказ этот, вероятно, преувеличен. Слышал его Пушкин, конечно, в Болдине осенью 1830 г. Впоследствии (1840 г.) отец поэта С. Л. Пушкин утверждал, что его «отец не вешал никого. В поступке с французом участвовал родной брат его жены, А. М. Воейков; сколько я знаю, это ограничилось телесным наказанием — и то я не выдаю за точную истину». Как видно из формулярного списка о службе Л. А. Пушкина, он «за непорядочные побои находящегося у него в службе венецианина Харлампия Меркадий был под следствием, но по именному указу повелено его, Пушкина, из монаршей милости простить».

Стр. 56. *Его сыновья.* От первого брака с М. М. Воейковой: Николай (1745—1821), полковник артиллерии; Петр (1751—1825), подполковник артиллерии; Александр (1757—1790-е гг.).

Стр. 57. *Вторая жена.* О. В. Чичерина, от брака с которой у Л. А. Пушкина были дети: Василий, Сергей, Анна и Елизавета.

Стр. 57. *Дед ее.* Абиссинец по происхождению Ибрагим, или Абрам Петрович Ганнибал (1698—1781).

Стр. 58. *Его немецкий биограф.* Пушкин располагал биографией А. П. Ганнибала на немецком языке анонимного автора, которая сохранилась в его бумагах. По-видимому, она является теми самыми «мемуарами», которые Пушкин надеялся получить в августе 1825 г. от своего двоюродного деда П. А. Ганнибала, о чем писал П. А. Осиповой в письме от 11 августа 1825 г.

Стр. 58. «Первая жена...». Евдокия Андреевна Диопер, гречанка, дочь капитана галерного флота в Петербурге, была выдана за А. П. Ганнибала насильно в 1731 г., но перед свадьбой сошлась с поручиком флота Кайсаровым, за которого хотела выйти замуж. Когда Ганнибал с женой переехал в Пернов, она вновь сошлась с подчиненным Ганнибала «кондуктором» Яковом Шишковым. По доносу Ганнибала, который ее бил «смертельными побоями необычно», она была как «прелюбодеица» отдана под суд и пять лет содержалась под арестом на госпитальном дворе, живя подаянием. Ганнибал женился (1736) вторично на дочери капитана Перновского полка Христине Регине фон Шеберх, не получив развода с первой женой. Е. А. Ганнибал, после приговора над нею («гонять по городу лозами, а прогнавши,

отослать на Прядильный двор на работу вечно»), хлопотала о пересмотре дела и добилась в 1743 г. его рассмотрения в Синоде. По решению последнего, последовавшему лишь в 1753 г., она в начале 1754 г. была заточена в Староладожский женский монастырь, где и умерла, а второй брак Ганнибала был этим же решением признан законным.

Стр. 58. *Иван Абрамович* — Ганнибал (1730-е гг.— 1801), строитель Херсона.

Стр. 59. *Осип Абрамович* Ганнибал (1744—1806), флота артиллерии капитан 2-го ранга, женатый на Марии Алексеевне Пушкиной, отец Надежды Осиповны, матери поэта. В 1784 г. ей было не 3 года, а 9 лет.

Стр. 59. *Другая жена* — Устинья Ермолаевна Толстая, рожд. Шишкина, вдова капитана Ивана Толстого. О. А. Ганнибал женился на ней в 1779 г., представив фальшивое свидетельство о своем вдовстве. В марте 1784 г. брак этот был признан незаконным.

Стр. 59. «Дед мой умер в 1807 году...». О. А. Ганнибал умер в с. Михайловском 12 октября 1806 г.

ЗАПИСИ В АЛЬБОМЫ

(Стр. 60)

Эти записи внесены Пушкиным в альбомы разных лиц, преимущественно «на память» о своих с ними встречах.

Стр. 60. *Кн. А. М. Горчаков* — лицейский товарищ Пушкина (см. т. I). Запись является переводом мадригала французского поэта Прадона (1632—1698) и относится к 1811—1812 г.— первому году пребывания в Лицее.

Стр. 60. *Е. А. Энгельгардт* — директор Царскосельского лицея. Пушкин внес свою запись в его альбом в 1817 г., сразу после окончания Лицея.

Стр. 60. *Ваттемар* — Александр, французский драматический артист, трансформатор, чревовещатель и мимик, с большим успехом выступавший в Европе. Пушкин видел его игру и «превращения» в 1834 г., когда Ваттемар гастролировал (с 1832 г.) в России. Содержание записи заимствовано из ответа бесноватого Иисусу Христу («Легион — имя мне, потому что нас много», Евангелие от Марка, 9).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ

В этом разделе собраны записанные Пушкиным «анекдоты» о разных исторических лицах. Записи сделаны в разное время, начиная с 20-х годов и вплоть до 1835—1836 гг. Некоторые из этих анекдотов Пушкин печатал в «Современнике» 1836 г. К историческим анекдотам, несомненно принадлежащим Пушкину, мы относим и 2 анекдота, напечатанные анонимно в «Литературной газете» 5 февраля 1830 г. Один из них — о старом генерале Щ., а другой о Ломоносове. Этот последний анекдот повторен Пушкиным в главе о Ломоносове в «Путешествии из Москвы в Петербург». В предлагаемой редакции «Застольные разговоры» даются в хронологическом порядке событий, о которых идет речь,

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ 1820—1822 гг.

(Стр. 63)

Стр. 63. *О.*— Михаил Федорович Орлов (см. прим. к стр. 50).

Стр. 63. *Le général R.* — Николай Николаевич Раевский-старший. Смысл его слов заключается в переделке изречения Наполеона: «От великого до смешного один шаг».

ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАПИСИ

(Стр. 63)

Стр. 63. *Разумовский* — граф Кирилл Григорьевич (1728—1803), гетман Малороссии, президент Академии наук; командовал л.-гв. Измайловским полком, принимал участие в дворцовом перевороте 1762 г., возведшем на престол Екатерину II. Кн. Е. Р. Дашкова рассказывает о вовлечении Разумовского в заговор в своих известных «Записках».

Стр. 63. *Никита Панин* — граф Никита Иванович (1718—1783), воспитатель великого князя Павла Петровича. Он считался представителем политической оппозиции Екатерине II.

Стр. 64. *M-r Dachkof* — князь Михаил Иванович Дашков, муж княгини Екатерины Романовны Дашковой, рожд. графини Воронцовой, автора «Записок». Он был влюблен в Екатерину II и участвовал в заговоре против Петра III. Через свою сестру гр. Елизавету Романовну Воронцову Ек. Дашкова устроила своего мужа послом в Константинополь, чтобы в случае неудачи заговора он был вне опасности.

Стр. 64. *Elisabeth Woronzof* — графиня Елизавета Романовна Воронцова (1739—1792), фаворитка Петра III, который ревновал ее; о близости ее к Петру III Пушкину рассказывала Н. К. Загряжская, о чем он и записал в «Table-talk».

Стр. 64. *M-me Щербинина* — Анастасия Михайловна (1760—1831), вдова бригадира, дочь кн. Е. Р. Дашковой. Ее рассказ об отце князе М. И. Дашкове и о тетке гр. Е. Р. Воронцовой и записал Пушкин с ее слов в 1831 г.

ЗАПИСЬ О 18 БРЮМЕРА

(Стр. 64)

Стр. 64. *M-r Paëz* — дон Хуан Мигуэль Паэс де ла Кадена, чрезвычайный посланник Испании в России в 1825—1835 гг.

Стр. 64. *Bourienne* — Бурьенн (1769—1834), личный секретарь Наполеона; оставил о нем небольшие воспоминания, на основании которых Вилламарэ в 1829 г. издал нашумевшие в свое время подложные «Мемуары Буриенна в десяти томах», когда сам Бурьенн был одержим психической болезнью. Пушкин знал эти мемуары и вполне доверял им. Упоминаемый рассказ находится в VIII главе и описывает разгон Совета пятисот 19 брюмера VIII года французской республики, т. е. 10 ноября 1799 г. (Завершение переворота 18 брюмера).

Стр. 64. *Comte I. Pouchkine* — граф Иван Алексеевич Мусин-Пушкин (1783—1836), гофмейстер, брат графа В. А. Мусина-Пушкина, с которым Пушкин путешествовал в 1829 г. на Кавказе (см. в «Путешествии в Арзрум»).

TABLE-TALK

(Стр. 64)

Пачка отдельных листков, объединенная Пушкиным в обложке под названием «Table-talk» («Застольные разговоры»), заведена им в 30-х годах.

Большую часть пачки «Table-talk» составляют записи исторических анекдотов. Кроме того, имеется несколько литературно-критических записей. Порядок этих листков, в котором они ныне хранятся, совершенно, произволен. Судя по пометам на некоторых листках, Пушкин собирался их расположить иначе, но полного расположения всех листков не дал.

Печатаем сперва критические и иные заметки (в порядке их хранения), а затем исторические анекдоты в приблизительном хронологическом порядке событий, о которых в них говорится.

Стр. 64. *Езуит Посвин.*— Антонио Поссевино (1543—1611); приезжал в Россию при Иоанне Грозном в 1581 г. с целью содействовать присоединению русской церкви к католической и участвовал в дипломатических отношениях между Россией и Польшей. В сочинении «Суждение о четырех писателях» (1592) он критиковал Макиавелли. Сведения об этом Пушкин прочел в предисловии Периеса к изданному им на французском языке собранию сочинений Макиавелли в 10 томах (1823—1826). Там же даны сведения о возражениях Конринга, издавшего в 1660 г. книгу Макиавелли «О государстве» и изобличившего критику Поссевино в ряде грубых ошибок.

Стр. 64. «Человек по природе своей склонен более к осуждению, нежели к похвале...». Макиавелли начинает этими словами «Рассуждение по поводу первой декады Тита Ливия».

Стр. 65. «Je ne suis point jaloux... si je l'étais jamais!...» Слова Орозмана в трагедии «Заира» Вольтера (акт I, сцена V).

Стр. 65. «Лица, созданные Шекспиром...». Пушкин говорит о произведениях Шекспира «Венецианский купец» и «Мера за меру», а также о комедиях Мольера «Скупой» и «Тартюф».

Стр. 66. *Фальстаф* — действующее лицо в «Виндзорских кумушках» и в «Короле Генрихе IV».

Стр. 66. «*** был второй Фальстаф...» и «Четырехлетний сынок его...» Александр Львович Давыдов (1773—1833), брат декабриста, и его сын Владимир. С Давыдовым Пушкин познакомился на юге в Каменке. См. стихотворение «Нельзя, мой толстый Аристипп».

Стр. 68. *Яков Долгорукий* — князь Яков Федорович Долгоруков (1639—1720), председатель Ревизионколлегии, сенатор; известен своей неподкупной честностью и смелостью речей. Анекдот, на который ссылается Пушкин, рассказан Голиковым в его «Деяниях Петра Великого».

Стр. 68. *Кн. А. Н. Голицын* — князь Александр Николаевич (1773—1844), в 1816—1824 гг. министр духовных дел и народного просвещения, известный ханжа, насадитель религиозно-мистического направления.

Стр. 68. *Маленький арап* — Ибрагим (Абрам) Петрович Ганнибал, прадед Пушкина. Фамилия его была названа Пушкиным в рукописи.

Стр. 69. *Василий Тредьяковский.* Анекдот упоминается Пушкиным в статье «О ничтожестве литературы русской».

Стр. 69. *Эйлер* — Леонард (1707—1783), знаменитый математик, академик, швейцарец, живший в России, ставшей его второй родиной, где он и умер. С 1741 по 1766 г. жил в Германии. Иоанн Антонович (род. в 1740) был убит в 1764 г. при попытке Мировича освободить его из Шлиссельбургской крепости.

Стр. 69. *Князь Х.* — князь Хованский. В рукописи Пушкиным сделана зачеркнутая затем сноска о том, что это был князь Михаил Васильевич Хованский. На самом деле это — князь Никита Андреевич Хованский, упоминающийся среди прапорщиков в 1731 г., уволенных в отставку; он вел крайне беспутный образ жизни и занимался тяжебными и судебными делами в такой степени, что был официально обвинен в ябедничестве, а 25 мая 1752 г. императрица Елисавета Петровна издала в связи с этим специальный указ об искоренении ябедничества. Таким образом, анекдот о Хованском относится ко времени царствования не Екатерины II, а Елисаветы Петровны. «Бездельником» назван Хованский также в письме М. В. Ломоносова к И. И. Шувалову от 1 ноября 1753 г.: «Публикованный бездельник князь Хованский, который многократно судей и права умел употребить к своему закрытию и избавлению от петли».

Стр. 70. *Сенька-бандурист* — Семен Федорович Уваров (ум. 1788), вице-полковник л.-гв. Гренадерского полка, отец министра народного просвещения гр. С. С. Уварова; по свидетельству Ф. Ф. Вигеля в его известных «Записках», кн. Г. А. Потемкин прозвал его Сеней-бандуристом за его мастерскую игру на бандуре: с нею в руках он «плясал вприсядку».

Стр. 70. *N. N.* — Марк Федорович Полторацкий (1729—1795), украинец по происхождению, сын протопопа в г. Соснице, Черниговской губернии, придворный певчий, сделавший себе карьеру; впоследствии занимал пост директора Певческой капеллы при Екатерине II; получил чин действительного статского советника 6 августа 1783 г.; дед А. П. Керн, А. А. Олениной и С. Д. Полторацкого, приятеля Пушкина, известного библиофила и библиографа.

Стр. 70. *Графиня* *** — княгиня Екатерина Федоровна, рожд. княжна Барятинская (1769—1849), жена князя В. В. Долгорукова, генерал-поручика, участвовавшего в 1788 г. при взятии Очакова.

Стр. 72. *Скрыпач* — авантюрист-итальянец Розатти, бывший скрипачом в одном из французских полков, а затем служивший у Г. А. Потемкина под именем графа Морелли и во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. имевший чин полковника.

Стр. 72. *Один из адъютантов Потемкина* — вероятно, Николай Никитич Спечинский, секунд-майор в отставке (ум. в 1790-х гг.). Этот же рассказ находится в «Записках Л. Н. Энгельгардта» (1868, стр. 115—116). Записан он Пушкиным, вероятно, со слов сына Спечинского — В. Н. Спечинского, который передавал Пушкину у П. В. Нащокина некоторые подробности биографии Ф. В. Булгарина.

Стр. 73. *Шешковский* — Степан Иванович (1727—1794), начальник Тайной экспедиции при Екатерине II, организатор политического сыска, лично производивший пытки при допросах

арестованных. Вел следствие над Пугачевым, Радищевым, Новиковым и др.

Стр. 73. *Н. Н. Раевский* — Николай Николаевич Раевский-старший, внучатный племянник Потемкина по матери Екатерине Николаевне Самойловой (ум. 1825), сестре графа А. Н. Самойлова; Е. Н. и А. Н. Самойловы были детьми сестры Потемкина — Марии Александровны, бывшей замужем за Н. Б. Самойловым.

Стр. 74. *Граф Самойлов* — Александр Николаевич (1744—1814), родной племянник кн. Г. А. Потемкина, участник русско-турецких войн, впоследствии генерал-прокурор; граф с 1795 г.; был награжден орденом Георгия 2-й степени, носимым на шее, 16 декабря 1788 г., за отличие при взятии Очакова.

Стр. 74. *Граф Румянцов...* — Этот анекдот входит в «Русские анекдоты» С. Глинки (1809 г.) под № 236.

Стр. 74. «Когда Пугачев сидел...». Этот анекдот рассказан Пушкину И. Дмитриевым.

Стр. 74. *На Меновом дворе* — нужно Монетном дворе, как правильно указано в «Истории Пугачева».

Стр. 74. «...увидеть хоть его кости...». В рукописи первоначально: «увидеть хоть кости славного бунтовщика. Вот какова наша слава! — Это сказка. Разин никогда не был погребен в краях, где он свирепствовал. Он был четвертован» и т. д.

Стр. 75. *Зорич* — Семен Гаврилович (1745—1799), фаворит Екатерины II в 1777—1778 гг.; после уехал за границу, а затем поселился в полученном им имении Шклове, около Могилева, где жил в роскоши и богатстве, устраивая балы, маскарады, спектакли и т. п.

Стр. 75. *Кн. Долгорукая* — княгиня Екатерина Александровна Долгорукова (1750—1811), рожд. Бутурлина, жена князя Юрия Владимировича Долгорукова (1740—1830), генерал-аншефа.

Стр. 75. *Кречетников* — Михаил Никитич (1729—1793), генерал-аншеф и впоследствии граф, сделал блестящую карьеру благодаря покровительству Г. А. Потемкина, который его ценил как боевого генерала. В 1792 г. командовал войсками в Литве и после второго раздела Польши в следующем году был назначен генерал-губернатором вновь присоединенной к России области.

Стр. 75. *Вельгорский* — граф Михаил Юрьевич Виельгорский (см. прим. к стр. 30).

Стр. 76. *Граф д'Артуа* — впоследствии король Карл X; будучи в эмиграции, приезжал в Петербург в 1793 г.

Стр. 76. *Кн. К. Ф. Долгорукова* — княгиня Екатерина Федоровна (см. прим. к стр. 35 и 75).

Стр. 76. *Херасков* — Михаил Матвеевич (1733—1807), поэт.

Стр. 76. *Костров* — Ермил Иванович (1751—1796), поэт и переводчик «Илиады»; получил звание бакалавра в 1779 г., а после 1782 г. его называли официальным университетским стихотворцем.

Стр. 76. *Барков* — Иван Семенович (1732—1768), переводчик Академии наук, поэт-порнограф. Н. М. Карамзин в своем «Пантеоне российских авторов» передает тот же анекдот, но в другой редакции: «Рассказывают, что на вопрос Сумарокова: „Кто лучший поэт в России?" — *студент* Барков имел смелость ответить ему: „Первый Ломоносов, а второй я"».

Стр. 77. *Будри* — Давид Иванович де Будри (1756—1821), брат Марата, приехавший в Россию в 1784 г. и воспитывавший детей В. П. Салтыкова; до 1793 г. носил фамилию Марат и занимался преподаванием французского языка в частных пансионах и домах; с 1811 по 1821 г. состоял профессором Царскосельского лицея по французской словесности. По словам бар. М. А. Корфа, он «один из всех данных [лицеистам] наставников вполне понимал свое призвание и, как человек в высшей степени практический, наиболее способствовал [их] развитию, отнюдь не в одном познании французского языка».

Стр. 77. *Ravaillac* — Равальяк (1578—1610), убийца французского короля Генриха IV, религиозный фанатик.

Стр. 78. *Раевский* — Николай Николаевич Раевский-старший (см. прим. к стр. 73).

Стр. 78. *Турецкая война* — русско-турецкая война 1810—1811 гг.

Стр. 78. *Каменский* — граф Николай Михайлович (1776—1811), главнокомандующий русской армией; будучи человеком желчным и злопамятным, по словам декабриста С. Г. Волконского, «возымел ненависть на Раевского» и «назначил его командующим войсками в Молдавии и Валахии, вне военных действий армии», хотя Раевский отличился при взятии крепости Силистрии и в сражении под Шумлою.

Стр. 78. Анекдот о *Д. В. Давыдове* записан Пушкиным в другой редакции в лицейском дневнике 1815 г. (см. стр. 7).

Стр. 78. *Граф Поццо ди Борго* — граф Карл Осипович (1768—1842), по происхождению корсиканец, французский эмигрант, с 1805 г. состоявший на русской службе; был русским послом в Париже в 1814—1832 гг., оставил записку о политическом положении в Европе и, в частности, в Польше в 1814 г.

Стр. 79. *Козловский* — князь Петр Борисович (1783—1840), дипломат, участник Венского конгресса, приятель Пушкина, сотрудник его «Современника» 1836—1837 гг. С его слов Пушкин и записал в 1836 г. этот рассказ.

Стр. 79. *Дмитриев* — Иван Иванович (1766—1837), поэт, бывший в 1810—1814 гг. министром юстиции.

Стр. 79. *Муравьев* — вероятно, Николай Николаевич (1768—1840), основатель известного московского учебного заведения для колонновожатых, из которого вышли многие декабристы, отец известных: А. Н. Муравьева, Н. Н. Муравьева-Карского и графа М. Н. Муравьева-Виленского.

Стр. 79. *Пален* — граф Петр Алексеевич фон дер Пален (1745—1826), петербургский военный генерал-губернатор при Павле I, стоявший во главе заговора на его жизнь.

Стр. 79. *Рибас* — Иосиф де Рибас (1749—1800), адмирал; известен как строитель Одессы; по словам современников, первый подал мысль о низвержении Павла I, но непосредственного участия в цареубийстве 11 марта 1801 г. не принимал, так как умер еще 2 декабря 1800 г.

Стр. 79. *Панин* — граф Никита Петрович (1770—1837), сын гр. П. И. Панина, канцлер, автор проекта объявления Павла I сумасшедшим и Александра I регентом. После восшествия Александра I на престол Панин вынужден был подать прошение

об отставке; в 1804 г. ему было запрещено проживание в столицах.

Стр. 79. *Сатирик Милонов* — Михаил Васильевич (1792—1821), поэт.

Стр. 80. *Болдырев* — Аркадий Африканович (ум. до 1758 г.), петербургский плац-майор, составивший себе состояние удачным карточным выигрышем, впоследствии коннозаводчик. Рассказ Пушкина повторяет в своих записках гр. М. Д. Бутурлин.

Стр. 80. «Дельвиг однажды вызвал на дуэль Булгарина». Вероятно, в 1824 или 1825 г. В связи с этой записью П. В. Нащокин рассказывал впоследствии П. И. Бартеневу: «Дельвиг вызвал Булгарина на дуэль. Рылеев должен был быть секундантом у Булгарина, Нащокин — у Дельвига. Булгарин отказался. Дельвиг послал ему ругательное письмо за подписью многих лиц».

Стр. 80. Знакомство Пушкина с *Н. И. Надеждиным* состоялось 23 марта 1830 г. у М. П. Погодина.

Стр. 80. *Критики его* — имеются в виду критические статьи Н. И. Надеждина в «Вестнике Европы» о «Графе Нулине» (1829 г., № 3) и о «Полтаве» (1829 г., № 8 и 9).

Стр. 80. О смерти *графа В. П. Кочубея* (ум. 3 июня 1834 г.) — в дневнике Пушкина 1833—1835 гг. (стр. 40).

Стр. 80. *Графиня* — графиня Мария Васильевна Кочубей, рожд. Васильчикова (1779—1844), статс-дама.

Стр. 80. *Старушка Новосильцова* — возможно, Екатерина Владимировна Новосильцова, рожд. графиня Орлова (1770—1849).

Стр. 82. *Голландская королева* — королева Фридерика-Луиза Вильгельмина (1774—1837), жена голландского короля Вильгельма I, сестра прусского короля Фридриха-Вильгельма III.

Стр. 82. *Принц Орлеанский* — Фердинанд, старший сын французского короля Людовика-Филиппа (1810—1842). Встреча его с голландской королевой состоялась в мае 1836 г. в Берлине.

Стр. 83. *Французские принцы* — сыновья французского короля Филиппа: Фердинанд-Филипп (1810—1842), герцог Орлеанский, и Луи-Шарль (1814—1896), герцог Немурский. Берлин они посетили 11—25 мая 1836 г. Поездка принцев имела целью примирение европейских дворов с династией Орлеанов, пришедших к престолу революционным путем.

Стр. 83. *Старый принц Витгенштейн* — князь Фридрих-Карл Сайн-Витгенштейн (1766—1837), обер-камергер, министр двора прусского короля.

Стр. 83. *Брессон* — граф Карл Брессон (1798—1847), французский посол в Берлине.

РАЗГОВОРЫ Н. К. ЗАГРЯЖСКОЙ
(Стр. 83)

Эти разговоры введены Пушкиным в состав «Table-talk» в 1836 г., когда он начал по совету В. А. Жуковского записывать их со слов Н. К. Загряжской, но начало этих записей с ее слов относится к 1833 г. (см. запись в дневнике 4 декабря 1833 г.). П. А. Вяземский свидетельствует, что «Пушкин заслушивался рассказов Натальи Кирилловны. Он ловил при ней отголоски поколений и общества, которые уже сошли с лица земли; он в беседе с нею находил необыкновенную прелесть историческую и

поэтическую». «Загряжская любила рассказывать про старину,— говорит В. И. Сафонович,— и часто повторяла одно и то же. Пушкин записывал некоторые из ее анекдотов и языком, каким она рассказывала». Загряжская жила тогда в доме княгини М. В. Кочубей, жены кн. В. П. Кочубея (см. прим. к стр. 40); Пушкин посещал ее в качестве ее свойственника по жене, именно в этом доме, в Петербурге, где у нее был своеобразный салон.

Стр. 83. *Ветошкин* — Иван Евстратович Свешников, крестьянин-самоучка Тверской губ., знавший древние языки; был представлен И. И. Шуваловым в 1784 г. кн. Е. Р. Дашковой и Г. А. Потемкину, который, уезжая в Крым, взял его с собою; вскоре он умер в Херсоне от горячки, о чем рассказывает Ф. Н. Глинка в своих «Письмах русского офицера» (ч. III, 1815).

Стр. 83. *А. С. Строганов* — граф Александр Сергеевич (1733—1811), вельможа, собиратель произведений искусств.

Стр. 83. *Ром* — Жильбер Ромм (1750—1795), француз, приехавший в Россию в качестве воспитателя единственного сына Строганова — графа Павла Александровича Строганова (1774—1817) и остававшийся здесь до 1787 г. Вернувшись во Францию вместе с П. А. Строгановым, он принял участие в революции, был избран в Законодательное собрание, затем в Конвент. В процессе короля голосовал в числе других за смертный приговор Людовику XVI без отсрочки. После Термидора кончил жизнь самоубийством, будучи арестован и приговорен к гильотинированию.

Стр. 83. *Ив. Ив. Шувалов* (1727—1797) — фаворит императрицы Елисаветы Петровны, учредитель и первый куратор Московского университета, президент Академии художеств, меценат, покровитель М. В. Ломоносова.

Стр. 84. *Граф Никита Иванович* — Панин (см. прим. к стр. 63).

Стр. 84. *Князь Григорий Александрович* — Потемкин.

Стр. 84. *Знаменское* — имение гр. К. Г. Разумовского около Петербурга.

Стр. 84. *Матушка* — графиня Екатерина Ивановна Разумовская, рожд. Нарышкина (1729—1771), статс-дама.

Стр. 84. *Сестра* — графиня Елизавета Кирилловна Разумовская (1749—1813), бывшая с 1776 г. замужем за генерал-поручиком графом Петром Федоровичем Апраксиным (ум. 1813).

Стр. 84. *Батюшка* — граф Кирилл Григорьевич Разумовский (1728—1803), президент Петербургской академии наук, с 1764 г.— гетман Малороссии, генерал-фельдмаршал; не находился в числе лиц, бывших при Петре III 28 июня 1762 г.

Стр. 84. *Василий Иванович* — Разумовский (1727—1800), двоюродный племянник гр. К. Г. Разумовского.

Стр. 84. *Миних* — граф Христофор Антонович (1683—1767), фельдмаршал; он был возвращен Петром III из ссылки в 1762 г.

Стр. 85. *Графиня Анна Карловна Воронцова* — рожд. графиня Скавронская (1722—1775), двоюродная сестра Екатерины I, жена канцлера гр. М. И. Воронцова.

Стр. 85. *Графиня Лизавета Романовна* — Воронцова (1739—1792), фаворитка Петра III.

Стр. 85. *Ораниенбаум.*— Петр III прибыл туда 29 июня 1762 г. и в этот же день был арестован, привезен в Петергоф и затем отправлен в Ропшу, где 7 июля был задушен.

Стр. 85. *Машенька* — княгиня Мария Васильевна Кочубей (см. прим. к стр. 80), племянница и воспитанница Н. К. Загряжской.

Стр. 85. *Orloff,* Алексей Григорьевич Орлов (1737—1807) был одним из главных деятелей дворцового переворота 1762 г., возведшего Екатерину II на престол, впоследствии — граф Орлов-Чесменский. В заметках к «Истории Пугачева» Пушкин сообщает о шраме на его щеке (см. стр. 339—340).

Стр. 86. *Тамара* — Василий Степанович Томара (1746—1819), русский посланник в Константинополе; до этого назначения в 1799 г. исполнял неоднократно дипломатические и другие поручения кн. Г. А. Потемкина.

Стр. 86. *Orloff* — граф А. Г. Орлов (см. прим. к стр. 80). После воцарения Павла I, в 1796 г. он уехал за границу, где оставался до вступления на престол Александра I, живя преимущественно в Лейпциге и в Карлсбаде.

Стр. 86. *Анна Алексеевна* — графиня Орлова-Чесменская (1785—1848), единственная дочь А. Г. Орлова, камер-фрейлина, владелица многомиллионного состояния, религиозная фанатичка, близкая к известному изуверу архимандриту Фотию.

Стр. 87. «...государь, который часто езжал к матушке» — Петр III.

БОГОРОДИЦЫНЫ ДОЧКИ
(Стр. 87)

Богородицыны дочки и следующий анекдот находятся в тетради с черновыми набросками «Медного всадника» и другими записями и относятся к 1831 г.

Стр. 87. *Ведель* — барон Иродион Кондратьевич фон Ведель (ум. 1754), генерал-майор. Был женат не на Энгельгардт, а на Анастасии Богдановне Пассек и имел двух дочерей: Анну Иродионовну (1745—1830), бывшую замужем за графом Захаром Григорьевичем Чернышевым, и Марию Иродионовну — за графом Петром Ивановичем Паниным.

Стр. 87. *Одоевский* — князь Иван Васильевич (1710 — после 1764 г.), сенатор.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

NOTE SUR LA RÉVOLUTION D'IPSYLANTI (Стр. 88)

Заметка представляет собою запись сведений о греческой революции, которые Пушкин мог получить в Кишиневе в 1821 г. непосредственно от греческих деятелей.

Стр. 88. *Le hospodar Ipsylanti* — Константин Ипсиланти (1760—1816), господарь Молдавии с 1799 г. и Валахии с 1802 по 1806 г.

Стр. 88. *Riga* — Константин Рига (1754—1798), секретарь господаря, поэт, основатель тайного общества (гетерии), ставившего целью освобождение Греции от турецкого ига; был казнен турками.

Стр. 88. *Ipsylanti* — Александр Ипсиланти, сын господаря Константина Ипсиланти, генерал-майор русской службы, участ-

ник гетерии, автор прокламации, призывавшей к свержению турецкого владычества; был разбит турками в 1821 г. и бежал в Австрию, где был заключен в крепость; освобожден по требованию русского правительства в 1827 г.

Стр. 88. *Capo-d'Istria* — граф Каподистрия, Иоанн Антонович (1776—1831), греческий политический деятель; был на русской службе статс-секретарем по иностранным делам (1815—1822); с 1827 г.— президент Греции, сторонник союза с Россией; убит греческими политическими противниками.

Стр. 88. *Кантакузин* — князь Георгий Матвеевич (ум. 1857), участник походов 1806, 1807 гг. и Отечественной Войны 1812 г., в 1813 г.— в партизанских частях; полковник, участник восстания гетеристов; женился на княжне Елене Михайловне Горчаковой, сестре лицейского товарища Пушкина кн. А. М. Горчакова.

Стр. 88. *Кантогони* (Кантагонес) Николай, *Сафианос* (Софианос) Георгий, *Mano* (Мано) Георгий — греки, участники похода А. Ипсиланти 1821 г. Первые двое были убиты в сражении под Скулянами.

Стр. 88. *Michel Souzzo* — см. прим. к стр. 16.

Стр. 88. *Alexandre Souzzo* — отравлен не был и умер своей смертью после продолжительной тяжелой болезни 18 февраля 1821 г.

Стр. 88. *Lampro* — Ламбро Кациони, греческий корсар; в 1790 г. снарядил в Триесте эскадру для операций против турок. В 1792 г. бежал в Россию, где служил под начальством Рибаса.

Стр. 88. *Formaki* (Формаки) — грек из Эпира; сперва сражался в отрядах Т. Владимиреско, затем в отрядах А. Ипсиланти. Вместе с Иордаки отступил в монастырь Секу, был захвачен турками и казнен в Константинополе.

Стр. 88. *Iordaki-Olimbiotti* (Георгаки Олимпиот) — грек, сражался сперва под начальством Владимиреско, затем в отрядах А. Ипсиланти. Погиб в монастыре Секу.

Стр. 88. *Калакотрони* Теодор (1770—1843) — видный деятель греческого восстания; сражался в Морее; впоследствии член временного правительства Греции.

Стр. 88. *Anastas* (Анастас) — один из гетеристов, участников боя под Скулянами, переправившихся на русский берег.

NOTE SUR PENDA-DÉKA
(Стр. 89)

Эта заметка 1821 г. при жизни Пушкина не печаталась. Ее происхождение такое же, как и заметки о революции Ипсиланти (см. «Note sur la révolution d'Ipsylanti»).

Стр. 89. *Penda-Déka* — Пендадека (Пентедека) Константин, участник похода А. Ипсиланти. В июне 1821 г. перебрался в Россию. Пушкин встречался с ним в Кишиневе.

Стр. 89. *Le massacre de Galatz* — резня в Галаце; была устроена греком Василием Коровья 21 февраля 1821 г.

ЗАМЕТКИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ XVIII ВЕКА
(Стр. 89)

Датированы в рукописи 2 августа 1822 г. и писаны в Кишиневе. По-видимому, представляют собой историческое введение в те автобиографические записки, которые Пушкин сжег после 1825 г. Эта часть сохранилась потому, что рукопись находилась у Н. С. Алексеева, которому Пушкин передал ее еще в Кишиневе.

Стр. 90. *Кн. Долгорукий* — князь Яков Федорович Долгоруков (см. анекдот в «Table-talk», стр. 68).

Стр. 90. *Письмо с берегов Прута* — легенда о написанном будто бы Петром I письме в Сенат 10 июля 1711 г., когда он был в армии, окруженной турками на р. Прут. В этом письме содержалось распоряжение — на случай, если бы он был взят в плен,— «не почитать его царем и государем и ничего не исполнять, что им, хотя бы то по собственному повелению, будет требуемо»; далее было добавлено, что если он погибнет и будут получены точные известия о его смерти, то выбрать «между собою достойнейшего» наследника. Это письмо Пушкин предполагал использовать в неосуществленной повести «Сын казненного стрельца», 1835 г.

Стр. 90. *Замыслы Долгоруких* — князей Долгоруковых — Василия Лукича, Алексея Григорьевича и его братьев: попытка ограничить самодержавие аристократической конституцией, с верховным советом во главе правительства. Попытка выразилась в составлении «условий», которые подписала Анна Иоанновна при вступлении на престол в 1730 г. Условия «верховников» были уничтожены Анной в результате оппозиции «шляхетства» (среднего дворянства), а Долгоруковы сосланы и имущество их конфисковано. «Условия» были написаны по образцу шведской конституции, но с устранением народного представительства.

Стр. 92. *Зубов* — князь Платон Александрович (см. прим. к стр. 39). О его обезьяне сохранились многочисленные рассказы в мемуарах современников.

Стр. 92. *О кофейнике.* Когда М. И. Кутузов вернулся в 1794 г. из Константинополя, П. Зубов поручал ему изготовление кофе по-турецки и заставлял его приносить чашку кофе по утрам. Князем Кутузов стал только в 1812 г.

Стр. 92. «Екатерина уничтожила звание... рабства...» Имеется в виду указ Екатерины II от 15 февраля 1786 г. о запрещении употребления слова «раб» при подписании бумаг, ей адресованных, и о подписании их впредь словами: «всеподданнейший» или «верноподданный».

Стр. 92. «Княжнин умер под розгами...» Получившая распространение легенда о будто бы насильственной смерти драматурга Я. Б. Княжнина (1742—1791) под пытками в Тайной канцелярии в связи с дознанием о написанной им трагедии «Вадим».

Стр. 93. *Шутка г-жи де Сталь.* В книге «Десять лет изгнания», говоря о дворцовых переворотах в России, Сталь писала: «Ces gouvernements despotiques, dont le seule limite est l'assassinat du despote, bouleversent les principes de l'honneur et du devoir dans la tête des hommes».

Пушкин очень вольно изложил слова г-жи де Сталь.

ЗАМЕЧАНИЯ НА АННАЛЫ ТАЦИТА
(Стр. 93)

Замечания написаны в 1825 г. во время чтения в Михайловском первой книги «Анналов» Тацита во французском издании «Tacite, traduction nouvelle, avec le texte latin en regard; par Dureau de Lamalle», 1818. В письме Пушкина к А. А. Дельвигу от 23 июля 1825 г. находится еще один рассказ из Тацита (IV, 30) и отзыв о Тиберии. В другом месте (в записке о народном воспитании 1827 г.) Пушкин писал: «Тацит есть великий сатирический писатель, впрочем, исполненный политических предрассудков».

Замечания носят определенный политический смысл — сравнения отдельных моментов римской истории по Тациту с современными Пушкину историческими событиями и сопоставление римского императора тирана Тиберия с тираном Александром I, что особенно отчетливо видно из последнего, девятого замечания, где говорится о том, что Тацит — «бич тиранов». Отсюда восторженные отзывы поэта о Таците. В этой связи интересна фраза из письма П. А. Плетнева к Пушкину от 14 апреля 1826 г.: «Я бы очень желал, чтобы ты несколько замечаний своих на Тацита пустил в ход с цитатами. Это у многих повернуло бы умы».

О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(Стр. 96)

В сохранившемся черновике отмечена дата: «30 мая 1831 г. Царское Село». Набросок заметки о французской революции представляет собою попытку осуществить замысел написания истории французской революции. Именно в это время (в середине июня 1831 г.) Пушкин писал Е. М. Хитрово: «Я предпринял исследование о французской революции и умоляю вас прислать мне Тьера и Минье, если возможно. Оба эти труда запрещены. У меня здесь имеются лишь Мемуары, относящиеся к революции». Это были основные источники, которыми пользовался Пушкин для работы: 1) «Histoire de la Révolution Française, depuis 1789 jusqu'à 1814». Par F. A. Miqnet (1828) и 2) «Histoire de la Révolution Française». Par M. A. Thiers (1823—1827), а также «Collection des mémoires relatifs à la Révolution Française» (23 тома, 1821—1825 гг.), собрание мемуаров и дневников деятелей эпохи революции.

В бумагах Пушкина сохранилось также несколько фрагментов, представляющих наброски планов задуманного труда.

1.

Феодальное правление. Его основание

Les grands Fiefs.—Les petits Fiefs.—Les Vassaux.—Le peuple.—Le clergé.

Elisaient un clef. Le domaine avait par commun au butin.

Сношения.

Короля с владельцами, владельцев между собою, владельцев с вассалами, вассалов между собою.

Assemblée de la Nation Guerre et redevance au Roi. Redevance des vassaux. Justice, coutumes, lois, privilèges. Indépendance, protection.

Droits des seigneurs.

Изб. королей, судили распри, battaient monnaye, faisaiens la querre entre eux, prêtaient hommage aux Rois, les servaient des jours marquès.

Упадок феодализма

Croisades. St. Louis. Papes. Philippe le Bel, États généraux. Parlements.

2.

Феодальное правление, основанное на праве завоевания.
Что были предводители.
Что был народ.
Короли. Телохранители.
Продажа вольности (городам).
Власть королевская.
Парламенты.
Vénalité des Charges.
Ришелие.
Споры аристократии с парламентами.
Уничтожение феодализма.
Людовик XIV.

Основной текст представляет собою конспект введения в историю французской революции.

О ГЕНЕРАЛЬНЫХ ШТАТАХ (Стр. 98)

Относится, по всей вероятности, к 1831 г. и представляет собою материал для истории французской революции: цитаты из речей, произнесенных в заседании Генеральных Штатов 17 июня 1789 г., с комментариями Пушкина. Выписанные цитаты касаются вопроса о праве Третьего сословия представительствовать от имени всей французской нации.

Стр. 98. *Bailly* — Жан-Сильвен Бальи (1736—1795), ученый и политический деятель, мэр Парижа, в 1789 г. избранный в Генеральные Штаты. Слова, ему приписанные Пушкиным, на самом деле были сказаны аббатом Сийесом.

Стр. 98. *Rabaut St. E.* — Жан-Поль Рабо Сент-Этьен (1743—1793), член Национального собрания от Третьего сословия.

Стр. 98. «Le mode établi par les états généraux...». Имеется в виду народное представительство в составе одной палаты, а не двух.

ОЧЕРК ИСТОРИИ УКРАИНЫ
(Стр. 98)

Написан в 1831 году. Интерес Пушкина к истории Украины может быть отнесен еще к 1829 г., когда 28 апреля М. П. Погодин писал С. П. Шевыреву: «Пушкин собирается писать историю Малороссии». В это время печаталась поэма «Полтава», и Пушкин, располагая тогда списком рукописи «История руссов», найденной в 1824—1825 гг., долгое время считавшейся трудом Георгия Конского и, вероятно, по цензурным условиям не печатавшейся, предполагал подготовить ее к печати и издать; однако работа над подготовкой к изданию этого текста задержалась, а затем и вовсе приостановилась. Следом подготовительной работы над этим памятником остался написанный Пушкиным очерк истории Украины, а также следующий план:

Что ныне называется Малороссией?
Что составляло прежде Малороссию?
Когда отторгнулась она от России?
Долго ли находилась под владычеством татар?
От Гедимина до Сагайдачного.
От Сагайдачного до Хмельницкого.
От Хмельницкого до Мазепы.
От Мазепы до Разумовского.

Этот очерк и план представляют собою пересказ отдельных мест I—III томов «Истории государства Российского» Карамзина и первых глав «Истории Малой России» Д. Н. Бантыша-Каменского. В частности, из труда Д. Н. Бантыша-Каменского целиком выписаны абзацы от слов: «Les Polianes habitaient: до...» «Danube» и изложение событий о разорении половцами Киева и Чернигова. Из «Истории руссов» Пушкин воспользовался периодизацией событий для наброска плана, целиком следуя изложению рукописи «Истории руссов», а не изложению Карамзина и Бантыша-Каменского. Из «Истории руссов», например, взят период «От Сагайдачного до Хмельницкого», которого нет у названных историков.

ЗАМЕТКИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ
(Стр. 101)

Предположительно датируются 1831 годом. По-видимому, все они отражают интерес Пушкина к русской истории, проявившийся в этом году в связи с политическими событиями того времени (холерные бунты, польское восстание и пр.). Последняя заметка, возможно, датируется 1832—1833 гг. или даже 1834—1835 гг., если она имеет отношение к плану неосуществленной повести «Сын казненного стрельца».

МОСКВА БЫЛА ОСВОБОЖДЕНА...
(Стр. 102)

Датируется 1831—1832 гг.

ЗАМЕТКИ ПРИ ЧТЕНИИ «НЕСТОРА» ШЛЁЦЕРА (Стр. 103)

Относятся к концу 1836 года. При чтении «Нестора» Пушкин пользовался изданием: «Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудовиком Шлёцером... Перевел с немецкого Дмитрий Языков», 1809—1819. 3 части. Сделанные Пушкиным ссылки на страницы «Введения» относятся к 1-й части этого труда.

Стр. 103. *Статья Чаадаева* — известное первое «Философическое письмо», опубликованное в «Телескопе» в октябре 1836 г.

О ПУТЕШЕСТВИИ В СИБИРЬ ШАППА д'ОТРОША (Стр. 103)

Написано в 1836 году. Опубликовано в 1928 г. Предполагалось в качестве статьи в «Современник». См. «Перечень статей, намеченных для „Современника"», т. VII, стр. 512. Шапп д'Отрош, французский астроном, был в России в 1761 г. и в 1768 г. издал свое «Путешествие в Сибирь». Ответ Екатерины II «Антидот» («Antidote contre le voyage de l'abbè Chappe») написан был без участия Миллера и Болтина и издан в 1770 г.

О ДВОРЯНСТВЕ (Стр. 104)

При жизни Пушкина не печаталось. Написано в 30-е годы.

Стр. 104. *Attentat de Феодор.* Отмена местничества боярского начата распоряжением царя Феодора Алексеевича в 1682 г. (довершена при Петре I).

Стр. 104. *Указ де 1714.* Указ Петра I от 23 марта 1714 г., по которому помещикам дано было право передавать поместья только одному наследнику, т. е. запрещалось дробить вотчины. Этот указ создал класс безземельного дворянства, нужный для государственной службы, армии и флота.

Стр. 104. «Les rangs — chute de la noblesse...». «Табель о рангах» по указу от 24 января 1722 г. давала возможность проникать в дворянство выходцам из других классов по службе.

Стр. 104. *Opposition de Dolgorouky.* Аристократическая оппозиция Долгоруких, пытавшихся (при Петре II и Анне Иоановне) ограничить власть монарха советом 10—12 представителей знатнейших русских фамилий.

Стр. 104. *«Pierre III — истинная причина дворянской грамоты».* «Указ о вольности дворянства», изданный Петром III в 1762 г., отменял обязательность службы дворян и давал им право свободного выезда за пределы России. Истинные причины этого указа Пушкин, по-видимому, хотел противопоставить обычному анекдотическому объяснению о том, что указ сочинен секретарем конференции Волковым, в доказательство ночных занятий Петра III государственными делами, в то время как царь развлекался со своей любовницей.

Стр. 104. *Alexandre — Новосильцов, Чарторижский — Кочубей.* Речь идет о первых годах царствования Александра и о членах «Интимного комитета», молодых представителях аристократических родов, которые должны были осуществить либеральные реформы и парализовать влияние старой аристократической оппозиции.

Стр. 104. «Spèransky, popovitch turbulent et ignare». М. М. Сперанский (сын бедного священника), сторонник демократических радикальных идей; в 1808 г. Александр I призвал его для составления планов государственного преобразования, но уже в 1811 г. он был арестован и отправлен в ссылку, ненавидимый аристократией и бюрократической правящей верхушкой.

Стр. 105. «Отчего г. Полевой говорит...». В «Истории русского народа», т. II, стр. 87, Полевой говорит: «Но аристократизм существовал собственно только в отношении к народу: перед лицом князя всё сливалось в одно звание — рабов. Его первый чиновник и последний смерд были перед ним равны».

ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВА

(Стр. 107)

Опубликована под заглавием «История Пугачевского бунта» в 1834 г. в 2-х частях, из которых первая часть содержит собственно историю Пугачева, а вторая часть — приложения, состоящие из документов, материалов (манифестов, донесений), мемуаров и других исторических памятников эпохи Пугачевского восстания.

В настоящем издании воспроизводится лишь первая часть «Истории Пугачева» со всеми примечаниями. Вторая же часть, не заключающая в себе текста, писанного Пушкиным, не перепечатывается, кроме тех документов, к которым Пушкин отсылает в примечаниях первого тома (эти документы приводятся в примечаниях к соответствующим местам текста).

Начало работы Пушкина над «Историей Пугачева» относится к январю 1833 г. Он задумывает написать историческую повесть («Капитанскую дочку») и в то же время чисто исторический труд («История Пугачева» или «История Пугачевщины», как она названа поэтом в одном месте). Для обеих работ над эпохой Пугачева Пушкину было необходимо ознакомиться с подлинными документами. 7 февраля 1833 г. Пушкин обратился с письмом к военному министру гр. А. И. Чернышеву, прося последнего разрешить ему заняться материалами из архива Главного штаба, касающимися генералиссимуса А. В. Суворова-Рымникского, для написания его биографии. Разрешение на занятия было получено, Пушкин получил доступ к «донесениям графа Суворова» и другим материалам. 25 февраля и 8 марта ему были предоставлены нужные документы о событиях 1773—1774 годов, а 25 марта он уже приступил к писанию первой главы «Истории Пугачева»; 17 апреля помечен набросок этой главы, а 22 мая уже закончена первая черновая редакция всего труда. Еще 8 мая Н. В. Гоголь писал: «Пушкин почти кончил историю Пугачева». Предисловие было вчерне набросано между 15 июня и 18 августа. Работа продолжалась очень интенсивно и далее, дополнялась новыми материалами, исправлялась и перерабатывалась в течение всего 1833 г. и в начале 1834 г. В процессе работы Пушкин обращался с письмами к очевидцам событий и счел совершенно необходимым посетить самые места событий. Он между 2 и 23 сентября посещает Нижний-Новгород, Казань, Симбирск, Оренбург, Уральск, опрашивает старожилов, вносит рассказы в дорожную записную книжку и роется в провинциальных архивах.

По приезде 1 октября в Болдино он приводит в порядок собранные материалы. 2 ноября помечен новый текст предисловия к историческому труду, и этой датой определяется окончание всей работы над «Историей Пугачева». Пушкину остался недоступным один из главных источников — следственное дело о Пугачеве. С ним он пытался ознакомиться и после выхода в свет «Истории Пугачевского бунта», в 1835 г., безуспешно разыскивая «главнейший документ: допрос, снятый с самого Пугачева в Следственной комиссии, учрежденной в Москве» (см. письмо Пушкина к В. А. Поленову от 28 августа 1835 г.).

6 декабря 1833 г. Пушкин писал графу А. Х. Бенкендорфу о законченной им «Истории», прося «дозволения представить оную на высочайшее рассмотрение». По докладу Бенкендорфа Николай I неожиданно ответил согласием на издание «Истории Пугачева», но на представленной ему рукописи сделал ряд замечаний, которые пришлось учесть при окончательной подготовке рукописи к печати (в настоящем издании эти места текста восстановлены по рукописи Пушкина). «Пугачев пропущен, и я печатаю его на счет государя»,— писал Пушкин в начале марта 1834 г. П. В. Нащокину, а в своем дневнике отметил 28 февраля: «Государь позволил мне печатать Пугачева: мне возвращена моя рукопись с его замечаниями (очень дельными)». Пушкин получил ссуду в 20 000 рублей на осуществление издания и предполагал иметь от него некоторую прибыль. Николай I, утверждая эту выдачу, 16 марта 1834 г. переименовал «Историю Пугачева» в «Историю Пугачевского бунта», что никак не соответствовало замыслу Пушкина. С переименованием, однако, пришлось примириться. Издание осуществлялось под непосредственным наблюдением директора типографии Канцелярии II Отделения бывшего лицейского товарища Пушкина — М. Л. Яковлева. Между Пушкиным и Яковлевым возникла переписка, из которой мы узнаем подробности печатания книги. Так, Яковлев на предисловии против имени Вольтера пометил: «Нельзя ли без Вольтера». Пушкин писал: «А почему ж? Вольтер человек очень порядочный, и его сношения с Екатериною суть исторические». Пушкину пришлось, однако, уступить. «Из предисловия (ты прав, любимец муз!),— писал он Яковлеву,— должно будет выкинуть имя Вольтера, хоть я и очень люблю его».

«История Пугачевского бунта» вышла в свет в декабре 1834 г. в количестве 3000 экземпляров, но успеха у читателей не имела. Бо́льшая часть экземпляров издания осталась нераспроданной. К этому прибавились и другие неприятности. Помимо выпадов С. С. Уварова и других недоброжелателей и врагов поэта, в январе 1835 г. появилась в «Сыне отечества» анонимная рецензия, использованная в целях дискредитации труда Пушкина Ф. В. Булгариным и вызвавшая ответ поэта в «Современнике» 1836 г.

Приводим здесь те тексты из «Приложений» к «Истории Пугачевского бунта», на которые имеются ссылки в примечаниях.

Стр. 211, прим. 1.

Манифест 15 октября 1773 года, об отправлении на Яик генерал-майора Кара для усмирения мятежников.

Объявляем всем, до кого сие надлежит. Из полученных от губернаторов казанского и оренбургского рапортов с сожале-

нием мы усмотрели, что беглый казак Емельян Иванов сын Пугачев бежал в Польшу в раскольнические скиты и, возвратясь из оной под именем выходца, был в Казани, а оттуда ушел вторично, собрав шайку подобных себе воров и бродяг из яицких селений, дерзнул принять имя покойного императора Петра III, произвел грабежи и разорения в некоторых крепостцах по реке Яику к стороне Оренбурга и сим названием малосмысленных людей приводит в разврат и совершенную пагубу. Мы, о таковых матерински сожалея, чрез сие их милосердно увещеваем, а непослушным наистрожайше повелеваем немедленно от сего безумия отстать, ибо мы таковую продерзость по сие время не самим в простоте и в неведении живущим нижнего состояния людям приписываем, но единому их невежеству и коварному упомянутого злодея и вора уловлению. Но ежели кто за сим нашим милостивым увещанием и императорским повелением отважится остаться в его шайке и тотчас не придет в настоящее раскаяние и рабское свое повиновение, тот сам уже от нас за бунтовщика и возмутителя противу воли нашей императорской признан будет и никаким образом, яко сущий нарушитель своей присяги и общего спокойствия, законного нашего гнева и тягчайшего по оному наказания не избежит. Мы для восстановления порядка и тишины в тех пределах отправили от нас нарочно нашего генерал-майора Кара, которому и сей манифест публиковать повелели, повелевая и надеясь, что каждый, впадший в сие заблуждение, сам узнает тягость своего преступления, возвратится к законному повиновению и обще со всеми нашими верноподданными стараться и споспешествовать будут по мере сил своих и по своему званию так, как каждый присягою верности обязан, к прекращению сего безбожного между народом смятения и к доставлению скорейшего способа тому нашему генерал-майору к истреблению упорственных и к доставлению в его руки самого того главного вора, возмутителя и самозванца.

Стр. 212, прим. 5. Объявление Рейнсдорпа:

По указу ее императорского величества, из Оренбургской губернской канцелярии публикация

Известно учинилось, что о злодействующем с яицкой стороны в здешних обывателях по легкомыслию некоторых разгласителей носится слух, якобы он другого состояния, нежели как есть. Но он злодействующий в самом деле беглый донской казак Емельян Пугачев, который за его злодейства наказан кнутом с постановлением на лице его знаков; но чтоб он в том познан не был, для того пред предводительствуемыми им никогда шапки не снимает, чему некоторые из здешних бывших у него в руках самовидцы, из которых один солдат Демид Куликов, вчерась выбежавший, точно засвидетельствовать может. А как он, Пугачев, с изменническою его толпою по учинению некоторым крепостям вреда сюда идет, то по причине того ложного разглашения всем здешним обывателям объявляется, что всяк сам из поступков его может понять, что он, Пугачев, злодей и как изверженный от честного общества старается верноподданных ее императорского величества честных рабов поколебать и ввергнуть в бездну погибели, а притом имением их набогатить-

ся, как то он в разоренных местах и делает; к предварению чего всякий увещевается во время наступления его с изменническою толпою стараться для сохранения общества, дому и имения своего стоять против толпы его до последней капли крови своея, так, как верноподданным ее императорского величества рабам надлежит и присяжная каждого должность обязует, и отнюдь никаким ложным разглашениям не верить. Сентября 30 дня 1773 года.

Стр. 217, прим. 7.

Письмо А. И. Бибикова графу З. Г. Чернышеву из Казани от 21 января 1774

Милостивый государь, граф Захар Григорьевич! Из донесения моего к ее императорскому величеству увидеть изволите, что войски, прибывшие сюда, действовать начали, и полковник Бибиков с деташементом своим, состоящим в четырех ротах пехоты и трех ротах гусар, разбил злодейскую сволочь, не потеряв ни одного человека, город Заинск освободил от злодеев. Надеюсь очистить сей угол; но прискорбные вести получаю со стороны сибирской: господин Калонг не находит средства не только сделать транспорт провианту и фуражу в Оренбург, но и сам идти опасается, написав премножество затруднений. Советует он мне сей транспорт сделать. Я и без того все способы к тому употребляю, да время проходит, а оно драгоценно. Я писал к нему, чтоб он по крайней мере хотя в Башкирию сделал диверсию в то время, как я к Оренбургу подвинусь в исходе нынешнего месяца или в начале февраля.

Екатеринбург в опасности от внутренних предательств и измены. О Кунгуре слуху после 10 числа нет. Зло распространяется весьма далеко. Позвольте и теперь мне вашему сиятельству повторить: не неприятель опасен, какое бы множество его ни было, но народное колебание, дух бунта и смятение. Тушить оное, кроме войск, в скорости не видно еще теперь способов, а могут ли на такой обширности войски поспевать и делиться, без моего объяснения представить можете. Спешу и все силы употребляю запасать провиант и фураж, тож и подводы к подвозу за войсками. Но сами представить легко можете, коликим затруднениям по нынешнему времени всё сие подвержено, и тем паче, что внутрь и вне злодейство, предательство и непослушание от жителей. Не очистя саранчу злую, вперед шагу податься нельзя. В том теперь и упражняюсь, а войски подаются вперед. Жду с нетерпением Чугуевского казачьего полку, о котором слышу, что уже в Москву пришел. Вот, милостивый государь, всё то, что я теперь донесть вам могу; а заключу истинным моим высокопочитанием, и проч. *(Собственноручно:)* P. S. Приложенную реляцию покорнейше прошу ее величеству поднесть.

Стр. 217, прим. 9.

В письме А. И. Бибикова графу З. Г. Чернышеву от 30 декабря 1773 г. говорится: «Сволочь Пугачева злодейской толпы конечно порядочного вооружения, нижé строю иметь не может, кроме свойственных таковым бродягам буйности и колобродства; но их более шести тысяч по всем известиям считать должно,

а считая ныне воров башкирцев, число крайне быть должно велико. Не считаю я трудности, милостивый государь, разбить сию кучу, но собрать войска, запастись не только провиантом и фуражом, но и дровами, проходить в настоящее время степные и пустые места с корпусом суть наиглавнейшие трудности; а между тем отражать во всех концах убивства и разорения и удерживать от заразы преклонных от страху и прельщения простых обывателей».

Стр. 221, прим. 4.

Письмо А. И. Бибикова Д. И. Фонвизину из Казани от 29 января 1774 г.

Благодарю тебя, мой любезный Денис Иванович, за дружеское и приятнейшее письмо от 16 генваря и за все сделанные вами уведомления. Лестно слышать полагаемую от всех на меня надежду в успехе моего нынешнего дела. Отвечаю за себя, что употреблю все способы, и забочусь ежечасно, чтоб истребить на толиком пространстве разлившийся дух мятежа и бунта. Бить мы везде начали злодеев, да только сей саранчи умножилось до невероятного числа. Побить их не отчаяваюсь, да успокоить почти всеобщего черни волнения великие предстоят трудности. Более ж всего неудобным делает то великая обширность сего зла. Но буди воля господня! делаю и буду делать что могу. Неужели-то проклятая сволочь не образумится? Ведь не Пугачев важен, да важно всеобщее негодование. А Пугачев чучела, которою воры яицкие казаки играют. Уведомляй, мой друг, сколь можно чаще о делах внешних. Неужели и теперь о мире не думаете? Эй пора, право, пора! Газеты я получил; надеюсь, что по твоей дружбе и впредь получать буду. J'avais diaboliquement peur de mes soldats, qu'ils ne fassent pas comme ceux de garnison: de mettre les armes bas vis-à-vis des rebelles. Mais non, ils les battent comme il faut et les traitent en rebelles. Ceci me donne du courage. Да то беда, как нарочно всё противу нас: и снега, и метели, и бездорожица. Но всё однако же одолевать будем. Прости, мой друг; будь уверен, что я тебя сердцем и душою люблю.

Напомни, мой друг, графу Никите Ивановичу о бароне Аше. Он обещался ему по крайней мере хотя для сейма что ни есть исходатайствовать. Ты меня очень одолжишь, ежели сему честному человеку поможешь.

Стр. 228, прим. 6.

Письмо Державина полковнику Бошняку из Саратова, от 30 июля 1774 г.

Высокоблагородному и высокопочтенному господину города Саратова коменданту и правящему в оном городе воеводскую должность.

Милостивый государь мой! Когда вам его превосходительство господин астраханский губернатор П. Н. Кречетников, отъезжая отсюду, не дал знать, с чем я прислан в страну сию, то через сие имею честь вашему высокоблагородию сказать, что я прислан сюда от его высокопревосходительства покойного господина генерал-аншефа и кавалера А. И. Бибикова вследствие именного ее императорского величества высочайшего повеления

по секретной комиссии, и предписано по моим требованиям исполнять всё; а как по обстоятельствам известного бунтовщика Пугачева сего месяца 16 числа приехал я в Саратов и требовал, чтоб в сем городе была от оного злодея взята предосторожность, вследствие чего 24 числа, при общем собрании нашем в конторе опекунства иностранных и сделано определение, по которому все, согласясь, и подписались, чтоб около магазинов и в месте, найденном за способное его высокородием господином статским советником М. М. Лодыженским, яко служащим штаб-офицером в Инженерном корпусе, сделать для защищения людей и казенного имущества полевое укрепление и прочие готовности, что в том определении именно значит, которое определение при рапорте моем послано уже главнокомандующим куда надлежит, да и чаять должно было, что всё, в вышеупомянутом определении написанное, уже исполнено. А как сего 30 числа прибыв я паки в Саратов, не только по тому определению какую готовность нашел, но ниже́ какой не принято предосторожности; а как из рапорта вашего конторе опекунства иностранных 29 числа вижу я, что вы от своего определения отступились и ретраншамента, прожектированного его высокородием господином статским советником М. М. Лодыженским, делать не хотите, но желаете, пропустя столь долгое время, не зная совсем правил военной архитектуры, делать около почтового жительства города Саратова вал, не рассудя ниже места способности, лежащего под высокою горою, отрезанного от воды и столь обширного, что ниже 3000 регулярного войска и великою артиллерией защищать невозможно, приемля только в непреклонное себе правило, что вы, яко комендант города, и в нем церквей божиих покинуть не можете: то на сие, окроме всех гг. штаб- и обер-офицеров, находящихся здесь, согласных со мною, объяснить вам имею, что комендант вверенной себе крепости никак до конца жизни своей покинуть не должен, тогда, когда уже он имеет ее укрепленною и довольною людьми и потребностьми к защищению оной; а ежели всего оного не имеет так, как теперь и сожженный город Саратов, имеющий единственное наименование города, то должен находить способы, чтоб укрепиться в пристойном по правилам военной архитектуры месте, и в нем иметь от неприятеля оборону. Мы же, как в вышеупомянутом определении согласились, чтоб малое число оставить для защищения в ретраншаменте, а с прочими силами идти навстречу злодея, то чем вы свой обширный вал, выходя навстречу злодея, защищать будете? Это никому не понятно. Да и какое вы, не зная инженерного искусства, лучше укрепление сделать хотите, то также всем благоразумным неизвестно. Церкви же божии защитить, конечно, должно; но как церковь не что иное есть, как собрание людей правоверных, следовательно, ежели вы благоразумно защитите оных, то в них защитите и церковь, а утвари оных церквей в том ретраншаменте поместить можете. На сие на всё прошу ваше высокоблагородие скорейше мне дать ответ, для донесения его превосходительству, господину генерал-майору и кавалеру П. С. Потемкину, яко непосредственному начальнику высочайшей ее величества власти, присланному ныне по комиссии бунтовщика Пугачева именным ее императорского величества высочайшим повелением. Мы же, находящиеся

здесь штаб- и обер-офицеры, приемлем всю тягость законов на себя, что вы оставите свой пустой, обширный и укреплению неспособный лоскут земли, именуемой вами крепостию Саратовской, и за лучшее почтете едиными силами и нераздельно сделать нам вышеозначенный ретраншамент, так и поражать злодеев, приказав ныне же всему вами собранному народу делать прожектированное господином статским советником Лодыженским укрепление, в чем во всем при вас же и купцы здешнего города давно уже согласились.

ЗАМЕЧАНИЯ О БУНТЕ
(Стр. 249)

Замечания написаны в декабре 1834 г. 26 января 1835 г. были представлены Пушкиным при письме к А. X. Бенкендорфу для сведения Николая I, как «замечания, которые не могли войти в Историю Пугачевского бунта, но которые могут быть любопытны». Тут же Пушкин вновь просил позволения на ознакомление с «Пугачевским делом, находящимся в Архиве». Разрешение было дано вместе с выражением благодарности Пушкину за доставление «Замечаний о бунте» [1].

К стр. 55. В черновой рукописи имеется пропущенная фраза: «В Радоме он был стражем Радзивила».

К стр. 93. Замечание в черновике оканчивалось словами: «Князь Голицын был обручен с княжной Прозоровской, матерью княгини Голицыной».

К стр. 145. В черновике указан источник сведений: «Из писем архимандрита Платона Любарского к Бантышу-Каменскому».

К стр. 157. В черновике замечание оканчивалось: «Вместо Суворова прислал он Щербатова. Императрица Екатерина не любила Румянцева за его низкий характер».

К стр. 164. В черновом тексте после слов «он его не знал» следовало: «Может быть, сама государыня о том не подумала. Тем не менее казнь сего злодея противузаконна. Вот один из тысячи примеров, доказывающих необходимость адвокатов».

ПРИЛОЖЕНИЕ
(Стр. 255)

Собранные здесь записи устных рассказов, преданий и песен относятся к 1833—1835 гг. и отражают творческий процесс работы Пушкина над «Историей Пугачева».

I, стр. 255. *Отец Крылова* — Андрей Прохорович (1738—1778), капитан, отец знаменитого баснописца И. А. Крылова; во время восстания Пугачева находился под командованием полковника И. Д. Симонова при защите Яицкого городка и фактически руководил этой защитой.

II, стр. 257. *Академик Ловиц* — Давыд Егорович (р. 1722), профессор (академик) Петербургской Академии наук по кафедре астрономии; находился в экспедиции и, попав в плен к Пугачеву, был убит пугачевцами в Иловле (на Волге) 13 августа 1774 г.

---

[1] Пушкин пометил замечания страницами первого издания. В тексте пометы Пушкина сопровождены в скобках ссылками на страницы настоящего издания.

Стр. 257. *Иноходцев* — Петр Борисович Иноходцев (1742—1806), адъюнкт Петербургской Академии наук по кафедре астрономии; участвовал вместе с Д. Е. Ловицем в экспедиции на Волге, остался невредим и был впоследствии (1779) профессором астрономии.

III, стр. 257. *В. Петр. Бабин* — Василий Петрович Бабин, казанский житель, один из тех стариков, с которыми Пушкин по приезде в Казань 6 сентября 1833 г. «возился», как он писал жене 8 сентября. Самый рассказ Бабина относится к событиям на Арском поле около Казани, куда 7 сентября Пушкин специально ездил.

IV, стр. 258. *Оренбургские записи.* Сделаны со слов разных лиц на пути следования в Оренбург и Уральск в сентябре 1833 г. и представляют собою позднейшую сводку.

Стр. 260. *Старуха в Берде* — 75-летняя казачка Бунтова, с которой, по свидетельству современника, жил Пугачев, когда ей было 14—15 лет от роду; она была жива еще в 1848 г. Другая свидетельница сообщает, что она рассказывала Пушкину «много любопытного и даже пела ему несколько пугачевских песен». Сначала Бунтова приняла Пушкина за антихриста, увидав длинные его ногти. О ней Пушкин писал жене 2 октября 1833 г. из Болдина.

V, стр. 261. *Дмитриев* — Иван Иванович, поэт, очевидец казни Пугачева, описанной им в его известных записках «Взгляд на мою жизнь», тогда еще не изданных.

Стр. 261. *Сенатор Баранов* — Дмитрий Осипович (1773—1834), поэт, сенатор с 1817 г. Запись эту можно датировать не позднее летних месяцев 1834 г., так как уже 23 августа 1834 г. Баранов умер.

VI, стр. 262. *Н. Свечин* — Николай Сергеевич (1759—1850) генерал-от-инфантерии, родственник С. А. Соболевского.

Анекдот о разрубленной щеке гр. А. Г. Орлова развит Пушкиным, вероятно со слов того же Н. С. Свечина, в черновой редакции «Замечаний о бунте» (см. стр. 339—340).

ОБ «ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКОГО БУНТА» (Стр. 263)

(Разбор статьи, напечатанной в «Сыне отечества» в январе 1835 года)

Эту статью Пушкин написал в июле 1836 г. и напечатал в своем «Современнике» 1836 г., т. III, стр. 109—134.

В «Сыне отечества» 1835 г. (кн. I, отд. 3, стр. 177—186) появилась анонимная рецензия на «Историю Пугачева», только что перед тем вышедшую из печати. Имя автора этой рецензии стало известно Пушкину значительно позже, из статьи Ф. В. Булгарина «Мнение о литературном журнале „Современник“, издаваемом Александром Сергеевичем Пушкиным, на 1836 год», появившейся в «Северной пчеле» 9 июня 1836 года, № 129. Здесь, полемизируя с «Современником», Булгарин, говоря об «Истории Пугачева», заявлял, что она «поколебалась в своем основании от одного замечания покойного Броневского». Этот выпад и дал повод Пушкину в подробности разобрать рецензию Броневского.

Стр. 263. *Броневский* — Владимир Богданович (1784—1835), генерал-майор, военный историк-дилетант, автор ряда официозных исторических сочинений, среди них «Истории Донского войска» (ч. I—IV, СПб., 1834), член Российской академии, автор «Записок морского офицера» (1818—1819), «Обозрения южного берега Тавриды» (1822) и др.

ЗАПИСКИ БРИГАДИРА МОРО де БРАЗЕ

(касающиеся до Турецкого похода 1711 года)
(Стр. 279)

Записки были найдены в бумагах Пушкина после его смерти приготовленными к печати для журнала «Современник». В этом журнале они и появились в 1837 г. в томе VI, стр. 218—300, с искажениями, устраненными теперь по сохранившейся черновой рукописи Пушкина.

Записки были представлены Пушкиным Бенкендорфу в 1835 г. (см. письмо от 31 декабря 1835 г.).

ИЗ РАННИХ РЕДАКЦИЙ

ВООБРАЖАЕМЫЙ РАЗГОВОР С АЛЕКСАНДРОМ I

Стр. 333. «Франкфуртский журнал» — Journal de Francfort — либеральная газета на французском языке, издававшаяся во Франкфурте-на-Майне.

ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВА

Предисловие из первой редакции.

Стр. 334. *«Глупый роман»:* «Ложный Петр III, или Жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачева», 1809, анонимный переводный роман.

Стр. 334. *Сумароков* — Павел Иванович (1760—1846), племянник поэта А. П. Сумарокова, мелкий писатель, автор драматических произведений и путевых записок; был витебским и новгородским губернатором, позднее сенатор. Пушкин цитирует его «Обозрение царствования и свойств Екатерины великия», 1832.

Глава первая.

Стр. 335. *О походах Нечая и Шамая.* Изложено по данным «Оренбургской топографии» Рычкова. Пушкин исключил этот рассказ, ограничившись кратким упоминанием походов, так как поместил в примечаниях обширную выдержку из Рычкова, служившую источником данного рассказа.

Глава пятая.

Стр. 336. В этой первой редакции Пушкин следовал данным статьи «Оборона крепости Яика от партии мятежников (описанная самовидцем)», напечатанной в журнале «Отечественные записки» 1824 г. В окончательной редакции Пушкин переработал этот рассказ, ознакомившись с рукописью Симонова «Журнал действий команды в Яицком ретраншементе с 30 декабря 1773 г. по 16 апреля 1774 г.».

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

ДНЕВНИКИ

Стр. 12. если так, чем меньше и тем... Итак, солнце светит. *(Немецк.)*

Стр. 12—13. Здравствуйте, господа...
Когда будет урок верховой езды. *(Франц.)*

Стр. 16. Сердцем я материалист, но мой разум этому противится. *(Франц.)*

Стр. 16. К сведению г. Дегильи, бывшего французского офицера. Недостаточно быть дрянью, надо еще быть им открыто. Накануне дрянной дуэли на саблях не пишут на глазах жены иеремиад, завещания и пр. и пр. *(Франц.)*

Стр. 16. 18 июля. 1821. Известие о смерти Наполеона. Бал у армянского архиепископа. *(Франц.)*

Стр. 17. 8 февраля 1824 ночь играл с Шаховским и Синявиным; проиграл; ужинал у графини Элизы Воронцовой. *(Франц.)*

Стр. 17. 1824. 19/7 апреля смерть Байрона. *(Франц.)*

Стр. 17. Мая 26. Поездка, венгерское вино.
Июля 30 — Турок в Италии.
31 — отъезд.
Август 9 — прибыл в Михайловское.
Письмо Элизы Воронцовой. *(Франц.)*

Стр. 17. первое. *(Франц.)*

Стр. 18. Элиза и Клаудио. *(Итал.)*

Стр. 18. Труп. *(Франц.)*

Стр. 22. По крайней мере я исполнил мой долг. *(Франц.)*

Стр. 22. Я потерял Фока; могу лишь оплакивать его и жалеть о себе, что не мог его любить. *(Франц.)*

Стр. 22. 10 марта 1832. Библиотека Вольтера. *(Франц.)*

Стр. 23. Это, по-видимому, для того, чтобы дать другой оборот этим заведениям. *(Франц.)*

Стр. 23. Это животное.— Значит у него есть секретарь? — Да, фанариот, и этим всё сказано. *(Франц.)*

Стр. 24. «Дети Эдуарда» *(Франц.)*

Стр. 26. Любитель. *(Франц.)*

Стр. 28. «Я надеюсь, что Пушкин принял в хорошую сторону свое назначение. До сих пор он сдержал данное мне слово, и я был доволен им» и т. д. и т. д. *(Франц.)*

Стр. 28. Он мог бы дать себе труд съездить надеть фрак и возвратиться. Попеняйте ему. *(Франц.)*

Стр. 28. Из-за сапог (т. е. без повода, по капризу) или из-за пуговиц ваш муж не явился в последний раз? *(Франц.)*

Стр. 29. Ваше величество, я молода, я счастлива, имею успех, вот почему мне завидуют, и проч. *(Франц.)*

Стр. 30. Он держится середины, потому что всегда навеселе. (Игра слов: juste milieu — золотая середина и название правительственной партии во Франции, entre deux vins — навеселе, буквально: между двух вин, опьянений). *(Франц.)*

Стр. 30. Небо не чище недр моего зада cul — вместо coeur, сердце). *(Франц.)*

Стр. 30. поработав с ним и возвращаясь к императрице в совершенно беспорядочном костюме. *(Франц.)*

Стр. 31. Энциклопедический лексикон. *(Немецк.)*
Стр. 32. Он лепечет в музыке как в стихах. *(Франц.)*
Стр. 34. Нет, это беспримерно! Я себе голову ломала, думая, какой Пушкин будет мне представлен. Оказывается, что это вы... Как поживает ваша жена? Ее тетка в нетерпении увидеть ее в добром здравии,— дочь ее сердца, ее приемную дочь... *(Франц.)*
Стр. 34. С.-Петербург. 27 февраля. Со времени крушения Варшавского мятежа корифеи польской эмиграции слишком часто доказывали нам своими словами и писаниями, что для продвижения своих планов и оправдания своего прежнего поведения они не страшатся лжи и клеветы: поэтому никто не будет поражен новыми свидетельствами их упорного бестыдства...

...извратив в таком роде историю прошедших веков, чтобы заставить ее говорить в пользу своего дела, г. Лелевель так же жестоко обходится с новейшей историей. В этом отношении он последователен.

Он передает нам на свой лад поступательное развитие революционного начала в России, он цитирует нам одного из лучших русских поэтов наших дней, чтобы на его примере раскрыть политическое устремление русской молодежи. Не знаем, правда ли, что А. Пушкин сложил строфы, приведенные Лелевелем, в те времена, когда его выдающийся талант, находясь в брожении, еще не избавился от накипи, но можем убежденно уверить, что он тем более раскается в первых опытах своей музы, что они доставили врагу его родины случай предположить в нем какое бы то ни было соответствие мыслей и стремлений. Что касается до высказанного Пушкиным суждения о польском восстании, то оно выражено в его пьесе «Клеветникам России», которую он напечатал в свое время.

Так как однако г. Лелевель, по-видимому, интересуется судьбою этого поэта, «сосланного в отдаленные края империи», то присущее нам естественное человеческое чувство вынуждает нас сообщить ему о пребывании Пушкина в Петербурге, отметив, что его часто видят при дворе, причем он пользуется милостью и благоволением своего государя... *(Франц.)*
Стр. 36. Но наконец есть же определенные правила для камергеров и камер-юнкеров. *(Франц.)*

Извините, это только для фрейлин (здесь игра слов, слово règles по-французски имеет два значения: правила и регулы, месячные). *(Франц.)*
Стр. 38. Мольер с Тартюфом должен там играть свою роль, и Ламбер, что важнее, мне дал слово. *(Франц.)*
Стр. 39. Я вам пишу мало и редко, потому что я под топором.
Стр. 39. Вот как он мне писал; он обращался со мною как со своим другом, всё мне поверял,— зато и я был ему предан. Но теперь, право, я готов развязать мой собственный шарф. *(Франц.)*
Стр. 39. Император Николай положительнее, у него есть ложные идеи, как у его брата, но он менее фантастичен. *(Франц.)*
Стр. 39. В нем много от прапорщика и немного от Петра Великого. *(Франц.)*
Стр. 39. Но ведь Медем совсем молодой человек, т. е. желторотый. *(Франц.)*

Стр. 40. Вам, должно быть, очень докучна обязанность читать всё, что появляется. *(Франц.)*.

Да, ваше императорское высочество,— отвечал он,— современная литература так отвратительна, что это мученье. *(Франц.)*

Стр. 40. Это был ум в высшей степени примирительный; никто не умел так хорошо, как он, решить какой-нибудь вопрос, привести мнения к согласию и проч. *(Франц.)*

Стр. 42. аристократические потуги. *(Франц.)*

Стр. 43. Вот госпожа Ермолова, грязная (Лассаль) (непереводимая игра слов «La sale» по-французски — грязная, произносится так же, как Lassale, фамилия Лассаль). *(Франц.)*

Стр. 43. Мне скучно.— Это почему? — Здесь стоят, а я люблю сидеть.

Стр. 43. Мой милый друг, здесь не место говорить о Польше. Изберем какую-нибудь нейтральную почву, у австрийского посла например. *(Франц.)*

Стр. 44. Третье сословие. *(Франц.)*

Стр. 45. «Мы такие же хорошие дворяне, как император и вы...» и т. д. «Вы истинный член вашей семьи. Все Романовы революционеры и уравнители». «...вот репутация, которой мне недоставало». *(Франц.)*

Стр. 46. Бертран и Ратон. *(Франц.)*

Стр. 46. «Не знаю почему, только о Дании нет речи в комедии». *(Франц.)*

«Не более, чем в Европе». *(Франц.)*

Стр. 47. Кого же здесь обманывают? *(Франц.)*

ВОСПОМИНАНИЯ

Стр. 55. смерть его жены — ренегат. *(Франц.)*

ЗАПИСИ В АЛЬБОМЫ

Стр. 60. Ваше имя — Легион, потому что вас несколько. А. Пушкин. 16 июня старого стиля 1834. С.-Петербург. *(Франц.)*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ

Стр. 63. О... говорил в 1820 году: «Революция в Испании, революция в Италии, революция в Португалии, конституция тут, конституция там. Господа государи, вы поступили глупо, свергнув с престола Наполеона». *(Франц.)*

Стр. 63. Генерал Р. говорил Н., заболевшему ногтоедой: «От высокого до сулемы один шаг».[1] *(Франц.)*

Стр. 63. сводник.[2] *(Франц.)*

Стр. 63. Я более или менее влюблялся во всех красивых женщин, которых встречал; все они изрядно пренебрегали мною; все они, за исключением одной, со мной кокетничали. *(Франц.)*

Стр. 63—64. заговорщики. Г-н Дашков посол в Константинополе. Влюблен в Екатерину. Петр III ревнует к Елизавете Воронцовой. *(Франц.)*

---

[1] Здесь непереводимая игра слов в связи с известной поговоркой «От высокого до смешного один шаг»; sublime значит высокое; а sublimе — сулема.

[2] Игра слов, основанная на одинаковости произношения французского слова maguereau (сводник) и русского слова: мокро.

Стр. 64. Господин Паэс, в то время секретарь посольства в Париже, подтвердил мне рассказ Бурьена. Узнав за несколько дней, что готовилось что-то серьезное, он прибыл в Сен-Клу и отправился в залу Пятисот. Он видел, как Наполеон поднял руку, требуя слова, он слышал его бессвязные слова, он видел, как Дестрем и Брио схватили его за шиворот и трясли его. Бонапарт был бледен (от гнева, отмечает Паэс). Когда он вышел и обратился с речью к гренадерам, он нашел их холодными и мало расположенными оказать ему поддержку. По совету Талейрана и Сийеса, которые находились здесь же, один офицер пошел и сказал что-то на ухо председателю Люсьену. Последний воскликнул: «Вы хотите, чтобы я привлек к ответственности моего брата» и т. д. Не в том было дело, среди общего шума члены Совета Пятисот требовали, чтобы генерал принес извинения собранию. Еще не знали о его намерениях, но бессознательно чувствовали противозаконность его поведения.

10 августа 1832. Вчера испанский посланник сообщил мне эти подробности на обеде у графа И. Пушкина. *(Франц.)*

Стр. 64. Застольные разговоры. *(Англ.)*

Стр. 65. Разделяй и властвуй. *(Лат.)*

Стр. 65. Я не ревнив... Если бы я ревновал когда-нибудь!.. *(Франц.)*

Стр. 76. На этот раз я сама принимаю на себя обязанность быть капитаном гвардии графа д'Артуа. *(Франц.)*

Стр. 77. «Это он тайно обрабатывал мысль Шарлоты Кордэ и сделал из этой девушки второго Равальяка». *(Франц.)*

Стр. 79. «Граф Поццо благоразумнее меня, сознаюсь в этом. Но твердо знаю, что я совестливее, и вы можете это ему передать». *(Франц.)*

«Возможно; потому-то в данном случае я и говорил не как исповедник». *(Франц.)*

Стр. 82. Речь. *(Англ.)*

Стр. 82. «У меня были по отношению к вам враждебные намерения».— «Какие же, ваше величество?» — «Я хотела появиться вся покрытая лилиями» — «Ваше величество, поверьте, что я отдал бы всю мою кровь за право носить эту эмблему». *(Франц.)*

Стр. 83. «Но мой дорогой г. Брессон, ведь это же вовсе непристойно; ваши принцы принадлежат к дому Бурбонов, а не Ротшильдов» *(Франц.)*

Стр. 83. Это был большой умница, мастер рассуждать, он бы вам Апокалипсис сделал ясным *(Франц.)*
Это невозможно.— Мой дорогой г. Ромм, я вам повторяю то, что все говорят. Впрочем, если хотите проверить, можете повидать Ветошкина у кн. Потемкина,— он бывает у него каждый день.— Я непременно так и сделаю *(Франц.)*

Ну что? — Я не могу прийти в себя от изумления; это настоящий ученый *(Франц.)*

Стр. 84. в придворных платьях *(Франц.)*

Стр. 85. трюм. *(Франц.)*

Стр. 85. ухаживая за ними *(Франц.)*

Стр. 85. учительница по клавесину. *(Франц.)*

Стр. 85. Я не могу оставаться в Петербурге,— Почему это? — Зимой я могу давать уроки, а летом все разъезжаются по да-

чам, и я не в состоянии оплачивать экипаж или оставаться без работы.— Нет, вы не уедете; надо это уладить так или иначе. *(Франц.)*

Стр. 85. Орлов был плохо воспитан и отличался дурным тоном. *(Франц.)*

Я нашла это выражение весьма пошлым и очень неприличным. Он был человеком неглупым и впоследствии, я думаю, приобрел манеры. Его шрам делал его похожим на разбойника. *(Франц.)*

Стр. 86. Орлов был в душе цареубийцей, это было у него как бы дурной привычкой. *(Франц.)*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ЗАМЕТКИ О РЕВОЛЮЦИИ ИПСИЛАНТИ

Стр. 88. Господарь Ипсиланти изменил делу гетерии и был виновником смерти Ригаса и т. д. Его сын Александр был гетеристом (вероятно, по выбору Каподистрии и с согласия императора); его братья Кантакузин, Кантогони, Сафианос, Мано. Михаил Суццо сделался гетеристом в 1820 г.; Александр Суццо, валашский господарь, узнал о тайном существовании гетерии от своего секретаря (Валетто), который, сделавшись его зятем, не сумел сберечь тайну и выдал ее. Александр Ипсиланти в январе 1821 г. послал некоего Аристида в *Сербию* с предложением наступательного и оборонительного союза между этой провинцией и им, генералом греческой армии. Аристид был схвачен Александром Суццо, и его бумаги вместе с его головой были отосланы в Константинополь. Это заставило немедленно переменить планы. Михаил Суццо написал в Кишинев. Александр Суццо был отравлен, и Ипсиланти, став во главе горсточки арнаутов, провозгласил революцию.

Капитаны — это независимые, корсары, разбойники или турецкие чиновники, облеченные некоторой властью. Таковы были Лампро и т. д., и наконец — *Формаки*, Иордаки-Олимбиотти, Калакотрони, Кантогони, Анастас и т. д. Иордаки-Олимбиотти был в армии Ипсиланти. Они вместе отступили к венгерским границам. Александр Ипсиланти, боясь быть убитым, счел необходимым бежать и разразился своей прокламацией. Иордаки, во граве 800 чел., 5 раз сражался с турецкой армией и наконец заперся в монастыре (Секу). Преданный евреями, окруженный турками, он поджег свой пороховой склад и взорвался.

Формаки, капитан, гетерист, был послан из Мореи к Ипсиланти, храбро сражался и сдался в последней битве. Обезглавлен в Константинополе. *(Франц.)*

ЗАМЕТКА О ПЕНДА-ДЕКЕ

Стр. 89. Пенда-Дека воспитывался в Москве — в 1817 г. он служил толмачом у одного бежавшего греческого епископа, был замечен императором и Каподистрией. Он находился в Галаце во время тамошней резни. Двести греков убили 150 турок. 60 из их числа были сожжены в одном доме, где они укрывались. Несколько дней спустя Пенда-Дека прибыл в Браилов в качестве шпиона. Он явился к паше и курил с ним, как русский подданный. В Тырговиште он присоединился к Ипсиланти;

тот послал его успокоить волнения в Яссах. Он нашел там греков, притесняемых боярами; его находчивость и твердость спасли их. Он запасся снаряжением на 1500 человек, тогда как на самом деле у него было только 1300. В течение двух месяцев он был князем Молдавии. Кантакузин прибыл и принял командование. Отступили к Стинке. Кантакузин послал Пенда-Деку разведать о врагах. Пенда-Дека полагал нужным укрепиться в Барде (1-я станция по дороге в Яссы). Кантакузин отступил в Скуляны и предложил Пенда-Деке вступить в карантин. Пенда-Дека согласился.

Пенда-Дека назначил своим помощником арнаута Папаса-Углу.

Нет сомнения, что князь Ипсиланти мог бы овладеть Браиловом и Журжей. Турки бежали во все стороны, вообразив, что за ними гонятся русские. В Бухаресте болгарские делегаты (в том числе Капиджи баши) предлагали Ипсиланти поднять всю их страну — он не решился!

Галацкую резню велел произвести Ипсиланти, в случае, если бы турки не захотели сложить оружие. *(Франц.)*

О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Стр. 97. прирученные. *(Франц.)*

О ГЕНЕРАЛЬНЫХ ШТАТАХ

Стр. 98. *Менее всего допустимо, чтобы 24 миллиона человек против 200 000 имели половину голосов Байи.*

Но эти 200 000 были уже в некотором роде отборная часть нации, хотя и облеченная чрезмерными преимуществами, но представляющая собою класс просвещенный и имущий. Поэтому было неразумно обессиливать этот класс, а следовало внести только некоторые изменения. Было неразумно не рассматривать эти 200 000 как часть 24 миллионов.

Третье сословие равняется нации минус знать и духовенство. *Рабо де Сент-Этьен.* Это значит: нация равняется народу минус его представители. *(Франц.)*

Порядок, установленный Генеральными Штатами, являлся по существу республиканским — духовенство и знать, представлявшие собою верхнюю палату, являлись не промежуточной ступенью между королевской властью и народом, а лишь одним крылом той же палаты. *(Франц.)*.

ОЧЕРК ИСТОРИИ УКРАИНЫ

Стр. 98—101. Украиной, или Малороссией, называют обширное пространство, соединенное с колоссом Россией и состоящее из губерний Черниговской, Киевской, Харьковской, Полтавской и Подольской.

Климат там мягок, земля плодородна; страна в своей западной части покрыта лесом. На юге тянутся огромные равнины, пересекаемые широкими реками, где путешественник не встретит ни леса, ни холма.

Славяне с незапамятных времен населяли эту обширную область; города Киев, Чернигов и Любеч не менее древни, чем

Новгород Великий, свободный торговый город, основание которого относится к первым векам нашей эры.

Поляне жили на берегах Днепра, северяне и суличи — на берегах Десны, Сейма и Сулы, радимичи — на берегах Сожа, дреговичи — между Западной Двиной и Припятью, древляне — в Волыни, бужане и дулебы — по Бугу, лутичи и тиверцы — у устьев Днестра и Дуная.

К середине девятого века Новгород был завоеван норманнами, известными под именем варяго-руссов. Эти предприимчивые удальцы, вторгаясь далее в глубь страны, подчинили себе одно за другим племена, жившие на Днепре, Буге, Десне. Различные славянские племена, принявшие имя русских, увеличили войска своих победителей. Они захватили Киев, и Олег сделал его своей столицей. Варяго-руссы стали грозой Восточной Римской империи, и не раз их варварский флот появлялся угрозой у стен богатой и слабой Византии. Не будучи в состоянии отразить их силой оружия, она гордилась тем, что смирила их посредством религии. Дикие поклонники Перуна услышали проповедь евангелия, и Владимир принял крещение. Его подданные с тупым равнодушием усвоили веру, избранную их вождем.

Русские, наводившие ужас на отдаленные народы, сами постоянно подвергались нападениям соседних племен: болгар, печенегов и половцев. Владимир разделил между своими сыновьями земли, завоеванные его предками.

Эти князья в своих уделах являлись представителями государя, которым было поручено подавлять возмущения и отражать нападения врагов. Это, как мы видим, вовсе не была феодальная система, основанная на независимости отдельных лиц и на равном праве их участия в добыче.

Но вскоре начались раздоры и войны, длившиеся непрерывно более чем двести лет. Столица государя была перенесена во Владимир. Чернигов и Киев потеряли постепенно свое значение. Тем временем в южной России возникли другие города: Корсунь и Богуслав на Роси (в Киевской губернии), Стародуб на Бабенце (в Черниговской губ.), Стрецк и Вострецк (в Черниговской губ.), Триполь (под Киевом), Лубны и Хорол (в Полтавской губ.), Новгород-Северский (в Черниговской губ.). Все эти города существовали уже к концу XIII века.

В то время как внуки Владимира Великого занимались раздорами и воинственные племена, обитавшие к востоку от Черного моря, оказывали помощь одним из них, чтобы делить добычу, доставшуюся от других, неожиданное бедствие обрушилось на русских князей и весь народ.

Татары появились у границ России. Им предшествовали всё те же половцы, прогнанные со своих пастбищ и массами устремившиеся к тем князьям, которым раньше они служили или которых разоряли. Князья собрались в Киеве. Война была решена; отовсюду стекался народ и становился под знамена. Один только Юрий, великий князь владимирский, не пожелал принять участие в опасностях похода. Он ожидал ослабления уделов в результате этой войны.

Войска князей, соединившись с половцами, продвигались против неведомого, но уже грозного врага. Татарские послы прибыли на берег Днепра в то время, как русские войска начали переправу. Они предложили князьям союз против половцев, но последние употребили все свое влияние, и послы были перебиты. Войска продвигались всё дальше, между тем не замедлили вспыхнуть раздоры. Два Мстислава, князь киевский и князь галицкий, дошли до открытого разрыва. Прибыв на берег Калки (река в Екатеринославской губернии), Мстислав галицкий перешел ее со своим войском, в то время как остальная армия, под начальством князя киевского, укрепилась на противоположном берегу. На следующий день (31 мая 1224 года) враг появился, и началась битва между татарскими войсками и передовым отрядом, состоявшим из войск князя галицкого и половцев. Последние вскоре дрогнули и внесли беспорядок в ряды русских. Те еще сражались воодушевляемые примером храброго Даниила Волынского, но безрассудная гордость князей была причиной их гибели. Мстислав киевский не посылал подкрепления князю галицкому, а тот его не желал просить.

Вскоре смятение объяло всех; бегущие половцы убивали русских, чтобы поскорее их грабить. Русские отступили за Калку, преследуемые татарами, и миновали лагерь князя киевского, который, оставаясь неподвижным зрителем их поражения, еще рассчитывал на собственные силы, чтобы отразить победителей, которые скоро его окружили. Татары начали переговоры, которые позволили им овладеть лагерем. Произошло страшное избиение. Мстислав и некоторые другие князья подверглись ужасной участи: татары связали их и положили на землю, покрыли доской, на которую сели, раздавив их заживо. Так погибло войско, еще недавно грозное. Татары преследовали русских до Чернигова и Новгорода-Северского, предавая всё огню и мечу. Внезапно победители остановились, и их орда ушла на восток, где она соединилась с великой армией Чингисхана, стоявшей в то время в Бухаре. *(Франц.)*

ЗАМЕТКИ О РУССКОЙ ИСТОРИИ

Стр. 101. Владетельные феодалы имели одни по отношению к другим обязанности и права. *(Франц.)*

ЗАМЕТКИ ПРИ ЧТЕНИИ «НЕСТОРА» ШЛЁЦЕРА

Стр. 103. Опыт русских летописей. *(Немецк.)*

О ДВОРЯНСТВЕ

Стр. 104. Покушение Феодора...— Трусость высшего дворянства...— Петр I. Его указ 1714 г.— Чины.— Падение дворянства. Оппозиция Долгоруких (нелепая, вроде оппозиции Панина). Петр III...— Александр...— Сперанский, прыткий и безвестный попович.

Средства, которыми достигается революция, недостаточны для ее закрепления.— Петр I — одновременно Робеспьер и Наполеон (воплощение революции).

Высшее дворянство не потомственное (фактически). Следовательно, *оно пожизненное;* деспотизм окружает себя преданными наемниками, и этим подавляется всякая оппозиция и независимость.

Потомственность высшего дворянства есть гарантия его независимости; обратное неизбежно связано с тиранией или, вернее, с низким и дряблым деспотизмом. Деспотизм; жестокие законы и мягкие нравы. *(Франц.)*

Стр. 104. государя. *(Франц.)*

Стр. 105. охрана. *(Франц.)*

ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВА

Стр. 146. По-видимому, этот фарс разыгрывается по воле шевалье де Тотт, но мы живем уже не во времена Димитрия, и пьеса, имевшая успех двести лет назад, ныне освистана. *(Франц.)*

Стр. 146. Одни только газеты подымают шум по поводу разбойника Пугачева, который ни в прямых, ни в косвенных отношениях с г. де Тотт не состоит. Пушки, отлитые одним, для меня значат столько же, сколько предприятия другого. Господин де Пугачев и господин де Тотт имеют, впрочем, то общее, что один изо дня в день плетет себе веревку из конопли, а другой в любую минуту рискует получить шелковый шнурок. *(Франц.)*

Стр. 194. История гуннов и татар, кн. 19, гл. 2. *(Франц.)*

Стр. 210. История восстания Пугачева. *(Франц.)*

Стр. 211. Майор Харлов несколько недель тому назад женился на дочери полковника Елагина, очень милой молодой особе. Он был опасно ранен при защите крепости, и его отнесли домой. Когда крепость была взята, Пугачев послал за ним, велел стащить его с кровати и привести к себе. Молодая жена, в отчаянии, последовала за ним, бросилась к ногам победителя и просила о помиловании мужа.— Я велю его повесить в твоем присутствии, отвечал варвар. При этих словах молодая женщина проливает потоки слез, снова обнимает ноги Пугачева и умоляет о милосердии: всё было напрасно, и Харлов был в ту же минуту повешен в присутствии своей супруги. Едва он испустил дух, как казаки бросились на его жену и принудили ее утолить грубую страсть Пугачева. *(Франц.)*

Стр. 211. Самые варварские народы соблюдают до известной степени чистоту нравов, и у Пугачева было достаточно здравого смысла, чтоб не совершать перед солдатами и т. д. *(Франц.)*

Стр. 212. Наиплачевное состояние Оренбургской губернии много опаснее, чем я могу его описать; меня бы не устрашила регулярная вражеская армия в десять тысяч человек, а между тем один предатель с 3000 бунтовщиков приводит в трепет весь Оренбург... Мой гарнизон, состоящий из 1200 человек,— единственная к тому же военная сила, на которую я полагаюсь. По милости всевышнего мы поймали 12 шпионов и т. д. *(Немецк.)*

Стр. 222. Бунтовщики держали себя так тихо в Татищевой, что сам князь сомневался, действительно ли они там. Чтоб разузнать об этом, он послал трех казаков, которые приблизились к крепости, ничего не заметив. Бунтовщики послали к ним женщину, которая поднесла им хлеб-соль по русско-

му обычаю и, спрошенная казаками, уверила их, что бунтовщики, побывав в крепости, все ушли оттуда. Пугачев, полагая, что он обманул казаков этой хитростью, выслал из крепости несколько сот человек, чтобы их захватить. Один из трех был убит, другой захвачен, но третий скрылся и явился доложить Голицыну о том, что он видел. Князь сразу решил идти на крепость в тот же день и атаковать врага в его укреплениях (История восстания Пугачева). *(Франц.)*

Стр. 223. Победа, одержанная вашим сиятельством над мятежниками, возвращает жизнь населению Оренбурга. Этот город, выдержавший шестимесячную осаду и доведенный до ужасного голода, теперь полон ликования, и жители его возносят молитвы о благополучии своего славного освободителя. Пуд муки стоил уже 16 рублей, и теперь изобилие идет на смену нищете. Я вывез транспорт в 500 четвертей из Каргале и жду другого в 1000 из Орска. Если отряду вашего сиятельства удастся захватить в плен Пугачева, нам не останется желать ничего больше, и башкирцы не замедлят просить помилования. *(Франц.)*

Стр. 225 и 227. История восстания Пугачева. *(Франц.)*

Стр. 245. Кочевые скитания Веньямина Бергмана и т. д. *(Немецк.)*

Стр. 246. Я охотно удовлетворю, сударь, ваше любопытство насчет Пугачева; мне это тем легче сделать, что вот уже месяц как он захвачен или, говоря точнее, связан и закован своими собственными людьми в необитаемой равнине между Волгой и Яиком, куда он был загнан войсками, посланными против них со всех сторон. Лишенные пищи и способов снабжения, его товарищи, пресытившись, кроме того, жестокостями, которые они совершали, и надеясь получить прощение, выдали его коменданту Яицкой крепости, который отправил его в Симбирск к генералу графу Панину. Сейчас он находится на пути к Москве. Будучи приведен к Панину, он простодушно сознался при допросе, что он донской казак, назвал место, где он родился, сказал, что был женат на дочери донского казака, что имел троих детей, что во время мятежа женился на другой, что его братья и племянники служили в первой армии, что и сам он служил во время двух первых кампаний против Потры и т. д. и т. д.

Так как у генерала Панина было много с собой донских казаков и так как войска этой народности никогда к разбойнику на удочку не попадались, то всё это и было вскоре проверено соотечественниками Пугачева. Он не умеет ни читать, ни писать, но это человек крайне смелый и решительный. До сих пор нет ни малейшего следа тому, чтоб он был орудием какой-либо державы или действовал по внушению кого бы то ни было. Надо полагать, что господин Пугачев просто заправский разбойник, а не чей-либо слуга.

Мне кажется, после Тамерлана ни один еще не уничтожил столько людей. Прежде всего, он приказывал вешать без пощады и без всякого суда всех лиц дворянского происхождения, мужчин, женщин и детей, всех офицеров, всех солдат, которых он мог поймать; ни одно место, где он прошел, не было пощажено, он грабил и разорял даже тех, кто,

ради того чтоб избежать насилий, старался снискать его расположение хорошим приемом; никто не был избавлен у него от разграбления, насилия и убийства.

Но до какой степени может человек самообольщаться, видно из того, что он осмеливается питать какую-то надежду. Он воображает, что ради его храбрости я могу его помиловать и что будущие его заслуги заставят забыть его прошлые преступления. Если б он оскорбил одну меня, его рассуждение могло бы быть верно, и я бы его простила. Но это дело — дело империи, у которой свои законы. *(Франц.)*

Стр. 246. Маркиз Пугачев, о котором вы опять пишете мне в письме от 16 декабря, жил как злодей и кончил жизнь трусом. Он оказался таким робким и слабым в тюрьме, что пришлось осторожно приготовить его к приговору из боязни, чтоб он сразу не умер от страха. *(Франц.)*

Стр. 248. Известие о подробностях мятежа Стеньки Разина против московского великого князя. Зарождение, ход и окончание этого мятежа, вместе с обстоятельствами, при которых был схвачен этот мятежник, смертный ему приговор и его казнь, перевел с английского К. Демар. *(Франц.)*

ОБ «ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКОГО БУНТА»

Стр. 274. опечатки. *(Латин.)*

Стр. 274. в лист. *(Латин.)*

ЗАПИСКИ МОРО де БРАЗЕ

Стр. 281. Далгети. *(Франц.)*

Стр. 281. авантюристка. *(Франц.)*

Стр. 281. Записки политические, забавные и сатирические господина Жана Никола де Бразе, графа Лионского, полковника Казанского Драгунского полка и бригадира войск его царского величества, в Веритsecurityполисе у Жана Дизан-вре в Истиннограде, у Ивана Правдивого, 3 тома. *(Франц.)*

Стр. 282. Кем бы вы ни были, друг читатель, сколь бы ни был возвышен ваш ум, сколь бы вы ни были просвещенны, сколь бы, наконец, ни была изысканна ваша манера говорить и писать,— я вовсе не прошу у вас снисхождения, и вы можете повеселиться, критикуя эти безделицы, которые я отдаю на суд публики. Но, давая себе в этом полную свободу на мой счет, а также и на ваш,— ибо вы же за свои деньги будете читать мои сочинения,— помните, что порядочный человек, находящийся в глубине северной страны, среди людей по большей части варварских, языка которых он не понимает, был бы весьма достоин сожаления, не умей он пользоваться пером, чтобы разогнать скуку описанием всего происходящего перед его глазами. Вам известно, что не всякому дано тонко мыслить и писать. На этом основании вы извините меня,— если, разумеется, пожелаете, потому что если бы этим занимались только умеющие мыслить и писать изысканно, то оказалось бы слишком много праздных и бесполезных людей.

Вы тогда лишились бы доставляемых мною сведений об этих глухих странах, где искусные перья не часто встречаются. Прощайте, друг мой читатель, критикуйте: чем больше будет критиков, тем выгоднее будет моему издателю — это послужит залогом того, что он распродаст мою книгу и извлечет пользу из своего труда. *(Франц.)* Sunt sanis omnia sana.[1]

Стр. 282—283.

Покинув Брабант, я принял участие в войне
На стороне царя, Вашего союзника, и надеялся,
что хорошо ему служил;
Я даже долго думал, что мои услуги ему угодны.
И однако, хотя он принял мое усердие,
Я был вынужден вернуться.
Кровь, мною пролитая, понесенная мною потеря
Всего обоза, отнюдь мною не приобретенного
И разграбленного людьми в чалмах во время сражения,—
Таковы были печальные вестники,
Сообщившие мне о моей отставке.

Отосланный без денег из глубины России,
Иностранец без покровителя и вечно несчастный,
Я ищу помощи у великодушного государя
Которому предлагаю свою жизнь,
Равно как и все мои пожелания.
Не подумайте, великий король, что, питая пылкие
надежды,
Я дерзаю просить о большем, нежели о пропитании,—
Нет, в моем нынешнем положении, без гроша за душой,
Я прошу немного чести ради моего происхождения
И немного средств ради поддержки моего
существования. *(Франц.)*

Стр. 283. Отосланный без денег из глубины России. *(Франц.)*

Стр. 283. Которые, хотя и русские, т. е. мало жалостливые, хотели сесть на лошадей, чтобы броситься на помощь храбрым венгерцам. *(Франц.)*

Стр. 285. Достоверно, что Карл был непоколебим в своем намерении свергнуть с престола русского императора, что он ни с кем тогда не советовался и не нуждался в советах графа Пипера, чтобы отомстить Петру Алексеевичу, чего он так давно добивался. *(Франц.)*

Стр. 287. Азов, на Черном море. *(Франц.)*

Стр. 290—291. Он приказал соорудить внешние укрепления, по собственноручным его планам, и мост через Днестр, упирающийся в достаточную для этой местности крепость, замкнутую сзади двумя двойными тенальными укреплениями. *(Франц.)*

Стр. 293. соорудив там коммуникационный мост. *(Франц.)*

Стр. 306. потому что она сужалась по мере возвышения. *(Франц.)*

Стр. 309. два предмостных укрепления, огражденные частоколом в форме полумесяца. *(Франц.)*

Стр. 315. маленькую повозку. *(Франц.)*

Стр. 315. которую я держал всегда на уровне моего поста, чтобы иметь возможность переменить белье ночью. *(Франц.)*

---

[1] Для здоровых всё здорово. *(Итал.)*

Стр. 320. столько же времени не разнуздывались. *(Франц.)*
Стр. 326. его султанского величества. *(Франц.)*

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 343. 31 марта. Гартинг. *(Франц.)*
Стр. 343. 3 ноября 1823 г. Записка г-жи Ризнич. *(Франц.)*
Стр. 343. 2 августа 1827 день счастливый.
4 августа Р. И. П. Жихарев во сне. *(Франц.)*
Стр. 343. Декабря 12. Первая записка.
13. Жуковский.
14. Семенов.
15. Подношенье.
16. Английский магазин.
18. Два письма. *(Франц.)*

Стр. 343. «Образцы застольных бесед покойного С. Кольриджа. Лондон, 1835». *(Англ.)*

Стр. 347. Жена... штаны... а дуэль-то моя!.. Эх, право, пускай она сама как хочет отыгрывается, раз она играет первую скрипку.[1] *(Франц.)*

Стр. 350. Торвальдо и Дорлиска.

Стр. 358. Дневной свет не чище недр моего сердца. *(Франц.)*

Стр. 360. Княгиня усатая. *(Франц.)*

Стр. 368. Бертран и Ратон, или Искусство заговора. *(Франц.)*

Стр. 388. Эти деспотические правительства, для которых единственным пределом является убийство деспота, опрокидывают понятия чести и долга в головах людей. *(Франц.)*

Стр. 389. «Тацит, новый перевод с параллельным латинским текстом Дюро де Ламаля, 1818». *(Франц.)*

Стр. 389. «История французской революции от 1789 до 1814 Ф. А. Минье». *(Франц.)*
«История французской революции. М. А. Тьера». *(Франц.)*
«Собрание мемуаров, относящихся к французской революции». *(Франц.)*

Стр. 390. Большие лены. Малые лены. Вассалы. Народ. Духовенство. Избирали предводителя. Всё владение имело общую долю в добыче. *(Франц.)*

Национальное собрание. Война и обязательства в отношении короля. Обязательства в отношении вассалов. Правосудие, обычай, законы, привилегии. Независимость, покровительство. *(Франц.)*

Права владельцев. Выбивали монету, вели войну между собою, приносили присягу королям, обязанность нести службу по определенным дням. *(Франц.)*

Стр. 390. Крестовые походы. Людовик Святой. Папы. Филипп Красивый. Генеральные Штаты. Парламенты... Продажа должностей. *(Франц.)*

Стр. 397. Я чертовски боялся за своих солдат, как бы они не поступили подобно гарнизонным и не сложили оружие перед мятежниками. Но нет, они бьют их как следует и поступают с ними как с мятежниками. Это меня ободряет. *(Франц.)*

---

[1] Во французском тексте — непереводимая игра слов. Porter culotte значит в прямом смысле — носить штаны, а в переносном относится к женам, которые главенствуют в семье.

СОДЕРЖАНИЕ

	Текст	Примечания
Автобиографическая проза		
Дневники	7	343
Воспоминания	48	369
Державин	48	369
Карамзин	49	369
Воображаемый разговор с Александром I	51	370
Холера	52	371
Запись в альбоме Ушаковых	54	371
Первая программа записок	54	372
Вторая программа записок	55	375
Начало автобиографии	55	376
Записи в альбомы	60	378
Историческая проза		
Исторические записи	63	378
Из записной книжки 1820—1822 гг.	63	379
Отдельные записи	63	379
Запись о 18 брюмера	64	379
Table-talk	64	380
Разговоры Н. К. Загряжской	83	384
Богородицыны дочки	87	386
Исторические заметки	88	386
Note sur la révolution d'Ipsylanti	88	386
Note sur Penda-Déka	89	387
Заметки по русской истории XVIII в.	89	388
Замечания на Анналы Тацита	93	389
О французской революции	96	389
О Генеральных Штатах	98	390
Очерк истории Украины	98	391
Заметки по русской истории	101	391
Москва была освобождена	102	391
Заметки при чтении «Нестора» Шлёцера	103	392
О путешествии в Сибирь Шаппа д'Отроша	103	392
О дворянстве	104	392
История Пугачева		
История Пугачева	107	393
Замечания о бунте	249	399
Приложение. Записи устных рассказов, преданий, песен	255	399
Об «Истории Пугачевского бунта» (Разбор статьи, напечатанной в «Сыне отечества», в январе 1835 года)	263	400
Записки бригадира Моро де Бразе (касающиеся до Турецкого похода 1711 года)	279	401
Из ранних редакций	331 — 340	
Примечания	341 — 401	
Переводы иноязычных текстов	402 — 414	

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР

*

Текст проверен и примечания составлены
Проф. *Б. В. Томашевским*

*

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

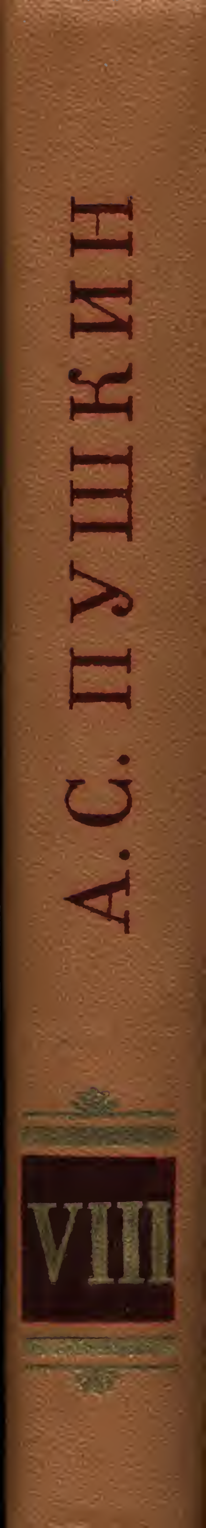
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДЕСЯТИ ТОМАХ
Том VIII

Редактор издательства *К. Н. Феноменов*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Н. А. Кругликова*
Корректоры: *О. И. Буркова, Э. Н. Лаппа*
и *Ф. Я. Петрова*

Сдано в набор 13/VI 1978 г. Подписано к печати 16/X 1978 г. Формат 84×108 1/32. Бумага № 1. Печ. л. 12 1/2+1 вкл. (1/16 печ. л.) = 21.21 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 23.24. Тираж 300 000. Изд. № 7013. Тип. зак. № 1065. *Цена 2 р. 70 к.*

Ленинградское отделение издательства «Наука», 199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1.

Киевская книжная фабрика Республиканского производственного объединения «Полиграфкнига» Госкомиздата УССР, ул. Воровского, 24.

А. С. ПУШКИН
VIII